

6
Г. Х А Р Т

З.В. 87 91(09)
X 22

МОРСКОЙ ПУТЬ В ИНДИЮ

РАССКАЗ
о плаваниях и подвигах
португальских мореходов,
а также
о жизни и времени
ДОНА ВАСКО ДА ГАМЫ,
адмирала,
вице-короля Индии
и графа Видигейры

✓
1931
+19
Ф 35

Перевод с английского
Н. В. ВАННИКОВА

Вступительная статья и редакция
И. П. МАГИДОВИЧА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1954

644121 г. Омск-1
ул. С. Стальской 17
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. П. Мерзлова

HENRY HART

SEA ROAD TO THE INDIES

An account of the voyages and exploits
of the Portuguese navigators, together with
the life and times of Dom Vasco Da Gama,
Capitão-Mór, Viceroy of India and Count
of Vidigueira

New York

1950

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
NEW YORK

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Свою книгу Харт назвал «Морской путь в Индию». Но задача его, как он сам раскрыл ее в подзаголовке, была шире: не только дать «рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов» — от первых экспедиций, организованных Генрихом Море-плавателем, до последней экспедиции Васко да Гамы, но также и описание «жизни и времени донна Васко да Гамы». Следует отдать справедливость Харту: с этой задачей он справился гораздо лучше, чем любой из его предшественников — историков географических открытий XIX—XX веков или литераторов.

Автор книги — американец, по специальности востоковед, уже на склоне лет взялся за историко-географические темы.

Харт не работал в португальских архивах, в которых, несомненно, хранится много еще не опубликованных документов, освещающих заокеанскую экспансию португальцев XV—XVI веков. Но он, повидимому, широко использовал значительную часть имеющейся обширной литературы на семи западноевропейских языках, опубликованной в течение пяти столетий — от «Хроники открытия и завоевания Гвинеи» Г. И. Азурары (современника Генриха Море-плавателя) до работ нашего времени.

В подавляющем большинстве случаев факты, сообщаемые автором, критически проверены (сравнительно редкие ошибки оговорены нами в примечаниях). В результате получилась — несмотря на небольшой объем книги — капитальная сводка всего того, что нам известно о жизни Васко да Гамы и о его трех экспедициях, особенно — о первой, которая сыграла важную роль не только в португальской, но и в мировой истории.

Менее полон фактический материал, собранный автором о португальских предшественниках Васко да Гамы. Правда, Харт достаточно подробно (и вполне правдиво) осветил деятельность таких замечательных предшественников Гамы, как Альвизе да Мосто (иначе Кадамосто — венецианец на португальской службе), Диогу Кан и Бартоломеу Диаш. Но он лишь бегло упоминает о других мореплавателях, которые положили начало португальской экспансии в южном направлении, исследовали и нанесли на сравнительно точные (для XV века) карты побережье Западной Африки от Гибралтарского пролива до экватора, отдельные

острова и целые архипелаги в субтропической и тропической зонах Атлантического океана.

Некоторые из этих островов были очень важными этапами на португальских морских путях последовательно — к тропической Западной Африке, к Экваториальной и Южной Африке, а в конце XV века и в XVI веке — к «Индиям». Кроме того, плавание от метрополии к островам северной субтропической Атлантики, к Мадейре и Азорским островам, освоенным уже португальцами, были для них «школой мореплавания», и именно эту школу прошли те кадры моряков, без которых ни один, даже самый талантливый из португальских мореходов (Бартоломеу Диаш) не мог бы добиться таких блестящих успехов.

Харт сознательно ограничил тему первого раздела своей книги рассказом только о португальских путешественниках (включая сюда Кадамосто) и только о тех из них, которые стремились к Индии морским путем, вокруг Африки¹.

Этим самоограничением объясняется то, что автор обошел ряд известных европейских путешественников — не португальцев (кроме Марко Поло), посещавших Индию задолго до Ковильяна, в XIII—XIV веках, и много лет живших в этой стране: итальянцев Джованни Монтекорвино, Одорико из Порденоне, Джованни Мариньолли и каталонского монаха Иордана. Ничего не говорит он о замечательных путешественниках в Индию XV века, в том числе об итальянце Никколо Конти и русском Афанасии Никитине, о котором Харт, конечно, знал, хотя бы по английскому переизданию книги «Хождения за три моря» в специальном сборнике известной серии общества Хаклюйта². Ничего не говорит автор также и о таком выдающемся путешественнике, современнике Васко да Гамы, как итальянец Лодовико Вартема.

Этим же самоограничением объясняется умолчание Харта о тех португальских мореплавателях — современниках Васко да Гамы, которые в самом начале XVI века стремились «открыть» Индию не тем путем, который проделал Гама, а западным морским путем — в обход с севера или с юга земель, только что открытых за Атлантическим океаном испанцами. Читатель не найдет в предлагаемой книге рассказов ни о братьях Кортириалах — Гашпаре и Мигеле, — пропавших без вести в поисках северо-западного пути, ни об искавшей в те же годы (1501—1502) юго-западный путь в Индию «анонимной» португальской экспедиции, участие в которой (действительное или мнимое) принесло такую незаслу-

¹ Единственное исключение, опять-таки вполне оправданное, представляет подробное описание скитаний по суше и морям Перу Ковильяна, который совершил путешествие в Индию в восточном направлении.

² «Индия в XV веке». Сборник рассказов о путешествиях в Индию до открытия мыса Доброй Надежды. Издание общества Хаклюйта, серия I, № 22, 1858.

женную и необычайную славу Америго Веспуччи («Новый Свет» назван его именем — Америка).

Итак, Харт очень последовательно проводит свою линию: он описывает, кроме самого Гамы и его спутников, только тех португальцев, которые либо были его прямыми предшественниками в поисках морского пути в Индию вокруг Африки, либо действовали в Индии в промежутках между тремя экспедициями Гамы.

* * *

Харт дает убедительные, исторически верные портреты португальских рыцарей первоначального накопления, их вдохновителя — принца Генриха Мореплывателя и королей Жуана II и Мануэла «Счастливого».

Автор правильно отмечает, что инициатором португальской торговли неграми-рабами был именно Генрих Мореплыватель. Для его характеристики Харт приводит почти полностью из «Хроники» Азуары потрясающий рассказ о распродаже им большой партии рабов — рассказ, который действительно «не нуждается ни в украшениях, ни в комментариях»¹. Правда, Харт при этом прибегает к некоторой словесной ретуше, не решаясь порвать с реакционной буржуазной исторической традицией — рисовать монашествующего принца как бескорыстного рыцаря без страха и упрека; он стремится оградить принца от справедливых упреков в лицемерии и бессердечии ссылкой на «истинный дух века». Но после ознакомления с сообщением Азуары (очевидца этих событий) о том, какое негодование вызвала распродажа рабов среди людей, которые «кормились трудами своих рук», эта ссылка выглядит явной натяжкой: ведь и эти простые люди были детьми своего века.

Ярко реалистически обрисован Васко да Гама, об исключительной жестокости которого автор говорит в различных местах своей книги. Харт оставляет Гаме только одну гуманную черту — нежную привязанность к его старшему больному брату Паулу. В этом отношении Харт не отходит от исторической правды. Но его можно упрекнуть в другом — в переоценке Гамы как мореплывателя.

Никак нельзя согласиться с автором, что плавание Васко да Гамы в 1498—1499 годах «было, по всей вероятности, величайшим подвигом в области морских путешествий, известных до того времени». Нельзя определять заслуги мореплывателя количеством пройденных им миль и длительностью путешествия. Как мореход, Гама, несомненно, уступает — из португальцев — Бартоломеу

¹ Буржуазные историки географических открытий обычно дают из этого известного рассказа Азуары только такие извлечения, которые не набрасывают тени на «благочестивого» принца Генриха, но отмечают его личное бескорыстие.

Диашу; как первооткрыватель — тому же Диашу и его предшественнику Диогу Кану, который прошел все ранее неизвестное европейцам и арабам побережье Западной Африки — от экватора до тропика Козерога — и попутно открыл и исследовал устье великой африканской реки Конго. Но, несколько увлекшийся своим героем, автор не только отодвигает на задний план этих выдающихся португальских мореплавателей — Кана и Диаша, но ставит Васко да Гаму выше даже Христофора Колумба.

Направляясь в Индию, Гама избрал в Атлантическом океане наиболее удачный путь, уклонившись далеко к западу, лишь потому, что воспользовался указаниями о ветрах и течениях своих предшественников, в том числе Бартоломеу Диаша. Что касается его пути уже в пределах Индийского океана, то там Гама двигался вдоль еще не известного ни европейцам, ни арабам восточного побережья Африки лишь на участке от бухты Алгоа до острова Мозамбик. Если при этой оценке в качестве критерия брать пройденную дистанцию, как это сделал Харт, то и в таком случае неизвестный ранее участок юго-восточного побережья Африки, открытый Гамой, не превышает участка западного побережья Африки, открытого Каном. Северный же отрезок восточного побережья Африки — от острова Мозамбик до Момбасы — Гама прошел с помощью (правда, недоброжелательной) арабских лоцманов. Наконец, в Малинди ему удалось получить в помощь самого опытного арабского кормчего и крупного ученого того времени — Ахмеда ибн Маджида¹, который и довел его корабли до Индии.

Напротив, Христофор Колумб, пересекавший Атлантический океан во время своей первой экспедиции в субтропической и тропической зонах северного полушария (на пути на запад) и в умеренно-теплой зоне (на обратном пути), не имел никаких предшественников и руководствовался — как вскоре выяснилось — лишь «умозрительными» указаниями и фантастическими картами. К тому же суда Колумба были гораздо хуже судов Гамы, а команды на них, наспех набранные, не могли идти в сравнение с командами на судах Гамы. Да и не могли тогда испанские моряки (даже лучшие из них — баски), знакомые, как правило, только с каботажным плаванием, иметь выдержку и опыт португальских моряков конца XV века.

* * *

Читатель, интересующийся эпохой великих географических открытий, не найдет в книге Харта удовлетворительного ответа на ряд важных вопросов.

¹ Только в XX веке европейские арабисты оценили этого замечательного ученого навигатора; особенную роль в его высокой оценке сыграл покойный академик И. Ю. Крачковский. См. его последнюю, посмертно опубликованную статью «Морская география в XV—XVI веках у арабов и турок», Географический сборник АН СССР, III, М.—Л., 1954.

Первый, наиболее важный вопрос: каковы были действительные исторические причины португальской морской и колониальной экспансии XV—XVI веков? Для советского читателя менее всего приемлемы те объяснения причин португальской экспансии, которые автор приводит в первой главе своей книги.

Конечно, то несомненное обстоятельство, что «португальский народ является народом чрезвычайно смешанного расового происхождения», никакого отношения не имеет к «стремлению к открытиям и вторжениям, к исследованию и заселению стран, где жители были сплошь темнокожими».

Нельзя также объяснять, как это делает автор, заокеанскую экспансию португальцев в XV веке географическим положением их страны, при том же подразумевая под этим лишь естественные условия: это положение создавало лишь возможности морских открытий и колониальных захватов португальцев.

Автор сам чувствует, что два выделенных им момента — смешанное происхождение португальцев и географическое положение их страны — явно недостаточны для объяснения причин и хода португальской заморской экспансии. Поэтому он бегло говорит о возникновении Португальского государства и перечисляет основные (общеизвестные) моменты, характерные для его дальнейшего развития и расширения: «укрепление королевской власти, подчинение ей феодальных сеньоров, войны с маврами, усиление католицизма...»

Однако ни один из перечисленных им моментов не объясняет, почему же именно Португалия первой из западноевропейских держав начала заокеанскую колониальную экспансию.

Особенности исторического развития Португалии, выделившие ее среди пиренейских государств того времени, состояли в следующем.

Португалия почти на два с половиной столетия раньше, чем соседняя Кастилия, завершила Реконкиту — освобождение страны от арабо-берберских завоевателей¹. В связи с этим королевская власть, опиравшаяся на городскую буржуазию главным образом приморских городов — Лиссабона и Порту (Опорто) — и мелкопоместных дворян (фидалгу), раньше, чем в других пиренейских государствах, подчинила себе местное духовенство и превратила его в орудие борьбы за абсолютизм. Опираясь на всех трех союзников, португальские короли раньше, чем испанские, сломали власть крупных феодалов.

В интересах своих собственных и в интересах своего союзника — буржуазии приморских городов — королевская власть уже в начале XIV века (Диниш I) энергично развивала кораблестроение

¹ Завершение Реконкиты: Португалией — в 1249 году (завоевание южной области Алгарви); Кастилией в союзе с Арагоном — в 1492 году (завоевание последнего испано-мавританского государства — Гранады).

и создала значительный военный флот. В XIV веке португальские торговые корабли посещали не только кастильские и французские порты, но через Ламанш доходили до нидерландских портов и поддерживали постоянную торговую связь с важнейшими портовыми городами южной Англии. А на юго-западе, в субтропической полосе Атлантики, португальские корабли посещали Канарские острова. В последней четверти XIV века Португалия окончательно отстояла свою независимость от Кастилии (в 1385 году, после победоносной для португальцев битвы при Алжубарроте), а в XV веке даже вмешивалась в междоусобные войны в самой Кастилии.

В результате в начале XV века на крайнем юго-западе Европы, у Атлантического океана, сложилась в лице Португалии сильная морская держава, в которой все господствующие группы населения были заинтересованы в дальнейшей морской экспансии.

Эта экспансия ничего не сулила в восточном направлении, на Средиземном море, где очень сильны были каталонцы, генуэзцы и венецианцы, перехватившие всю торговлю Индии (шедшую в основном через Египет) с Европой. На северо-западе Европы — на Северном и Балтийском морях — господствовал мощный Ганзейский союз, который к этому времени достиг наивысшего расцвета. На западе простирался неразведанный Атлантический океан, непосредственно за которым, как тогда думали, лежали богатые азиатские страны. Португальцы, по крайней мере в первой четверти XV века, предпринимали поиски и в этом направлении, что привело лишь к вторичному открытию небольших необитаемых Азорских островов и к их медленной колонизации (начиная с 1445 года). Широкие перспективы открывало для португальцев только одно — единственно оставшееся — южное направление вдоль побережья Африканского материка ¹.

* * *

Начиная с третьей главы автор достаточно подробно освещает большую часть этапов, пройденных португальцами в поисках сквозного морского пути в Индию. Однако в его рассказе есть и некоторые существенные пробелы.

Автор совершенно не упоминает о важном морском событии, происшедшем за тот почти двадцатилетний начальный период деятельности принца Генриха (между 1415 годом — захват пор-

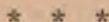
¹ Интенсивной морской экспансии в этом направлении предшествовала попытка завоевать Северо-Западную Африку (теперешнее Марокко). Уже в 1415 году португальцы завоевали Сеуту. Но и этот захват оказался для португальцев мало перспективным и в дальнейшем только через несколько десятков лет (в 1471 году, при короле Афонсу V «Африканском») привел к временному завоеванию здесь небольшой области — «Заморской Алгарви».

тугальцами Сеуты — и 1434 годом — второе, успешное плавание Жила Эанниша), который историки географических открытий обычно называют «безрезультатным». А именно, в 1419 году два португальских дворянина, отправившиеся с небольшой командой к северо-западному берегу Африки, были отброшены бурей на запад и случайно пристали к лесистому необитаемому островку (Порту-Санту). Там они нашли драконово дерево, древесина и смола которого высоко ценились. Находка эта заинтересовала принца Генриха, знавшего, что приблизительно в этом районе итальянские моряки в середине XIV века открыли значительный лесистый, также необитаемый остров, названный ими Леньяме («Лес»). Принц Генрих отправил к новооткрытому островку экспедицию, в которую включил обоих «фидалгу». Экспедиция действительно нашла (в 1420 году) Леньяме, и принц назвал этот остров Мадейра («Лес») ¹. Мадейра вскоре стала важным этапом на португальском южном морском пути к Гвинее, а с XVI века и на юго-западном — к Бразилии.

Говоря о шестидесятих годах XV века (после смерти принца Генриха), автор лишь случайно упоминает о Перу Синтре — в связи с рассказом его анонимного спутника, записанным Кадамо-сто. Между тем с экспедицией Перу Синтры (около 1462 года) связаны очень важные открытия к юго-востоку от островов Бисагуш, в преддверии к так называемой Верхней Гвинее (северная береговая полоса Гвинейского залива). Последовательно, с северо-запада на юго-восток, экспедиция Синтры открыла «Область Южных рек» (приморская полоса нынешней Французской Гвинеи), Сьерра-Леоне и «Перечный берег» (приморская полоса нынешней Либерии).

Совершенно опущены автором сведения о португальских открытиях (как обычно полагают, около 1484 года) островов в Гвинейском заливе — Фернацдо-По, Сан-Томе, Принсипе, Аннобон и др. Повидимому, Харт относит эти открытия к числу хоть и интересных, но «чисто местных событий в Западной Африке», изложение которых не входит, по его заявлению, в задачу книги. В действительности же открытие некоторых из этих островов (особенно Фернацдо-По с горной вершиной до 2850 метров), которые не могли быть незамеченными с кораблей экспедиции Фернана Гомиша при ее продвижении вдоль Гвинейского берега к экватору (1475), само по себе было значительным историко-географическим событием. А для кораблей экспедиции Диогу Кана и Бартоломеу Диаша по крайней мере один из этих островов служил этапом на пути к Южной Африке.

¹ Итальянское *legname*, как и португальское *madeira*, в более точном переводе на русский язык означает не площадь, заросшую деревьями, а лесоматериал.



Нуждаются в специальных разъяснениях те страницы книги Харта, где он говорит о типах португальских кораблей XV века, особенно о споре между королем Жуаном II и главным кормчим экспедиции Бартоломеу Диаша — Перу д'Аленкером относительно пригодности так называемых «круглых кораблей» (*navios redondos*) при дальних плаваниях. Автор приводит эту живописную сцену только для характеристики главных действующих лиц и «атмосферы секретности» в делах, касающихся африканской торговли. При этом он дает в короткой сноске мало говорящее для не-специалиста разъяснение различия обоих типов кораблей, которое, конечно, нельзя свести только к различию в форме парусов (треугольных или квадратных). Между тем очень большой интерес представляет вопрос о том, на каких судах португальцы искали морской путь в Индию. Хорошо известно, что сначала, в XIV веке и первой половине XV века, португальцы выступали в роли послушных учеников иностранных кораблестроителей (как и иностранных мореходов), главным образом — выходцев с острова Мальорки, то есть каталонских — средиземноморской выучки — корабельных мастеров; во второй же половине XV века они стали учителями кораблестроительного дела (как и мореходства) для западноевропейских народов и удерживали эту позицию до последней четверти XVI века.

Португальцы XV века (как и испанцы) могли называть каравеллой любой парусный корабль в отличие от большого гребного судна, которое они называли, как и их средиземноморские учителя, галерой¹. Но когда речь шла о специальном типе корабля, особенно со второй половины XV и в XVI веке, тогда под каравеллой португальцы понимали не любое большое парусное судно, а трехмачтовый корабль особой конструкции, со сравнительно острыми обводами корпуса и с так называемым косым парусным вооружением: треугольные (или с треугольной верхней частью) паруса в покойном состоянии или тогда, когда ветер дул прямо с кормы, располагались параллельно килю судна; при перемене ветра, в зависимости от его направления, гафель закидывался к правому или левому борту.

Португальские каравеллы второй половины XV века отличались высокими мореходными качествами: они были легки, быстроходны (при попутном ветре до 12 узлов, то есть до 22 километров в час), свободно маневрировали, при неблагоприятном ветре «отлично лавировали, поворачиваясь к ветру то одним, то другим бортом, как будто у них были весла». Они казались незаменимыми «для открытий», то есть при плавании у неразведанных или совершенно неизвестных берегов. Но каравеллы такого типа не

¹ Галера, как правило, имела и вспомогательное парусное вооружение.

отличались большой остойчивостью, и плавание на них было далеко не безопасно. В частности, при лавировании на каравеллах требовалась очень большая бдительность со стороны кормчего и быстрота движений со стороны матросов, особенно при сильных и внезапных порывах ветра. Поэтому португальцы к последней четверти XV века, когда они совершали все более дальние плавания в открытом океане, постепенно начали переходить к другому типу судов, более надежных, хотя и не таких быстроходных, как каравеллы, — к «круглым кораблям».

Как видно из названия, португальцы XV века отличали «круглые корабли» от каравелл описанного выше типа прежде всего из-за их своеобразной конструкции — из-за округленных обводов корпуса. Основное парусное вооружение на них было прямое: четырехугольные (вовсе не обязательно квадратные и даже не обязательно прямоугольные) паруса в покойном состоянии или при ветре, дующем прямо с кормы, располагались перпендикулярно к килю судна. Для крепления их служили реи, которые в случае необходимости — при перемене ветра — могли поворачиваться около мачты вместе с парусом. Плавание на таких кораблях в открытом океане было более безопасно, лавировали они лучше, и при длительном лавировании команда не так изнурялась, как на каравеллах. Но в отношении других качеств, предъявляемых к парусным судам, они уступали каравеллам, по крайней мере в конце восьмидесятых годов XV века, когда снаряжалась экспедиция Бартоломеу Диаша.

Эта справка из истории корабля дает возможность понять суть разговора между королем Жуаном II и главным кормчим экспедиции Диаша — Перу д'Аленкером. Король, очевидно, представлял себе весь путь к Индии как сплошное береговое плавание: вдоль побережья Западной, Южной и Восточной Африки, затем вдоль персидских берегов. При таком плавании каравеллы, как выше указывалось, казались незаменимыми. А опытный кормчий готовился к длительному плаванию вдаль от берегов, в открытом океане — сначала в Атлантическом, а затем и в Индийском, если это удастся. А для таких далеких плаваний пригоднее и безопаснее были именно «круглые корабли». Так и случилось: и Бартоломеу Диаш и еще в большей мере Васко да Гама, а позднее Кабрал в Атлантическом океане отклонялись на сотни, а иногда и тысячи километров на запад от Африканского материка, чтобы с меньшими усилиями обогнуть с юга Африку. Этот отход на запад от побережья Гвинеи, вызванный навигационными соображениями, привел к открытию Бразилии Кабралом (апрель 1500 г.)¹.

Одно качество каравелл, с которыми были связаны специальные «секретные» торговые интересы Португалии в Гвинее,

¹ Португальцы достигли Бразилии хотя и позже, но независимо от испанцев (Васко Пинсон достиг ее в январе 1500 г.).

особенно, повидимому, привлекало короля Жуана II: это — их быстроходность по сравнению с «круглыми кораблями». Дело в том, что на путях в Гвинею появились пираты других западноевропейских стран, число их множилось, действовали они на быстроходных каравеллах португальской конструкции, и чаще всего их добычей становились тяжело нагруженные гвинейскими неграми, сравнительно тихоходные «круглые корабли» португальских работорговцев.

Торговые пути в Гвинею, условия плавания и доходы португальской королевской казны от работорговли были, разумеется, величайшим секретом португальской короны. Естественно, что Жуан II не хотел высказываться по этому поводу в присутствии своих царедворцев, среди которых, несомненно, были шпионы соперничающих держав и прежде всего, конечно, Кастилии и Венеции.

* * *

На морских путях к Гвинее, а позднее и к «Индиям» у Португалии с Кастилией были старые счеты, которых Харт почти не касается.

Сначала (с последней четверти XIII века) спор шел только о Канарских островах, но этот спор затянулся на два столетия, до последней четверти XV века.

Канарские острова, представляющие собой очень важный этап на пути к тропической и южной Африке, как и на трансатлантических путях, были открыты около 1270 года (вторично — после древних мореходов) генуэзским мореплавателем Ланчелотом Малочелло¹. Однако и португальцы уже в конце XIII века, несомненно, посещали Канарские острова, а в XIV и XV веках не раз пытались отнять их у кастильцев, впервые заявивших претензию на них в 1344 году. Окончательно португальцы отказались от своих притязаний на Канарские острова в пользу Кастилии в 1479 году — в обмен на признание Кастилией португальских «прав» на африканские земли к югу и востоку от мыса Бохадор и на отказ Кастилии от торговли на путях в Гвинею и «на островах и землях Гвинеи, как уже открытых, так и тех, которые будут открыты» (соглашение в Алькасовасе).

Португалия стремилась тогда закрепить свои дипломатические позиции в борьбе за южные морские пути в Гвинею, а затем — в Индию с помощью главы католической церкви, римского папы, в основном — против Кастилии.

От начала деятельности принца Генриха Мореплавателя (1415) до так называемого «первого раздела мира» между Порту-

¹ Его именем был назван один из островов Канарского архипелага. Кастильцы, позднее захватившие архипелаг, изменили название этого острова на Лансароте (Lanzarote).

галией и Кастилией (1493) известно, по крайней мере, пять булл четырех римских пап (Мартина V, Николая V, Каликста III и Сикста IV), в которых так или иначе подтверждались монопольные «права» Португалии на африканские страны и острова. Из пяти булл три были изданы в середине XV века (1452—1456 годы), когда на путях в Гвинею особенно обострилась португалокастильская борьба (после того, как португальцы захватили несколько кораблей андалузских работорговцев). Этот этап борьбы завершился буллой папы Каликста III от 13 марта 1456 года, в которой он пожаловал португальским королям «острова, селения, гавани, земли, местности, как уже приобретенные, так и те, которые будут приобретены, от мысов Бохадор и Нан вплоть до всей Гвинеи и далее вдоль южного берега вплоть до индийцев («usque ad Indos»)¹.

Позднее это папское пожалование легло в основу португалокастильского соглашения 1479 года в Алькасовасе. Соглашение это было выгодно прежде всего Португалии, ставшей уже сильной на море. Но правительство Изабеллы считало достижением уже то, что Кастилии, слабой тогда морской державе, удалось закрепить за собой Канарские острова, лежащие в «преддверии» к Гвинее. Через два года португалокастильское соглашение было подтверждено буллой папы Сикста IV от 21 июня 1481 года.

Последней буллой Кастилии запрещалось посылать корабли для торговли или иных целей на юг от закрепленных за нею Канарских островов².

Другой морской путь в Индию — на запад от Канарских островов — и тогда уже рассматривался как теоретически возможный: об этом свидетельствует переписка приближенного Жуана II с итальянским ученым Тосканелли. Но практически проект западного пути в Индию казался неосуществимым.

Экспедиции Диогу Кана доказали, что морской путь в Индию вокруг Африки, если он и возможен, очень долог; экспедиция

¹ Следует, впрочем, отметить, что на латинском языке того времени, да и у некоторых древних писателей, слово *Indus* обозначало не только жителей Индии, но и Эфиопии.

² Позднейшие историки географических открытий (с XIX века) часто толковали это запрещение как разграничение, выражаясь современным языком, «сферы интересов» Кастилии и Португалии в Атлантическом океане по параллели Канарских островов (точнее — по параллели самой южной точки Канарских островов, поскольку они оставались за Кастилией). Поэтому говорят о «демаркационной линии» 1481 года и наносят ее на карты исторических атласов. Однако это — явное недоразумение: ни одна из заинтересованных сторон в XV—XVI веках (да и сами историки XIX—XX веков) не рассматривали эту линию как умаление в пользу Кастилии прав Португалии на архипелаги, лежащие в Атлантическом океане к северу от этой линии — на Мадейру и Азорские острова, — или на пункты, захваченные Португалией на марокканском атлантическом побережье. И Португалия и Кастилия рассматривали эту буллу как одностороннее запрещение кастильцам проникать под каким-либо предлогом южнее Канарских островов, по направлению «к Гвинее и индийцам».

Бартоломеу Диаша доказала, что такой путь, хотя и длительный, возможен. Возникает вопрос: почему же Жуан II, пославший Диаша на поиски прямого морского пути в Индию через год после возвращения Кана, выжидал девять лет после возвращения Диаша, пока не послал Васко да Гаму по открытому уже пути.

В рассказах современников, в исторических сочинениях XVI века, в позднейших публикациях архивных документов встречаются очень противоречивые ответы на этот вопрос. Остаются только предположения, а из них самое вероятное следующее: рассчитливых советников (в последние годы царствования Жуана II и в первые годы правления его преемника Мануэла «Счастливого»), как об этом свидетельствует Дамиан Гоиш, останавливала именно продолжительность и, следовательно, невыгодность торгового морского пути в Индию вокруг Африки — или недостаточная его выгодность при сравнительно высоких расходах и большом риске. Монопольная торговля с Гвинеей — добыча золота в Сан-Жоржи-да-Мина, скупка слоновой кости и, главным образом, работорговля — была более надежным источником дохода для королевской казны.

Жуан II вышел из состояния бездействия только через пять лет, в 1493 году, после возвращения Христофора Колумба из только что открытой им, как он говорил, «Западной Индии». Как известно, отогнанный бурей одинокий корабль Колумба («Нинья») случайно оказался близ устья Тежу, вошел в реку, остановился у Лиссабона, и 9 марта 1493 года Жуан II дал первую аудиенцию ранее отвергнутому им генуэзскому мореплавателю. Внешне король принял очень любезно торжествующего кастильского «адмирала моря-океана»¹. Но все же Жуан II не удержался от замечания, что «по договору, заключенному им с королем Кастилии, земли, открытые адмиралом, должны относиться к его владениям». На это Колумб дипломатически ответил, что «он не видел этого договора и знает только, что короли [Фердинанд и Изабелла. — И. М.] повелевали ему не заходить ни в Мину, ни в иное место в Гвинее...»

Еще любезнее вел себя король при приемах «адмирала моря-океана» в следующие два дня. Возможно, что он еще сомневался в правдивости генуэзца, которому и раньше не доверял. Но португальские шпионы уже имели возможность беседовать со многими людьми из команды «Ниньи», видели предметы, привезенные с новооткрытых островов, видели на корабле и «индийцев». Несомненно, Колумб достиг какой-то земли на западе Атлантического океана.

¹ «Король, казалось, был очень доволен тем, что путешествие адмирала так хорошо окончилось» (запись в «Дневнике первого путешествия Колумба» от 9 марта 1493 года).

Немедленно после отъезда Колумба Жуан II приступил к подготовке дипломатической схватки с Кастилией. Но политическая обстановка на Пиренейском полуострове и в Риме к тому времени резко изменилась — к явной невыгоде для Португалии.

Жуану II теперь пришлось вести переговоры не с одной только Кастилией, как это было в 1479 году, а фактически с объединенной Испанией, которая за год до этого успешно закончила Реконкисту, завоевав Гранаду (1492). А «святой престол» в Риме занимал под именем Александра VI испанский дворянин Родриго Борха (по итальянски — Борджа), который — опять-таки за год до возобновления португало-кастильского спора — благодаря активной поддержке «католических королей» Испании из епископа провинциального испанского города Картахены стал римским папой. Признательность вовсе не была характерной чертой этого папы, способного совершать и совершавшего самые отвратительные преступления. Но Александр VI в 1493 году еще нуждался в поддержке испанской королевской четы, особенно Фердинанда, короля Арагона, в то время самой мощной средиземноморской христианской державы.

Учитывая сложившееся положение, испанские короли теперь первые обратились к римскому папе, который в 1493 году подписал четыре буллы, и все в пользу Кастилии.

Среди этих булл наиболее интересна в историко-географическом отношении так называемая «вторая *Inter caetera*», подписанная Александром VI в июне 1493 года, но датированная по «дипломатическим» соображениям задним числом, 4 мая 1493 года. Именно в этой булле «Александр, епископ, раб рабов божиих», обращаясь к испанским государям, впервые определил португало-кастильскую демаркационную линию в Атлантическом океане.

«...По собственной воле, а не по вашей просьбе и не по просьбе лиц, действующих от вашего имени¹, даруем в вечное владение... вам и вашим потомкам все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены... к западу и к югу от линии, проведенной и установленной от арктического полюса, то есть севера, до антарктического полюса, то есть юга... по направлению к Индии или по направлению к иной какой-либо стороне; названная линия должна отстоять на расстоянии ста лиг к западу и к югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зеленого мыса...»

«...И любым особам, какого бы они ни были звания, пусть даже императорского и королевского... мы строжайшим образом запре-

¹ Обращает на себя внимание эта заведомо лживая оговорка, которая, разумеется, не могла ввести в заблуждение Жуана II, хорошо осведомленного своими шпионами.

щаем, под страхом отлучения... ходить для приобретения товаров или по иной причине без специального на то разрешения, данного вами или вашими наследниками и потомками, к островам и материкам... к западу и к югу от линии, проведенной и установленной от арктического до антарктического полюсов...»

Не только с нашей, но и с тогдашней географической точки зрения определение папской демаркационной линии в одном отношении поражает своей нелепостью. Что, в самом деле, могло означать выражение, дважды повторенное (следовательно, это не была случайная описка): «к югу от линии, проведенной и установленной от арктического до антарктического полюса» (то есть к югу от меридиана)? Но как ни бессмысленно было указанное выражение, цели, которые преследовали составители буллы, совершенно ясны. Формально испанские короли одержали — в папской канцелярии — двойную бескровную победу над португальским королем.

Во-первых, они даровали себе в вечное владение все земли, которые уже были открыты или могли быть открытыми — при наименее благоприятном для них толковании — далее чем за сто лиг к западу от наиболее выдвинутого в эту сторону острова Азорского архипелага или архипелага Зеленого мыса¹.

Во-вторых, испанские короли даровали себе этой буллой монополию торговых и иных операций к западу или к югу от указанных пунктов — не только по направлению к Индии, но и «к иной какой-либо стороне». Следовательно, они претендовали и на гвинейскую работорговлю — важнейший торговый источник доходов португальской короны.

Но Португалия была тогда слишком сильна на Атлантическом океане, чтобы считаться с «чернильной» победой испанских королей. В результате разгоревшегося спора, во время которого португальская сторона сносила с кастильской непосредственно, минуя Рим, между «высокими договаривающимися сторонами» был — через год — 7 июня 1494 года заключен Тордесильяский договор. И Португалия и Кастилия пошли на уступки, каждая — в том направлении, в котором была менее заинтересована.

Договорились, что должна быть «проведена прямая линия от полюса до полюса, то есть от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в 370 лигах к западу от островов Зеленого мыса... и чтобы все, что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материи, к востоку от этой линии, на севере и на юге, принадлежало названному сеньору — королю Португалии и его пре-

¹ Относительно последнего испанские эксперты могли и не знать, что он расположен на 5 градусов восточнее Азорского архипелага. Португальцы же в девяностых годах XV века, по всей вероятности, это знали, так как уже десятки лет постоянно плавали к Азорским островам и островам Зеленого мыса.

емникам на веки вечные и чтобы все острова и материка, как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, принадлежали означенным сеньорам — королю и королеве и их преемникам на веки вечные».

Ни Африка в целом, ни какая-либо часть Африканского материка, ни «Индии» в Тордесильяском договоре не упоминались. Тем не менее обе стороны в дальнейшем толковали его следующим образом.

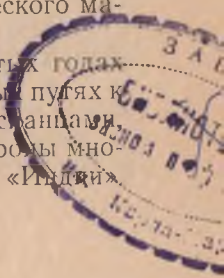
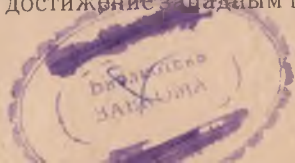
Кастилия (на этот раз уже вместе с Арагоном) в 1494 году отказалась от всяких претензий на португальскую монополию открытий и захватов в приатлантической Африке; но Португалия, со своей стороны, никогда не возражала против испанских захватов средиземноморских африканских областей. Кастилия санкционировала португальское право дальнейших открытий и захватов в Индийском океане. Наконец, Кастилия согласилась на перенос намеченной папой демаркационной линии (от полюса до полюса) в Атлантическом океане на 270 лиг далее к западу, считая от самого западного из островов Зеленого мыса.

С точки зрения географов и политиков того времени установление такой демаркационной линии было большим дипломатическим успехом для Португалии: никто тогда, в 1494 году, не мог оценить действительного значения открытия Колумба для испанцев; португальцы же закрепили за собой, во-первых, «право» захватов уже известных им африканских стран и, во-вторых, реальные торговые пути вдоль западных берегов Африки и недавно открытый (экспедицией Бартоломеу Диаша) морской путь в Индию и другие страны Индийского океана.

При этом передвижении демаркационной линии португальцы, по видимому, преследовали цель — на основании опыта экспедиции Бартоломеу Диаша — обеспечить наиболее удобный путь к мысу Доброй Надежды, вдали от западно-африканских берегов. Но они, несомненно, надеялись также и на открытие здесь новых островов, которые могли быть использованы как этапы на атлантических путях к мысу Доброй Надежды. Но, разумеется, никто тогда не мог предполагать, что первый же «остров», открытый через шесть лет португальцами именно в этой океанской полосе, так легко уступленной им кастильцами, — Вера-Круш, переименованный в Санта-Круш, а затем в Бразил (Бразилия), окажется частью тогда еще неведомого южного заатлантического материка.

Вряд ли кто-либо из португальцев верил в девяностых годах XV века и тем более в начале XVI века, что на восточных путях к «Индиям» они, португальцы, когда-нибудь встретятся с испанцами, пришедшими туда западным путем. С испанской же стороны многие в 1494 году надеялись на достижение западным путем «Индий».

Г. Харт
ул. ...
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. И. Морозова



и в первую очередь — сам Колумб и его покровители. Вместе с тем они, повидимому, рассчитывали на то, что португальцы или совсем туда не доберутся восточным путем, или запоздают и придут, когда испанцы там уже закрепятся.

Обе стороны ошибались: западным путем испанцы достигли одной из «Индий» — островов Юго-Восточной Азии — через несколько лет после португальцев, которые пришли туда восточным путем. Встретились они впервые на «Пряных» (Молуккских) островах в 1522 году, когда отставший корабль магеллановой экспедиции «Три니다д» попал в руки начальника португальского отряда на Молукках Антониу Бриту.

Бриту захватил на корабле остаток его команды, всего 21 человека, и одного португальца с Молукк, которого немедленно казнил. Об испанских кормчих и писце корабля он писал своему королю (Жуану III), что «для службы его высочеству» было бы гораздо полезнее отрубить им головы, а не отсылать их. «Я задержал их на Молукках, так как страна здесь нездоровая, и сделал это намеренно, чтобы они здесь поумирали: я не дерзаю казнить их здесь, так как не знаю, как вы отнесетесь к такому поступку». И Бриту доносил дальше королю, что писал португальскому начальнику в Малакке (куда он отослал 17 моряков с «Три니다да»), чтобы тот «задержал их в Малакке, где климат также очень нездоровый».

Король, повидимому, также не решился дать приказ обезглавить подданных усиливающейся испанской державы, попавших в руки его индийских агентов, и предпочел сгноить их в тюрьмах портовых городов. Выжили и вернулись в Испанию только четверо, в том числе командир «Три니다да» Гонсало Гомес Эспиноса. Так печально для испанцев закончилась их первая встреча в «Индиях» с португальцами.

После достижения испанцами Молуккских островов снова разгорелся испано-португальский спор, теперь уже в другой плоскости: о судьбе Молукк. Сначала обе стороны пытались разрешить этот спор юридическим путем, толкуя (каждая в свою пользу) Тордесильяский договор. Но юристы одни здесь были бессильны, так как демаркационная линия 1494 года проведена была от полюса к полюсу только в Атлантическом океане и не дело юристов было решать, как следует ее провести в Тихом океане, «у антиподов». Тогда в 1524 году создана была на паритетных началах хунта (комиссия) из 18 человек — юристов, ученых космографов и опытных кормчих. Хунта попеременно заседала в двух пограничных городах — португальском Элваше и испанском Бадахосе — в течение 50 дней (так называемый Бадахосский конгресс 1524), но не пришла ни к какому согласованному решению.

Тогда испанцы решили силой захватить Молукки. Из посланных в 1525 году из Коруньи (Испания) через Магелланов пролив

семи кораблей экспедиции под командой Гарсиа Лоайсы (умер в пути) только один корабль достиг в конце 1526 года Молукк. Уцелевшие моряки укрепились на острове Тидоре и удержались там до неожиданного прихода — со стороны Мексики (в 1528 году) — одинокого испанского корабля Альваро Сааведры, потерявшего в пути два других корабля своей экспедиции.

Несколько десятков человек из обеих команд около 1529 года попали в португальские тюрьмы в Индии. Из них только 8 человек через 6 лет вернулись в Европу.

22 апреля 1529 года был заключен последний связанный с «Индиями» испано-португальский договор в Сарагосе. Испанский король Карл I, постоянно нуждавшийся в деньгах для ведения войн в Европе, продал Португалии свои «права» на Молукки за 350 тысяч дукатов. Юридически это было оформлено так, что король согласился провести испано-португальскую демаркационную линию в Тихом океане на 17 градусов восточнее Молукк. Это не помешало, однако, испанцам при его преемнике (Филиппе II) захватить и удержать Филиппины, которые бесспорно находились к западу (то есть на португальской стороне) от тихоокеанской демаркационной линии.

* * *

В книге Г. Харта читатель найдет ряд страниц, иллюстрирующих те гнусные приемы, с помощью которых португальцы «осваивали» приморские области западной Африки, превращали и превратили ее в «заповедное поле охоты на чернокожих».

Организуя экспедиции на средства ордена Христа, на собственные или смешанные средства, португальские работорговцы все чаще совершали набеги на западноафриканские берега.

Сначала они действовали «кустарными» методами: заманивали на свои суда или захватывали на море сравнительно небольшие группы незащитных рыбаков — мужчин, женщин и детей.

Затем португальские работорговцы начали применять «более усовершенствованные» методы охоты за неграми. Они высаживали, обычно в устьях рек, значительные отряды, которые совершали набеги не только на маленькие прибрежные рыбацьи поселки, но и на большие селения приморской полосы, грабили их, насиловали женщин, сжигали жилища. Захватывая сотни людей, они отбирали на месте самых крепких или самых с их точки зрения красивых, остальных же — главным образом стариков и детей — безжалостно убивали или оставляли в сожженных селениях без кормильцев, на произвол судьбы. Отобранных людей они забивали в колодки, грузили на суда, заполняя неграми каждый метр «свободной» площади, и перевозили в Португалию — в такой тесноте, в какой никогда не решились бы, боясь убытков, перевозить скот.

Смертность среди несчастных пленников при длительных переходах от Западной Африки к берегам Португалии была ужасающая. Но продажа уцелевших рабов все же приносила предпринимателям, ордену Христа и королевской казне огромные прибыли.

После нескольких таких набегов прибрежные жители, завидя на море португальские суда, бросали свои жилища, забирали жалкое имущество и старались уйти подальше от берега, в полосу саванн, или укрыться в лесных зарослях. Высаженные на берег отряды охотников за людьми находили безлюдные селения.

Вскоре португальские работорговцы изобрели новый способ «распространения европейской культуры и приобщения язычников к христианской церкви»: они стали скупать, главным образом на Канарских островах¹, огромных собак, которых приучили к охоте за людьми. Тогда негры стали массами уходить из приморской полосы в глубинные районы. Участники разбойничьих набегов вербовались главным образом из наемных солдат или уголовных преступников, специально для этой цели выпущенных из тюрем; из них составлялись отряды, причем и сами их начальники справедливо не доверяли работорговцам и капитанам их кораблей. Они не сомневались, что эти господа не остановятся перед тем, чтобы без зазрения совести покинуть на чужом и враждебном берегу своих людей, если их придется слишком долго ожидать на море и терпеть из-за этого убытки. Да и доход от таких набегов был невелик, так как при возвращении из далеких глубинных пунктов через совершенно опустошенные районы к морю смертность среди пленников была гораздо больше, чем даже при морских переходах.

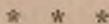
Поэтому работорговцы предпочитали переходить от обезлюдивших, уже «освоенных» португальцами берегов к новым, еще не разведанным. Этим определяется весь **ход открытия** португальцами западного побережья Африки, от полулегендарного мыса «Нан», расположенного на параллели южных Канарских островов, до мыса Сент-Катерин (2° южной широты), расположенного на западном выступе так называемой Нижней Гвинеи, то есть от пустынного субтропического побережья Западной Сахары до экваториальной лесной полосы в районе нижнего Конго.

Этим объясняются также и **темпы продвижения** португальцев вдоль западного побережья Африки, сначала медленные, затем все ускоряющиеся по мере развития португальской работорговли: 30 лет на продвижение от мыса «Нан» до Зеленого мыса; 14 лет на участок между Зеленым мысом и Золотым Берегом; 5 лет на участок от Золотого Берега до мыса Сент-Катерин.

¹ Insulae Canariae (латин.) — «Собачий острова». Так переименованы были после вторичного их открытия, захвата и европейской колонизации полулегендарные insulae Fortunatae («Счастливые острова») древних римлян.

Южнее этого мыса начинались уже владения государства Конго, где привычные для португальцев приемы охоты за людьми были невозможны, где организации работорговли должна была предшествовать специальная «дипломатическая» подготовка. Частью для этой цели, частью на разведку африканского атлантического побережья к югу от экватора и посылались, но уже в восьмидесятых годах XV века, экспедиции Диогу Кана.

Однако в тропической полосе Северного полушария, на берегах «Верхней» Гвинеи португальцы вынуждены были из-за обезлюдения береговой полосы перейти от прямой охоты за рабами к покупке рабов. Они использовали частые племенные войны, а в период затишья провоцировали и разжигали их, снабжали оружием и поддерживали всякими иными средствами одних племенных вождей (местных «царьков») против других, получая в награду за свои услуги — или за ничтожную плату натурой — тысячи пленников.



Стремясь поддерживать монополию торговли с Южной Азией, португальцы вовсе не собирались отказаться от тех средств, к которым прибегали в XV веке в приатлантической Африке.

К Индийскому океану прилегало несколько крупных и множество мелких феодальных государств, но чаще всего договариваться можно было не с их государями, а с фактически независимыми правителями портовых городов, вечно враждовавшими друг с другом. Эти правители, по многовековой традиции, имели дело с мусульманскими торговыми мореходами, но легко отказывались от такой традиции, если христиане предлагали им более выгодные условия (даже и в том случае, когда сами были мусульманами).

Когда правитель запрашивал слишком высокую цену за ограничение или за полное изгнание из своего порта «арабских» (то есть мусульманских) торговцев, то португальцы для острастки бомбардировали город, а затем переходили в ближайший портовый город, правитель которого, как правило, ненавидел своего соседа, как самого близкого и именно поэтому особенно опасного конкурента. Для соглашения с такими правителями менее всего требовались дипломатические таланты, и не по этому признаку подбирал король Мануэл начальников своих индийских эскадр, а затем вице-король Португальской Индии.

Кроме правителей портовых городов были еще бесчисленные «местные» мореходы. Чтобы установить свое господство в Индийском океане, португальцам нужно было устранить их, как конкурентов или поставить их под контроль, а для этой цели самые жестокие средства казались наилучшими. Высшим качеством для своих «главных капитанов» в Индийском океане король Мануэл

считал холодную жестокость; по такому признаку он их подбирал, и они полностью оправдали его выбор.

Васко да Гама, Кабрал, Алмейда, Албукерки, когда захватывали суда своих торговых соперников, вешали, убивали, топили, сжигали живыми их капитанов, матросов, часто и всех без исключения пассажиров, включая женщин и детей. Они организовывали массовую резню для устрашения прибрежных жителей и при взятии тех городов, которые осмеливались оказывать им сопротивление; они применяли и другие, еще более омерзительные способы расправы над беззащитными, ни в чем не повинными людьми, и даже глумились над трупами убитых по их приказу людей.

Буржуазные историки склонны все пороки колониальной системы связывать с индивидуальной жестокостью того или иного колонизатора. Нередко и у Харта проскальзывает такая черта, когда он рассказывает в нескольких местах своей книги о чудовищных зверствах Васко да Гамы или Афонсу д'Албукерки.

Но такие зверства — не случайное проявление жестокого характера колонизатора. Они входили и входят до настоящего времени в капиталистическом мире в систему захвата и закабаления чужой страны.

Португальские колонизаторы эпохи великих открытий положили начало современной колониальной системе. Они были учителями последующих колонизаторов, и те оказались очень «способными» учениками; они превзошли своих учителей и в вероломстве, и в цинизме, и в холодной жестокости, и в масштабах торговли людьми, и в массовом, а часто даже в поголовном истреблении коренного населения завоеванных стран. Испанцы, например, целиком истребили жителей Антильских островов, голландцы — почти целиком истребили бушменов и готтентотов Южной Африки, англичане уничтожили всех тасманийцев и свели до нескольких тысяч коренное население Австралии. Английские колонисты и их потомки — североамериканцы — истребили сотни тысяч индейцев, а остальных загнали в резервации, где они обречены на медленное умирание. А в наше время, в середине XX века, массовые убийства ни в чем неповинного беззащитного населения Индокитая или Северной Кореи совершались империалистами США — при помощи самых усовершенствованных средств истребления — в таких размерах, которые, вероятно, заставили бы содрогнуться даже Васко да Гаму или Албукерки.

И. Магидович.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Прошло почти полвека с того времени, как был написан краткий отчет о жизни Васко да Гама и об открытии им морского пути в Индию¹. Та книга давно распродана, а за это время накопилось много нового материала, и век Васко да Гамы в исторической перспективе принял более ясные очертания.

Документы, освещающие период правления Мануэла [1495—1521 годы. — *Ред.*], очень скудны, а большинство отчетов современников о португальских путешествиях до сих пор не переведены и недоступны для научных работников.

Цель настоящей книги — восполнить этот пробел, показать тот вклад, который внесли португальцы в открытие Восточного мира (идти до Индии), и более подробно, чем это делалось раньше, обрисовать фигуру Васко да Гамы².

Первоисточников, написанных в период его жизни, сохранилось мало, материалы приходится извлекать из документов и из скудных рассказов авторов того времени. Сам Гама, насколько известно, не оставил никаких записей о своих путешествиях. Описание первого путешествия Гамы, сделанное одним из его офицеров, впервые было опубликовано в 1838 году. И хотя один из двух отчетов о втором путешествии, составленный участником экспедиции, был впервые напечатан во-итальянски в весьма редкой книге «Viaggi» («Путешествия») Рамузио³ еще в 1554 году, португаль-

¹ В 1908 году, в связи с празднованием четырехсотлетнего юбилея первого плавания Васко да Гамы, был издан ряд книг, посвященных этому плаванию, много и изданий самого Гама.

² Гама и краткий отчет автор, несомненно, имеет в виду первое путешествие историка географических открытий Франца Гюммериха «Флоа да Гама и открытие морского пути в Ост-Индию». — *Прим. ред.*

³ Конечно, рассматривая материалы по индексам, должен смотреть и сами «Viaggi» да Гама и слово «да Гама», так как очень немногие историки, даже на языке наиболее надежных, знают, что его фамилия — «Гама», поскольку за то, что именно так называют путешественника португальские источники.

⁴ Рамузио, Джованни Баттиста (1485—1557) — секретарь Венецианской республики, известный составитель и издатель итальянского сборника «Плавания и путешествия», в который включены описания многих средневековых путешествий и открытий западноевропейцев — до эпохи великих открытий первооткрывателей. Сборник несколько раз переиздавался и переводился на другие европейские языки. — *Прим. ред.*

ское издание этого отчета появилось лишь в 1812 году. Массовому читателю не были доступны ни эти издания, ни очень краткий фламандский отчет. Не найдено ни одной записи о третьем путешествии Гамы, написанной кем-либо из участников его экспедиции, и наши сведения о нем заимствованы из сочинений хронистов того времени, преимущественно из сочинений Корреа и Каштаньеда¹ Все отчеты и документы были прочтены автором в оригиналах, по оригиналам проверены и все цитаты. Автор несет ответственность за все переводы, за исключением тех случаев, где это соответственным образом оговорено.

Генри Харт.

17 июня 1949 года.

¹ Корреа, Гашпар — автор книги «Сказания об Индии», современник и историкограф Васко да Гамы, особенно его третьего плавания. Много лет жил в Индии. Книга его использована для английского сборника документов «Три путешествия Васко да Гамы», издание общества Хаклюйта, серия I, № 42, 1869. Харт неоднократно ссылается на Корреа или приводит цитаты из его сочинения, оговариваясь, однако, что на этого автора не всегда можно положиться.

Каштаньеда, Фернан Лопиш — автор «Истории открытия и завоевания Индии португальцами», издана в XVI веке (переиздание Коимбра, 1924, восемь книг. Девятая книга, считавшаяся утерянной, издана в Гааге, 1929). — *Прим. ред.*

ВВЕДЕНИЕ

Когда я был еще маленьким мальчиком и только что начал читать, к нам из далекого в те времена Техаса приехала любимая подруга детства моей матери. Она привезла мне книгу. Эта книга, потерянная затем где-то в те давние дни детства, может быть, больше повлияла на мое воображение, чем любая другая из прочитанных мною, прежде всего — благодаря ее многочисленным и ярким иллюстрациям.

В книге¹ рассказывалось о людях, открывших неведомые страны мира — о первооткрывателях, исследователях, конкистадорах. Волнующие, живые гравюры на дереве и цветные литографии книги ярко запечатлелись в моей детской памяти, и хотя с тех пор прошло много лет, они не забылись и не померкли.

Среди всех этих иллюстраций я помню такую: в воздухе мчится призрак Васко да Гамы, в полном вооружении, а за ним с яростными криками мести гонятся его жертвы — полуголые безоружные люди, с отрубленными руками, с зияющими ранами, с искаженными от мук лицами; они хотят схватить своего смертельного врага и отомстить ему.

И до сих пор в моих глазах стоят как живые яркие литографии на разворот: Васко да Гама уничтожает арабский корабль, Васко да Гама перед правителем Каликута и все другие поразительные картины, иллюстрирующие его карьеру. Эти-то страницы, время от времени встававшие в моей памяти в течение многих лет, заставили меня написать данную работу.

Совсем недавно мне попала в руки та самая книга. Увы, какое разочарование! В ней масса ошибок и ложных положений. А некогда пленившие меня иллюстрации оказались подборкой картинок, взятых для этого «подписного издания» из разных источников.

Дои Васко, вместе с доном Мануэлом рассматривающий карту своего будущего плаванья, показан здесь стариком с безумными глазами, с белой бородой лопатой. Несколькими страницами дальше он изображен уже в виде елизаветинского галантного

¹ J. W. Buel, *Heroes of Unknown Seas and Savage Lands*, Philadelphia, 1891.

кавалера с остроконечной бородкой-эспаньолкой, а перед ним стоит посланник короля Каликута. На самом же деле в тот момент, когда Васко да Гама отправился в свое знаменательное плавание, ему едва ли исполнилось тридцать лет.

И ныне, через полустолетие с лишним, хотя я уже миновал тот возраст, чтобы читать такие книги, все же она нравится мне; она первая зажгла мое воображение и возбудила интерес к истории и путешествиям. И хотя я побывал и даже жил во многих странах, описанных на ее страницах, ни одна из них меня так не волновала, как волновали страны, в которые уносила меня на ковре-самолете волшебная книга, уничтожавшая и время и пространство и все вокруг озарявшая золотым светом детства. А той, кто эту книгу мне дал, — давно уже отправившейся к праотцам мисс Энни Гаррис из Гиддингса, Техас, мой земной поклон и вечная признательность.

ПРОЛОГ: ПРЕДТЕЧИ

И я полагаю, что нет ни земли безлюдной, ни моря недоступного.

Из «Книги, составленной... Робертом Торном¹ в году 1527... для доктора Ли, посла короля Генриха Восьмого». — Хаклюйт², «Путешествия» (изд. 1589—1600), I, 219.

¹ Торн, Роберт — английский географ первой половины XVI века, выступивший в 1527 году с предложением об организации поисков Северного морского пути из Европы в страны Восточной Азии. Сделал он это после опубликования указаний Дмитрия Герасимова, русского посла в Риме, о возможности такого пути вокруг Северной Азии (в латинской книге Павла Иовия «Книжка о посольстве Василия Великого, государя Московского, к папе Клементу VII», Рим, 1525). Предложение Торна было обращено к английскому королю Генриху VIII Тюдору. — *Прим. ред.*

² Хаклюйт, Ричард — известный составитель и издатель многотомного сборника описаний английских путешествий (конец XVI века): «Важнейшие завоевания, путешествия, торговые пути и открытия английской нации», изданного в 12 томах. — *Прим. ред.*

ПОРТУГАЛИЯ

Страна, где обитают лузитаны!
Край суши и морских путей начало,
Где Феб глядится в лоно океана!

Камознс, «Лузиады», III, 20¹

Одно из самых поразительных достижений в истории принадлежит маленькому португальскому народу, который, насчитывая в те времена немногим более миллиона человек, открыл почти половину земного шара² и добился этого менее чем за сто лет. Исторические исследования о плаваниях Колумба отодвинули на второй план подвиг португальцев, и многие нечитанные тома, покрывшиеся пылью, и неопубликованные рукописи с отчетами о португальских экспедициях были забыты на долгие годы и даже века. Сами португальцы не удосужились рассказать о своих прошлых подвигах, и первые реальные усилия по опубликованию и изучению этих материалов были предприняты лишь за последние десятилетия. Немало ценных источников, надо думать, до сих пор погребено в архивах Португалии и ее колоний. О многих путешествиях — иногда даже о важнейших — мы знаем только по кратким сообщениям или простым ссылкам в сочинениях современников и позднейших писателей. Много отчетов утрачено, может быть, навсегда, а сотни «рутейру»³ находятся в общественных и частных библиотеках Португалии и других стран и по большей части никем не читаны.

Изучение географической карты Португалии вскроет причины, уже с самых ранних времен ее истории толкавшие население этой страны к морю. На восток и на север от Португалии находились испанские королевства, они преграждали ей путь для сношений с другими странами по суше. Расположенная в крайнем юго-западном углу континента, Португалия, непосредственно соприкасаясь

¹ Стихотворные переводы с португальского и испанского принадлежат М. Талову. — *Прим. ред.*

² Это, несомненно, преувеличение. — *Прим. ред.*

³ Рутейру (португальск. roteiro — путеводитель) — самый ранний тип руководства для мореходов, известный со времен древней Греции (периплы. — *Ред.*). Рутейру представляли собой корабельные журналы или штурманские дневники плаваний, содержащие сведения о береговых ориентирах, якорных стоянках, мелях, источниках пресной воды, течениях, приливах, ветрах и т. д.

с мусульманским побережьем Северной Африки, являлась последним аванпостом европейской цивилизации на Западе. Хотя протяженность португальских берегов не достигает и трехсот миль, там немало удобных гаваней, особенно для судов с мелкой осадкой. Все крупные реки текут здесь в Атлантический океан, и в устьях их или по их берегам возникли важнейшие города.

С конца XI столетия, когда граф Генрих Бургундский откликнулся на призыв Альфонса, короля Леона, помочь ему в борьбе с маврами, торговые отношения Португалии с другими странами и ее общественная и политическая жизнь пошли своим, отличным от Испании, путем. В благодарность графу Генриху за оказанную помощь Альфонс выдал замуж за него свою незаконную дочь Тересу, выделив ей в качестве приданого графства Оporto и Коимбра и пожаловав графа Генриха титулом графа Португальского¹. История Португалии как отдельного государства начинается с 1095 года, когда Генрих вступил во владение своим доменом как феодальный сеньор, находящийся в вассальной зависимости от Галисии — одного из трех королевств Альфонса. Но уже через два поколения португальцы порвали с Галисией и начали свое самостоятельное существование.

В нашу задачу не входит говорить о последующих периодах развития и расширения Португальского королевства: нас интересует лишь великий век открытий. Необходимо только заметить, что ход событий в Португалии в основном был тот же, что и в Испании: укрепление королевской власти, подчинение ей феодальных сеньоров, войны с маврами, усиление католицизма, постепенное развитие общегосударственных и местных административных учреждений, основание учебных заведений — включая прославленный университет в Коимбре — и развитие в народе национального самосознания. Несмотря на то, что население Португалии было смешанным в этническом и религиозном отношении, христиане, магометане и евреи прекрасно уживались друг с другом до тех пор, пока в XVI веке не заплыали костры инквизиции. И тогда господствующая группа с ненавистью, с диким и слепым фанатизмом обрушилась на несчастные меньшинства и в конце концов уничтожила в стране те самые качества — отвагу, мастерство и предприимчивость, — которые когда-то превратили Португалию в мощное, процветающее государство. В результате этого Португалия потеряла могущество и не восстановила своего прежнего значения вплоть до наших дней².

¹ Район графства Оporto (португальское Porto, произносится Порту) назывался ранее Портус-Кале (Portus-Cale); отсюда и название графства — Португалия (Portugal), которое затем распространилось на всю страну. — *Прим. ред.*

² Есть и другие исторические причины упадка Португалии начиная со второй половины XVI века. — *Прим. ред.*

Географическое положение Португалии с самого начала благоприятствовало постоянным торговым и социальным ее связям с Северной Африкой; следует также иметь в виду и миграции с южных берегов Средиземного моря и нашествия оттуда. В результате имело место смешение рас — белой, черной, коричневой; португальский народ является народом чрезвычайно смешанного расового происхождения. Такое слияние различных расовых потоков породило в характере португальцев те особенности, которые в немалой степени способствовали их стремлению к открытиям, к вторжениям, к исследованию и заселению стран, где жители были сплошь темнокожими, где нравы и обычаи так резко отличались от европейских.

Португальцы в силу наследственности были приспособлены к жизни в тропической зоне. Смешение между различными расовыми группами в начальный период истории Португалии, когда венгры, финикийцы, берберы и мавры то и дело вторгались на ее берега, вело к тому, что с течением столетий цветной барьер был поколеблен, расшатан, а затем и совсем уничтожен, и браки с представителями туземного населения завоеванных стран считались у португальцев вполне нормальным явлением, причем дети от таких браков отнюдь не носили того позорного клейма, которым метят людей смешанной расы во многих странах¹. То обстоятельство, что в Португалии веками постоянно жила значительная группа мавров, придавало португальцам — как отдельным лицам, так и всем жителям страны в целом — наряду с особенностями, принятыми ими от других народов, чисто семитическую подвижность и способность приспособляться. Среди португальцев жили не только обладавшие высоким мастерством мавры, но и немало столь же искусных и тоже внесших свой вклад евреев. Следует добавить, что мусульманская кровь обусловила у португальцев беспечность и фатализм, а также суеверия древних языческих культов, похотливость и распущенность. Белокурая группа с севера не могла одержать верх в борьбе с этими южными элементами, тем более, что пришельцы с юга принесли сюда с собою высшую технику и среди прочих нововведений материальной культуры в области сельского хозяйства, ремесл и наук — навечно вывезли оливу, виноград, хлопок, шелковичного червя, сахарный тростник и водяное колесо². Следуя за Фрейри, отметим, что в жилах всех знатных португальских родов, даже тех, которые отнюдь не отличались в истреблении неверных, течет арабская или

¹ Этот этап в эволюции португальских нравов (в Бразилии) талантливо описан в занимательном повествовании Жилберту Фрейри «Господа и рабы», переведенном с его «Casa Grande e Senzala», Нью-Йорк, 1946.

² Следует указать, что и поныне множество слов и выражений в португальском языке напоминает о маврах. Даже слово «trabalhar» — усердно трудиться — первоначально имело смысл «работать, как мавр».

мавританская (а во многих случаях и еврейская) кровь. К этой крови позднее прибавилась кровь черных и коричневых невольников, привозимых в Португалию проповедниками, купцами и завоевателями.

И необычайно сложный физический и духовный облик народа, и географическое положение страны, и множество стимулов, толкавших португальцев к мореплаванию и торговле, и экономическое давление со стороны вечно недоедающего населения — все это может объяснить, почему так поразительно быстро Португалия достигла своего кратковременного, но блестящего морского и торгового господства в Европе. Нет никакого сомнения, что португальский народ был идеально подготовлен к тому великому предприятию, которое ему предстояло осуществить. В добавление ко всем столь кратко изложенным здесь факторам необходимо указать на ведущую роль арабов в навигационной науке и на их усовершенствования научно-вспомогательных средств мореплавания, а также на их обширный практический опыт. Все это португальцы могли с успехом перенять благодаря своим постоянным сношениям с Берберией.

Хотя другие народы — финикийцы, итальянцы, каталонцы, англичане и норманны — были пионерами и раньше португальцев отважились пуститься в неведомые моря с их ужасными мифическими чудовищами и реальными опасностями диких стран, лежащих за горизонтом, все же именно португальцы первые совершили успешные и систематические исследовательские экспедиции в Атлантику и вдоль побережья Западной Африки, именно португальские моряки довели навигационную науку до высшей точки развития, какого она когда-либо достигала, если не считать сравнительно близкого нам времени¹.

¹ Это объяснение причин, способствовавших росту морского могущества Португалии, весьма примитивно, и для советского читателя, вооруженного марксистской теорией, могут представлять интерес здесь лишь самые факты, приводимые автором. — *Прим. ред.*

ПРИНЦ ГЕНРИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

По водам, нам неизвестным дотоле...

Камознс, «Лузиады», I, 1.

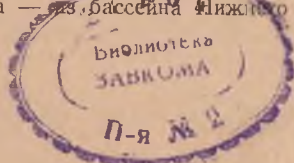
Человек, которому более, чем кому-либо другому, Европа обязана развитием навигационной науки, а Португалия — систематическим расширением морских экспедиций, — это инфант Энрики, во всех странах более известный под именем принца Генриха Мореплавателя¹.

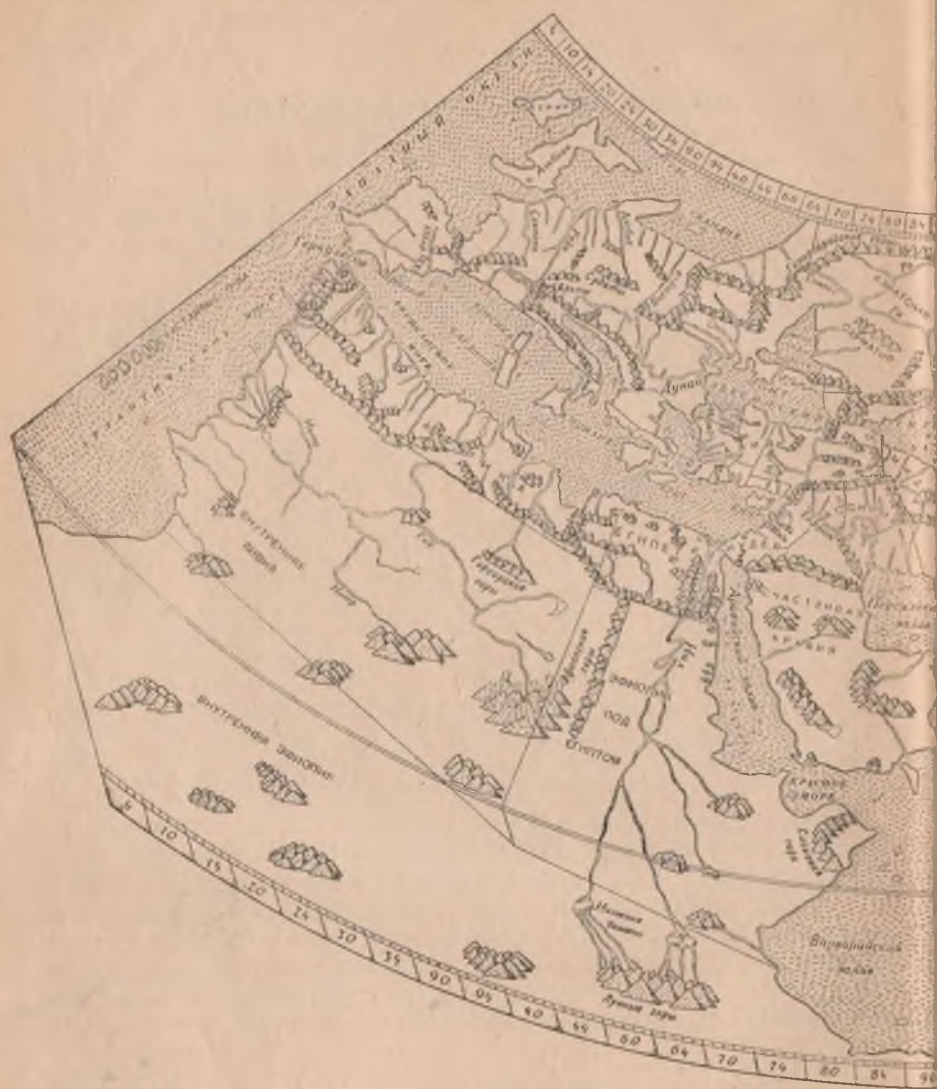
Он родился в 1394 году, был третьим сыном короля Жуана I и Филиппы Ланкастерской, дочери Джона Гонта², и еще мальчиком слышал бесчисленные предания о маврах и о войнах португальского народа с ними. Он слышал и чудесные рассказы об Африке — о караванах, которые приходили из пустыни Сахары, тяжело нагруженные слоновой костью, золотым песком, перьями страусов и шкурами, слышал и о страшных диких зверях и о еще более диких людях. Черный материк (а тогдашняя Европа знала лишь его северную прибрежную полосу), вероятно, с раннего детства привлекал мысли принца. Приняв участие в 1415 году в осаде марокканской крепости Сеуты и заслужив там звание рыцаря, Генрих еще больше заинтересовался Африкой. Он жадно впитывал в себя все доступные ему сведения о путях, по которым приходили из глубины Африки караваны, от оранских купцов — немало разузнал и об африканских товарах и о жителях неведомого материка. Его внимания не миновали и рассказы купцов из Тимбукту, Гамбии и Нигерии³. Он изучил все карты, какие только мог раздобыть, пусть даже очень грубые и часто не столько основательные, сколько вводившие в заблуждение. Он старательно рассматривал морские карты, более соответствовавшие научным требованиям, тщательно составленные еврейскими картографами

¹ Это прозвище приобрело «права гражданства» лишь в XIX веке, когда имена Генриха стали называть так историки великих географических открытий. — Прим. ред.

² Джон Гонт, герцог Ланкастерский, дядя английского короля Ричарда II Плантагенета и отец короля Генриха IV. — Прим. ред.

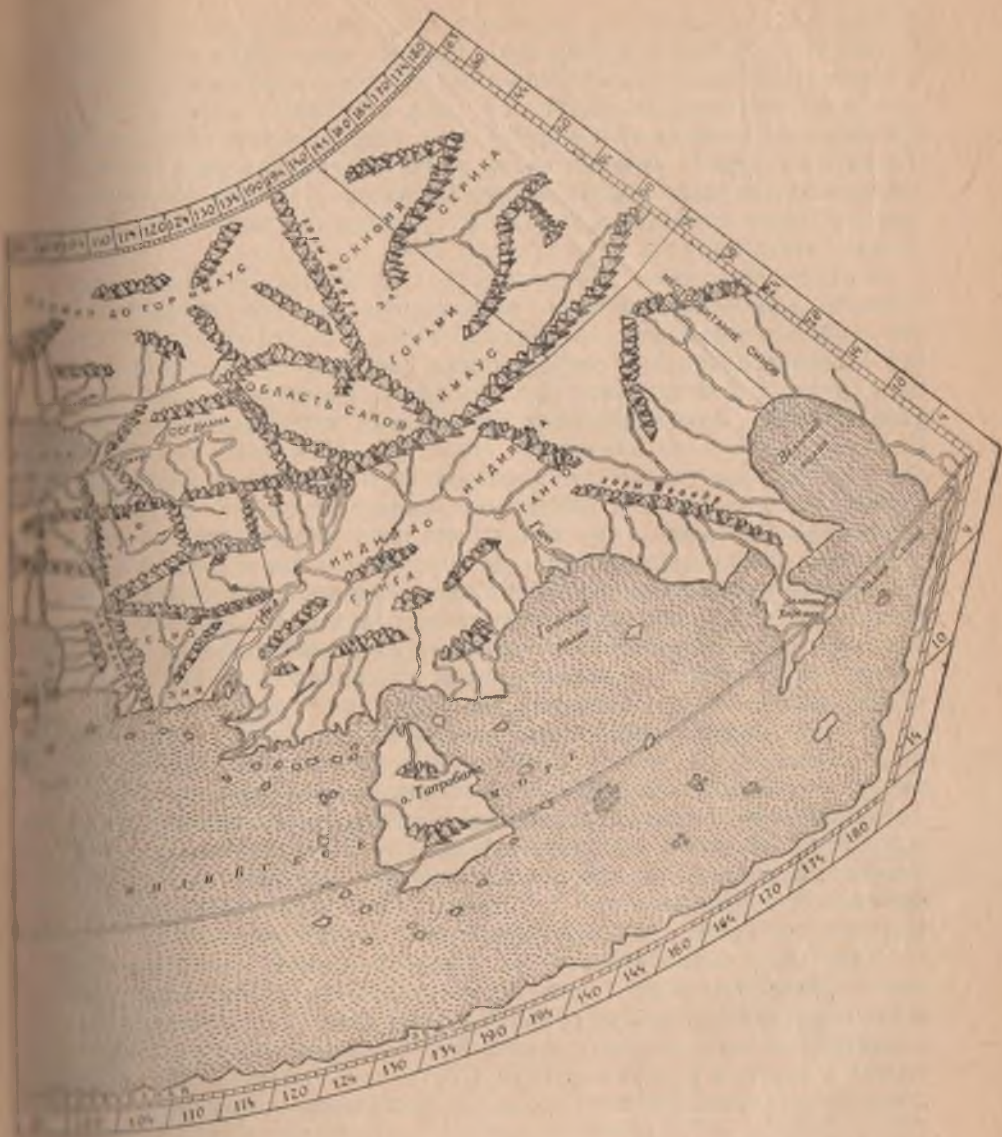
³ Караваны из Орана обычно шли через Сахару к городу Тимбукту на западе Нигере, куда приходили также купцы с запада — из речных бассейнов Сенегала и Гамбии — и с юга — из бассейна Нижнего Нигера и реки Капери. — Прим. ред.





Мир п

Все карты, за исключением одной (стр. 67), заимствованы



по различным русским и иностранным источникам.

с острова Мальорки. Когда военная экспедиция вернулась из Сеуты в Португалию, принц твердо решил приложить все усилия к тому, чтобы отыскать морской путь в богатые страны Гвинеи¹ и, таким образом, не иметь больше дела с арабами африканского побережья Средиземного моря. С тех пор до конца своих дней (если не говорить о некоторых, в данном случае не интересующих нас, эпизодах политического характера) Генрих сосредоточил все свои мысли, все усилия и средства на том, чтобы разрешить эту задачу.

Мотивы, которыми при этом руководствовался Генрих, были сложны, и историки и поныне спорят друг с другом по вопросу о том, какие именно цели он себе ставил. По словам хрониста Гомиша Ианиша Азуары², современника Генриха, пять причин толкали принца к осуществлению его плана. Во-первых, «желание узнать страну, находящуюся за Канарскими островами и за мысом Бохадор, к чему его призывало страстное стремление послужить богу и тогда царствовавшему его брату и господину — королю Дуарти». Во-вторых — намерение развить торговлю с такими странами, особенно — христианскими, с которыми «эта торговля дала бы нашим соотечественникам крупные выгоды». В-третьих — как можно лучше разведать, «как далеко распространяется власть неверных» в Африке. В-четвертых — разыскать христианского монарха, который помог бы Португалии в ее войнах против тех же неверных. В-пятых — послать туда миссионеров, с тем чтобы «подчинить себе все души, которые будут спасены».

Из этих пяти причин первая на практике слилась со стремлением расширить и углубить географические познания. Вторая и четвертая были, несомненно, порождены легендами и смутными преданиями о стране священника Иоанна, находившейся, как полагали, в Восточной Африке или в Азии. Пятая причина — это желание обращать народы в христианскую веру, ибо дух крестовых походов был еще жив в Португалии и играл значительную роль во всех ранних морских предприятиях португальцев.

Как это ни парадоксально, но принц, вошедший в историю под именем Мореплавателя, едва ли когда-нибудь совершил настоящее плавание. Даже при самых дальних своих путешествиях он, вероятно, не терял из виду земли. Это были переходы от Португалии к берегам Африки, около Сеуты и Танжера. И все же именно он положил начало эре великих морских открытий.

¹ Под Гвинеей в данном случае понимаются все приморские страны тропической Западной Африки. — *Прим. ред.*

² Азуара, Гомиш Ианиш (иначе — ди Зуара) — крупнейший из португальских хронистов XV века, автор «Хроники открытия и завоевания Гвинеи» (важнейший первоисточник по истории первых португальских открытий в Западной Африке). Хроника Азуары кончается 1453 годом; несколько раз — полностью и в сокращениях — переиздавалась и переводилась. — *Прим. ред.*

Все сказанное не означает, что идеи, планы и предприятия Генриха были совершенно оригинальны: карты, портуланы¹, руководства для кораблевождения, рутейру и мореходные традиции существовали с самых давних пор. Более того, бесчисленное множество купцов, паломников и миссионеров странствовало по Леванту² и значительной части Азии во времена крестовых походов, и они оставили немало ценных сведений, возбуждая желание искать прямой морской путь на богатый Восток вокруг Африки, если только там был открытый океан — а насчет этого в Европе сильно сомневались³.

Португалия была естественным отправным пунктом для подобных поисков. Через порты Португалии в течение столетий шла торговля стран Средиземноморья со странами Запада, в том числе с Британскими островами. Да и сама Португалия была обращена лицом к неведомой, неисследованной, таинственной Атлантике.

Имела ли для принца Генриха в начальную пору его деятельности первостепенное или просто особо важное значение мысль об открытии морского пути в Индию — это весьма и весьма сомнительно. Тем не менее очевидно, что с течением времени этот проект в конце концов стал его самой желанной, заветной мечтой. А так как в исследовании африканского побережья один успех следовал за другим, карты изготавлялись все искуснее, ветры и течения изучались все пристальнее и прилежней, навигационные приборы и мастерство мореплавателей совершенствовались — открытие этого морского пути казалось все более вероятным.

Трофей стоил того, чтобы за него бороться. Ведь вопрос стоял об овладении по крайней мере львиной долей тех богатств, которые лились в денежные сундуки Венеции и Генуи, а также и в сокровищницы мусульман, вопрос стоял о перехвате и индийских товаров и самой морской торговли с Индией. Впрочем, ближайшей целью для Генриха было направить по другому пути торговлю с африканской пустыней — так, чтобы она не обогащала большие берберийских деспотов и чтобы галеры и каравеллы христиан не были вынуждены искать себе грузов в портах неверных. Кроме того, поскольку Генрих был великим магистром ордена

¹ Портуланы — морские навигационные компасные карты позднего средневековья (XIII—XVI веков); отличались от более ранних карт, кроме технических особенностей, и по существу: на них достаточно подробно и сравнительно точно изображалась береговая линия. — *Прим. ред.*

² Левант — неопределенный географический термин для обозначения стран восточного Средиземноморья — *Прим. ред.*

³ На карте мира Птолемея, который был величайшим авторитетом для средневековых картографов, Индийский океан изображался как огромное замкнутое море, ограниченное в южном полушарии Южным материком, сливающимся на востоке с Азией, а на западе — с Африкой. — *Прим. ред.*

Христа¹, не упускалась из виду и возможность добраться до новых, еще нетронутых стран для обращения язычников.

Проекты Генриха влекли за собой необходимость разрешить многие проблемы мореплавания: без решения их нельзя было ожидать каких-либо ощутимых результатов. Руководители каждой экспедиции, возвращаясь, привозили с собой карты тех берегов, где они побывали, лоции — заметки о береговых ориентирах, о ветрах, о мелях, о скалах, о надежных и опасных якорных стоянках, о местах, где можно достать воду, древесину, пищу и т. д. Все эти данные нужно было собирать и систематизировать, чтобы использовать их при новых и повторных плаваниях. Это дало возможность тщательно картографировать все более и более обширные пространства и все уверенней предпринимать операции более крупного размаха. Но самым серьезным препятствием, с которым столкнулся в своих замыслах принц Генрих, являлось то, что не были разрешены некоторые астрономические проблемы: для успешного плавания в открытом море решение этих проблем имело первостепенное значение. Принц Генрих, его сотрудники и преемники достигли выдающихся успехов именно в этой области и в невероятно короткий срок обеспечили португальским мореходам первое место среди всех моряков Европы. Были и другие очень крупные торговые флоты, например генуэзский и венецианский, но они, перевозя восточные товары в европейские порты и европейские изделия на Восток, плавали по хорошо известным и твердо установленным маршрутам. Португальцы тоже плавали и в Левант, и в Нормандию, и в Англию, у них были свои склады и агентства во Фландрии. Однако теперь им предстояло смело ринуться в неведомые моря, исследовать дикие страны и не только испытать свои силы в борьбе с опасностями моря, но и отбросить тьму вековых предрассудков, отбросить страх и ужас перед миром, скрывающимся за горизонтом, — страх и ужас, владевшие человечеством с самого его детства.

Фактически деятельность Генриха по осуществлению этих планов началась после того, как он возвратился из-под Сеуты, хотя современники и говорят, будто бы он отправил корабли к побережью Африки еще в 1412 году. Они рассказывают также, что «он всегда держал в море несколько сторожевых военных кораблей против неверных, которые в то время сильно опустошали оба берега (Гибралтарского) пролива; таким образом, благодаря страху перед судами Генриха были в безопасности и все берега

¹ Орден Христа — духовно-рыцарский орден (полумонашеская, полувойсковая организация), организованный уже после завершения португальской Реконкисты под предлогом борьбы с «заморскими маврами»; первой же его целью был захват имущества и денежных средств упраздненного в 1312 году папой Клементом V ордена рыцарей тамплиеров (храмовников). — *Прим. ред.*

нашей Испании и большая часть купцов, ведущих торговлю между Востоком и Западом».

Чтобы лучше обдумать свои планы и наблюдать за их осуществлением, принц покинул Лиссабон и поселился в городе Лагуш (или близ него), в области Алгарви, на юге Португалии. Около мыса Сан-Висенти он основал небольшой город — в честь его этот город был назван «Вила-ду-Инфанти»¹.

Указанные гавани и раньше часто посещались проходящими через Гибралтарский пролив судами многих стран, так как здесь были удобные стоянки, можно было без помех заготовить и водой и провизией, производить текущий и капитальный ремонт кораблей. Принц находил и привлекал к себе на службу лучших математиков, картографов и мастеров по навигационным приборам. Самым сведущим и прославленным среди них был еврей Иегуда Крешкиш (чаще его называют мастер Жакомé).

Наиболее трудной математической проблемой для принца Генриха и его сотрудников было точное определение местонахождения корабля в море или какого-либо пункта на суше. Для этого столетиями людям служили звезды, а после XII века во всеобщее употребление вошел компас, заимствованный у китайцев, вероятно, арабами; арабы же, вместе со своими соперниками христианами, и усовершенствовали его. Затем появились угломерная линейка, астрольбия, квадрант — их довели до высокой степени совершенства тоже арабы, в течение столетий пускавшиеся в далекие морские плавания меж берегов Передней Азии, Африки и Индии. Большая часть этих приборов, а также способы обращения с ними стали известны благодаря испанским и португальским евреям, часто выступавшим в качестве посредников между мусульманами и их христианскими соседями².

¹ Он был основан на мысе Сагриш (37° северной широты), в нескольких километрах к юго-востоку от мыса Сан-Висенти, крайней юго-западной точки Португалии и всей Европы. Наблюдательный пункт, построенный принцем Генрихом в этой местности, историки обычно называют «обсерваторией мыса Сагриш». С 1438 года и до смерти принца Генриха (1460) эта обсерватория была входным пунктом для всех португальских правительственных заморских экспедиций. — *Прим. ред.*

² Главную трудность представляло определение долготы, так как широту можно было довольно точно определить по Полярной звезде — правда, ориентироваться на нее мореходы могли лишь в северном полушарии. Позднее, в дни короля Жуана II [1481—1495. — *Ред.*], был найден новый способ определения долготы — по полуденному солнцу и таблицам склонения. Самые известные из этих таблиц это — «Almanach Perpetuum» («Постоянный Альманах») Авраама Закуто (появился в 1473—1478 годах). Авраам Закуто был профессором астрономии в Саламанке (Испания), а потом стал королевским астрономом Португалии. По альманаху Закуто были составлены более простые практические руководства, так что ими могли пользоваться часто неграмотные моряки. Следует добавить, что проблема определения долготы не была окончательно разрешена вплоть до усовершенствования хронометра в XVIII веке. Обычно (так, по рассказам, поступал и Колумб) плыли на север или на

По мере того как мореходы постепенно продвигались вдоль западного побережья Африки все дальше и дальше на юг, они фиксировали на картах и в судовых журналах данные, добытые в результате применения приборов: так в конце концов появились более или менее надежные морские карты этих мест. На первых порах записи моряков были и небрежны и случайны — они целиком зависели от прихоти каждого мореплавателя. Обозначения делались весьма неточно и, как констатировал в своем письме от 22 октября 1443 года король Афонсу V¹, земли, лежащие за мысом Бохадор, «изображались на морских картах и на картах мира так, как это было угодно тем, кто их составлял». Принц Генрих покончил с этим: он приказал, чтобы все наблюдения его офицеров наносились на их навигационные карты. Неукоснительно придерживаясь этого правила, португальцы заложили основы современной картографии. К несчастью, подлинные карты и приборы, служившие португальцам до XVI века, утрачены: они или затеряны вследствие небрежности, или уничтожены огнем, или погибли при великом лиссабонском землетрясении 1755 года. Но плоды этой работы португальских моряков остались.

Итак, инфант настойчиво и неустрашимо повел своих людей на поиски, и до того, как движение замерло, они прошли через семь морей². С точки зрения нашего времени, когда люди вооружены всевозможными научными приборами, точными картами, быстроходными судами, которые не зависят ни от ветров, ни от морских течений и на которых моряки снабжены продовольствием и всем необходимым, результаты устремлений и усилий всей жизни

юг, вдоль берега, до тех пор, пока корабль не достигнет той параллели, на которой по расчету расположен пункт назначения, а затем в зависимости от пункта назначения шли прямо на запад или на восток.

[До изобретения хронометра ошибки при определении долгот были очень велики. Известен ряд случаев, когда ошибка в XV—XVI веках определялась десятками градусов (до 45°!). Этим объясняется возможность «потери» не только маленьких островов, но целых архипелагов, даже таких крупных, как Соломоновы острова. Открытые в 1567 году испанской экспедицией Менданы, эти острова затем напрасно разыскивались в течение двух столетий, пока не были найдены в 1768 году французской экспедицией Бугенвиля. — *Прим. ред.*]

¹ Афонсу V «Африканский» (умер в 1481 году) был племянником принца Генриха Мореплавателя и, возможно, находился под его влиянием. По призыву римского папы Николая V организовал крестовый поход против мавров в Северо-Западную Африку; поход этот закончился в 1471 году присоединением к Португалии небольшой приморской области к югу от Гибралтарского пролива, названной «Заморской Алгарви». — *Прим. ред.*

² Португальская заморская экспансия «замерла» у южных Японских островов, которых первый португальский корабль достиг в 1546 году. Следовательно, в тексте идет речь, вероятно, о следующих «семи морях»: Атлантический и Индийский океаны, Аравийское море, Бенгальский залив, моря Южно-Китайское и Восточно-Китайское и Тихий океан. — *Прим. ред.*

принца Генриха могут показаться мизерными. Но когда мы представим себе, как незначительна была грузоподъемность тогдашних кораблей, какова была власть паруса над ними, как примитивно было их оборудование, как скудны были познания мореплавателей, как остро они нуждались в пище, как мало знали о тех морях и странах, куда они попадали,— если мы представим себе все это, тогда достижения португальцев станут в наших глазах почти невероятными.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ В ОТКРЫТЫЙ ОКЕАН

Чудесные и новые те страны,
Куда стремили путь армады наши...

Камознс, «Лузиады», V, 8.

Впервые португальцы вышли в открытый океан, вероятно, тогда, когда они совершали плавания к Канарским и Азорским островам в первой половине XIV века. Хотя сообщений о каком-либо подобном плавании, относящемся ко второй половине того же века, и не существует, однако молчание хронистов свидетельствует, возможно, лишь о том, что ни одно из сделанных тогда открытий не казалось достойным пера. Лиссабон в это время являлся открытым портом и, по утверждению одного современника, сотни судов, среди которых было много иностранных, постоянно нагружались и разгружались в устье Тежу (Тахо). Король всевозможными способами поддерживал развитие торгового флота; лес для постройки кораблей он предоставлял, например, из королевских лесов бесплатно и снизил пошлину на ввоз других материалов, необходимых для кораблестроения¹. Вдобавок с товаров, привезенных на португальском корабле, впервые вышедшем в море, взимались пониженные сборы, судовладельцев частично освобождали от воинской повинности, была введена официальная регистрация кораблей, основана кооперативная система морского страхования. Все эти нововведения стимулировали кораблестроение и морскую торговлю под португальским флагом; в результате, когда Генрих принялся за осуществление своих честолюбивых планов, в его распоряжении было и ядро превосходного флота, и подготовленные кормчие, и судовые команды.

В 1412 или в 1415 году принц отправил в путь первые корабли. Они достигли мыса Бохадор (Выпуклый)²: такое название он

¹ Поощрение кораблестроения началось еще при короле Динише I (1279—1325) Бургундской династии. Диниш, боровшийся против крупных феодалов, опирался на города, главным образом приморские, и союзники в одинаковой мере были заинтересованы в развитии морского торгового транспорта. Такую политику продолжали и короли новой, Авишской династии. — *Прим. ред.*

² Название мыса — *Bojador* (португальское — Божадор, в испанском же произношении, принятом на наших картах, — Бохадор) — автор, следуя ряду историков географических открытий, производит от португальского *bojudo* —



Пояса Земли по Макробию (реконструкция IX—XI всков).
1 — Испания; 2 — Галлия; 3 — Сицилия.

получил потому, что в этом пункте берег Африки сильно выдается на запад. Целых двенадцать лет¹ моряки старались обогнуть этот мыс, но экспедиция за экспедицией возвращались назад, сбившие с толку и напуганные непостоянством течений, мелями и противными ветрами, которые там встречали моряков. Вдобавок надо

выпуклый. Однако часто встречается и другое написание: Voyador (Боядор), происходящее от португальского voia (по новой португальской орфографии 1631 года — voia) — буй, поплавок. Такая двойная транскрипция имеет историческое обоснование: «выпуклый» мыс, бывший ранее препятствием для плавания на юг, вдоль берега Африки, стал затем «буем», то есть вехой на этом пути. — Прим. ред.

¹ У автора, повидимому, описка: должно быть — двадцать лет (от отправки первой экспедиции в 1415 году до продвижения за этот мыс в 1435 году). — Прим. ред.

сказать и о тех мнимых ужасах, которые таил океан, — для невежественных, полных суеверий моряков они казались совершенно реальными, — о демонах бури, о сказочных чудовищах, водоворотях, сиренах, наядах и о многих легендарных существах, возникших еще в тумане седой древности¹.

В 1433 году Генрих послал в путь Жила Эанниша², дав ему категорический приказ обогнуть мыс. На первый раз Эанниша постигла неудача, но в 1434 году ему удалось преодолеть все стоявшие на пути препятствия. Он доказал, что к югу от мыса простирается открытый океан и что есть возможность плавать там, где его предшественники считали это немислимым. В 1435 году Эанниш снова отправился в плавание и прошел 150 миль за мыс. Учтя опыт Эанниша, виночерпий Генриха — Балдаия в том же году достиг земли Рио-де-Оро³, лежащей на 240 миль южнее мыса Бохадор, а в 1436 году продвинулся еще южнее на 50 миль.

По мере того как мореплаватели один за другим возвращались на своих кораблях в Португалию и рассказывали о пережитых приключениях на море и на суше, интерес принца Генриха к тем странам, где они побывали, и к людям, которые там живут, все увеличивался. Он велел капитанам привезти в Португалию несколько туземцев. Подчиняясь приказу инфанта, один из его капитанов, Антан Гонсалвиш, возвратился в 1441 году с

десятью чернокожими, мужчинами и женщинами... а кроме чернокожих... он привез также немного золотого песку, шит из воловьей шкуры и несколько страусовых яиц, так что в один прекрасный день к столу инфанта подали три блюда из страусовых яиц, столь свежих и вкусных, словно это были яйца обычной домашней птицы. Мы вполне можем предположить, что не было ни одного христианского государя в любой части христианского мира, который имел бы на своем столе подобные блюда⁴.

¹ По непонятной причине автор совершенно не упоминает о важных морских событиях на путях к тропической Африке, происшедших за этот период: о первых посещениях и начале португальской колонизации островной группы Мадейры, о несомненных посещениях португальцами Канарских островов и связанной с этим дипломатической борьбой с Кастилией. Не упоминает автор и о первых посещениях португальцами Азорской островной группы, свидетельствующих об успехах португальского океанского мореходства. — *Прим. ред.*

² В португальских летописях XV века нет никаких подробностей о трех плаваниях Жила Эанниша (1433—1435), кроме сообщения о том, что в 1434 году он привез принцу Генриху цветы с берега, лежащего за мысом Бохадор, чтобы доказать, что жизнь и там возможна. — *Прим. ред.*

³ Португальцы приняли этот морской залив за устье фантастической Золотой реки, которая на некоторых итальянских картах XIV века пересекала с востока на запад большую часть Африканского континента (см., например, флорентинский картулан 1351 года). О плаваниях Балдаии (1435—1436) никаких подробностей не сохранилось. — *Прим. ред.*

⁴ Азура, I, 57.

[Иногда историки географических открытий указывают (также по Азура), что с Гонсалвишем в этом плавании (1441) был Нунью Триштан. При этом был открыт мыс Бранку, на нынешних картах — Бланко. — *Прим. ред.*

В 1443 году Нунью Триштан проплыл дальше к югу от бухты Аргин и «видел, как от берега отчалили двадцать пять однодеревок и в них люди, все голые, и не столько потому, что это требовалось для плавания в воде, сколько потому, что таков был их древний обычай». Португальцы погнались за несчастными чернокожими и захватили четырнадцать человек; позднее они поймали еще пятнадцать и доставили всех в Португалию.

Между тем в Португалии все больше и все суровее критиковали экспедиции принца Генриха и даже высмеивали их как постыдную и напрасную трату денег. Но когда привезли первые небольшие партии негров, критики изменили тон и стали громко заявлять, что «инфант — несомненно, новый Александр Македонский». Появление пленных чернокожих на португальских берегах, может быть, означало для принца первый шаг в деле обращения африканских «язычников», но окружавшие его люди более реалистического склада, глядя на голых дикарей, думали совсем другое. По словам Азураны, «их алчность все возрастала. Видя, что кое у кого в домах снует множество рабов и рабынь, а богатства все прибывают, они стали размышлять над этим и советоваться друг с другом».

К тому времени в Португалии уже назрела нужда во ввозе дешевой рабочей силы. Португалия никогда не была густо населена. Потери в войнах с Кастилией, экспедиции против Сеуты и Танжера в Марокко и в другие места, тяжелые налоги — все это ложилось на народ почти невыносимым бременем. Рабочая сила была крайне нужна и в деревне и в городах. Хитрым и расчетливым людям деятельность Генриха давала новые возможности прямо в руки.

Рабство было древним институтом, в нем не видели или почти не видели никакого греха, его не осуждали¹. Более того, туземцы Африки, как язычники, находились, по словам Барруша², «вне закона христово и в распоряжении, поскольку речь шла об их теле, любой христианской нации». К принцу Генриху, владевшему монополией на африканскую торговлю, незамедлительно обратились за лицензиями те, кто хотел вести торговлю на побережье Африки. Первым получил такую лицензию один из слуг принца — Лансароти. Экспедиция Лансароти, в которой участвовало шесть вооруженных каравелл, торжественно отплыла на юг и в половине времени оказалась у одного населенного острова близ Гвинейского побережья.

¹ См. Hart, *Venetian Adventurer*, ed. 3, Stanford University Press, 1947.

² Жуан Барруш — крупнейший португальский историк XVI века (1496—1570), автор многотомного исторического труда «Декады об Азии», который начал публиковать с 1551 года. — *Прим. ред.*

Азурара рассказывает:

«Мавры»¹, в виду явно неблагоприятных впечатлений, полученных от встреч с белыми пришельцами в прошлом, едва заметив своих врагов, самым поспешным образом выскакивали из жилищ вместе с женами и детьми. Но португальцы с криками «Святой Иаков», «Святой Георгий» и «Португалия» кинулись на них, убивая и захватывая всех, кто попадал под руку. Можно было видеть, как матери бросали своих детей, а мужья — жен, каждый думал только о том, чтобы спастись. Одни ныряли в воду, другие прятались в хижинах; кое-кто укрывал своих детей в морских водорослях, надеясь, что детей там не заметят (но их потом находили наши люди). В конце концов наш господь бог, воздающий по заслугам за каждое благое дело, пожелал, чтобы они, за их труды на его службе, в этот день добились над своими врагами победы, а также получили вознаграждение и плату за все свои усилия и расходы, и потому они захватили из этих мавров, мужчин, женщин и детей, 165 человек, не считая тех, которые погибли и были убиты.

Вот как беззаботно набрасывает хронист картину нападения одетых в панцири, хорошо вооруженных людей на селение беззащитных голых дикарей, и сама простота рассказа свидетельствует о том бессердечии, с каким португальцы относились к туземцам.

После того как португальцы, закончив «сражение», отдохнули и попиrowали, они выпытали у своих пленников сведения о других населенных островах, «где они могли бы взять в плен побольше людей без лишних хлопот». Этот эпизод — только предвестие всех действий португальцев в период открытий и эксплуатации их колониальной империи. В отчете об этой экспедиции дальше повествуется, как португальцы захватили несколько небольших партий безоружных мужчин и женщин, как они связывали и погружали их на корабли — только одна запись упоминает о том, что европейцы обратились в бегство, когда туземцы, превосходя численно, грозили их одолеть. Затем португальцы садились в лодки и плыли на другое место, где можно было захватить врасплох и увезти новых беззащитных пленников. В конце концов, после того как туземное население разбежалось и «португальцы нашли лишь одну девушку, которая осталась в селении спящей, они забрали ее с собой» и, вернувшись на каравеллы, отплыли в Португалию.

Тот день, когда эта флотилия прибыла в Лагуш, был поворотным днем в мировой истории, ибо именно в этот день Европа начала позорную, бесчеловечную торговлю африканскими рабами. Это была торговля, которая впоследствии развратила целую страну и привела ее, после кратковременного возвышения, к полному бессилию в международных делах, запятнала флаги всех

¹ «Мавры» — обычный португальский термин той эпохи, применявшийся к любому народу африканского материка.

стран, занимавшихся этой торговлей, и вызвала не только беспощадное истребление бесчисленных темнокожих мужчин, женщин и детей, но и одну из самых кровопролитных гражданских войн в истории¹, породив вместе с тем некоторые из наиболее серьезных и еще не решенных проблем современного общества.

Принц вышел лично встречать корабли, на которых везли 235 несчастных пленников. Челядь Генриха толпилась на берегу, а кое-кто даже выехал в лодках приветствовать возвращающихся героев, «и вы можете догадываться, как радовались их жены и дети». Далеко не столь счастливой была участь бедных чернокожих. Предоставим слово Азураре. Его рассказ не нуждается ни в украшениях, ни в комментариях.

А на следующий день Лансароти сказал инфанту: «Мой господин, вашей милости хорошо известно, что вы должны получить пятую часть этих мавров и всего того, что мы привезли из страны, в которую вы послали нас ради служения богу и вам. А теперь эти мавры, пробив столь долгое время в море, а также вследствие великой печали, которая — вы должны понять это — овладела их сердцами, когда они поняли, как далеко увезли их от их родины и держат в плену, в полнейшей неизвестности относительно их будущей судьбы, и еще вследствие того, что они непривычны к жизни на борту кораблей — вследствие всего этого они в весьма и весьма плохом состоянии. Посему я считал бы разумным приказать снять их на заре с каравелл, вывести в поле за городскими воротами, разделить их там, согласно обычаю, на пять партий, с тем чтобы ваша милость пошла туда и выбрали себе ту партию, которую вы предпочтете...»

Но предварительно они отдали самых лучших мавров находящейся там церкви, а одного маленького мавра, который впоследствии стал монахом ордена св. Франциска, они послали в Сан-Висенти-ду-Габу.

О небесный отец... Молю тебя, не дай моим слезам смутить мою совесть, ибо меня заставляет плакать из жалости к их страданиям не их [негров] религия, а их человеческая природа. И если грубые животные с их зверскими чувствами естественным инстинктом понимают страдания подобных им, то что же, по-твоему, господи, должна была испытывать моя человеческая натура, когда перед моими глазами были эти несчастные люди и когда я вспоминал, что они тоже суть порождение сынов Адама?

На следующий день... очень рано утром, чтобы избежать жары, моряки, как им было приказано, начали... снимать этих пленников с судов и переправлять их на берег. И эти пленники, собранные все вместе на том поле, представляли удивительное зрелище, ибо среди них одни были довольно светлые, красивые и хорошего сложения; другие были темнее, подобно мулатам, третьи же, напротив, черны, как эфиопы, и столь безобразны лицом и телом, что казались выходцами из преисподней. Но какое сердце оказалось бы столь жестоким, чтобы не проникнуться чувством жалости при виде этих людей?

¹ Речь идет о гражданской войне в США (1861—1865) между Севером и рабовладельческим Югом. — Прим. ред.

Одни, опустив голову, с мокрым от слез лицом, глядели друг на друга; другие очень жалобно стонали и, устремив свои взоры к небу, громко плакали, как бы прося о помощи у отца природы; иные били себя руками по лицу, ложились ничком на землю, кое-кто выражал свои жалобы, по обычаю своей страны, в похоронных причитаниях. И хотя мы не могли понять их речи, звуки ее вполне выражали всю их печаль. И чтобы еще более увеличить их страдания, тут появились те, кому было поручено распределение пленников: они начали отделять одного от другого, с тем чтобы разбить их на пять равных партий, и пришлось разлучать отцов с сыновьями, мужей с женами, братьев с братьями. Не обращали внимания ни на дружеские, ни на родственные отношения, каждый стал туда, куда выпал его жребий.

О могущественная фортуна, созидающая и разрушающая, вершащая мирские дела по своей воле, вложи в этих несчастных по крайней мере хоть какое-нибудь понимание того, что должно произойти, чтобы они могли утешиться в своем великом горе. А вы, так занятые разделением пленников, взгляните с жалостью на этих бедняг, на то, как они цепляются друг за друга, так что вы едва в силах оттащить их.

И кто бы мог разделить их без великого труда? Ибо как только пленных ставили в какую-нибудь группу, дети, видя, что их отцы попали в другую, из всех сил вырывались и бросались к ним; матери обхватывали руками своих детей и ложились с ними на землю и принимали удары, совсем не жалея своей плоти, лишь бы только не отпустить от себя детей.

Очень беспокойно проходило это разделение еще и потому, что, кроме самих пленников, поле было полно народа, пришедшего из города и из окружающих деревень — в этот день люди дали отдых своим рукам (трусами которых они кормились) ради того, чтобы поглядеть на невиданное зрелище. И когда они увидели, как одни рыдали, а другие разбивали пленников на группы, это вызвало среди них такое волнение, что люди, распорядившиеся разделением, немало были смущены.

Инфант, в сопровождении своей свиты, сидя на могучем скакуне, был тут же; награждая своих любимцев, он выказывал мало интереса к своей личной добыче, ибо очень скоро он роздал все сорок шесть душ — причитавшуюся ему пятую часть добычи; самое ценное для него было в том, что осуществлялась его цель, ибо он с большим удовольствием размышлял о спасении тех душ, которые доселе были потеряны.

Итак, принц Генрих, великий магистр ордена Христа, человек, давший пожизненный обет безбрачия и радевший, казалось, только о самых высоких идеалах, восседал на коне и спокойно глядел на дележ своей добычи, на этих живых людей, на то, как оттаскивают жен от мужей и родителей от детей. Раздаривая их своим фаворитам, он ни на секунду не задумался, какие страдания переживают несчастные пленники — так поглощен был он заботой о спасении их душ! Хотя это может показаться нам и странным и невероятным, но то было не лицемерие, а истинный дух века. И Азурара, несомненно, искренен, когда он заканчивает свое повествование следующими словами:

Теперь их судьба совершенно изменилась, ибо раньше у них были погублены и душа и тело: душа потому, что они были язычниками, не ведавшими света и сияния святой веры, а тело потому, что они жили как звери... не знали ни хлеба, ни вина, не покрывали себя одеждой, не обитали в домах и, хуже всего прочего, пребывали в великом невежестве, — ведь они не понимали, что такое добро, а жили, отдаваясь животной лени... И теперь подумайте, какая награда должна была быть инфанту от господина бога за то, что он дал им возможность спастись — и не только им, но и многим другим, которых приобрел впоследствии...

И тут же он [принц Генрих] возвел Лансароти в рыцарское звание, щедро наградив его согласно заслугам и проявленным им высоким качествам. И другим жокакам он тоже дал высокие награды, так что те полагали, что труды их вполне вознаграждены, даже если не считать их основной доли.

Так на рынке Видория в португальском городе Лагуш началась современная европейская торговля черным двуногим живым товаром. Эта позорная торговля, пока она не была прекращена, вызвала насильственное выселение со своей родной земли по крайней мере двенадцати миллионов африканских чернокожих, и столько же людей при этом погибло¹.

Португалия вступила в новую эру своей истории. «Черная слоновая кость» (негры-рабы) и белая кость, золото, гвинейский перец² — все это влекло предприимчивых лузитанцев к новым рискованным плаваниям, к новым энергичным походам за рабами, к новым исследованиям, к новым, еще более жирным барышням. Прилив в страну африканских рабов в совокупности с правительственной политикой, поощрявшей браки между неграми и португальцами (последние с готовностью следовали этой официальной линии), медленно, но верно, самым глубоким образом изменял характер местного населения³.

В 1444 году Нуњу Триштан достиг реки Сенегал, а год спустя Диинш Диаш⁴ обогнул Зеленый мыс. Поскольку одной из основ-

¹ Страшное в своих подробностях описание того, как шла торговля рабами в 1788 году, дано очевидцем — морским врачом Александром Фалконбриджем в малоизвестном памфлете под названием «Отчет о торговле рабами на побережье Африки», Лондон, 1788.

² Первоначально Гвинейский берег назывался Малагетским берегом, но в середине XVI века английские корсары стали называть малагетский перец гвинейским зерном, после чего и сам берег получил название Гвинейского. Гвинейский перец — его называли также «райским зерном» — это едкие семена *Alotium Melegueta*, которые в те времена часто заменяли настоящий перец.

³ Следует отметить, что с большинством рабов, согласно свидетельству писателей того времени, их хозяева обращались хорошо. Немало рабов обучались ремеслам, получали свободу и женились на португалках; потомки их постепенно сливались с белыми.

⁴ Возможно, Нуњу Триштан, как и Диинш Диаш, был одним из капитанов кораблей экспедиции Лансароти. Некоторые историки географических от-



ных целей этих экспедиций была охота за рабами, известия о прибытии португальцев стремительно распространялись по всему побережью, туземцы встречали их очень враждебно, в результате чего среди португальских командиров были даже убитые¹.

К 1446 году в африканской торговле было занято уже пятьдесят одно судно и эти суда плавали на 450 лиг² дальше мыса Бохадор. Об исследованиях португальцев в течение нескольких лет после 1448 года мы располагаем, по каким-то не ясным нам причинам, очень скудными данными. Нет сомнения, что торговля развивалась, что смельчаки-мореходы, нащупывая свой путь среди неведомых ветров, течений и мелей, пробирались вдоль африканского берега все дальше и дальше к югу, что они захватывали туземцев всегда и везде, где только могли застать их врасплох. Португальцы постепенно упрочивали свои позиции на африканском побережье, строя укрепленные поселения и фактории. По существу, началась колонизация³. Туман неведения и неизвестности, окутывавший западный берег Африки, потихоньку рассеивался, уступая место ясному свету дня. Темные страхи перед сказочными чудовищами и вымышленными опасностями, о которых говорили древние предания, мало-помалу исчезали в лучах опыта, знаний и здравого смысла.

Хотя португальцы и понимали, что товары, приобретаемые ими в прибрежной местности, шли главным образом из внутренних областей, они по большей части ограничивались торговлей в непосредственной близости от берега. Торговля внутри материка находилась в значительной мере в руках смелых евреев, проникавших далеко вглубь страны и добравшихся с севера на верблюдах через оазисы Сахары даже до самых отдаленных районов. Об этом

крытый полагают, что Триштан открыл устье реки Сенегал годом позднее, в 1445 году. Другие считают, что Лансароти в 1445 году открыл устье реки Гамбия — к югу от Зеленого мыса. — *Прим. ред.*

¹ У многих африканских племен в то время существовало рабство, и эти племена вместе с португальцами занимались гнусной торговлей рабами.

Роджер Барлоу в своей книге «Brief Summe of Geographie», написанной в 1540 году, говорит о племенах Гвинейского берега следующее: «В этой стране один человек захватывает другого, например брат сестру или брата, а то отец сына, и продает его на приходящие туда португальские корабли за клочок цветной ткани или за медные кольца, а португальцы увозят того в Испанию и продают в рабство».

² Нельзя точно сказать, о каких лигах идет речь; всего вероятнее, поскольку говорится о Португалии, здесь подразумевается португальская лига, равная 6173 м, но может быть морская лига, равная 5556 м. *Прим. ред.*

³ На Африканский материк португальцы в XV—XVI веках не пытались направлять значительную массу колонистов, хотя бы такую, как в Гоа. Там была лишь так называемая «точечная» колонизация — организация нескольких приморских военных и торговых пунктов в местах, которые они считали наиболее удобными для этих целей. В этом — резкое отличие португальской колонизации в Африке от колонизации в Бразилии, начавшей развиваться с середины XVI века. — *Прим. ред.*

свидетельствуют тщательно выполненные карты, составленные евреями Мальорки, откуда выходили лучшие картографы той эпохи. На этих картах — а некоторые из них восходят даже к 1375 году — показаны Тимбукту, горы Атласа с их караванными тропами и помещено грубое изображение «властителя гвинейских негров». В обмен на слоновую кость, эбеновое дерево, золото, шкуры и рабов простодушным туземцам давали стеклянные шарики, зеркала, ножи, звонки, яркие ткани и т. д. В отдаленных, глубинных пунктах Африки эти предметы служат «ходовым товаром» и поныне.

Несмотря на то, что португальские корабли, вероятно, уже к 1448 году достигли Сьерра-Леоне, войны с Кастилией (за владение Канарскими островами, 1451—1454 годы) и с маврами задержали исследование Африки в последние годы жизни принца Генриха.

Тем больший исторический и географический интерес представляет сохранившийся отчет об одном плавании к африканскому побережью, совершенном в те годы. Это отчет венецианского авантюриста Альвизе Кадамосто¹, оставившего увлекательный рассказ о своих путешествиях, совершенных на службе у принца Генриха, и, возможно, первого из европейцев, увидевшего острова Зеленого мыса. Кадамосто родился в Венеции примерно в 1426 году, в 1445 году уехал на Кандию (Крит). Пять лет спустя мы видим его «знатным лучником» на «большой галере» в Александрии, а еще позднее он плавает на фламандской галере. По тем немногим сведениям, которые можно отыскать у писателей того времени, следует признать, что он не являлся профессиональным моряком, а был дворянином-торговцем и искателем приключений. В 1454 году вследствие того, что его отец оказался втянутым в тяжелый судебный процесс, закончившийся его изгнанием, Альвизе вместе со своим младшим братом Антонио покинул Венецию, отправившись на поиски приключений и богатства.

Случайно корабль Кадамосто на пути из Венеции во Фландрию был задержан противным ветром вблизи мыса Сан-Висенти, откуда было недалеко до Рипузеры — имения принца Генриха. Услышав, что близ берега стоит итальянское судно, принц послал туда своего секретаря с образцами африканских товаров. Товары возбудили любопытство молодого Кадамосто, и он «спросил... не разрешит ли господин плыть туда тому, кто пожелал бы этого». Когда же ему сообщили, что его услуги охотно примут, и расска-

¹ На венецианском диалекте — Альвизе да Мосто, хотя его имя более известно в английской транскрипции. Дом, где он родился, до сих пор стоит на Большом канале в Венеции, около моста Риальто. На доме есть доска с надписью, которая гласит: «Здесь родился Альвизе да Када Мосто. Он открыл острова Зеленого мыса. Он показал португальцам путь в Индию. По решению «Господина Сената», 1881».

зали об условиях службы — дележ привезенного груза и т. д., — он решил снарядить каравеллу и идти к африканскому берегу. «Я был молод, — писал он, — мог прекрасно переносить трудности, страстно желал поглядеть на мир и увидеть то, что еще не видал наш народ, а также рассчитывал приобрести почести и богатство».

Галера Кадамосто направилась сначала к Мадейре и к Канарским островам, а затем вдоль африканского побережья — причем Кадамосто постоянно вел записи о ветрах, течениях, местах высадки и встречах с местными жителями. Его описания племен, которые он посетил, весьма интересны и содержат много ценных сведений. По всему берегу близ мыса Бланко велась весьма оживленная торговля рабами, и отдавали «десять или пятнадцать рабов за одну из таких (берберийских) лошадей, в зависимости от ее качеств». Арабы выменивали на людей также гранадский и тунисский шелк. «В результате португальцы ежегодно увозили из Аргина тысячу рабов». Кадамосто рассказывает и о жителях пустыни — туарегах, об их обычае закрывать свои лица и дает им такую характеристику:

Лжецы, самые отвязленные в мире воры, очень склонные к предательству¹... У них черные волосы, они их постоянно смазывают рыбим жиром, так что волосы имеют отвратительный запах, и это считается изысканным... чем длиннее у женщины груди, тем она считается красивей, поэтому все женщины, чтобы их груди были длиннее, в возрасте семнадцати-восемнадцати лет, когда груди приобретают форму, перевязывают их веревкой, сильно оттягивая вниз. Таким способом груди вытягиваются, а так как женщины каждый день часто дергают за веревку, они еще более удлинняются, так что у многих они свешиваются до пупка. И та женщина, у которой самые длинные груди, холит их и гордится ими как редчайшей вещью.

Кадамосто рассказывает и о «немом торге»² солью, который имел место между купцами и чернокожими; чернокожие оставля-

¹ Характеристика туарегов сделана Кадамосто, по всей вероятности, со слов их злейших врагов, которые не останавливались и перед заведомой клеветой и ложью (см. О. Бернар, Северная и Западная Африка, 1949, стр. 321—325). — *Прим. ред.*

² «Немой торг» — обычай очень древнего происхождения и известен у многих первобытных народов с тех пор, как началась писаная история. Геродот, писавший в V веке до нашей эры, передает рассказ, слышанный им от карфагенян. Они плавали на юг дальше Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив) и торговали там с туземцами. Обычно они сгружали свои товары и складывали их на берегу, потом разводили костер, чтобы поднялся столб дыма, и удалялись на свои суда. Туземцы выходили на берег, осматривали товары, клали рядом с ними столько золота, сколько они считали справедливым, и уходили в свои укрытия, расположенные поблизости. Если карфагеняне были удовлетворены предложенной ценой, они подплывали к берегу, брали золото и отправлялись своим путем дальше. Если же они были не удовлетворены, то они возвращались на свои корабли и ждали там, пока туземцы не положат столько золота, сколько карфагеняне желали. «Никогда ни одна сторона не поступала

ют кучи соли и скрываются, а купцы кладут рядом с каждой кучей соли золото. Если обе стороны довольны, чернокожие берут золото, а купцы — соль¹.

Кадамосто наблюдал также и применение одного замечательного средства, которое с тех пор, как о нем рассказал венецианец, было забыто в течение почти шести столетий и вновь стало применяться лишь в наши дни — с благотворными результатами.

Купцы в Мали, близ мыса Бланко, может быть, не ясно понимали причину изнеможения от жары, однако Кадамосто указывает:

В определенные сезоны здесь стоит необычайно сильная жара. От этого кровь загнивает, так что, если бы не эта соль, они бы умирали. Средство, которым они пользуются, заключается в следующем: они берут немного соли, растворяют ее в кувшине, куда налито немного воды, и пьют этот напиток каждый день. Они говорят, что в этом их спасенье.

Пройдя Зеленый мыс, корабли Кадамосто достигли страны настоящих негритянских племен, представленных здесь племенем джаллофо². Торговля рабами тут процветала, невольников продавали и арабам и португальцам. Обычай населения Кадамосто описал детально и увлекательно. «Вы должны также знать, что в этих

нечестно по отношению к другой стороне, карфагеняне не касались золота, пока оно не соответствовало цене их товаров, и туземцы никогда не забирали товаров до тех пор, пока не было унесено золото». Аммиан Марцеллин, последний из великих римских историков (около 330 года нашей эры), писал о китайцах: «когда чужестранец переплывал их реку, чтобы приобрести у них одежду или иной какой-нибудь товар, они не вступали в разговор, а показывали желаемую цену товаров кивками и жестами». Фа Сянь, китайский паломник, побывавший на Цейлоне в начале VI века нашей эры, сообщает нам, что первоначально жителями этой страны являлись «дьяволы, с которыми купцы соседних стран торговали товарами путем обмена... Дьяволы не показывались, а выставляли свои товары в соответствии с обозначенными ценами и брали те товары, которые хотели».

«Немой торг» в той части Африки, которая теперь носит название Родезии, описан Гашпаром Вилозу в его докладе королю Мануэлу (около 1513 года), недавно обнаруженном Эриком Аксельсоном в Лиссабоне. (См. Transactions of the Rhodesia Scientific Association, Vol. XI, April, 1945, p. 73.)

[Фа Сянь, один из известнейших китайских путешественников раннего средневековья, совершил свое паломничество (к буддийским святыням) — из Северного Китая через Центральную Азию, Памир и Индию на Цейлон — не «в начале VI века», как ошибочно указано у Харта, а на 100 лет раньше — в 309—415 годах.

Гашпар Вилозу искал в начале второго десятилетия XVI века путей в золотосносные внутренние районы юго-восточной Африки, а именно — в страну Мономотапа. — *Прим. ред.*]

¹ До XX века соль являлась одним из важнейших товаров, которые доставлялись в тропическую Западную Африку караванами, шедшими из средиземноморских стран через пустыню Сахару. Часто для караванов эта соль (каменная) скупалась в некоторых оазисах Сахары. — *Прим. ред.*

² Джаллофо — одно из племен сенегальских негров волофов, говорящих на языке суданской группы. — *Прим. ред.*

землях мужчины выполняют многие женские работы, вроде прядения, стирки и тому подобное». Кадамосто высадился на берег и продал тут местному вождю несколько лошадей со сбруей, получив за это сотню рабов. Он говорит: «Как только тот увидел меня, он подарил мне молодую девушку, двенадцати или тринадцати лет, красивую, хотя она и была чрезвычайно черна, и притом сказал, что он дает ее мне для услужения в спальне. Я принял ее и отправил на свой корабль». Затем венецианец рассказывает об одном случае, свидетельствующем о большом мастерстве в плавании, достигнутом неграми побережья. Случилось так, что Кадамосто надо было послать кого-то с сообщением на его корабль, стоявший на расстоянии трех миль от берега, а море волновалось, дул сильный ветер, у берега были мели и банки и очень мощное течение. Плыть вызвались двое. Один не смог справиться с волнами и вернулся назад; «второй держался стойко, в течение часа боролся с волнами у песчаной банки, наконец переплыл ее, доставил сообщение на корабль и возвратился с ответом. Это показалось мне удивительным, и я пришел к убеждению, что, несомненно, эти прибрежные негры — лучшие пловцы во всем мире». В награду за услугу негр получил два грошовых слитка олова.

Путешествуя вдоль побережья, дружелюбно встречаемый туземцами, среди которых были и номинальные магометане, венецианец с удивлением видел многое, слишком многое, чтобы можно было передать все это в нашей книге, — тут и брачные обычаи, и порядок аудиенций у царька, и необычайные блюда, и пальмовое вино, и заклинатели змей, и отравленное оружие. В записках Кадамосто между прочим есть восхитительная страница о слонах. Венецианец любил ходить на базары, устраиваемые раз в две недели, смешиваясь с толпой и наблюдать, как там торгуются и ведут обмен товарами — ибо деньги не употреблялись. Он рассказывает и о том, как «негры, и мужчины и женщины, подходили поглядеть на меня, будто на чудо... Моя одежда удивляла их не меньше, чем белая кожа... некоторые трогали меня за плечи и за руки и терли меня слюной, чтобы узнать, не выкрашен ли я белой краской или это действительно мое тело, и, убедившись, что это так, раскрывали от удивления рты».

Кадамосто приглашал на борт своего корабля негров: это было для него великое развлечение. Негры приходили в ужас от арбалетов и от стрельбы бомбарды¹. А когда он сказал им, что одним выстрелом можно убить более ста человек, они были повержены в изумление и заявили, что это «выдумка дьявола». Один моряк,

¹ Арбалет — лук, прикрепленный перпендикулярно к деревянному ложу; метательное оружие большой силы.

Бомбарда — бронзовое или железное, стянутое кольцами, средневековое артиллерийское крепостное орудие, стрелявшее каменными или свинцовыми ядрами. — *Прим. ред.*

заиграл на волынке, украшенной лентами, и они решили, что это шепело на разные голоса живое существо. А когда им показали, как устроена волынка, они остались при убеждении, что «ее соорудил бог своими собственными руками, так сладко она звучит и на столь разные голоса». Корабельное оснащение было вне пределов их понимания, и они считали, что нарисованные на носу корабля глаза — это реальные глаза, которыми корабль способен видеть, когда он идет по воде¹. Этим простодушным людям чудесной казалась даже горящая свеча: они знали лишь огонь костра. Кадамосто показал им, как делать свечи из пчелиного воска, который они, выбрав мед, бросали. Когда Кадамосто зажег сделанную им самим свечу, восхищение негров было безгранично.

Корабль Кадамосто продолжал свой путь, никогда не упуская из вида берег. Встретились другие племена, враждебные и жестокие, не признающие никакой власти. Описывая эти берега, Кадамосто говорит:

На каждом нашем корабле находились негры-переводчики, привезенные из Португалии; они были когда-то проданы сенегальскими вождями первому португальцу, попавшему в эту страну негров. Эти рабы были обращены в христианство, хорошо знали испанский язык²; хозяева, вручая их нам, поставили условие, что в качестве платы за труд каждого из них мы отдадим им одного из невольников, которых привезем, и что если какой-нибудь из этих переводчиков доставит своему хозяину четырех рабов, то хозяин должен отпустить его на свободу.

Однако, когда один из этих переводчиков, отправившийся на сушу за сбором сведений, был изрублен на куски короткими мечами туземцев, Кадамосто пришел к выводу, что он достаточно углубился в эту враждебную страну, приказал поднять якоря и со всей поспешностью направился южнее, к реке Гамбия.

Поднявшись по этой реке примерно на четыре мили, корабли наткнулись на семнадцать военных челнов,

где было 150 [человек], не больше; они были очень хорошо сложены, чрезвычайно черны, все одеты в белые бумажные рубашки: кое на ком были маленькие белые шапочки... по обеим сторонам [шапочек] были белые крылья, а в середине перо. На носу каждого челна стоял негр с круглым, вероятно кожаным, щитом на руке.

Негры сразу пошли в наступление, осыпав корабли тучей стрел, но огонь бомбард скоро перепугал их и внес в их ряды

¹ Глаза на кораблях рисовали многие народы в течение ряда столетий (см. Dagyll Forde, *Ancient Mariners*, part IV).

² В своем повествовании Кадамосто очень часто «испанский» употребляет вместо «португальский» и «Испания» вместо «Португалия».

замешательство. Затем «моряки начали стрелять в них из арбалетов; первым разрядил свой арбалет незаконный сын этого генуэзского дворянина [Антоньотто Узодимаре, спутник Кадамосто по африканскому предприятию]. Он поразил негра в грудь, и тот мгновенно упал мертвым в челн». Хотя это сначала навело страх на туземцев и заставило их отступить, но скоро они возобновили атаку. «Тем не менее по милости бога ни один христианин не был поражен», несмотря на то, что река наполнилась мертвыми и умирающими неграми. В конце концов переводчику удалось договориться, чтобы один челн подошел на расстояние полета стрелы. И когда переводчик спросил, почему было произведено нападение на корабли, последовал ответ: «потому что они получили вести о нашем прибытии... потому что им хорошо известно, что мы, христиане, едим человеческое мясо и покупаем негров исключительно на съедение, и они не хотят нашей дружбы ни на каких условиях и хотят перебить нас всех до одного». И когда, вскоре после этого, капитан захотел продвинуться выше по реке, команда судов решила, что с нее хватит, «и в один голос закричала, что она не согласна на это и что она уже сделала в это плавание достаточно». Командиры поняли, что вот-вот вспыхнет мятеж, и отказались от своих планов, ибо, как замечает Кадамосто, моряки были «люди глупые и упрямые». И корабли «пошли в обратный путь, держа курс на Зеленый мыс и, во имя бога, на Испанию».

На следующий год (1456) венецианец со своим генуэзским спутником снова подготовил два судна, с тем чтобы отправиться и исследовать реку Гамбию дальше и продвинуться на юг вдоль побережья. Принц Генрих одобрил это предприятие и даже дал от себя полностью оснащенную каравеллу. На этот раз Кадамосто больше повезло в его взаимоотношениях с туземцами, жившими на реке Гамбия, чем в первое его плавание. Однако он нашел здесь мале золота, моряки жестоко страдали от лихорадки, и, покинув Гамбию, корабли пошли к Риу-Гранди. За исключением островов Зеленого мыса Кадамосто не открыл никаких новых земель, но и в это плавание он увидел и записал в своем отчете много необычайного. Это был человек трезвого ума, и его записки напоминают скорее дневники исследователей XIX века, чем писания кого-либо из его предшественников: записки Кадамосто можно рассматривать как первое тщательное и точное по тому времени описание виденных стран и народов¹. Он был смел и любознателен, он пробовал даже всякую незнакомую пищу, встречающуюся ему, от диковинных птиц до черепашек, от незнакомой рыбы до жареного слоновьего мяса. Он описал и необычай-

¹ Это утверждение неверно даже в отношении описаний африканских стран, превосходные образцы которых дал в XIV веке знаменитый арабский путешественник (родом из Танжера) Абу-Абдаллах-Мухаммед Ибн-Баттута. — *Прим. ред.*

ные длинные туземные весла с круглыми лопастями, и одежду туземцев, и татуировку у туземных женщин, и способы охоты на слонов. Он рассказал о бегемотах и гигантских летучих мышах и о многих диковинках, которые ему довелось увидеть. Он даже хранил соленую слоновью ногу и слоновье мясо, чтобы привезти это на родину. Эти вещи «я преподнес позднее в Испании господину дон Нейгич [sic], который принял их как чудесный подарок, — это был первый дар, полученный им из страны, открытой благодаря его энергии».

Наконец, когда корабли достигли земель, где население уже не понимало негров-переводчиков и те тоже не могли понять туземцев¹, Кадамосто решил остановиться, повернул обратно и добрался до Португалии без особых дальнейших приключений.

В качестве приложения к своему отчету Кадамосто записал краткий рассказ о путешествии, которое совершил в Африку его португальский друг; имя этого человека не названо, оно неизвестно и по другим источникам. Этот молодой человек плывал вместе с Перу ди Синтра² вдоль побережья до Сьерра-Леоне и, возвратившись на родину, поведал о своих приключениях Кадамосто. Венецианец записал наблюдения своего друга — они касались виденных людей и их обычаев; упоминаются между прочим «знаки, нанесенные на лица и тела раскаленным железом».

У этих людей уши все в дырах, в них они носят много маленьких золотых колец, рядами, один к одному, нижняя часть носа у них проколота посредине [через носовую перегородку] и в ней продето золотое кольцо, точно таким же образом, как продевают кольца нашим буйволам, а когда они хотят есть, то кольцо они отодвигают в сторону.

Путешественник рассказал, что около Сьера-Леоне люди цагге³, что когда трое из них пришли на борт каравеллы, португальский капитан одного схватил и задержал. «Он сделал это,

¹ Нигде в Африке нет такого многоязычия, как в тропических странах Западной Африки, начиная от реки Сенегал и до Камеруна. Местные жители могли перестать понимать чужих негров-переводчиков в нескольких десятках километров от пункта, где переводчики были захвачены португальцами. Вследствие этого нельзя судить, до какого именно района Гвинейского побережья дошел Кадамосто. — *Прим. ред.*

² Перу ди Синтра в 1461 или 1462 году продвинулся от островов Бисагуш далеко на юго-восток — вероятно, за 5° северной широты, до мыса Палмаш (Пальм) и открыл Область Южных рек (приморскую полосу нынешней Французской Гвинеи), Сьерра-Леоне и «Перечный берег» (теперь — Либерия). — *Прим. ред.*

³ Автор по личным наблюдениям может подтвердить, что в этом районе можно часто видеть, как превосходно сложенные мужчины и мальчики, живущие в прибрежных селениях, плавают или бегают на морском берегу совершенно голые. Повидимому, это отнюдь не наносит ущерба их прирожденному чувству достоинства и уважения к себе. Они напоминают скорее бронзовые статуи, чем голых людей. Они и сейчас великолепные пловцы и гребцы.

повинуясь его величеству королю». Существовал постоянно действовавший приказ, гласивший, что капитаны должны «силой или убеждением увести негра» из любой страны, население которой говорит на языке, незнакомом переводчикам. Несчастный посетитель каравеллы был увезен в Португалию и представлен королю, который принял все меры к тому, чтобы отыскать человека, понимающего язык невольника.

Наконец, негритянка, рабыня одного лиссабонца, тоже привезенная из далекой страны, поняла его, но лишь тогда, когда он заговорил не на своем родном языке, а на другом, известном и ему и ей. Что сказал этот негр королю через эту женщину, я не знаю, знаю лишь, что он, среди всего прочего, имеющегося на его родине, назвал живых единорогов. Указанный король, поддерживая его несколько месяцев и многое показав ему в своем королевстве, дал ему одежду и весьма милостиво отправил его на каравелле в его родную страну.

Таким образом, рассказ кончается счастливо¹.

Другой отчет, относящийся к тому же периоду, повествует о плавании Диогу Гомиша к берегам Сенегамбии на каравелле «Пикансу» («Дятел») — одно из немногих названий судов, дошедших до нас от той эпохи. Корабль был снаряжен принцем Генрихом и отплыл в 1456 или в 1457 году. Плавание на «Пикансу» лишь дополнило новыми подробностями те данные относительно этой части африканского побережья, которые уже раньше собрали португальские исследователи. В отчете о втором плавании, совершенном Гомишем два года спустя, содержатся горькие жалобы на то, что работорговля приходит в упадок, «ибо если мавры [на Гвинейском берегу] давали по семь рабов за одного коня, то теперь они дают не больше шести».

Этот отчет достоин внимания, потому что содержит первое упоминание об использовании квадранта в мореплавании. В заключительных строках отчета описывается возвращение Гомиша в Лиссабон, поездка короля в Опорто и дикое, варварское сожжение живым одного португальца за продажу оружия маврам. В печи был разведен огонь, и «король приказал, чтобы... его бросили туда вместе с его мечом и золотом».

В ноябре 1460 года принц Генрих отправился к праотцам и был погребен в часовне монастыря Баталья². Основположник навигационной науки в Португалии, инициатор посылки систематических

¹ Кадамосто уехал из Португалии в 1463 году, спустя три года после смерти принца Генриха.

² Баталья — городок в 160 километрах к северу от Лиссабона; возник возле одноименного монастыря, который был построен на месте победоносного сражения у Алжубарроты (1385), когда португальцы отстаивали независимость своей страны от Кастилии. В церкви находятся гробницы португальских королей и принцев Авишской династии XV века. — *Прим. ред.*

исследовательских экспедиций, мечтатель, никогда не забывавший о своей цели — открытии морского пути в Индию, — он умер, когда его хорошо продуманные планы еще не принесли своих плодов. Но его имя навеки останется и в португальской и в мировой истории, ибо его великий труд, через тридцать восемь лет после его смерти, был увенчан триумфальным плаванием Васко да Гамы.

Дуарти Пашеку Пирейра¹, известный мореплаватель и современник Гамы, так выразил взгляд португальцев на деятельность принца Генриха:

... он вызвал с Мальорки мастера Жакоме, искусного картографа... и многими дарами и милостями привлек его к нашему королевству, где тот учил людей своему мастерству... Все эти и другие славные дела... были совершены этим добродетельным принцем, не говоря об открытии Гвинеи вплоть до Serra Luoa [Сьерра-Леоне]. Мы должны поэтому молить бога за его душу... Выгоды, проистекающие для Португалии, таковы, что и ее король и народ весьма обязаны ему, ибо в открытой им стране находит себе пропитание значительная часть португальского народа, а португальские короли извлекают из торговли большие доходы; ибо... когда в торговле этой страны [побережье Африки до Сьерра-Леоне] был наведен порядок, она давала ежегодно три с половиной тысячи рабов и больше, много слоновых бивней, золота, прекрасной хлопчатобумажной ткани и много других товаров. Посему мы должны молить бога за душу принца Генриха, ибо открытие им этой страны привело к открытию другой Гвинеи за Serra Luoa и к открытию Индии, торговля с которой приносит нам изобилие и богатство.

Португальцы всеми силами старались сохранить свою монополию торговли на африканском побережье, в особенности в связи с тем, что аналогичные претензии предъявляла Испания. Ввиду этого короли Португалии, и при жизни Генриха и после его смерти, стремились держать в тайне как можно больше сведений о морях, по которым португальцы плавали, и о землях, в которых они побывали. Морские и иные карты, глобусы и документы под-

¹ Сочинение Дуарти Пашеку Пирейры «Esmeraldo de Situ Orbis», несмотря на то, что оно написано в первое десятилетие XVI века, и поныне остается ценнейшим трудом, содержащим личные наблюдения автора об Атлантическом океане, о берегах и населении Африки вплоть до мыса Доброй Надежды. Из пяти предполагаемых книг сохранились лишь три и отрывок четвертой. К несчастью, подлинная рукопись в XVIII веке была потеряна, а на два списка с нее, хранившихся в португальских библиотеках, никто не обращал внимания до 1892 года, когда труд был опубликован в ознаменование четырехсотлетия плавания Колумба в Америку.

Дуарти Пашеку Пирейра вычурно — в стиле того времени — назвал свой труд «Изумрудной (книгой) о строении земли». В восьмидесятых годах XV века он неоднократно плавал в тропические страны Западной Африки. В 1488 году потерпел крушение у острова Принсипи (Гвинейский залив); подобрал его с частью команды возвращавшийся на родину Бартоломеу Диаш. — *Прим. ред.*

вергались цензуре или держались в секрете, дабы они не разжигали зависть и алчность других морских держав и не дали им возможности использовать результаты португальских открытий¹.

Морякам запрещалось рассказывать о своих путешествиях, отчеты о плаваниях сознательно искажались, при иностранных дворах и в портах действовала обширная сеть шпионов. Уже в 1501 году Анджело Тревизан, секретарь венецианского представителя (ogatore) в Испании, отвечая хронисту Доменико Малипьеро, запрашивавшему насчет плавания Кабрала в Индию, писал, что «карту этого плавания достать невозможно, так как король приказал наказывать смертной казнью всякого, кто вышлет ее за пределы государства»².

Первым важным мероприятием, проведенным королем Афонсу V в развитие политики принца Генриха, была передача в 1469 году сроком на пять лет монопольных прав на торговлю с Гвинеей в аренду «уважаемому гражданину Лиссабона» Фернанду Гомишу при условии, что за этот пятилетний срок будет обследовано по крайней мере пятьсот лиг африканского побережья в той его части, куда португальцы еще не проникали. Сам король вошел в дело компаньоном: вся слоновая кость, получаемая в Гвинее, должна была по твердой цене продаваться ему, он в свою очередь с выгодой перепродавал ее Мартину Ианишу Боавиажену. Это предприятие было для Гомиша удачным: в январе 1471 года его агенты, посетив Золотой Берег, обнаружили там богатые россыпи золота. Когда истек дополнительный год действия аренды, который дал ему король, Гомиш (за участие в войне с маврами в Марокко получивший звание рыцаря) был назначен королевским советником и ему был присвоен герб: «по серебряному полю три негритянские головы, у каждой головы три золотых кольца — в ушах и в носу, золотое ожерелье на шее, а также новую фамилию «да Мина» (копья) в память его открытия». Самым южным пунктом, достигнутым кормчими Гомиша, был мыс Сент-Катерин, на два градуса южнее экватора; а экспедиции Гомиша исследовали

¹ «Португалия скрывала от иностранцев свои морские карты и держала в секрете доклады своих замечательных мореходов. Какой португальский корабль оставил карронады в заливе Нейпир Брум, в северо-западной Австралии? Сейчас они находятся в адмиралтействе в Сиднее; небольшие бронзовые пушки с португальской короной, относящиеся к XV или началу XVI столетия» (Paul McGilge, Australia, Her Heritage, Her Future).

[Португалец Жоржи Минезиш уже в 1526 году открыл северо-западный берег Новой Гвинеи. Позднее, и во всяком случае до открытия (в 1606 году) северной Австралии голландской экспедицией Янса и испанской экспедицией Торреса, португальцы (вероятно, случайно), несомненно, посещали северо-западное побережье Австралии. Об этом свидетельствует не только находка португальских карронад, о которой говорит Харт, но и некоторые дошедшие до нас морские карты XVI века. — Прим. ред.]

² «Da carta de qual viazo non è possibile haverne, che il re ha messo pena la vita a chi la dà fora».

моря от Либерии до Камеруна. К своему удивлению они обнаружили, что береговая линия здесь идет не с запада на восток, а поворачивает на юг; таким образом, рухнула их надежда на то, что они до сих пор плыли вдоль южного берега материка¹.

По своеобразному выражению хрониста Барруша, «поскольку все государи посвящают большую часть своей жизни занятиям, соответствующим их склонностям, король дон Афонсу начал пренебрегать делами, связанными с этим открытием, и стал восхвалять предприятия, проводившиеся в связи с африканской войной [в Марокко]». Поэтому, когда истек срок аренды Гомиша, все руководство торговлей и исследованием в Африке король передал в руки своего девятнадцатилетнего сына дона Жуана; как гласили строгие королевские указы, ему передавалась монополия торговли на Африканском побережье, все права и привилегии, какими раньше пользовался принц Генрих. В то же время была вновь восстановлена система премий, поощрений и льгот за строительство и снаряжение морских судов. Все суда, торгующие с Африкой, во избежание захвата их как пиратских, должны были иметь королевские лицензии.

Однако исследование Африки в сильной степени задержалось вследствие войны между Португалией и Кастилией (1475—1479), во время которой фландрские², английские и испанские пираты расстраивали торговлю и нападали на прибрежные поселения. Монопольную торговлю в Африке португальцы считали своим священным достоянием, и такое своеволие иностранцев вызывало у них негодование. Один хронист того времени, говоря о моряках из Фландрии, которые «осмелились заплывать со своими товарами до Минны» (теперь Эльмина, на Золотом Берегу), пишет, что они справедливо испытали гнев божий:

поскольку они не боялись ни отлучения со стороны святых отцов... ни запретов святой матери-церкви, бог уготовил им дурной конец: на обратном пути из Минны... они стали на якорь на глубине двадцати пяти морских саженей, но так как дно вдоль всего берега скалистое, ночью канат перетерся, и ветром,

¹ Корабли Гомиша плавали вдоль гвинейских берегов, примерно на тех широтах, на которых в «Индийском море» (океане) на распространенных тогда картах мира показывался остров Цейлон и «Золотой Херсонес», то есть полуостров Малакка (тот и другой, конечно, с полужантаслическими очертаниями). Португальцы поэтому считали, что они находятся на прямом и сравнительно коротком морском пути к настоящей «полуденной» Индии. Поворот берега (Гвинейского залива) на юг означал, в лучшем случае, что путь к Индии удлиняется на многие сотни, а может быть, и на тысячи миль; в худшем же случае — могло оказаться, что прямого морского пути из Атлантического океана в «Индийское море» совсем нет, так как Африка сливается с Южным материком, простирающимся до полюса. — *Прим. ред.*

² Под фландрскими пиратами здесь подразумеваются нидерландские пираты (фламандцы и голландцы). — *Прим. ред.*

дующим с моря, их корабль прибило к берегу, где он и погиб. Тамошние негры съели тридцать пять фламандцев — всю команду¹.

Когда Жуан II в 1481 году наследовал трон Португалии, он сразу проявил свою заинтересованность в развитии африканской торговли и решимость продолжать исследование Африки². Первой значительной экспедицией в царствование Жуана II была экспедиция в 1482 году под руководством Диогу Кана, моряка, уже знакомого с Гвинейским берегом³.

Во время плаваний Диогу Кана — сведений о них дошло очень немного — впервые вошли в употребление каменные падраны. Это были столбы, на которых возвышался камень в виде куба с крестом; на одной стороне столба наносился португальский герб и имя короля, а на другой стороне имя исследователя и дата открытия — по-латыни и по-португальски (или только по-португальски). Мысль ставить падраны подал король Жуан. Они устанавливались на заметных местах в важнейших посещаемых пунктах, при этом имелись в виду четыре цели. Во-первых, они были конкретным доказательством, что путешественник действительно достиг того места, об открытии которого заявил; во-вторых, падраны были превосходными ориентирами; в-третьих, они должны были служить бесспорным доказательством приоритета и суверенитета Португалии; и, наконец, увенчанные крестом, они являлись наглядным символом христианской веры в языческих землях. Несколько падранов — целиком или частично — сохранилось и поныне, а их обозначения имеются на картах того времени⁴.

Кан осторожно продвигался вдоль берега и скоро оставил за собой самый южный пункт, достигнутый судами Гомиша. В начале августа корабли Кана оказались в водах, которые, в нескольких милях от берега, были светлее и преснее обычного: все свиде-

¹ Из позднейших европейских путешественников лишь немногие указывали на случаи людоедства среди некоторых племен негров, живущих к западу и северо-западу от Золотого Берега, но такие единичные указания никогда не сопровождались убедительными доказательствами существования людоедства. На самом же Золотом Берегу и к востоку от него — в Дагбмее исторически доказаны у некоторых этнических групп человеческие жертвоприношения, связанные с религиозными обрядностями, но не доказано, что мясо жертв съедлось. — *Прим. ред.*

² Поскольку изложение чисто местных событий в Западной Африке — как бы ни были они интересны — не входит в задачу книги, материал о них по большей части опущен.

³ В те времена все побережье Западной Африки португальцы называли «Гвиней».

⁴ Для обозначения важнейших мест, достигнутых на побережье, а также для доказательства португальского приоритета в отношении открытия и владения данной местностью португальцы, до того времени, как начали воздвигать падраны, устанавливали легко исчезающие деревянные кресты или вырезывали на деревьях надписи.

тельствовало о том, что где-то недалеко вливался могучий поток пресной воды. Кан высадился на берег и поставил падран, назвав его «падран святого Георгия», а реку — Риу ду Падран¹. Это был тот могучий поток, который теперь известен как река Конго².

Кан поднялся на небольшое расстояние вверх по реке, он вел торговлю с туземцами, объясняясь с ними жестами. Затем он продолжал свое плавание по морю, идя к югу вдоль побережья Анголы до мыса Санта-Мария³, где поставил второй падран (ныне находится в Лиссабонском музее). Захватив четырех туземцев в качестве заложников за нескольких матросов, отправившихся вглубь материка и не возвратившихся, Кан направился в Лиссабон. Король Жуан дал ему звание рыцаря, назначил пенсию и в 1484 году вновь направил в Африку вместе с привезенными четырьмя заложниками.

Прибыв к устью Конго, Кан нашел своих четырех «потерянных» матросов в полной безопасности и здравии — они ждали возвращения своего капитана. Вследствие этого заложники, с соответствующими подарками, были отпущены на свободу.

Вновь поплыв к югу вдоль побережья, Кан прошел почти 1500 миль за мыс Сент-Катерин; он достиг мыса Кросс⁴. С этого момента данные источников о судьбе Диогу Кана расходятся. Одни утверждают, что Кан умер близ мыса Кросс, другие — что он возвратился в Португалию. Недатированная надпись на скале на берегу нижнего Конго, около Иелала, как будто свидетельствует, что он поднялся на некоторое расстояние вверх по Конго. Интересно отметить, что рядом с именем Кана на этой скале высечено имя Перу ди Ишколара, позднее кормчего на одном из кораблей Васко да Гамы, и Жуана ди Сантиагу, который в 1487 году вместе с Бартоломеу Диашем обогнул мыс Доброй Надежды, а также Гонсалу Алвариша, хозяина корабля «Сан-Габриэл», входившего во флотилию Гамы⁵.

Сведения, доставленные различными экспедициями, посланными королем Жуаном, лишь разжигали его аппетит к новым

¹ Название Пунта-да-Падран (мыс Падран) до настоящего времени сохранилось за южным мысом в устье Конго. — *Прим. ред.*

² Это было первое в истории упоминание названия Конго. В ранних документах и описаниях эту реку часто называли Заире.

³ Мыс Санта-Мария — у 13½° южной широты, к юго-западу от порта Бенгела Анголы. — *Прим. ред.*

⁴ Падран, поставленный Каном на мысе Кросс, был найден там в 1893 году и теперь находится в Германия.

[Мыс Кросс — у 22° южной широты, к северу от Китовой бухты, в Юго-Западной Африке. — *Прим. ред.*]

⁵ Четыре падрана, поставленные Каном во время его двух путешествий, сохранились до сих пор целиком или в обломках; на двух можно прочесть и надписи. В 1887 году обнаружено, что обломки одного падрана местные туземцы хранили как фетиш.

открытиям и расширению торговли. Помимо этого интерес к священнику Иоанну, легендарному христианскому монарху страны, расположенной где-то в Африке или Азии, стал еще более острым после того, как король Жуан услышал рассказы западноафриканского царя страны Бенин (Западная Африка)¹, приехавшего в Португалию. Жуану казалось, что рассказы этого властителя были похожи на те легенды о священнике Иоанне, которые ходили по всей Европе, и постепенно страна Иоанна стала притягивать внимание португальского короля наряду с Индией. На быстрейшие поиски этих стран были отправлены тогда две экспедиции: первая — сухопутная экспедиция Перу ди Ковильяна (см. главу пятую), вторая — морская, под руководством Бартоломеу Диаша.

¹ Бенин — негритянское рабовладельческое государство, расположенное у одноименной бухты Гвинейского залива, к востоку от Золотого Берега и Дагомеи. Государство это возникло в X веке в наиболее густо населенной области всей Африки (если исключить долину Нила в Египте). Именно эта высокая плотность населения, облегчавшая охоту на людей, особенно привлекала к берегам Бенина португальцев, а затем и работорговцев из других западноевропейских стран. Отсюда сохранившееся до нашего времени название этого участка Гвинейского побережья: Невольничий берег. Формально независимое государство Бенин существовало до последней четверти XIX века. Английские империалисты сначала объявили его протекторатом (1886), а через десять лет включили в состав Британской Нигерии (1897). — *Прим. ред.*

БАРТОЛОМЕУ ДИАШ И ОТКРЫТИЕ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

О смерч роковой, окутанный мглой!
Пучина морская!
Не молкнет рев, потрясающий рев
Твоих разъяренных, кипящих валов,
И вторят чудовища им, завывая.

Ночами, о море, рыдаешь ты в горе,
Гремя, содрогаясь;
И в холод и в бурю — всегда
На водах твоих несутся суда,
Под песни бесстрашных матросов качаясь.

*Герра-Жункейру¹, «Голоса из
рыбачьих хижин».*

Подлинные сообщения о замечательном плавании Диаша до нас не дошли, некоторые даты этого путешествия не установлены² и, изучая одно из самых важных событий в истории морских открытий, мы располагаем лишь краткими и скудными заметками и упоминаниями в сочинениях хронистов того времени. Для расширения географического кругозора Европы на исходе XV века результаты плавания Диаша имели первостепенное значение. Хотя путешествия Колумба оказали на ход мировой истории более могучее и глубокое воздействие, однако открытие южной оконечности Африки дало свои результаты гораздо быстрее.

О личности Бартоломеу Диаша — или, воспроизводя его имя полностью, Бартоломеу Диаша ди Новаиш — до тех пор, пока он не отправился в свое знаменательное путешествие, известно очень немного. Полагают, что он происходит из рода Жуана Диаша, первым обогнувшего мыс Бохадор, и Диниша Диаша, открывшего Зеленый мыс. Придворный и в то же время опытный мореход, он был капитаном каравеллы, плававшей в 1481 году в составе

¹ Герра-Жункейру (1850—1923) — выдающийся португальский поэт. В период расцвета своего творчества был одним из наиболее ярких представителей буржуазно-демократической литературной Коимбрской школы. — *Прим. ред.*

² Здесь не рассматриваются спорные вопросы о датах плавания Диаша. Подробности по этому вопросу можно найти в книге Richard Hennig, *Terrae Incognitae*, IV, p. 387.

экспедиции Диогу Азамбужа¹ к берегам Африки. Одно время он состоял управляющим (superintendent) королевскими складами в Лиссабоне. Начальником экспедиции Диаш был назначен в октябре 1486 года, но по каким-то неизвестным причинам корабли не выходили в путь до августа следующего года.

Корабли были подготовлены и снаряжены на этот раз лучше, чем когда-либо раньше. Это должно было быть не простое береговое плавание с частыми высадками на пути, а экспедиция с определенной целью: найти и обогнуть южную оконечность Африки, найти морской путь в Индию. К тому времени португальские моряки хорошо ознакомились с Гвинейским берегом, а за последние пятьдесят лет навигационная наука и кораблестроение сделали исключительно быстрые успехи. Вдобавок на этот раз был принят новый мудрый план. Ранее многие суда вынуждены были приставать к враждебным берегам или преждевременно возвращаться в Португалию из-за отсутствия продовольствия. К тому же очень часто так снаряженные суда заходили далеко в море, где нельзя было добыть необходимые запасы или свежую воду. Во избежание этого двум каравеллам (поразительно маленьким и не отвечавшим тогдашним требованиям² было придано грузовое судно— на нем помещались дополнительные продовольственные запасы, вода, запасные корабельные принадлежности и снасти для замены при ремонте³.

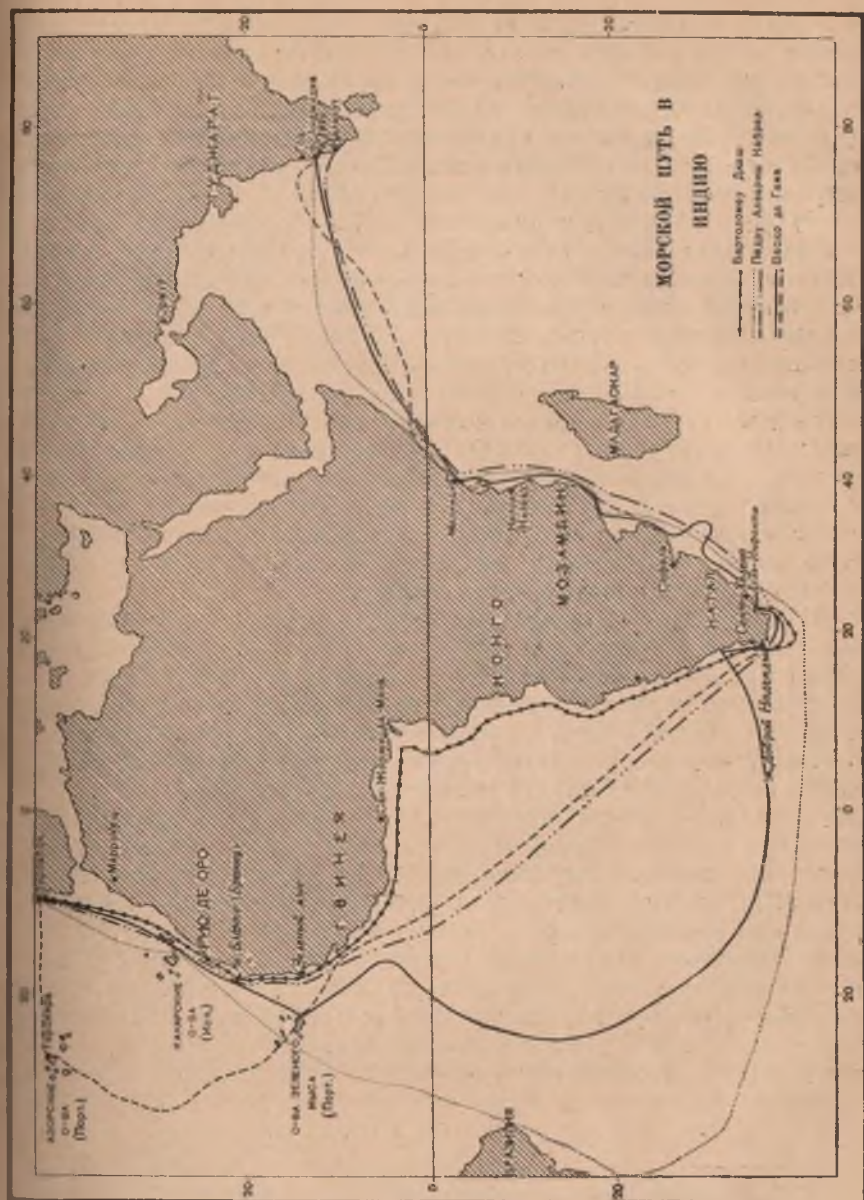
Главным кормчим экспедиции был Перу д'Аленкер, один из известнейших мореходов того времени⁴. Он был близок к королю и согласно королевской грамоте имел право носить шелковую одежду и на шее золотую цепь, к которой подвешивался свисток. Ризенди, хронист царствования дон Жуана, описывая обед у короля, на котором присутствовал Аленкер, называет его «величайшим гвинейским кормчим» («muito grande piloto de Guiné»). Следующий эпизод показывает, как прочно было положение Аленкера

¹ Диогу Азамбужа построил в 1482 году на Золотом Берегу у 5° северной широты, близ крупного золотого месторождения Апроби, форт Сан-Жоржи-да-Мина, более известный под сокращенным названием Мина (нередко неправильно Эльмина). Этот форт до 1637 года (когда его захватили голландцы) был важным военно-морским опорным пунктом португальцев на Гвинейском побережье, а также местом работоторговли и добычи золота; гораздо меньшую роль играла там скупка слоновой кости. — *Прим. ред.*

² Автор не учитывает того, что для плавания у неизвестных берегов ненадежны и даже опасны именно крупные, а не малые суда. — *Прим. ред.*

³ Вероятно, хотя отнюдь не достоверно, флагманский корабль Диаша назывался «Сан-Криштован». Капитаном его был некий Лейтан, о котором ничего неизвестно; это, возможно, не фамилия, а прозвище: «leitão» по-португальски значит «молочный поросенок».

⁴ Перу Аленкер после возвращения из этой экспедиции в 1490 году плавал с португальским послом Гонсалу да Соуза в страну Конго, а в 1497—1499 годах, в первой экспедиции Васко да Гамы, был кормчим на флагманском корабле «Сан-Габриэл». — *Прим. ред.*



Морской путь в Индию.

и каким доверием он пользовался; этот эпизод бросает свет также на то, в каком строгом секрете португальская корона старалась держать все относящееся к африканской торговле. Аленкер сидел за одним столом с королем, в комнате было полно придворных. Возник спор о сравнительных достоинствах различных типов кораблей, плавающих между Гвинеей и Пиренейским полуостровом. Король сказал, что *navios redondos* («круглые корабли»¹) не подходят для плавания. Аленкер, прекрасно знавший побережье, заявил, что он может плыть на любых судах, независимо от их величины. Король возразил, что это невозможно, что по его приказанию предпринималось немало попыток и «круглые корабли» всегда терпели неудачу. Аленкер, тем не менее, горячо настаивал и ручался, что он в любое время, если нужно, совершит плавание и на таких судах. Это так рассердило короля, что он встал из-за стола и покинул комнату, бросив замечание: «Нет ничего такого, что дурак считал бы невозможным, а на поверку у него ничего и не выйдет». Спустя несколько минут Аленкера позвали к королю. Дон Жуан попросил у кормчего извинения за резкие слова и пояснил, что он сказал их намеренно, с тем чтобы прекратить споры: все важные сведения о путешествиях в Гвинею он желает держать в строжайшем секрете.

Рыцарь Жуан Инфанти был капитаном второго корабля «Сан-Панталиан»; кормчим там был Алвару Мартинш, а штурманом — Жуан Грегу. Грузовым кораблем командовал Диогу Диаш, брат Бартоломеу, кормчим был Жуан ди Сантьягу, принимавший участие в экспедиции Кана и хорошо знакомый с африканским побережьем. Как говорит нам Барруш, «все они истинные знатоки дела» («*todos cada hum em seu mister mui espertos*»).

Флотилия отплыла в августе 1487 года. На борту кораблей, плывших вниз по Тежу в открытое море, было по крайней мере шесть счастливых. Это были два негра, насильно привезенные в Лиссабон Каном, и четыре негритянки, захваченные португальцами на Гвинейском берегу в одну из предшествующих экспедиций. Шестерых невольников хорошо кормили, и одеты они были в европейское платье; их предполагали высадить в разных местах по побережью, предварительно снабдив образцами золота, серебра, пряностей и других нужных африканских товаров и наказав им убеждать туземцев вести торговлю. Они должны были также повсюду рассказывать о могуществе и богатстве Португалии. Была надежда, что эти рассказы в конце концов дойдут до свя-

¹ «Круглые корабли» — корабли с квадратными парусами. Жуан доказывал, что только каравеллы (оснащенные латинскими парусами) могут плавать вдоль африканского побережья, преодолевая ветры и течения. Такие каравеллы были лишь в Португалии.

[Это не верно, ими уже пользовались и кастильцы, и каталонцы, и другие мореходы Южной Европы. — Прим. ред.]

щенника Иоанна, которого португальцы давно и тщетно разыскивали. С особым вниманием выбирали для этого путешествия негрятянок: считали, что женщины, «с которыми мужчины не воюют», не будут обижать и что они, если их высадить в чужих для них местах, скоро вновь выйдут к берегу, а на обратном пути корабли подберут их и доставят в Португалию¹. Диаш направился к устью Конго и затем с большой осторожностью следовал вдоль незнакомых берегов. Двух негров спокойно высадили в местности, названной Ангра-ду-Салту. А высадка «не подвергавшихся опасности» негрятенок среди незнакомого населения, возможно, представлявшаяся теоретически превосходным мероприятием, на деле прошла не столь гладко. Одну из них высадили в Гавани Островов (Ангра-душ-Ильоиш, отождествляют с Ангра-Пекена), где Диаш поставил первый свой падран. Вторую негрятенку высадили на берег в гавани, названной Ангра-даш-Волташ. Третья негрятенка умерла на борту. Проплыв вдоль берега дальше и достигнув залива, названного Диашем Ангра-душ-Ильоиш-ди-Санта Круж, моряки поймали двух туземных женщин, собиравших ракушки в мелкой воде у берега. Последняя из невольниц, оставшаяся на корабле, была высажена на берег и отпущена на свободу вместе с двумя вновь захваченными. Насколько известно, ни об одном из этих шести своих подневольных агентов португальцы впоследствии не слышали ни слова.

Вскоре после этого инцидента корабли Диаша застигла непогода, которая быстро перешла в шторм, и в течение тринадцати суток корабли были вынуждены идти с зарифленными парусами². Высокие волны навели страх на матросов, и «поскольку корабли были очень малы, а море холоднее, чем у Гвинеи, и совсем не такое, как там... они считали себя погибшими». Наконец шторм стих, и Диаш, полагая, что его отнесло далеко в сторону от намеченного курса, приказал идти к востоку, чтобы приблизиться к берегу. Он, естественно, считал, что берег здесь идет с севера на юг, как он уже в этом убедился раньше. Однако прошло несколько дней плавания, а земли все не было, и Диаш приказал повернуть на север. Наконец на горизонте показались высокие горы, корабли приблизились к берегу, и 3 февраля 1488 года усталые моряки бросили якорь в бухте, называемой ныне бухта Моссел. Они обогнули мыс Доброй Надежды во время бури, не подозревая об этом!

¹ На кораблях имелись три падрана, Диаш должен был по своему усмотрению установить их в обследованных им местах.

² Равенстейн подвергает сомнению указанный в источниках характер шторма и его продолжительность.

[Равенстейн, Эрнст Джордж — английский переводчик и комментатор «Журнала первого плавания Васко да Гамы, 1497—1499», Лондон, 1898, в комментатор старинной английской книги «Необычайные приключения Эндрыю Баттела», Лондон, 1900. — *Прим. ред.*]

Берега бухты представляли собой спускающиеся к морю зеленые пастбища, и с палубы можно было разглядеть пастухов и их многочисленные стада. Диаш и кое-кто из его матросов высадились на берег, захватив разные безделушки для туземцев, чтобы разузнать что-нибудь о стране, в которую они попали. Голые чернокожие люди¹ при виде кораблей с большими парусами пришли в ужас, и когда к ним приблизились странно одетые, невиданные белые люди — они бросились бежать прочь. Поспешно собирали они свой скот и гнали его к холмам, даже не взглянув на предлагаемые им дары. Диаш, убедившись, что у пастухов он не сможет выведать ничего, дал указания своим людям поискать питьевой воды, которой на судах оставалось мало. У подошвы горы, недалеко от берега, нашли ручей. С кораблей доставили бочки и стали их наполнять водой. Тем временем туземцы пробрались на вершину горы и, крича и жестикулируя, старались прогнать пришельцев. Поскольку моряки не обращали на это внимания и продолжали свое дело, чернокожие осмелели и, рассердившись, начали кидать в португальцев камнями. Диаш погрозил им арбалетом, но коль скоро они никогда не видели такого оружия, это их не испугало. В конце концов, не зная, как быть, Диаш выпустил стрелу и убил одного чернокожего, и тогда они скрылись². Таким образом, о жителях страны узнали лишь то, что они пасут скот и что «волосы у них, как и у жителей Гвинеи, напоминают шерсть». Эту гавань называли Баиа-душ-Вакейруш (гавань Пастухов), в память того, что здесь встретили стада и пастухов.

Все еще не зная, куда его занесло ужасным штормом и где он находится, Диаш распорядился плыть дальше на восток вдоль берега, «которым капитан был весьма удовлетворен». Плыли очень медленно, приходилось напряженно бороться с течением Агульяш и ветрами. Высадку совершили лишь в заливе Алгоа³, там же установили падран. И в это время,

поскольку все истомились и натерпелись страху, проходя через большие моря, то все в один голос начали роптать и требовать прекращения плавания; говорили, что продовольствие совсем кончится, [прежде чем они смогут] вернуться к грузовому кораблю, оставшемуся далеко позади, и что до того времени все они умрут от голода, если будут продвигаться вперед. Говорили, что для од-

¹ Португальцы встретили там готтентотов, которых вряд ли можно назвать «чернокожими». — *Прим. ред.*

² Туземец, убитый арбалетом Диаша, был назван «первой жертвой агрессии белых в Южной Африке».

³ Алгоа, старо-португальское *a la Goa*, значит «по направлению к Гоа» (Индия); название дано, конечно, не во время этой экспедиции, а в XVI веке, когда город Гоа стал важнейшим португальским опорным пунктом в Индии. Тогда же дано и противоположное по смыслу название для другой бухты — Делагоа, старо-португальское *de la Goa* — «от Гоа». — *Прим. ред.*

ного путешествия вполне достаточно того, что сделано; ведь они открыли берег большой протяженности, они привезут важные новости о своем открытии (а именно), что земля тянется в основном к востоку; очевидно, они прошли какой-то великий мыс — и лучше всего повернуть обратно и отыскать его.

Ввиду того, что нельзя было игнорировать всеобщий ропот, Диаш спустился на берег и устроил совещание со своими капитанами и офицерами¹, а также «с некоторыми вожаками-матросами». Он предложил им сказать под присягой, как, по их мнению, лучше всего нужно действовать людям, находящимся на королевской службе. Все как один пришли к выводу, что самым разумным будет возвращаться в Португалию. Желая зафиксировать общее решение и тем обезопасить себя на будущее, Диаш предложил каждому подписаться под составленным документом. Когда документ был подписан, он попросил у них одолжения — разрешить плыть вперед в течение двух или трех дней, после чего — он торжественно обещал это — он повернет назад и возьмет курс на Португалию. Капитаны дали Диашу согласие, якоря были подняты и корабли вновь медленно поплыли вдоль берега.

Как раз перед тем как истек короткий срок, отпущенный Диашу, корабли дошли до устья большой реки, которую Диаш назвал Риу-ди-Инфанти², по имени Жуана Инфанти, капитана «Панталиана»: он первым сошел здесь на берег. Как только бросили якорь, среди команды опять поднялся ропот. Диаш оставалось лишь примириться и сдержать свое обещание. Итак, здесь, где берег поворачивал с востока на северо-восток, в преддверии Индийского океана, жестоко разочарованный начальник экспедиции дал приказ повернуть свои корабли на запад, — предстоял долгий путь назад к Лиссабону. Когда корабли медленно проходили мимо падрана, установленного на острове в заливе Алгоа, Диаш прощался с ним «с таким глубоким чувством печали, словно расставался с сыном, обреченным на вечное изгнание; он вспоминал, с какой опасностью и для себя и для всех своих подчиненных он прошел столь долгий путь, имея в виду одну-единственную цель, — и вот господь не дал ему достичь этой цели».

Едва успели корабли Диаша, при благоприятных ветрах и прекрасной погоде, пуститься в обратный путь на родину, как в отдалении показался «этот великий и знаменитый мыс, скрывающийся сотни лет». Диаш дал мысу название, но здесь свидетельства источников противоречат друг другу. Барруш, писавший около шестидесяти пяти лет спустя после открытия, утверждает:

¹ В ту эпоху, если возникал серьезный вопрос, капитаны обычно советовались с офицерами.

² Нельзя определенно утверждать, что Риу-ди-Инфанти — это Большая Рыбная река, ибо авторы того времени расходятся по этому вопросу.

Бартоломеу Диаш и его команда, вследствие опасностей и бурь [tormentoso], с которыми они встретились, огибая мыс, присвоили ему название «Tormentoso» («Бурный»); но когда они возвратились в королевство, король Жуан дал ему более славное название — «мыс Доброй Надежды», ибо мыс этот обещал открытие Индии, чего так страстно желали и о чем думали столь многие годы.

Дуарти Пашеку, писавший после открытия мыса не дальше как через двадцать лет, сообщает:

Есть большой смысл в том, что этот мыс был назван «мысом Доброй Надежды», ибо Бартоломеу Диаш, открывший его по приказу покойного короля Жуана в 1488 году, заметил, что берег тут поворачивает к северу и востоку по направлению к Эфиопии, давая великую надежду открыть Индию, и назвал его «мыс Доброй Надежды».

Приведенные противоречивые сообщения да краткая заметка, написанная Колумбом, — вот все, чем мы располагаем по поводу знаменитого открытия.

Первое впечатление при взгляде на мыс и Столовую гору (чуть северо-западнее от него) никогда невозможно забыть: это пункт, достичь которого тщетно старались почти целое столетие, мыс, где кончается один мир и начинается другой. Вид мыса приводил в восхищение путешественников и моряков во все времена, начиная с увидевших его первыми португальцев. По словам Френсиса Дрейка¹, огибавшего мыс Доброй Надежды в июне 1580 года, «этот мыс — самый величавый, самый красивый мыс, какой только мы видели в целом свете».

Диаш сошел на берег, произвел наблюдения для морской карты и журнала, поставил падран, который он назвал падраном Сан-Григориу²; поскольку время не ждало и у него не было возможности исследовать сушу, он отправился на поиски грузового судна. Ровно через девять месяцев после расставания обнаружили и его. Из девяти матросов, которых Диаш оставил на нем, в живых осталось только трое:

И один из них, писец, по имени Фернан Куласу, уроженец Лумиара, одного из лиссабонских округов, был так преисполнен радости при виде своих товарищей, что внезапно скончался, сильно ослабев от болезни. Причиной смерти других явилось то, что они понадеялись на местных негров и вступили с ними в сношения, а те, желая завладеть некоторыми их вещами, их убили.

¹ Френсис Дрейк, известный пират, мореплаватель и английский флотоводец последней четверти XVI века, видный участник разгрома у берегов Великобритании испанской «Непобедимой Армады» (1588). — *Прим. ред.*

² Подробное исследование о всех падранах, поставленных Диашом, а также увлекательную историю находки падрана Сан-Григориу, можно найти в книге Eric Axelson, *South-East Africa, 1488—1530*, London, 1948.

Перенеся все запасы продовольствия и оснащение, грузовое судно сожгли, так как оно было в очень плохом состоянии и «сильно изъедено червем». Затем два оставшихся корабля поплыли вдоль западного берега Африки, подобрав по пути Дуарти Пашеку Пирейру, который около острова Принсипи потерпел крушение. Кроме самого Пирейры, на борт взяли и уцелевших моряков его команды. Подошли к Риу-ду-Рижгати¹, там купили несколько рабов, а потом флотилия поплыла к Сан-Жоржи-да-Мина, на Золотом Берегу. Здесь приняли на борт золото, скупленное у туземцев постоянной королевской факторией, и, держась берега, пошли дальше.

Вот, наконец, показались и берега Португалии. Усталые моряки, радуясь, что долгий и трудный путь остался позади, медленно плыли вверх по Тежу и бросили якорь у Риштеллу² «в декабре 1488 года, через шестнадцать месяцев и семнадцать дней со дня их отплытия. И Бартоломеу Диаш открыл за это путешествие 373 лиги побережья».

Чрезвычайно интересно отметить, что в то время, когда Диаш делал свой доклад королю, при португальском дворе находился Христофор Колумб. Плавание Диаша произвело столь сильное впечатление на Колумба, что он занес любопытную и ценную запись на полях 13-го листа своего экземпляра книги Пьера д'Айи «Imago Mundi»³. Вот эта заметка:

В декабре текущего 1488 года Bartholomaeus Didacus [Бартоломеу Диаш], командующий тремя каравеллами, которые король Португалии посылал в Гвинею для открытия земель, высадился в Лиссабоне. Он доложил, что достиг мыса, который он назвал Cabo de Boa Esperança [мыс Доброй Надежды]... Он описал свое путешествие и отметил его, лига за лигой, на морской карте, с тем чтобы положить ее перед очи упомянутого короля. Я присутствовал при всем этом⁴.

Подвиг Диаша заслуживает гораздо более подробного рассказа, чем тот, который можно составить на основании доступных

¹ Риу-ду-Рижгати — одна из многочисленных рек (или проток) Невольничьего берега Гвинейского залива; но отождествить ее с какой-либо определенной рекой затруднительно. — *Прим. ред.*

² Риштеллу — западный пригород Лиссабона, позднее переименованный в Белен. — *Прим. ред.*

³ Пьер д'Айи — французский космограф, епископ города Камбрэ, позднее кардинал римско-католической церкви (латинизированная его фамилия Alliasus), автор книги «Imago Mundi» («Образ мира», 1410). Этот географический труд был впервые напечатан в 1490 году, но рукописная копия (и, вероятно, не одна) попала в Португалию уже в середине XV века: «Петра Аллиака» цитирует, например, португальский летописец Азурара. — *Прим. ред.*

⁴ Другую заметку на полях на ту же тему Колумб сделал на книге папы Пия II «Historia Rerum Ubique Gestarum» («Всеобщая история», буквально — история происходивших где-либо событий).

в настоящий момент источников. Экспедиция Диаша открыла свыше 1400 английских миль побережья за самым дальним пунктом, которого достиг Диогу Кан. Диаш обогнул мыс Доброй Надежды и продвинулся на восток и на север достаточно далеко, чтобы доказать, что между Африкой и Индией лежит открытое море. Он привез много важных сведений и детальные карты — король мог воспользоваться ими при отправке новых путешественников. Он приобрел бесценный опыт, который с выгодой использовал во время своего плавания в Индию Васко да Гама. И, однако, в документах нет ни слова о достойной — или о какой-либо вообще — награде или почестях, оказанных Диашу его властелином. По неизвестным нам мотивам он не был включен в состав экспедиции Гамы, хотя король Жуан использовал его для наблюдения над строительством кораблей, которые должны были идти в великое плавание.

Но история сохранила еще одну — последнюю и самую трагическую — главу из жизни Бартоломеу Диаша. Вместе со своим братом Диогу он плыл в марте 1500 года из Португалии в Индию во флотилии Педру Алвариша Кабрала и принял участие в открытии Бразилии. Взяв курс в начале мая от берегов Южной Америки на Африку, флотилия Кабрала, состоявшая из тринадцати кораблей, попала примерно 24 марта в чрезвычайно сильный шторм:

Внезапно в воздухе появилось черное облако, называемое гвинейскими моряками *bução*¹, и ветер совершенно стих, как будто бы черное облако целиком втянуло его в себя... чтобы извергнуть его с еще большим бешенством. Затем в одно мгновение налетел ураган, разразившийся с такой яростью, что не дал [команде] времени спустить паруса и потопил четыре [корабля], капитанами которых были Айриш Гомиш да Силва, Симон ди Пина, Вашку ди Тайди и Бартоломеу Диаш. Последний, пережив на море столько опасностей при многих своих открытиях, в особенности при открытии мыса Доброй Надежды, нашел свой конец от этой ярости ветра, так же как и другие, погибшие в лучине великого моря-океана... Тела человеческие стали пищей рыб тех вод, первой такой пищей, ибо, как мы можем утверждать, эти люди были первыми мореходами в этих неведомых водах.

Так, почти у того падрана, с которым он горестно прощался двенадцать лет назад, трагически погиб Бартоломеу Диаш ди Новаиш, португальский фидалгу, верный слуга своего короля, тщетно пытаясь во второй раз достичь желанной Индии, открытие которой он столь много способствовал, но увидеть которую ему было не суждено.

¹ *Bução* — темное облако, предвещающее грозу.

Краткое замечание Галвана ¹ (его книга была издана посмертно в 1563 году), быть может, лучше всего годится для того, чтобы им закончить рассказ об отважном Диаше, который до путешествия Васко да Гамы дальше, чем кто-либо другой, проник в неведомые африканские моря в поисках богатств Востока: «Можно сказать, что он видел землю Индии, но, как Моисей в обетованную землю, не вошел в нее» ².

¹ Антониу Галван, губернатор Тернате (Молукки), автор «Научного сочинения об открытиях», довел свой рассказ об открытиях до 1555 года.

— *Прим. ред.*

² «Q se pode dizer qvia terra da India, mas nã entrou nella, como Mouses na terra de promissam».

[По библейской легенде, «пророк» Моисей за ослушание бога должен был умереть до вступления в Палестину евреев, бежавших из «египетского плена», но бог ему разрешил увидеть перед смертью «обетованную землю». — *Прим. ред.*]

МИССИЯ ПЕРУ ДИ КОВИЛЬЯНА

Король Жуан отправил вестовых...
 И в первый раз они там увидели
 Людей, пришедших с Инда, из Кермана¹ —
 Диковинные нравы наблюдали,
 Дивились речи странной и гортанной,
 Но этот трудный путь в чужие дали
 Стал безвозвратно-роковым нежданно:
 Там вечный обрели они покой
 И не вернутся больше в край родной.

Камознс, «Лузиады», IV, 65.

Прошло двадцать семь лет после смерти принца Генриха, но начатое им дело не стояло на месте, математика и мореходная наука, под влиянием данного им толчка, продолжали развиваться. Португальцы медленно, но упорно исследовали западное побережье Африки все дальше и дальше к югу. Изготавливались новые усовершенствованные морские карты, собирались более точные сведения о ветрах и океанских течениях, улучшались навигационные приборы, таблицы и альманахи.

Племянник Генриха король Афонсу V тоже умер, и на трон Португалии взошел его сын дон Жуан II — «Совершенный государь». Судьбами своего народа он распоряжался мудро, терпеливо, проницательно; он твердо решил развивать планы своего двоюродного деда Генриха. У него было упорство и настойчивость в преодолении препятствий, какими отличался его английский прапрадед Джон Гонт, и живое воображение, унаследованное от португальских предков. Стремясь полностью осуществить мечты и планы принца Генриха, он преследовал сразу несколько целей: сломить монополию венецианцев и генуэзцев на торговлю с мусульманами, способствовать развитию внешней торговли своего королевства, продолжить обращение «язычников» и противодействовать росту политического влияния ислама и турок.

Для борьбы с мусульманами он решил добратся до полулегендарного священника Иоанна, христианского государя, чье государство, как говорили, находилось где-то в Восточной Африке, и

¹ Керман — историческая область на юго-востоке Ирана. — *Прим. ред.*

заклучить с ним союз. О местоположении государства имелось весьма туманное представление, менявшееся в зависимости от каждого нового сообщения и слуха.

Любопытное описание короля Жуана и его двора в тот период дошло до нас в рукописи, содержащей наблюдения некоего Николая, хвастливого поляка из Попелау¹, приехавшего в Португалию в июле 1484 года. Он посетил португальского короля в Сетубале², где находился тогда двор, и писал о Жуане и его окружении следующее:

Король среднего роста, немного выше, чем я. Без всякого сомнения, он самый мудрый и добродетельный человек во всем государстве. Ему около двадцати девяти лет. При нем находится наследник, девяти лет, с лицом английского склада, за столом он всегда сидит рядом с королем. За обедом король ест всего-навсего четыре или пять блюд, пьет только чистую воду, без сахара и пряностей. Сын его пьет вино с водой и ест те же блюда, что и отец, но приготовленные специально для него. За столом прислуживают обычно десять слуг, которые задевают короля своими руками и животами — вульгарная манера, неизвестно почему терпимая королем. У ног короля сидят шесть или восемь пажей, и еще по одному сбоку, — они отгоняют от него мух шелковыми веерами.

Есть здесь португальцы, отличающиеся тонкостью обращения, но я не встречал ни одного, кто бы мог в этом отношении состязаться со мною. Вообще и знать, и горожане, и крестьяне в этой стране похожи на жителей Галиции (Galicia), то есть грубы, бедны, неуклюжи в манерах и невежественны, хотя и претендуют на образованность. Они напоминают англичан, которые считают, что нет общества, равного им. Португальцы проявляют больше верности друг к другу, а также к своему королю, чем англичане. Они не так жестоки и бесчувственны, как англичане. Они более воздержанны в еде и питье. Тем не менее они безобразны, смуглы и черны, почти как негры. Они носят черные и просторные капюшоны, как у августинцев³. Что касается женщин, то красивых мало; почти все походят на мужчин, хотя в общем у них красивые черные глаза. В любви они страстны, как и англичанки, когда удастся завоевать их доверие. В волосах они не носят чрезмерных украшений, на шее у них шерстяные шарфы или шелковые платки. Они позволяют без помехи смотреть на свои лица и открывают также значительную часть груди, для чего их рубашки и платья с довольно низким вырезом. Они [женщины] большей частью очень чувственны, непостоянны, как мужчины, похотливы и жадны на деньги... и они отнюдь не столь благородны, как женщины Франции и Ломбардии. Чтобы удовлетворить свои желания, они ни перед чем не

¹ Попелау — вероятно, Поплов в польском Поморье, в так называемой Поморской Швейцарии (к югу от города Кошалин). Район этот в XV веке принадлежал одному из германских князей. — *Прим. ред.*

² Сетубал — приморский портовый город к юго-востоку от Лиссабона. — *Прим. ред.*

³ Августинцы — монахи одного из нищенствующих орденов («святого» Августина), учрежденного в середине XIII века. — *Прим. ред.*

остановятся. Кроме того, и мужья и жены имеют любовниц и любовников, и было бы заблуждением путешествовать среди них с целью усвоить хорошие манеры или добродетель.

Очевидно, господин Николай не любил ни англичан, ни женщин — а может быть, он испытал неудачи в своих отношениях с теми и с другими.

Николаю обещали дать двух «мавров» (вероятно, негров) для подарка германскому императору¹. Путешественник лично выбрал их из пятидесяти человек, привезенных в Португалию неделей раньше. Он рассказывает, как он наблюдал продажу рабов, публично выставленных нагими, словно животные. Он отмечает, что, когда он получил этих двух невольников, он счел необходимым прежде всего купить для них одежду, ибо рабы составлялись на рынок «голыми, какими их создал бог».

Немецкий врач, нюрнбержец Иероним Мюнцер, тоже оставил отчет о своем пребывании в 1495 году при дворе Жуана, куда он с тремя земляками прибыл из родного города, спасаясь от свирепствовавшей там чумы.

Король Жуан, — пишет он, — чрезвычайно образованный человек, и во всех отношениях мудрый. Он правит своим королевством в мире и спокойствии. Он очень любезен и страстно стремится к приобретению разнообразных познаний. Он вывозит в Гвинею шерстяные ткани разных цветов, а также ковры, вытканые в Тунисе, и одежду, коней, разные изделия Нюрнберга, множество медных чайников, бронзовые тазы, яркочерные ткани, желтые одежды, английские и ирландские плащи и множество других вещей. Оттуда он привозит золото, рабов, перец, райские зерна, бесчисленные слоновые бивни и тому подобное.

Теперь король пришел к заключению, что исследование новых земель все дальше и дальше на юг должно проводиться не только по океану: необходимо отправить послов также и средиземноморским путем в государство священника Иоанна, с тем чтобы они постарались заключить с ним союз против неверных и, если окажется возможным, установить с ним торговые сношения. Посланцам надо было, кроме того, разузнать все возможное относительно Индии и других стран, где черпают свои сказочные богатства итальянские торговые города. Барруш, «португальский Ливий», пишет: «королю казалось, что через священника Иоанна он мог бы получить доступ в Индию, ибо от абиссинских монахов, приезжавших на Пиренейский полуостров, а также от монахов,

¹ Императором «Священной Римской империи германской нации» был тогда Фридрих III Габсбург (1440—1493). Вероятно, Николай выполнял какое-то поручение Фридриха III или утверждал, будто выполняет, что часто бывало в те времена. — *Прим. ред.*

ездивших с полуострова в Иерусалим для сбора сведений об этом государе, король узнал, что его страна лежит за Египтом и простирается до южного моря».

Первым король Жуан направил с этой важной миссией Перу ди Монтерройю, «человека из дома Монтериу, и лиссабонского монаха Антониу». Они добрались до Иерусалима, но, собрав некоторые сведения, возвратились, доложив королю, что без хорошего практического знания арабского языка проехать дальше нет возможности ни в направлении к Индии, ни в страну священника Иоанна.

Тогда король стал искать людей, обладающих достаточными данными для выполнения столь важного поручения как в экономическом, так и в политическом отношении, людей, способных преодолеть всевозможные опасности на суше и на море. Наконец, после долгих поисков были выбраны и вызваны к королю два человека. Об одном из них мы знаем очень мало. Это был Афонсу ди Пайва, придворный, уроженец Каштелу-Бранку¹. Его род будто бы происходил с Канарских островов², он говорил по-испански и по-арабски. Больше о нем мы не знаем ничего. Второй — Перу ди Ковильян³; он был главой миссии, и сообщения о нем дошли до нас. Ковильян был человеком дела. Если он и писал, то очень мало — насколько известно, лишь немного писем, и, к сожалению, они утеряны. Однако мы можем получить представление и о его жизни и о его характере по сообщениям, представляющим различным авторам.

Родился он в Ковильяне, в горах Бейры⁴. Происхождение его темно, это видно хотя бы из того, что мы знаем лишь его христианское имя и место рождения, а фамилия его нам неизвестна. Шесть или семь лет он прожил в Испании. Здесь он принимал участие в междоусобной борьбе феодалов на стороне Понсе де Леона⁵, участвовал в многочисленных нападениях из засад и в почных стычках на перекрестках и узких улицах Севильи. Он сражался в битве при Торо⁶, жил во Франции, где был близок и к Людовику XI и к герцогу Бургундскому, самому могущественному

¹ Каштелу-Бранку — город в восточной, внутренней области Португалии, Бейра-Байша. — *Прим. ред.*

² Так пишет Корреа (I, 6), но доказательств не приводит.

³ Его имя пишется по-разному: Covilhan, Covilham, Covilha, Covilhão.

⁴ В данном случае речь идет о Бейра-Байше. — *Прим. ред.*

⁵ Понсе де Леон — один из самых знатных и могущественных феодальных родов в Испании, в королевстве Кастилия. В Андалузии представители этого рода боролись против другого могущественного рода — Гусманов. — *Прим. ред.*

⁶ Торо — укрепленный город в Испании (Кастилия) на реке Дуэро. Крупные военные действия в этом районе во время Ковильяна были в связи с гражданской войной в Кастилии после смерти короля Энрике IV — между сторонниками его дочери Хуаны «Бельтранехи» и его сестры Изабеллы, которую часть кастильской знати провозгласила королевой. — *Прим. ред.*

вассалу французского короля. Он провел год в Кастилии при дворе «католических» королей Фердинанда и Изабеллы в качестве португальского тайного агента со специальным заданием наблюдать здесь за португальскими эмигрантами и их политическими интригами. Про него говорили, что он способен говорить на «андалузском наречии» так, как будто бы родился на берегах Гвадалкивира.

Примерно в 1471 году Ковильян возвратился в Португалию и служил в качестве оруженосца у короля дона Афонсу V, по смерти которого он перешел на службу к королю Жуану II. Позднее он дважды ездил с дипломатическими поручениями в Берберию¹. Вероятно, к тому времени он уже владел арабским языком, иначе подобных поручений ему не давали бы².

За две свои поездки в Берберию он еще лучше изучил арабский язык, лучше узнал обычаи, обхождение, привычки мусульман, их манеру одеваться — а во всем этом мусульмане мало чем отличаются друг от друга от Марокко до Каликута в Индии. Такой богатый опыт сделал его авантюристом, редкостным даже в его время, когда авантюристов было полным-полно. В Африке он посетил Тлемсен, тогда большой город, столицу государства Магриб-эль-Ансет (ныне в западном Алжире). Тлемсен был живописен, вокруг него росли фруктовые сады и оливковые рощи, он искусственно орошался источниками и арыками. Это был город дворцов, мечетей, хорошо обеспеченных школ — за богатство и славу его прозвали «Африканской Гранадой». Тлемсенские кожаные изделия, седла, сбруи высоко ценились конниками Берберии. Тлемсенские шерстяные материи и хлопчатобумажная ткань, известная под названием *lambeis* или *alambeis*, в больших количествах вывозилась в порт Оран, куда ее доставляли караванным путем для продажи неграм африканского побережья.

Затем Ковильян ездил в Магриб-аль-Акса, государство Фес, где он еще больше расширил свои познания о жизни и культуре мусульман, ближе познакомился с их торговыми и политическими обычаями.

Эти путешествия в избытке дали Ковильяну — человеку с острым умом, решительному, смелому, к тому же обладающему феноменальной памятью, — то, что было совершенно необходимо при выполнении миссии, для которой его избрал король Жуан. И физически и интеллектуально Ковильян был подготовлен для

¹ Берберия — страна берберов, общее название для стран Северо-Западной Африки (нынешние Марокко, Алжирия и Тунис). — *Прим. ред.*

² Следует вспомнить, что в те времена и в Испании и в Португалии существовали широкие слои населения, говорящие по-арабски. Алвареш указывает: «Этот Перу ди Ковильян — человек, знающий все языки, на которых могут говорить христиане, мавры и язычники». («Este Pero de Covilhan he homem que todas has lingoas sabe que se fallar podem asy de christãos como mouros e gentios».)

предназначенного ему дела, как никто другой. К тому же это был человек уже зрелый, сорока лет, у него были жена и дети, жившие в Ковильяне.

* * *

Сцена, имевшая место 7 мая 1487 года в городе Сантарен, не вызвала интереса у современников, а историки уделили ей лишь несколько скупых фраз. Но подобно многим другим событиям, оставшимся во мраке, это событие оказало глубокое влияние, вероятно, не только на судьбы португальского народа, но и на судьбы других народов Европы и Азии.

Дон Жуан сидел в окружении своих советников и консультантов. С бородой лопатой, в красном бархате, в черных штанах и белой рубашке, с тяжелой золотой цепью на шее, с кинжалом на поясе, он был король, король с головы до ног. Сегодня вокруг него собрались «технические» советники — Мойзиш (известный также под именем Жузе) Визинью, ученый еврей из Визеу¹, сделавший сокращенный перевод «Постоянного Альманаха» с древнееврейского языка на латинский и испанский, мештри² Родригу ди Педраш Неграш и мудрый епископ Ортиш. Среди фидалгу рядом с Жуаном был его двоюродный брат Мануэл, герцог Бежа, унаследовавший после него трон и вошедший в историю (главным образом в результате планов и трудов Жуана) под именем Мануэла Счастливого. Заседание совета проходило в большой галле — португальский двор был полон шпионов из Италии и Кастилии, а возможно, и из других европейских стран, завидовавших успехам Португалии.

Перу ди Ковильян и Афонсу ди Пайва внимательно слушали короля, рассказывавшего о своем проекте, о долгом и опасном пути, который им предстоял. Две цели ставились перед их миссией: первая — как можно быстрее добраться по средиземноморскому пути до страны священника Иоанна, постараться склонить его к союзу с христианнейшим братом — португальским королем против неверных; вторая — тщательно разведать, как идет торговля пряностями: выяснить, где они произрастают, какими путями их везут, применяемые при этом виды транспорта, цены, способы упаковки и прочие важные вопросы.

Путешествуя, Перу ди Ковильян и Афонсу ди Пайва должны были попасть в далекие страны, где никогда не ступала нога португальца, а может быть, и европейца вообще, в страны, по большей части неведомые Западу, в страны, где встает солнце, о которых, если не считать рассказов Марко Поло и арабских

¹ Визеу — город в Португалии, в области Бейра-Алта. — *Прим. ред.*

² Португальское «мештри» в данном случае означает крупного ученого специалиста. — *Прим. ред.*

путешественников, существовали лишь самые туманные и неопределенные представления. О жителях этих земель ходили страшные и таинственные рассказы; земли эти сказочно богаты золотом и драгоценными камнями, в них существовали странные, поразительные обычаи. То были сказочная Индия и земля священника Иоанна, этого легендарного христианского монарха, слухи и отрывочные рассказы о котором в течение долгих веков через пустыни и моря доходили до Европы.

Король сидел серьезный и задумчивый, перед его глазами словно вставали пышные видения неведомой Азии и Восточной Африки, залитое солнцем море, раскачивающиеся под ветром пальмы, крест, побеждающий полумсяц, народы, склоняющиеся перед могуществом и богатствами Португалии. Это были те же самые видения, которые владели воображением и руководили жизнью его двоюродного деда дона Энрики, ставшего известным для будущих поколений под именем принца Генриха Мореплывателя, хотя сам он и не был путешественником, а лишь воодушевлял других и руководил ими.

Жуан словно уже видел падение Венеции и Генуи, этих жадных республик, чьи гавани так долго были оживленными центрами торговли с Востоком, чьи склады и галеры ломились от азиатских товаров — пряностей, сандалового дерева, шелка, парчи, ковров, медикаментов. Он видел караваны верблюдов и арабских «доу» (одноачтовых судов), везущих свои богатства к итальянским берегам, видел купеческие сундуки, переполненные драгоценностями, нажитыми на торговле. С годами, когда его мечты осуществляются, а его тщательно продуманные планы принесут свои плоды, — тогда все это изменится.

Король и его советники, христиане и евреи, старательно и хорошо изучили стоявшую перед ними проблему и средства ее разрешения. В их распоряжении было богатое наследство, которым они руководствовались, — пожизненный труд принца Генриха; количество карт и портуланов, лоций и примитивных глобусов, имевшихся к их услугам, все возрастало. Собирались рутейру капитанов, плававших по неведомой Атлантике и постепенно исследовавших страшное и опасное своими неожиданностями западное побережье Африки, рассказы и письма исследователей прибрежных земель и устьев рек. В то же время усовершенствовались навигационные приборы и математические таблицы, большинство которых были результатом трудов Авраама Закуто и других еврейских ученых королевства.

Негромкий голос Ковильяна вернул короля к действительности. Спустя столетия мы слышим его протестующий ропот: «он опасается, что его знания окажутся не столь велики, как его желание служить его высочеству». Король нетерпеливо отмахнулся и стал снова подробно разъяснять свои инструкции.

Хронисты по-разному описывают подробности подготовки путешествия, но мы можем по кусочкам восстановить подлинную картину. После аудиенции у короля Ковильян и Пайва встретились с советниками дон Жуана в доме управляющего строительными работами Перу ди Алсаковы, неподалеку от ворот Алфофа (в старой городской стене Лиссабона). На свидании присутствовал дон Диогу Ортиш, королевский капеллан, епископ Танжера, один из самых могущественных людей в государстве, великолепно осведомленный в вопросах географии. С ним явились мештри Родригу и мештри Мойзиш. И тот и другой сочетали в себе врача, математика и географа и, подобно Ортишу, занимали высокое положение среди королевских советников. Они участвовали в составлении «Таблицы склонения солнца» и сотрудничали с немцем Мартином Бехаймом в деле усовершенствования астробалистики. Они внимательно изучили планы Христофора Колумба, с которыми тот явился в Португалию, и извлекли из них все, что казалось им ценным.

Неизвестно, в устной или письменной форме эти люди дали свои инструкции Ковильяну и его спутнику. Рамузио, знаменитый издатель итальянской серии путешествий (Венеция, 1551), заявляет, что им было приказано разузнать, «нет ли о морях [священника Иоанна] каких-либо сведений, с помощью которых можно было бы пройти в Восточное море, потому что названные доктора сказали, что они нашли — уж я не знаю какую — заметку по этому поводу». Такое утверждение очень сомнительно, и, возможно, это лишь позднейший комментарий, написанный спустя долгие годы после событий.

Источники сообщают, что путешественники были снабжены различными вспомогательными средствами, включая *Carta de marear* (навигационную карту), вычерченную лицензиатом¹ Калсадилей. Гашпар ди Корреа («Lendas da India»), на которого нельзя полагаться в этом вопросе, пишет, что король пообещал путешественникам

богатое вознаграждение за такую большую услугу, которую они окажут ему, а пока они будут выполнять это поручение, он позаботится о содержании их жен и детей, а если они умрут, выполняя поручение, он выдаст детям и женам награды². Обоим путешественникам король дал по медной пластинке, наподобие медали, на которой, на всех языках, были выгравированы слова: «Король дон Жуан Португальский, брат христианских монархов», чтобы они могли показать это священнику Иоанну. Король дал им драгоценных камней — «несколько дорогих камней» — для продажи на расходы.

¹ Лицензиат — первая ученая степень. — Прим. ред.

² Других записей об обещаниях дон Жуана не имеется, но ни одно из этих обещаний, разумеется, не было исполнено.

Два посланника выехали из Сантарена в свое знаменательное путешествие 7 мая 1487 года. Начиная с этого дня все даты путешествия предположительны — точность их установлена в той степени, в какой это возможно по тем скудным источникам, которые до нас дошли.

Если не считать повествования позднейших хронистов, единственный подробный рассказ о путешествиях Ковильяна и его спутника сохранился в замечательном отчете о посольстве дона Родригу ди Лима (направленного в 1520 году королем Жуаном III в Абиссинию), дошедшем до нас в изложении Франсиску Алвариша. Алвариш был священником посольства; его сочинение, впервые изданное в Лиссабоне в 1540 году, называется «Правдивое сообщение о землях священника Иоанна Индийского» («Verdadeira Informaçam das Terras do Preste Joam das Indias»). Алвариш писал о полной треволнений судьбе Перу ди Ковильяна спустя много лет после его смерти в Эфиопии; рассказ Алвариша очень краток и беден. К счастью, мы имеем возможность заполнить многие пробелы и восстановить ход событий по другим материалам того времени, дошедшим до нас.

Из Сантарена путешественники отправились в Лиссабон, чтобы получить деньги на дорогу. Они явились в контору Бартоломо Маркиони, флорентийского купца и городского банкира. Флорентийцы были в Лиссабоне самой многочисленной группой из всех итальянцев. Они вели с португальцами крупные дела, размах деловых взаимоотношений с годами возрастал, в особенности после 1494 года, когда флорентийский торговый флот был уничтожен пизанцами. Источники свидетельствуют, что флорентийцы вели обширную фрахтовую торговлю между Италией (особенно город Лукка) и Португалией, они привозили в Лиссабон тонкие шерстяные материи, кожаные товары, шелк и оттуда отправляли на продажу в Италию заготовленную впрок рыбу, пробку, гвинейскую слоновую кость, марокканские товары, главным образом кожу (марокканская кожа уже тогда славилась на всех мировых рынках) и перья.

Из всех флорентийцев, живших в Португалии, Бартоломо Маркиони был самым известным и самым влиятельным. Он жил здесь уже многие годы и вел с двором и для двора короля Жуана крупнейшие финансовые операции. Он был фактически признанным главой флорентийской колонии в Лиссабоне, и к нему-то, может быть, следуя секретной инструкции, направили свои стопы Ковильян и его спутник. Большую часть денег, полученных от королевских агентов, Ковильян и Пайва оставили в конторе Маркиони; в обмен они получили «аккредитив», имеющий хождение на всем Пиренейском полуострове. У Маркиони были агенты и финансовые корреспонденты по всей Испании и Португалии, и он выписал аккредитив на свое отделение в Валенсии.

По прибытии Ковильяна в Валенсию аккредитив был предъявлен и оплачен, путешественники направились в Барселону, откуда предполагали на корабле уплыть в Италию. Уже в 1487 году Барселона была процветающим морским портом, обслуживавшим Испанию, Берберию, Францию, Италию и Левант. Стойкие каталонские моряки веками бороздили море и пользовались славой самых искусных и надежных мореходов Средиземноморья.

Прибыв в Барселону в *dia de corpo de Deo* (день праздника тела господня), два путешественника предъявили свои денежные документы другому отделению дома Маркиони. Получив в обмен на свои деньги новый ордер, адресованный в Неаполь, они сели на маленькое парусное судно. Плавание заняло десять дней и прошло благополучно; вот на горизонте показался Везувий, и 24 июня, в день святого Иоанна, путешественники высадились в Неаполе.

К 1487 году семейство флорентийских Медичи охватило своими финансовыми операциями всю Италию вдоль и поперек, отделения дома Медичи были основаны во всех крупных торговых городах. В их число входил, конечно, и Неаполь; и банк Козимо Медичи незамедлительно признал ордер, предъявленный Ковильяном.

После кратковременного пребывания в Неаполе путешественники морем поехали на Родос — они должны были повидаться с двумя проживающими здесь португальскими монахами. Остров Родос находился в то время под управлением рыцарей-госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского¹ (великим магистром ордена был кардинал Пьер д'Обюссон); два упомянутых монаха — брат Гонсалу и брат Фернанду — тоже принадлежали к ордену рыцарей-госпитальеров. Они превосходно знали политическую жизнь и условия торговли в восточном Средиземноморье, и Ковильян и Пайва должны были по инструкции посоветоваться с ними, прежде чем пуститься в дальнейший путь, ибо, покинув Родос, путешественники уже прощались с последним опорным пунктом Запада и христианского мира. Отсюда их путь лежал через страны ислама, через земли турок и далее, к городам далекой, еще почти неведомой Индии. Им угрожали всяческие опас-

¹ Госпитальеры (иоанниты) — духовно-рыцарский орден, образованный в Иерусалиме в первой четверти XII века (после первого крестового похода) из братства, обслуживавшего раненых и больных в госпитале «святого Иоанна» (откуда и двойное название). Орден стал вскоре крупной военной и экономической силой в Иерусалимском королевстве, основанном крестоносцами. После ликвидации этого королевства войсками египетских султанов госпитальеры были вытеснены на остров Кипр, затем на остров Родос (в начале XIV века), который они превратили в значительный центр морской торговли и пиратства в восточном бассейне Средиземного моря. Вытесненный и оттуда в 1522 году, орден обосновался на острове Мальта, где под именем Мальтийского ордена числится до настоящего времени. — *Прим. ред.*

ности и от людей и от зверей, против них был и климат и болезни. Но, насколько можно судить, двое искателей приключений не дрогнули перед этим, они не страшились тяжких испытаний.

На Родосе им сказали, что путешествовать в качестве посланцев португальского короля уже и неблагоприятно и небезопасно. Ведь они вот-вот вступят во владения свирепых и фанатичных магометан, которые к тому же большей частью тесно связаны с Венецией и другими итальянскими торговыми городами: агенты этих городов повсюду, а в особенности в Леванте, строят козни и ревниво следят за всеми европейцами, кроме своих земляков. Им почти не придется услышать родной речи, разве только что из своих собственных уст, и они, может быть, не встретят ни одного португальца. Действуя по совету этих монахов-соотечественников, Ковильян и Пайва приобрели левантинскую одежду и решили продвигаться дальше под видом купцов. На Родосе не было особого выбора товаров, и они, воспользовавшись поданным советом, купили партию меда. В новой одежде, с грузом меда, они поплыли на корабле некоего Бартоломеу ди Паредиша в Египет, в Александрию.

Древний порт в устье Нила вновь завоевывал себе то важное положение, которое он занимал в те времена, когда хозяевами восточного Средиземноморья были римляне. Начиная с царствования Константина, город у бухты Золотой Рог [Константинополь. — *Ред.*] контролировал большую часть торговли с Востоком, был главным складским пунктом, через который проходили на Запад товары Азии, а с Запада на Восток — золото и иные предметы, в которых нуждались жители восточных стран. Этим городом поочередно управляли римские и греческие правители, а то и правители с Запада. Венеция и Генуя соперничали друг с другом в скупке богатых грузов, перевозимых на кораблях, и содержали там множество своих контор и складов. В его воды заходили суда всех стран — и даже после того, как он утратил гордую корону своих римских правителей, а затем, под напором неверных, и земли, и власть, и престиж, он все еще был естественным центром левантинской торговли. Говорящие по-гречески путешественники, плавающие в его водах, редко употребляли слово Константинополь, они просто говорили, что плывут «εις τῆς πόλιν» («ис тин полин» — в город), и в конце концов это выражение превратилось в слово Истанбул — так до сих пор называют на Востоке этот город. Но вот все изменилось. Вторгшиеся турки постепенно захватили территорию умиравшей Византийской империи, от нее оставалась почти что одна столица. В 1453 году, когда Мухаммед II и его орды ринулись на нее, она потонула в дыму и пламени, в потоках крови. Всепоглощающей волной хлынули воины Мухаммеда через стены города, победитель прошел по его широким улицам, разрешая своим варварам

грабежи и насилие, убийства и разрушения — все, что только им вздумается. Затем Мухаммед приказал, чтобы муэдзины призвали к молитве с самой Святой Софии; и с того момента, как со священного здания, возведенного Юстинианом девять столетий назад, раздался крик муэдзина, Константинополь перестал быть христианским городом и восточным бастионом народов Запада.

Но хотя мир изменился, люди были заняты своими прежними делами. Им нужно было есть и пить, иметь одежду и кров. Им нужны были хлеб и мясо, ткани и железо, и, кроме этих жизненно необходимых вещей, у них была еще потребность в комфорте и роскоши, чтобы жизнь не была простым существованием. Купля-продажа, обмен и торговля должны были идти своим чередом, ибо посредством торговли человек может получить то, в чем он нуждается, и сбыть куда-нибудь то, что у него есть в излишке и что он может предложить для обмена. Итак, когда Европа утратила Константинополь и даже задолго до этой катастрофы, пронырливые итальянские купцы, особенно генуэзцы и венецианцы, обратили свое внимание на огромный александрийский порт. Благодаря им сюда стекались товары Азии, здесь они могли нагружать свои галеры пряностями и шелками, набивными хлопчатобумажными тканями и кожами, слоновой костью и рабами. Все это можно было найти в великом городе Александра. Из внутренних областей Азии караваны шли к гаваням и рейдам Красного моря. С юга, из Нубии и Судана, из отдаленнейших глубин неведомого, неисследованного Черного материка шли к Нилу караваны, нагруженные драгоценным товаром. Еще больше товаров шло на арабских кораблях от берегов Аравии, из персидского Ормуза, из Занзибара, Софалы и других портов восточноафриканского побережья, не говоря уже о далеких городах Цейлона и Индии и даже Китая и совсем неведомых островах Ост-Индии. Эта торговля обогатила Египет, и подвластная ему территория все возрастала, — египетский султан стал господином не только долины Нила, но и Малой Армении и Сирии.

Тор, Кусейр и другие порты, от которых теперь сохранились разве лишь названия, тогда были оживленными, шумными, многолюдными городами, в них теснились толпы людей из всех стран и гаваней Востока¹. В них слышались все языки Азии, Европы и Африки. В них можно было увидеть самую невероятную роскошь и любой порок — жизнь там ценилась дешево, и человек легко мог затеряться или вообще исчезнуть бесследно. К тому же христианин в глазах мусульманина был не лучше собаки, а для благочестивых, но невежественных европейцев, в свою очередь,

¹ Тор — поселок на полуострове Синай; Кусейр — портовый городок на африканском пустынном берегу Красного моря. Никогда ни Тор, ни Кусейр не были такими многолюдными и богатыми городами, как рисует их здесь автор. — *Прим. ред.*

последователи Магомета и другие язычники были зверями, лишенными души, которых следует убивать без всякой пощады и угрызений совести. Но вообще это был очень странный мир, ибо, несмотря на такую жестокую, непримиримую вражду, несмотря на национальную и религиозную рознь, все эти восточные люди встречались на общей почве, чтобы заключить сделку, надуть друг друга, ограбить или честно поторговаться, но с неизменной целью извлечь из встречи выгоду. Даже церковь с ее могущественной властью старалась поощрять эту торговлю, и Рим издал буллу¹, согласно которой итальянцам разрешалось иметь дело непосредственно с неверными. Черкесские мамелюки — султаны Египта, — более веротерпимые, чем прежние магометанские властители, исходя из корыстных интересов, заглушавших религиозные соображения, приняли предложение христиан и открыли ворота своего государства ненавистным неверным, прежде всего венецианцам. Тогда сам Козимо Медичи направил своего посла в Каир и добился у султана таких же торговых привилегий, какими пользовались венецианцы. Вот в этом-то бурлящем и опасном водовороте международной торговли и политики и появились португальские эмиссары со своим самым безобидным грузом — *muchu mel* (много меда), как выразился Франшишку Алвариш.

В те дни, когда туда приехали Ковильян и Пайва, Александрия была многолюдна, как никогда раньше. Падение Константинополя в 1453 году нанесло генуэзским торговым колониям на Черном море смертельный удар, и к 1475 году от них уже ничего не осталось. Множество торговцев, лишившихся своих богатств, повернули свои корабли к Александрии; и теперь, когда торговля Египта стала такой же, а может быть и более оживленной, чем в те времена, когда он являлся житницей Римской империи, Александрия разрослась так, что вышла далеко за пределы своих древних границ. Климат там нездоровый, санитарные условия ужасны, так как, хотя фараоны, греки и римляне и построили систему канализации и обеспечили снабжение чистой водой, все это давно разрушилось и пришло в упадок. Несмотря на то, что Александрия была городом международного значения, это было гиблое место, рассадник чумы во всем мире — торговцы, путешественники и моряки, уезжая из Александрии, распространяли болезни повсюду.

Когда португальцы прибыли в Александрию, никто здесь не обратил на них внимания. Всюду толпились итальянцы, составлявшие самую многочисленную колонию иностранцев в Александрии. Итальянцы еще в 1320 году совершили через Красное море

¹ Булла — в XV веке так называли папские и императорские важнейшие государственные акты. — *Прим. ред.*

путешествие в Индию и вернулись благополучно¹. Естественно, что для александрийских итальянцев, державших в своих руках азиатскую и африканскую торговлю, Ковильян и Пайва не представляли никакой угрозы, не вызывали ни малейшего подозрения, не привлекали даже к себе внимания. Ведь приехали всего-навсего два мелких торговца, привезли с собой не столь важный груз, мед, — стоит ли к ним особо приглядываться? Поскольку мусульмане здесь уже привыкли к присутствию многочисленных итальянцев и, вероятно, не могли отличить от них каких-либо иных франков [то есть европейцев. — *Ред.*], Ковильяну и Пайве даже не было нужды скрывать свою религию. Но совет, полученный на Родосе, — ехать под видом купцов — был очень хорош. Ни итальянцам, ни мусульманам не могло прийти в голову, что они имеют дело с эмиссарами далекой Португалии, стремящейся разведать пути, по которым велась торговля, и торговые секреты, — эмиссарами страны, готовящейся к потрясшему мир подвигу, который должен был уничтожить торговое могущество одних и совершенно изгнать других с их торговыми кораблями из восточных морей.

Жизнь двух одиноких странников в Египте началась неудачно. Санитарные условия в Европе в конце XV века оставляли желать много лучшего, но на Востоке они были гораздо хуже, и Александрия встретила португальцев весьма хмуρο. Едва они нашли себе жилище, как внезапно их обоих свалила лихорадка, и некоторое время они находились между жизнью и смертью. И вот, пока они беспомощно металась в постели, судьба уготовила им другой жестокий удар. У правителей Египта был милый обычай завладевать имуществом любого чужестранца, который умирал на египетской земле и которому не посчастливилось иметь родственников или друзей, чтобы похлопотать и защитить его имущество. О бедственном положении двух португальцев услышал наиб (исполняющий обязанности губернатора) Александрии. Убедившись, что в городе у них нет ни знакомых, ни родных, и решив, что они все равно умрут, он старался не терять понапрасну времени и не медля захватил груз португальцев в свои руки, объявив, что товар конфискуется, потому что «у путешественников нет здесь ни сыновей, ни братьев».

К несчастью для наива, португальцы выздоровели. У нас нет сведений, какими способами они действовали на ревностного наива: требованиями ли, применением ли нажима или угроз; мы знаем только, что им удалось получить часть стоимости конфискованного товара деньгами и что они тут же закупили себе новый товар. На этот раз, вероятно, не мед.

¹ Трудно установить, о каком плавании здесь идет речь. Известные итальянские путешественники-миссионеры конца XIII и начала XIV века плавали в Индию от Ормуза. — *Прим. ред.*

Вторым городом, который они посетили в Египте, был Каир — Эль-Кахира (Победоносный), в котором правил Куат-бей. Для Ковильяна и его спутника настало время заняться своим истинным делом, ибо Каир вел обширную торговлю с Индией. Португальцы дивились на огромный город, так не похожий на города Запада, хотя Ковильян и мог усмотреть в нем нечто знакомое по опыту своих поездок в Берберию, где он видел портовые города и «суки» (базары). Здесь были широкие проспекты, пересеченные узкими улицами и еще более узкими переулками. Неширокие улицы с наступлением ночи закрывались с обоих концов деревянными воротами, охраняемыми стражей, закрывались также и все выходы из тупиков. Богатые частные дома были большей частью каменные, на нижнем этаже в сторону улицы окон не имелось, дома выкрашены грубой охрой или вымазаны известкой. Верхние этажи, сооруженные, как правило, из тусклокрасного кирпича, нависали над улицей. Очень часто верхние этажи домов с противоположных сторон улицы почти касались друг друга, создавая защиту от дождя и солнца. Вход в дома, охраняемый привратниками, обычно был пышно украшен орнаментом, резьбой или скульптурой; тяжелые деревянные двери были чаще всего некрашенные, но с арабскими надписями — от дурного глаза. Надписи эти обычно гласили: «О Аллах!» или «Он великий создатель, он вечен». У дверей были железные дверные молотки и тяжелые деревянные засовы, как в тюрьме, а для удобства всадников, слезающих с коня, осла или верблюда, около богатых домов лежал высокий камень. Первый ярус окон приходился высоко над головой всадника; на окнах, чтобы надежнее укрыть от посторонних глаз внутреннее помещение, были поставлены частые деревянные решетки. Верхние ряды окон были тоже с частым переплетом, который, скрывая находящихся за ним, все же давал известный доступ свету и воздуху. На более людных проспектах в первом этаже помещались лавки. Дома на маленьких улицах и в кривых узеньких проулочках имели жалкий вид, построены были кое-как, из необожженного кирпича и глины. Улицы большей частью были немощеные, в сухой сезон земля затвердевала и поднималась пыль, а в период дождей все тонуло в грязи.

Как почти во всех восточных городах, в Каире мастера и ремесленники определенной профессии жили на особых улицах или в особых кварталах. Там были улицы (или базары) медников, резчиков по слоновой кости, ткачей, ювелиров, кожевников и так далее. Лавочки, как правило, были маленькие, с открытым фасадом, занавешенным циновками или деревянными щитами, которые часто загораживали улицу. Помещение в лавках было разделено на две части — на улицу выходила комната, где производилась торговля, а сзади был склад. Такую же картину, с небольшими отклонениями, мы видим и теперь на базарах Леванта

и всей Азии, начиная с Аравии и кончая Японией. Споры и перебранка слышались на каждом углу, ибо ни одна торговая сделка не обходилась без того, чтобы покупатель и продавец не повздорили насчет цены и качества товара. Кричали на всю улицу, расхваливая свои товары, делалы (аукционисты). Звонко стучали своими молотками золотых и серебряных дел мастера и изготавливающие бронзовые тазы медники. В душном воздухе смешивались странные и сладкие запахи и запахи гораздо менее приятные — тут и аромат духов и наркотиков, и запах кофе и готовящихся яств из харчевен, расположенных под открытым небом, вонь от кучи отбросов, требухи и нечистот в открытых стоках. Толкаясь локтями, пробирались сквозь толпу разносчики хлеба и овощей. Торговцы лимонами и жареными дынными семечками перебывали дорогу разносчикам шербета, фигов и винограда. Цветочники, неся на плечах охапки цветов хенны¹, призывали покупателей фантастическими криками: «Покупайте розы, розы, которые были шипами, но зацвели от пота пророка!» В толпе мелькали разносчики воды с бурдюками из козьих шкур, наполненных нильской водой; «Я оввад Алла» («да вознаградит меня Аллах»), — кричали они. Хозяйка они продавали воду целыми мехами, а прохожим предлагали ее в бронзовых чашках. С ними соперничали, звеня чашкой о чашку, продавцы лакричной воды или воды, настоенной на изюме. Поставщик киселя старался перекричать торговца пирожками, но громче всех кричал продавец сладкого риса. И всюду на улицах, перекрестках, перед лавками, позади домов множество оборванных, грязных нищих — мужчины, женщины, голые дети, почти ничем не прикрытые молодые девушки. Среди них немало калек, прокаженных, наркоманов, отравленных гашишем — они валяются у дверей или позади лавок. То и дело раздаются крики нищих — «милостивый боже», «во имя Аллаха» и т. д. Всегдашний призыв к всемогущему о помощи, вместо того чтобы зарабатывать свой хлеб.

Португальцы попали в этот каирский водоворот — в самое сердце города, на его переполненные улицы, где постоянно шумели целые потоки людей любой национальности, любой расы, любой религии. С минаретов пять раз в сутки доносился призыв муэдзина, призывавшего правоверных на молитву. В синагогах, в людных еврейских кварталах, раввины распевали свои песнопения, пронесенные через века, а потомки древних египтян — копты² — исполняли свои восточные религиозные обряды в церквях.

¹ Хенна — дикорастущий кустарник *Lawsonia inermis*, один из видов семейства дербенниковых; в некоторых местах культивируется. Из листьев хенны получается желто-красная краска — хна. — *Прим. ред.*

² Копты — египетские христиане-монофизиты, то есть считающие мифического Иисуса Христа не «богочеловеком» (не существом двойной природы — божественной и человеческой, как, например, считают православные и като-

Свои церкви имели и греческие, и итальянские, и эфиопские колонии. Индусы толкали нубийцев, арабы из Мекки и Йемена спорили с хитрыми турками и коварными египтянами. Сквозь толпу гордо проходили, с дикими глазами, дервиши из пустынь; исполняя приказание своих хозяев, шныряли рабы и евнухи, черные и белые. Женщины на улицах было мало, да и то только из низших слоев населения. Закутанные до самых глаз, они торопливо шагали, спеша покинуть шумную знойную улицу и укрыться от горящих, жадных взоров тоскующих по женщинам мужчин, которые собрались здесь со всех стран земного шара, чтобы покупать, продавать, а нередко и нападать на своих собратьев.

Пройдя по улицам города, посмотрев на необычные для них сцены, поговорив со множеством людей и устав от шума, пыли и вони, португальцы присели обсудить вопрос о том, что делать дальше. Здесь, в Каире, они погрузились в бурлящий поток торговли с Индией, и здесь же можно было больше, чем где-либо в другом месте, узнать о стране священника Иоанна. Тут встречались люди, которые вели торговлю с Индией или даже сами бывали в этой стране. Более того, португальцы даже завязали знакомство с несколькими мусульманскими купцами, собиравшимися ехать в Индию через Аравию. И вот решение уже и принято. Португальцы будут жить в Каире до тех пор, пока не тронутся в путь их новые мавританские друзья, а затем поедут вместе с ними, чтобы использовать их знакомство и с торговыми обычаями и с самими странами, куда так хочется попасть, и с людьми, которые встретятся на пути. Ковильян стал советоваться со своими новыми знакомцами-купцами — это были уроженцы Северной Африки, из Тлемсена и Феса. Их тянуло друг к другу потому, что Ковильян знал их язык и обычаи. Было решено, что все сядут на корабль в Торе, на восточном побережье Египта, и направятся в Аден, находящийся на юго-западной оконечности Аравии, у входа в Красное море.

Иstek 1487 год, и весной 1488 года по извилистым узким улицам, через древние городские ворота, прямо в пустыню вышел их караван, направляющийся в Суэц. Как и все караваны за тысячу лет до этого, он прошел под тенью сфинксов и великих пирамид, которые все еще хранили тайны величавой истории Египта, тайны, вырванные у них лишь с приходом в землю фараонов Наполеона и англичан, через три сотни лет с лишним¹. От Суэца караван

лики), а богом, то есть существом «единой природы» (откуда и греческое название этого христианского толка). — *Прим. ред.*

¹ Автор, повидимому, говорит здесь об основоположниках египтологии — пионерах археологического исследования Египта, — группе французских ученых, впервые попавшей в Египет с армией Наполеона Бонапарта в 1798 году и издавшей затем знаменитое многотомное «Описание Египта» (Париж, 1809—1828), но, может быть, о Франсуа Шампольоне (1790—1832), который в 1822 году нашел ключ к дешифровке иероглифов. Неясно также, о каких

двигался по пескам. Долгий переход через пустыню должен был закончиться в портовом городе Тор. Остановку караван сделал около Аин Муса (колодец Моисея), с видом на Хорив и на гору Синай, которую арабы называют Гебель-Муса (гора Моисея). Наконец путешественники добрались и до Тора, жалкой кучи хижин на Красном море; тут же стоял и маронитский монастырь¹ святой Екатерины.

Корабль, на который они погрузились, — *джерльба* — представлял собой грубое и непрочное сооружение из необтесанных досок, пришитых одна к другой веревками, с парусами из травяных плетеных цыновок. Джерльбы обладали плохими мореходными качествами, они давали течь, неуклюже валялись на бок при малейшей волне и с трудом подчинялись рулю. Путешественники плыли только днем, на ночь заходили в порты — слишком велика была опасность натолкнуться на рифы и коралловые мели, так как судно держалось как можно ближе к берегу. Последней остановкой Ковильяна на африканском берегу был суданский порт Суакии. Здесь португальцы вместе со своими мавританскими спутниками пересели на арабское «доу» и отправились дальше по Красному морю.

И вот после двух многострадальных месяцев, проведенных в дороге после выхода из Каира, они прошли через пролив Баб-эль-Мандеб («Ворота слез») и увидели пик Адена. Судно вошло в гавань, миновало древний вулканический кратер, и португальцы высадились в городе, расположенном у подножья древнего кратера. Город Аден старше Каира на сотни лет, он был древним уже тогда, когда в VI веке до нашей эры, писал пророк Иезекииль². Раскинувшийся на безводной равнине Аден частично снабжался, да и теперь снабжается водой по ниспадающей цепи резервуаров, устроенных в ущелье, спускающемся по стене кратера, — или выдолбленных в твердой породе, или созданных путем сооружения массивных каменных стен. Вода, поступающая из различных лощин, ведущих в ущелье, переполняя верхний

англичанах-египтологах автор упоминает: о предшественниках ли французов, посетивших Египет во второй половине XVIII века (в том числе Дмеж Брюс), или о последователях французских ученых — английских египтологах второй половины XIX века. — *Прим. ред.*

¹ Марониты — сирийские христиане-монофелиты, то есть считающие, в отличие от православных и католиков, мифического Иисуса Христа существом «единой воли» (откуда и греческое название этого христианского толка), но двойной природы — божественной и человеческой, в чем они сходятся с православными и католиками. Со времени первых крестовых походов маронитская церковь подпала под сильное влияние римско-католической церкви и оказывала содействие крестоносцам и путешественникам-католикам (в том числе и португальцам). — *Прим. ред.*

² Иезекииль, библейский «пророк» (VI век до нашей эры), в своей «Книге» (гл. XXVII) дал характеристику широкой торговли финикийского города Тира со странами Ближнего Востока. — *Прим. ред.*

резервуар, сбегала в нижний и так далее. Предание говорит, что эти резервуары построил персидский правитель в конце VI века нашей эры, но возможно, что они гораздо древнее.

Город с его стенами и башнями, с поднимающимися в виде террас рядами домов и с цепью встающих за ним гор португальцам показался прекрасным. В испанском отчете 1518 года (переведенном на английский язык в 1540 году) дается следующая живописная картина Адена:

Город Аден окружен крепким кольцом тяжелых стен с башнями из известняка и камня, дома там красивы; город ведет большую торговлю с Эфиопией и Индией, а всякого рода вещи встречаются там в изобилии.

О том, какое значение имел этот город во времена Ковильяна, можно судить по рассказу Томе Пириша, первого португальского эмиссара, направленного в Китай. Рассказ этот относится к 1515 году¹.

Этот город... является одним из четырех великих торговых городов мира. Он поставляет в Дахлак² ткани и получает в обмен мелкий жемчуг; за грубые ткани и разные безделушки он получает из Зейлы³ и Берберии золото, коней, рабов и слоновую кость, он торгует с Сокотрой, поставляя ткани, меккскую солому, сокотринское алоэ и драконову кровь, он торгует с Ормузом, откуда он получает коней, а из каирских товаров он покупает золото, всякого рода продовольствие, пшеницу и рис, если они есть, пряности, мелкий жемчуг, мускус, шелк и другие предметы; он торгует с Камбеем⁴, отправляя туда каирские товары и опиум и получая множество тканей, которые он перепродает в Аравию и на острова, а также семена, стеклянный бисер, камбейские бусы, множество сердоликов всех цветов, а главным образом пряности и лекарства из Малакки: гвоздику, мускатный орех и сушеный мускатный орех, сандаловое дерево, кубеб, мелкий жемчуг и тому подобное. Он поставляет в Камбей, а также в Ормуз большое количество марены и изюма; он торгует с королевством Гоа и отправляет туда всякого рода товары и лошадей и из самого [Адена] и из Каира и получает взамен рис, железо, сахар, тонкий муслин и изрядное количество золота; он торгует с Малабаром и остальной Индией... откуда он получает перец и имбирь, он получает товары из Малакки и Бенгалии взамен многих сортов белой ткани, он получает мускус, драгоценные

¹ Пириш написал свой отчет примерно в 1515 году, и часть его была опубликована на итальянском языке в 1550 году, но вся рукопись, имеющая первостепенный исторический интерес, была полностью напечатана только в 1944 году.

² Дахлак — архипелаг в южной части Красного моря. — *Прим. ред.*

³ Зейла — портовый город Аденского залива, к югу от пролива Баб-эль-Мандеб. — *Прим. ред.*

⁴ Камбей — торговый город на северо-западном берегу полуострова Индостан. Средневековые путешественники (до XVII века) описывали Камбей как один из величайших индийских портов, но позднее он потерял свое значение. — *Прим. ред.*

камни и также рис из Бенгалии, рис из Сиам и китайские товары, поступающие через Аютию¹. Таким путем город стал великим, процветающим и богатым. Аденские товары — это кони, марена, розовая вода, сушеные розы, изюм, опиум... Его [Аден] стоит посмотреть... хотя питьевую воду там надо привозить на повозках.

На аденских складах скапливалось множество товаров, ожидающих отправления в Египет — из Египта товар шел уже в Европу. Ввиду того, что плавать по Красному морю было опасно, большие арабские суда, идущие из Индии, разгружались в Адене, здесь товары перегружались на медлительные, с мелкой осадкой, «доу», курсировавшие между Аденом и египетскими берегами, а также плававшими через пролив Баб-эль-Мандеб в Джидду, порт Мекки. Имея в виду этот маршрут, португальцы нередко называли и малые и большие арабские суда *naos da Meca* (суда Мекки).

В Адене оба путешественника снова держали совет и решили идти дальше каждый своим особым путем. Пайва должен был направиться в Эфиопию, в землю священника Иоанна, а затем к условленному дню вернуться в Каир. В Каире к нему должен был присоединиться на обратном пути и Ковильян. А пока путь Ковильяна лежал в Индию. Путешественники распрощались, и с того дня история ни слова не может сказать о судьбе Афонсу ди Пайвы — о его дальнейших путешествиях и приключениях ничего не известно.

Расставшись с Пайвой, Ковильян стал устраиваться на арабское судно, идущее в Индию. Это было смелое путешествие, в какое до того не пускался ни один португалец и из которого он мог не возвратиться живым. В неведомую страну, куда он отправлялся, подчиняясь приказу своего короля, Ковильяну предстояло плыть на более крупном судне, чем то, на котором он добирался до Адена. Этот корабль, грузоподъемностью от двухсот до трехсот тонн, был скверно шит из досок, связанных кокосовым волокном. Палубы не имелось, на случай непогоды груз покрывался лишь плотными цыновками. Пассажиры устраивались на судне как умели.

Однако, несмотря на свои столь неуклюжие суда, арабы были отнюдь не плохими мореплавателями. Они умело пользовались компасом и другими навигационными приборами, а кроме того, превосходно знали Индийский океан — его ветры, его течения, его опасности. Ковильян прибыл в Аден в самое благоприятное время, при начале муссона, попутного ветра, который донес его корабль к юго-западному берегу Индии. Медлительное движение, однообразные дни, зной и духота, плохая пища, отвратительная

¹ Аютия, город на реке Менам, к северу от Бангкока, более 400 лет — с середины XIV века до разрушения его бирманцами в 1767 году — был столицей Сиам. — *Прим. ред.*

вода — и так целый месяц; поэтому все, кто находился на корабле, несказанно обрадовались, лишь только показалась гора Дели¹ — тот самый обрывистый индийский берег, который спустя десять лет увидел Васко да Гама.

Высадка произошла в порту Каннанур, через который вывозился имбирь, и тут-то «первый португалец коснулся земли Индии»². Каннанур был весьма важным погрузочным пунктом, через него шла торговля с Камбеем, Ормузом и Аденом. Он был портом Виджаянагара, ныне исчезнувшего, но в те времена цветущего индийского государства³, богатого рисом, а особенно кардамоном и имбирем.

Из Каннанура лазутчик короля Жуана, всегда настороженный, наблюдательный, замечавший всякую мелочь, касающуюся торговли, — и цены, и сорта товаров, и способы упаковки и перевозки, и обычаи купцов и т. д. — отправился в Каликут, являвшийся одной из двух целей и самым отдаленным пунктом его долгого путешествия. Приехав в Каликут, с которым нам придется еще ознакомиться подробнее, Ковильяни оказался в самом сердце сказочной Индии, воспламенявшей воображение народов Запада с древнейших времен. Во все века Индия была роковым магнитом, манившим к себе мореходов и исследователей, воинов и искателей приключений; ее последующая история тесно и неразрывно переплелась с историей Европы, и результаты этого до сих пор еще не ясны и не определены.

В глазах португальского путешественника Каликут был гораздо более экзотическим, необычным и таинственным городом, чем Александрия, Каир или Аден. По счастью, его знакомство с арабским языком и мусульманскими обычаями вновь сослужило ему добрую службу. Он мог легко ориентироваться в обстановке, вступил в общение с маврами, жившими в Каликуте целой колонией, и выведывал те секреты, знать которые так страстно желал его венценосный повелитель.

¹ Гора Дели — высокий мыс Малабарского берега у 12° северной широты, приблизительно в 110 километрах к северо-западу от города Каликут. — *Прим. ред.*

² Автор цитирует здесь слова португальского историка конца XIX века, автора книги о Ковильяне «Путешествие Педру из Ковильяна» Франсишку Мануэла Карлуша Меллу, писавшего под именем графа Фикалью (Conde Ficalho). — *Прим. ред.*

³ Виджаянагар — индуистское феодальное государство в южной части полуострова Индостана, возникшее в XIV веке (около 1336 года). Столицей его был одноименный город Виджаянагар («Город Победы»), расположенный на реке Тунгабадра. В 1469—1471 годах, когда Афанасий Никитин жил в Индии, он посетил ряд городов государства Виджаянагар, в том числе и его столицу («Чюнедар»). В 1565 году государство Виджаянагар, разбитое коалицией мусульманских правителей центральной части Индостана, распалось, а столица его была разрушена. В советской литературе история Виджаянагара подробно изложена в работе: А. Осипов, В. Александров, Н. Гольдберг, Афанасий Никитин и его время, гл. VII и VIII, 1951. — *Прим. ред.*

Ковильян убедился, что этот индусский город представляет собой странное смешение варварства и цивилизации, простоты и роскоши. Замечательным примером такого смешения было одеяние саморина (правителя Каликута). Босой, обнаженный по поясу, он носил златотканную одежду, а его пальцы были унизаны тяжелыми золотыми кольцами, осыпанными рубинами. Окруженный стражей, он возлежал на ложе из золота и серебра. Подле него всегда были почти нагие, надушенные женщины. На улицах кишели огромные толпы индусов низших и высших каст, там было множество слонов, лошадей, паланкинов. Везде густо росли кокосовые пальмы; храмы и дома богачей стояли рядом с жалкими хижинами бедняков, крытыми пальмовыми листьями. В крохотных открытых лавочках полунагие люди продавали цейлонские и бирманские алмазы, сапфиры, рубины, взвешивали на маленьких весах жемчуг и громогласно совершали недобросовестные сделки. Внизу, у берега, стояли арабские корабли; матросы с этих кораблей ходили по городу, стремясь использовать свое пребывание на берегу с наибольшим удовольствием; около них собирались женщины, желавшие скорее заполучить тяжело заработанное матросское жалование. Разгружались суда, привезшие рис с Коромандельского берега и корицу с Цейлона. Подходили суда с Малакки — они везли камфору с Борнео и Формозы, лак из Пегу¹, очищенный мускатный орех и его шелуху с Банды², гвоздику с Молуккских островов. Мешки с перцем — каликутским товаром — высокими штабелями лежали на складах или грузились на корабли, пришедшие из Мекки. Воздух был пропитан запахом сандалового дерева и пальмового масла, дымом, идущим от жаровень и из храмов, запахом цветка ареки и пряностей, лежавших на жарком солнце. Ковильян понимал, что он добрался наконец до той Индии, о которой так долго мечтали и размышляли, к которой так долго стремились принц Генрих и правящий ныне Португалией король Жуан. Но именно он, Перу ди Ковильян, был первым из португальцев, увидевших ее.

Он прибыл в Индию в августе или сентябре 1488 года с юго-западным муссоном [в оригинале southeast — повидимому, опечатка. — *Ред.*], с которым обычно плавали арабские моряки. И теперь он торопился собрать все возможные сведения до того, как произойдет смена ветров, ибо суда из Мекки обыкновенно отправлялись домой с индийским грузом, как только в начале года переменится ветер. Во время своего пребывания в Каликуте Ковильян наблюдал приходящие в гавань большие, грузные желтые джонки

¹ Пегу — тогда феодальное государство (с одноименной столицей) на территории современной Бирмы. — *Прим. ред.*

² Банда — небольшие острова в восточной части Индонезии, родина мускатного дерева и важнейший район сбора ценной пряности — мускатного ореха. — *Прим. ред.*

китайских купцов; на носу джонок были нарисованы широко раскрытые глаза, придавая им вид страшных морских чудовищ. Он видел, как с джонок сгружают удивительный груз: фарфор, шелк, чай, олово, лакированные изделия, вышитые ткани. Вероятно, он был свидетелем последних дней морской торговли китайцев с Индией, так как конкуренция быстрых арабских судов положила в конце XV века предел дальним плаваниям на джонках.

Из Каликута Ковильян отправился к северу на маленьком корабле, заходившем в различные порты. Странствуя из города в город и видя, как повсюду нагружаются корабли, как и на волах, и на ослах, и на потных спинах кули, и на носилках, которые нес на плечах выюнный человеческий скот, повсюду везут ящики и тюки с товарами, видя, сколько товаров находится на складах и в лавках, он осознал, какой колоссальный размах приобрела торговля между Индией и Западом. Он в точности запомнил, какие товары ввозят в свои земли индусы и мусульмане Малабарского берега: медь, ртуть, киноварь, коралл, шафран, набивные ткани, розовую воду, золото, серебро (Индия буквально поглощала серебро больше любой другой страны) и ножевой товар. Он наблюдал, как в Индии продаются товары, изготовленные, пользуясь выражением из письма короля Мануэла, «в Брюгге — во Фландрии и в Венеции — в Италии». Он встречал и купцов из этих европейских городов, которые еще до появления Ковильяна в Индии уже писали о своих путешествиях в эту страну и о том, что они здесь видели. Он встречал людей и из самых отдаленных стран, неизвестных ему даже по названию, — путешественников с островов Банда, с Суматры и Явы, из Камбея, Пегу, Тенассерима и Сиама. Но самое странное — на Малабарском берегу он встретил христиан. Христиане эти утверждали, что они ведут свое происхождение от общин, основанных святым Фомой, который, как говорила традиционная легенда, путешествовал на этот дальний восток для обращения язычников. Один из ранних итальянских путешественников, посетивших Индию, Санто-Стефано¹, писал, что в Каликуте «действительно жили тысячи семей христиан». Правда, их религиозные обряды были очень странны и весьма отличались от обрядов португальской церкви, но все же

¹ Иеронимо ди Санто-Стефано, генуэзец, прибывший в конце XV века в Индию из Александрии через Красное и Аравийское моря, путешествовал затем по тропическим странам Юго-Восточной Азии. Он посетил также Индонезию, Малайский полуостров и Индокитай. В частности, не позднее 1494 года (по испанским источникам XV века) «Херонимо де Сантистеван» побывал на Суматре и в Малакке (Наваррете, Собрание путешествий и открытий, том IV, стр. 347, 348). В 1496 году Санто-Стефано жил в Пегу, где похоронил своего товарища, также итальянца, Иеронимо Адорно (см. английский сборник рассказов о путешествиях в Индию до португальцев — «Индия в пятнадцатом веке», издание общества Хаклюйта, серия I, № 22, 1858). — *Прим. ред.*

они были нисколько не похожи на обряды местных язычников. Во время своего путешествия Ковильян нередко наталкивался на итальянцев — главным образом венецианцев и генуэзцев — и даже на французов и нидерландских купцов, но ни разу он не повстречал соотечественника и ни разу не слышал лужитанскую речь.

Ковильян был верным слугой своего короля. Он воочию увидел, как итальянские города наживаются и богатеют на торговле с Индией и как ревниво они оберегают свою монополию, и он, более чем когда бы то ни было раньше, оценил величие планов и стремлений короля Жуана. Он решил сделать все, что было в его силах, чтобы отнять могущество у гордых итальянских городов и возвысить вместо них свою любимую родину. Прошло немного лет, и эта цель была достигнута, но бедняге Ковильяну этого не суждено было уже увидеть.

От Каликута на маленьком каботажном судне Ковильян приплыл в другой важнейший морской порт — на остров Гоа. Это был уже не индусский город с мавританской колонией, а территория самостоятельного мусульманского государства — Биджапура¹, выделившегося из Делийской империи в результате войн; в 1488 году оно управлялось шахом Махмудом Бальмахи II. Хотя Ковильян не мог знать, что и этот остров и тяготеющий к нему район Индостана через несколько лет станут оплотом великой Португальской империи на Востоке, он осознал его первостепенное значение в индийской торговле. Будущая столица Португальской Индии была уже тогда оживленным городом, ведущим торговлю с Востоком, Аравией и Персией, в частности с Ормузом, находящимся у выхода из Персидского залива. Гоа и тогда, как и двумя столетиями раньше, при Марко Поло, сообщившем об этом, был главным поставщиком лошадей для Индии. Сюда привозили лошадей из Аравии и перепродавали их властителям и знати всей Индии. В индийском климате лошади росли плохо, и за коней, привозившихся на открытых судах, поверх всего остального груза, из Адена, Эш-Шихра, Сохара, Калата, Маската² и Ормуза,

¹ Биджапур — возникшее в 1490 году в южной Индии независимое феодальное мусульманское государство; столицей его был одноименный город. Государство Биджапур в меняющихся границах существовало до 1686 года. Употребленный в тексте термин «Делийская империя» для конца XV века является анахронизмом. Если речь идет о крупном средневековом индийском мусульманском государстве, Делийском султанате, возникшем в начале XIII века, то он распался в конце XIV века, если же речь идет об империи Великих Моголов со столицей в Дели, то эта империя была основана лишь в 1526 году. — *Прим. ред.*

² Эш-Шихр — портовый город Южной Аравии (Хадрамаута), Эс-Сохар — портовый городок юго-восточной Аравии (Омана). Калат, или Калаат по-арабски значит «укрепление», и этим словом начинаются названия ряда приморских городов Передней Азии. Маскат — важнейший портовый город юго-восточной Аравии, столица Омана. — *Прим. ред.*

платили самые высокие цены. Из Гоа лошадей на судах развозили вдоль всего побережья, и там их раскупали и увозили во все места полуострова. Когда Албукерки захватил Гоа, он нашел в городе 120 великолепных арабских лошадей.

Изучив как следует торговлю Гоа, Ковильян полностью выполнил свою миссию в Индии. Муссон переменялся, арабские корабли готовились к переходу на запад, и португальский разведчик отплыл вместе с ними. В феврале или марте 1489 года судно, на котором ехал Ковильян, взяло курс на Ормуз¹. Оно было доверху нагружено перцем, имбирем, корицей, кардамоном, миробаланом, тамариндом, ревенем, алоэ², фарфором, тонкими хлопчатобумажными тканями (миткалем) и особо дорогие пакетами с мускусом, янтарем и драгоценными камнями, которые находились под бдительной охраной капитана. На этот раз при попутном ветре плавание было не столь долгим и утомительным, как тогда, когда плыли с запада на восток, и прошло без всяких инцидентов, о которых сообщали бы нам источники.

Мы располагаем лишь самыми неопределенными сведениями относительно того, где побывал Ковильян, после того как отправился из Ормуза в Каир. Весьма вероятно, что он был и в восточно-африканском порту Софала, где находилась арабская колония, ведшая прибыльную торговлю золотом, добываемым туземцами внутренних областей материка. Хотя Алвариш лишь вскользь говорит о пребывании Ковильяна в Софале³, итальянская версия Рамузио гласит:

¹ Описание Ормуза той эпохи см. в книге Hart, Venetian Adventurer, p. 100—102, 152—159.

² Кардамон — ароматные пряные семена тропического многолетнего травянистого растения *Elettaria cardamomum*, семейства имбирных; родина — Малабарский берег и обращенные к нему западные, влажные склоны гор, названных поэтому Кардамоновыми. Употребляется в кулинарии. Миробалан: в оригинале, повидимому, опечатка — «mirolaban»; возможно, что в тексте идет речь о миробаланах (греческое *myrobalanos* — благовонный плод), то есть о плодах двух индийских видов тропических деревьев семейства *Combretaceae*, содержащих до 40% таннидов. Тамаринд (*Tamarindus indica*) — тропическое дерево семейства бобовых; съедобные плоды употреблялись в медицине. Ревень (*Rheum*) — широко распространенный в диком виде во всей Азии род травянистых растений семейства гречишных. Некоторые виды ревеня культивируются, так как их молодые стебли съедобны и используются также в медицине. Алоэ — общее неточное название для двух совершенно различных продуктов растительного происхождения: 1) ароматическая древесина алойного дерева (*Aloëxylon Agallochum*), дикорастущего в горных районах Северной Индии, которая использовалась и для курений; 2) сок листьев нескольких видов тропических дикорастущих многолетних травянистых растений рода *Aloë*, распространенных в сухих районах Восточной Африки, на Сокотре (*Aloë socotrina*) и Аравийском полуострове; применяется в медицине. — Прим. ред.

³ «Берег Софалы, на котором он также побывал» («Na costa de Sofala em que elle tambem fora», Ramuzio, I, 129).

Он проплыл на корабле до Красного моря и добрался до Зейлы [побережье Сомали] и с какими-то купцами маврами проплыл через те самые моря Эфиопии, которые он видел на навигационных картах в Лиссабоне, ибо он должен был делать все [необходимое], чтобы запастись сведениями; и так он плыл в западном направлении, пока не попал в место [называемое] Софала, где от каких-то арабских моряков услышал, что с любого места этого побережья можно пройти морем на запад, и что пределы [моря] неведомы, и что там есть обширный остров, на расстоянии более чем девятисот миль от берега, называемый [островом] Луны [Мадагаскар. — *Ред.*] И установив все это, он, весьма довольный, решил возвратиться в Каир, и таким образом он отправился опять в Зейлу, а затем в Аден и Тор и, наконец, в Каир.

Поскольку и многие другие источники говорят, что Ковильян действительно побывал в Софале, вполне возможно, что свои познания об этом порте Васко да Гама прямым или косвенным образом получил из доклада Ковильяна. Во всяком случае, совершить такую поездку было не очень трудно. Арабы восточного побережья Африки славились как искусные мореходы. Они тщательно изучили это побережье, острова, рифы, ориентиры, мели, ветры, течения и их смену.

Следующие определенные сведения о Ковильяне относятся уже к его прибытию в Каир в конце 1490 или в начале 1491 года. Скитаясь на чужбине уже больше трех лет, он хотел поскорее встретиться с Пайвой и возвратиться с ним в Португалию, вновь увидеть жену и семью. Но после долгого ожидания и безрезультатных расспросов он, к своему ужасу, узнал, что его несчастный спутник и товарищ погиб, вероятно при попытке проникнуть в Эфиопию¹. Как, когда, где — мы этого не знаем, как не знаем пути, проделанного Пайвой, стран, в которых он побывал, народов, которые он видел, и того, какие сведения он собрал для своего повелителя.

Ковильян с успехом выполнил доверенную ему миссию. Его труды принесли большую пользу и дали множество новых сведений. Он выполнил данные ему инструкции быстро и точно, не останавливаясь на своем пути ни перед какими препятствиями. Он проплыл через восточные моря, побывал на западном побережье Индии и возвратился оттуда с подробными и точными сведениями обо всем виденном. Теперь он устал, был опечален и думал, что своими трудами на пользу короля Жуана вполне заслужил отдых. Но увидеть свою родину ему было не суждено.

В то время как путешественник одиноко сидел в своей комнате, размышляя, куда ему двинуться дальше, к нему явились два незнакомца и приветствовали его на португальском языке — за все эти годы Ковильян, должно быть, совсем отвык от него.

¹ Некоторые современные английские историки без достаточных доказательств заявляют, что Пайва был убит.

Незнакомцы сказали, что они посланы из Португалии, показали свои письменные полномочия и заявили, что их направил в Каир король, зная, что на это время здесь назначена встреча Ковильяна и Пайвы.

Один из этих незнакомцев был рабби Авраам из Бежи, другой — Иосиф из Ламегу¹, еврей-сапожник². Раввин ездил раньше в Ормуз (впрочем, по этому поводу источники противоречивы) и по возвращении дал королю большой отчет о своем путешествии. Иосиф из Ламегу, как ни скромна, повидимому, была его профессия, не раз путешествовал по Востоку, был и в Багдаде, и в Басре, и в Ормузе. Он, как и ученый раввин, тоже по возвращении в Лиссабон докладывал о своем путешествии королю. Ввиду того, что уже больше трех лет о Ковильяне и Пайве не было никаких известий, дон Жуан тайным образом послал их сюда, в Каир, на поиски пропавших эмиссаров. Он дал им соответствующие полномочия и денег, а также письмо для вручения Ковильяну и Пайве вместе или по отдельности, если их удастся обнаружить³.

Агенты португальского короля благополучно прибыли в Каир, но разыскать своего соотечественника в столь многолюдном городе им было чрезвычайно трудно, тем более, что им приходилось скрывать, кто они такие и зачем приехали. Наконец, проявив величайшую осмотрительность, ловкость и терпение, они открыли местонахождение Ковильяна. Убедившись, что Пайва погиб, они, согласно инструкции, передали Ковильяну письмо, на котором была королевская печать и которое они, соблюдая тайну, с такой осторожностью провезли из Лиссабона в Египет.

С замирающим сердцем читал Ковильян послание короля. Он был утомлен и стосковался по дому. Ему было дано тяжелое задание. Он исполнил королевский приказ, он проехал тысячи утомительных миль по суше и по морю, он пересек знойные пустыни и тропические моря и теперь он хотел вернуться домой, на поросшие вереском и сосной склоны Серра-да-Эштрела⁴, где его ждала жена и семья. Ковильян еще раз перечитал письмо. В нем были совершенно точные и недвусмысленные указания: если Ковильян и Пайва до конца выполнили свою миссию, они должны

¹ Ламегу — городок в северо-центральной Португалии, в области Бейра-Алта. — *Прим. ред.*

² Все первоисточники подчеркивают тот факт, что он был сапожник.

³ Здесь интересно отметить, какую значительную роль в первоначальных португальских путешествиях и открытиях играли евреи. Они не один раз выступали в качестве доверенных советников, блестящих географов и математиков, собравших чрезвычайно ценные материалы по мореплаванию и другим областям знания; они были изобретателями навигационных приборов, картографами, участниками экспедиций и, как в данном случае, доверенными агентами и эмиссарами правительства.

⁴ Серра-да-Эштрела — высочайшее нагорье Португалии в центральной части страны. У южного подножия этой горы, в верховье реки Зезери, расположен город Ковильян. — *Прим. ред.*

безотлагательно возвращаться в Португалию. Напротив, если им чего-либо выполнить не удалось или они не собрали все требуемые сведения, они должны продолжить свое путешествие и достичь цели. Король в особенности обращал внимание на священника Иоанна, требуя, чтобы была дана полная и точная информация о нем и его царстве.

Оставалось только повиноваться. Хотя Ковильян и исполнил все, что король возложил на него лично, все же он не мог возвратиться в Португалию. Несчастный Пайва умер, и Ковильян понимал, что его непреложный долг — выполнить задачу и Пайвы, пробраться в царство священника Иоанна и собрать о нем все сведения, какие желал король. Другого выхода для него не было. И удрученный горем, усталый, истосковавший по родине, он склонил голову и подчинился.

В письме короля содержались и другие указания, смысл которых нам не ясен: Ковильян прежде всего должен был сопровождать рабби Авраама (последний «поклонился королю, что не вернется в Португалию, не повидав Ормуз своими глазами») в Ормуз, откуда, после отъезда рабби в Португалию, ему надлежало ехать дальше. Но Иосиф должен был вернуться в Португалию прямо из Каира.

Перед отъездом в Ормуз Ковильян написал королю Жуану письмо, в котором подробно рассказал о том, что он видел и что узнал в странах Востока и в Индии — о населении, о товарах, о городах, о том, как в Индийском океане плавают арабские корабли. Это письмо он вручил Иосифу для передачи королю, и Иосиф, не откладывая, уехал. О письме Ковильяна в литературе спорили очень много, но до сих пор, несмотря на все старания, обнаружить его не удалось, и сведения о нем очень скудны. Однако в истории географических открытий громадное значение имеет сам по себе тот факт, что такое письмо было написано и отправлено. Это было первое донесение португальца, давшего своему правительству полный отчет о городах западного побережья Индии по личным наблюдениям. Итальянцы тоже писали своим властям в Европе, но в письме Ковильяна для португальцев все было новым и свежим, для них оно должно было заменить всю ту отрывочную, неточную и часто ложную информацию, которой они до того пользовались.

Алвариш прямо заявляет, что лично сам Ковильян говорил ему:

здесь [в Каире] он сразу написал через сапожника из Ламегу, как он открыл, что корица и перец есть в городе Каликут, что гвоздика идет из [страны] за ним, но что все это можно найти там [в Каликуте] и, кроме того, в упомянутых городах Каннануре, Каликуте и Гоа, на всем побережье, и что сюда можно плыть берегом и морями Гвинеи, останавливаясь у Софалы, куда он также

плавал и где есть великий остров, называемый маврами «остров Луны»¹. Говорят, что он находится в трехстах лигах от берега; и из любой из упомянутых стран можно взять курс на Каликут.

Итальянская версия Алвариша так характеризует содержание письма:

он заключил, что его [короля] каравеллы, которые ведут торговлю в Гвинею, плавая от одной страны к другой курсом на этот остров [Мадагаскар] и Софалу, легко смогут пройти в эти восточные моря и подойти к Каликуту, ибо, как он узнал, здесь всюду находится море.

Может быть, вместе с письмом королю Жуану Ковильян выслал и карту, хотя это сомнительно. В редчайшем первом издании книги Каштаньеды «История открытия и завоевания Индии португальцами» (1551) есть утверждение, что Ковильян послал и «карту, на которой были изображены и названы места, в которых он побывал». Во втором издании книги в 1554 году сам Каштаньеда эту фразу изъял. Очевидно, автор усомнился в достоверности своих сведений на этот счет и почел за благо опустить такое утверждение. Как бы то ни было, но фраза была вычеркнута, хотя в итальянском переводе книги, изданном в 1578 году в Венеции, она имеется². Если Ковильян и посылал карту, то она, как и письмо, тоже исчезла.

Вопрос о том, получил ли король Жуан письмо, врученное Ковильяном Иосифу из Ламегу для передачи королю, являлся предметом споров историков, ибо содержание этого письма было чрезвычайно важно для португальцев. Тот факт, что его не упоминает Ризенди в своей «Хронике Жуана II», еще не свидетельствует, что письмо не было получено; ничего не значит и отсутствие упоминаний о письме в сочинениях других авторов-современников. Письмо было доверено Иосифу из Ламегу, путешественнику опытному и искусному. Путь из Каира в Лиссабон не представлял особых затруднений и был сравнительно безопасен. Нет никаких оснований, ссылаясь лишь на отсутствие свидетельств, полагать, что письмо не было доставлено³. К тому же сам король Жуан был хитрым и осторожным человеком. Португальский двор кишмя кишел шпионами, торговое соперничество и враждебные дипломатические интриги не прекращались ни на минуту. Вполне понятно, что драгоценный секретный доклад можно было показать лишь очень узкому кругу самых близких королю людей — среди

¹ Мадагаскар, по-арабски Джезир-эль-Комр.

² См. Fernando Lopes di Castagneda, Historia dell' Indie Orientali, перевод Afonso de Ulloa, который, вероятно, следовал тексту первого португальского издания.

³ Каштаньеда лишь уклончиво замечает: «и получил ли король дон Жуан письма, которые Перу ди Ковильян переслал с евреями [sic], мне узнать не удалось».

них герцогу Бежа, который впоследствии, после смерти Жуана, стал королем Мануэлом. При таких обстоятельствах нетрудно догадаться, что разглашать факт получения письма или его содержание за пределами королевского совета было запрещено¹. Из всего этого мы можем сделать, по крайней мере, следующий вывод: не исключена возможность, что доклад Ковильяна послужил одним из серьезных факторов, побудивших короля Жуана готовить экспедицию в Индию, а короля Мануэла — осуществить планы своего предшественника на троне².

Проводив Иосифа в Лиссабон, Ковильян и рабби Авраам отправились в Ормуз. Уже в третий раз утомленный Эмиссар португальского короля преодолевал и пустыню и Красное море. В Адене два спутника взосли на борт маленького арабского каботажного судна, плававшего близ берегов Хадрамаута, Омана и Маската, и, наконец, прибыли к цели своего путешествия.

Ормуз великолепно описан одним англичанином, Ралфом Фитчем, который был там столетие спустя, прежде чем город успел сильно измениться, хотя в то время он уже попал под контроль португальцев³. Отчет Ралфа Фитча стоит процитировать.

Ормуз — это остров окружностью в двадцать пять—тридцать миль, самый засушливый остров в мире, из растительности на нем ничего нет, есть только соль, поэтому и воду, и пищу, и все необходимые предметы привозят из Персии, которая находится отсюда приблизительно на расстоянии двенадцати миль. Острова поблизости очень плодородны, и с них доставляются в Ормуз все виды продовольствия... В этом городе находятся купцы всех наций и много мавров и язычников. Здесь идет большой торг всеми сортами пряностей, медикаментами, шелком, шелковой материей, хорошими персидскими коврами, здесь много жемчуга, который идет с острова Бахарим⁴, и является лучшим в мире, и много персидских лошадей, на которых ездят во всей Индии.

¹ Замалчивание письма, возможно, являлось мерой защиты и самого Ковильяна.

² Как мы увидим, Васко да Гама отправился прямо на Каликут. Нам известно, что он вез письмо от своего короля к саморину (правителю) Каликута. «Во время плавания он расспрашивал о Каликуте, а не о встречающихся на пути портах. Может быть, это лишь совпадение, но при таких обстоятельствах мне кажется вполне логичным прийти к заключению, что письмо послужило основанием или, по крайней мере, одним из оснований для инструкций, данных позднее [Гама]» (см. Ficalho, Viagens, p. 122).

³ Ралф Фитч во время своего длительного путешествия по Азии (1583—1591) посетил многие субтропические и тропические страны — от Сирии до полуострова Малакки включительно. Его описание южных азиатских городов еще более усилили интерес английских купцов к развитию торговли с Индией. В Ормузе Фитч побывал дважды: перед невольным посещением Гоа (арестованный португальцами вместе с группой англичан в Ормузе, он был перевезен в Гоа) и после скитаний по Индии и Индокитаю — на обратном пути в Англию. — *Прим. ред.*

⁴ Остров Бахарим — Бахрейн, крупнейший остров одноименного архипелага в Персидском заливе. И до настоящего времени он является важнейшим в мире центром ловли жемчуга. — *Прим. ред.*

Женщины здесь одеваются необычно: в носу, в ушах, на шее, на руках и ногах у них множество колец с драгоценными камнями, в ушах серебряные и золотые подвески и длинный слиток золота в ноздре. Отверстия в ушах у них от тяжести украшений так расширяются, что в них можно засунуть три пальца.

Ковильян ни слова не сказал Алваришу о том, что было с ним в Ормузе. Настал день, когда Ковильян и рабби Авраам расстались, и последний поехал в Португалию. Каштаньеда утверждает, что, уезжая, Авраам взял с собой «второе такое же письмо к королю дону Жуану, какое увез Иосиф». То обстоятельство, что одни и те же сведения были в разное время дважды посланы Жуану с двумя верными и сообразительными агентами, дает основание предполагать, что до крайней мере один из докладов попал в руки короля и что, следовательно, эти сведения имели важное значение в подготовке путешествия Гамы.

Авраам определенно был таким человеком, который хотел побольше узнать и повидать новые страны, поэтому он, надо думать, продвигаясь на родину, ехал караванной дорогой через Басру, Дамаск и Алеппо, а отсюда по одному из уже веками испытанных торговых путей на Запад, а потом и в Португалию. Он тоже располагал ценными для короля сведениями, ибо трудно вообразить, чтобы король, посылая двух своих подданных в Каир, не наказал им собирать информацию, которая оправдала бы такое длительное путешествие.

Ковильян же из Ормуза отправился в Джидду, порт Мекки, а затем и в этот священный город, а также в Медину. Королевские инструкции, кажется, не содержали приказа посетить эти города. Возможно, что Ковильян оказался от них очень близко — может быть, плыл по Красному морю на каботажном судне — и у него возникло желание повидать священные места мусульман. Сделать это ему было просто. После долгих скитаний в магометанских землях он, вероятно, в совершенстве владел арабским языком и достаточно знал все религиозные обряды и церемонии в мечетях. В целях удобства и маскировки он давно уже носил арабскую одежду. Бороды тогда носили повсюду, а его лицо, годами палимое солнцем Востока, не требовало никакого маскарада. Мы не будем в данном случае описывать его пребывание в Аравии и то, что он наблюдал в священных местах, заметим только, что он был, возможно, первым христианином — и уж, конечно, первым португальцем, — которому довелось повидать запретные святыни последователей пророка.

Из Аравии путь Ковильяна лежал на Синай, где он насладился христианским богослужением в монастыре святой Екатерины. Затем он поехал снова в Тор и через Красное море и пролив Баб-эль-Мандеб в Зейлу, где высадился, чтобы по суше двинуться в царство священника Иоанна.

Жители Эфиопии, которых он встретил на побережье, были странными людьми. Корреа так описывает группу туземцев (вероятно, сомалийцев), встречавшую в 1520 году португальское посольство:

Это были бедные мирные люди в жалких лохмотьях (а в воду они входят нагие), черные, рослые, с густыми спутанными волосами, которых они с рождения никогда не стригли и не расчесывали, так что волосы их превратились в шерстяной ком; в руках у них были заостренные намащенные палочки, этими палочками они скребли головы, в которых кишели паразиты, ибо им было невозможно добраться до кожи пальцами, а единственное их занятие — это скрести голову.

Алвариш добавляет:

Жители страны... возделывают поля индийского хлеба и... пришли сюда издалека, чтобы засеять эти поля и скалистые склоны, которые встречаются в этих горах; здесь есть также прекрасные стада, например, коров и коз. Люди, которых мы встретили здесь, ходят почти что голыми, ничего не скрывая, и они очень черны. Они — христиане, и хотя женщины у них прикрывают свое тело немного больше, но все-таки — очень мало¹.

Был 1492 или 1493 год, когда Перу ди Ковильян ступил на землю Эфиопии, страны священника Иоанна, где царствовал Александр — «Лев племени Иуды, царь царей»², и куда приказал ему ехать дон Жуан.

Для описания последующих приключений португальского агента достаточно нескольких страниц. Войдя в столицу с купеческим караваном, он был радушно принят при императорском дворе. Ковильян предъявил императору награвированную медную пластинку и письма от португальского короля, написанные по-арабски, — эти письма он, вероятно, носил при себе в течение всех долгих семи лет странствий. Александр принял письма «с большим удовольствием и радостью» и обещал отпустить Ковильяна на родину «с большими почестями». Однако, как это бывает на Востоке, время шло и шло, недели сменялись месяцами, и никто ничего не предпринимал, чтобы отправить португальца на берег и оттуда домой. Затем случилась беда. Выхав на подавление какого-то мятежа, Александр в ночной битве был убит стрелами. Это произошло 7 мая 1494 года. Александру, на краткое время наследовал его малолетний сын Амда Сион («Столп Сиона»). В течение семи смутных месяцев его царствования на португальца, естественно, не обращали внимания, и он был вынужден, нетерпеливо ломая руки, томиться в ожидании и, вос-

¹ Недавние личные наблюдения автора данной книги показывают, что многие обычаи этого народа почти не изменились.

² «Негус негасты» — таков титул императора Эфиопии и поныне.

пользовавшись вынужденным досугом, стал учиться говорить и писать по-эфиопски — и хорошо сделал, как оказалось потом.

Малолетний император умер в октябре 1494 года, семи лет от роду, и так как у Александра других детей не было, корона перешла к его брату Наоду (Алвариш называет его Нау), и он не медля вступил на трон. При первой возможности Ковильян предстал перед новым негусом и попросил отпустить его с миром. Наод принял его «весьма милостиво», но наотрез отказал в разрешении уехать из страны.

Можно представить себе, какой ужас и отчаяние охватили посланца короля Жуана. Он проехал тысячи миль, чтобы добраться до двора эфиопского императора, здесь его хорошо приняли и устроили, но он не был дома уже почти восемь лет и имел все основания желать выбраться из варварской Абиссинии и возвратиться в родную Португалию с теми ценными сведениями, которые он собрал. Но, поскольку это было невозможно, португалец, наученный опытом своих многолетних путешествий и злоключений, сделал вид, что принимает решение императора с философским спокойствием и старается обратить свою неудачу во благо. Ковильяна даже назначали при дворе на все более и более важные посты, и у него появились земли и другое имущество¹.

Он являлся отнюдь не единственным европейцем, жившим в этой стране: здесь был Николо Бианка Леоне, одно время монах, а потом художник; он прожил среди эфиопов более сорока лет — по крайней мере, так он говорил — и познакомил португальца с их странными нравами и обычаями. Алвариш сухо сообщает о нем, что «это был очень почтенный и благородный человек, хотя и художник». Жил в Эфиопии и еще один белый человек, которого Ковильяну не пришлось увидеть. Позднее Ковильян рассказывал Алваришу, что этот человек более двенадцати лет провел в пещере, в глубоком ущелье, в конце концов замуровал сам себя крепкой стеной изнутри и там и умер. За свое долгое пребывание в Эфиопии Ковильян не раз встречал европейцев: некоторые из них приехали сюда по доброй воле из других стран, а кое-кто — спасаясь от мавританских пиратов на Красном море. И никому из этих европейцев, однажды попавших в страну священника Иоанна, не разрешалось уехать.

Хотя религиозное учение и обряды эфиопов сильно отличались от католических, но Ковильян в религиозных делах не был привередлив. Его устраивало уже одно то, что после стольких лет

¹ Повидимому, правители Эфиопии, как и монгольские императоры в Китае, были весьма заинтересованы в использовании людей Запада в управлении страной. Мало зная об иностранных государствах, они очень ценили советы и руководство европейцев и их знания ремесел. Будет логично именно этим объяснить отказ нескольких правителей отпустить Ковильяна, несмотря на его просьбы (см. Hart, Venetian Adventurer, ed. 3, p. 143).

странствий среди неверных он находился теперь у христиан. Он отказывался только ходить к эфиопским священникам на исповедь, поскольку, как он говорил Алваришу, они не соблюдают тайны. А что эфиопы не едят свинины и празднуют вместо воскресенья субботу — это его нисколько не волновало.

По истечении нескольких лет Ковильян стал Наоду еще нужнее и был даже назначен правителем области. Ему довольно давно намекали, что негус хочет, чтобы он взял себе в жены эфиопку и народил «сыновей и потомство»¹. И хотя Ковильян сначала восставал против этого проекта, в конце концов он по необходимости подчинился. Его жена и дети в далекой Португалии, вероятно, давно считали его погибшим. Много лет он был бездомным бродягой и, может быть, уже намеревался устроить семейный очаг. Хотя мы знаем, что его жена была темнокожей — или, вероятно, черной, — мы знаем также, что среди эфиопских женщин есть немало красавиц. Как человек, занимавший видное место, богатый и пользующийся благосклонностью императора, Ковильян, надо думать, имел возможность выбрать себе жену из самой знатной семьи. Надо учесть к тому же, что португальцы и у себя на родине и в колониях с давних пор отнюдь не чурались вступать в дружественные и брачные связи с темнокожими. Можно считать твердо установленным, что от этого брака у Ковильяна были дети. Алвариш сообщает, что однажды Ковильян пришел к нему «со своей женой и с некоторыми из сыновей». По словам Корреа, один из сыновей Ковильяна, несмотря на темный цвет кожи, «был воспитан и благороден». Исходя из этих отрывочных сведений, можно думать, что Ковильян примирился со своей судьбой и, вероятно, был даже счастлив, хотя он должен был все время мечтать о том дне, когда он сможет возвратиться в Португалию.

Время шло и шло, и вот 30 июля 1508 года скончался Наод и на трон вступил его юный сын Давид². Старейший Ковильян все еще не терял надежды возвратиться на родину и обратился к новому негусу с просьбой отпустить его. Но даже несмотря на то обстоятельство, что он пользовался дружеским расположением и прочной поддержкой вдовствующей императрицы Елены, в просьбе ему было отказано. Ответ Давида гласил, что Ковильян «приехал не в его [Давида] царствование и что его предшественники дали Ковильяну так много земель и поместий, которыми он должен управлять и из которых он не утратил ни одного, и поскольку они [предшественники] не давали ему такого разрешения, он не может его дать, и так оно и будет»³.

¹ «Que fizesse filhos e geração» (Correa, I, 1, 7).

² Так его называли португальцы. По-эфиопски его имя было Лебна Денгель.

³ Цитата взята из версии Рамузио, которая чуть полнее португальского текста. Перчес (His Pilgrimes, XI, 18) перевел это место странным образом:

Прошли еще годы, и все больше и больше европейцев появлялось в стране священника Иоанна: тут были генуэзцы, каталонцы, один хиосский грек, баск и немец. Были здесь двое итальянцев — Томмазо Грандини и Николо́ Муза. Приехал сюда в сопровождении некоего «мавра» и один португальский священник, Жуан Гомиш, но по каким-то неизвестным нам причинам был отпущен на родину.

Так прошло и шесть, и двадцать лет, а жизнь Ковильяна текла без особых перемен. Затем он услышал неожиданную новость (примерно в мае 1520 года): в Массауа высадилось, во главе с Родригу ди Лима, португальское посольство и уже приближается к столице. Ковильян поспешил навстречу и был бесконечно счастлив, когда увидел, что в числе членов посольства был монах из Коимбры Франсишку Алвариш. Наконец он мог исповедаться по-настоящему; и именно в этих неоднократных беседах с Алваришем он, эпизод за эпизодом, рассказал историю своих приключений, которую Алвариш передал нам — кое-что Алвариш, вероятно, рассказал позднее Корреа, сообщившему нам дополнительные подробности.

Хронисты ясно говорят, что Ковильян оказал посольству дона Родригу в Эфиопии неоценимые услуги: он был и переводчиком, и проводником, и советником. Он даже дал в помощь посланнику на время его пребывания одного из своих сыновей, «*ja casy homep*» (почти взрослого мужчину).

Пробыв в Эфиопии длительный срок, посольство отправилось в обратный путь к побережью. В этом двухдневном переезде Ковильян сопровождал послов вместе со своей женой, сыновьями, всей челядью и рабами. Ковильяну было теперь семьдесят три или семьдесят четыре года, и он отказался от мысли когда-либо вернуться в Португалию. Источники расходятся в объяснении такого его решения: одни говорят, что оно было добровольным, так как «он жил спокойно, владея большими землями», другие утверждают, что Давид снова не разрешил ему уехать. Но Ковильян уговорил Родригу ди Лима взять с собой в Португалию одного из своих сыновей, — вероятно, того самого юношу, который был в услужении у посла при дворе; ему исполнилось двадцать три года, это был мулат, «коричневый, как груша». Ковильян умолял посла представить юношу португальскому королю, чтобы тот наградил его за великие услуги, оказанные Португалии отцом. Ковильян просил также, «чтобы юноше разрешили потом возвратиться и рассказать священнику (Иоанну), что он видел в Португалии, ибо и мать и родственники сына в стране

«и его наследники тоже не позволят уехать этому Улиссе (Одиссею), знатоку множества языков, столь полезному благодаря тому, что он много видел на свете».

священника будут очень рады этому, а если у его жены в городе Ковильян есть сын или дочь, юноша должен передать ей двенадцать унций золота, каковые он ему и вручает». Сто унций золота, на расходы сына Ковильян доверил дону Родригу, а сыну передал для короля письмо и полученную в свое время от короля дона Жуана вместе с инструкциями медную пластинку, с тем, «чтобы король, увидев пластинку, поверил ему. Но в дороге этот сын заболел и умер, так что дон Родригу вернул Перу ди Ковильяну ту крупную сумму золота, которую сын вез с собой».

Это последняя из всех известных нам записей о Ковильяне. Мы не знаем, когда, где и как он умер и какова была участь его португальской и эфиопской семей. Он верно служил своему королю, чересчур верно, если смотреть на дело с точки зрения его собственных интересов. Порученная ему миссия должна была закончиться в два или три года, а затянулась на большую часть его жизни и оборвалась с его смертью в чужой стране, далеко от его любимой Португалии.

История жизни и имя Ковильяна вполне заслуживают того, чтобы спасти их от забвения. Скромный слуга правительства, он, забывая страх и усталость, безраздельно отдался выполнению того, что обещал королю. Он собрал и послал ему ценнейшие сведения об Индии и Леванте. Он жертвовал своим отдыхом и покоем, почестями и наградами, лишь бы выполнить те поручения, которые были доверены его погибшему товарищу. У нас нет никаких свидетельств того, что его заслуги перед королем были когда-либо признаны, что его семья получила какое-то вознаграждение, что официально было заявлено о благодарности соотечественников за его неоценимые сообщения о Востоке — те самые донесения, которые, если только они были получены в Лиссабоне (а это очень похоже на истину), внесли прямой и ощутимый вклад в дело подготовки путешествия Васко да Гамы.

В общем Ковильян чудесно воплощал в себе дух века: это был воин и исследователь, человек острого ума, жадный до всякого рода знаний, блестящий лингвист, изобретательный и тактичный путешественник, проехавший по таким странам, где путешествие было сопряжено с наибольшими трудностями и наибольшим риском. «Повиновение — вот главная черта его характера», — писал о нем один его соотечественник. Но, может быть, наиболее точно и кратко охарактеризовал Ковильяна хорошо его знавший Франсишку Алвариш, выразившийся о нем так: «Этот Перу ди Ковильян — человек, который узнал все, что ему было приказано, и обо всем дал отчет»¹.

¹ «Este Pero de Cov'lhã he homem que todas as cousas a que o mandaram soube e de todas dá conta».

ПОДГОТОВКА АРМАДЫ

Уж в знаменитой пристани Улисса...¹
Суда стоят, готовые к отплытию...

Камюэнс, «Лузиады», IV, 84.

1

После записей о возвращении в Лиссабон Бартоломеу Диаша и его кораблей несколько лет нет никаких письменных свидетельств о дальнейших португальских поисках морского пути в Индию. Хотя доклады Ковильяна и Диаша показали возможность такого путешествия, в течение почти десятка лет, насколько известно, в этом отношении ничего не предпринималось. Однако эти доклады обнадежили дону Жуана, который горячо уверовал, что наконец-то он достигнет своей цели — контроля над индийской торговлей, и он уже принялся за осуществление своих планов. Но время и события были против него, и другой король, Мануэл, гораздо менее достойный, чем Жуан, пожал то, что Жуан посеял, и воспользовался плодами и славой трудов Жуана.

Одно из препятствий, мешавших воспользоваться открытием Диаша, заключалось в том, что надо было найти такую команду, которая пошла бы за своими капитанами в этот далекий и опасный путь: ведь результат этого путешествия был неизвестен, а опасности — и реальные и воображаемые — возрастали с каждой пройденной милей. Трудность такого пути показало само плавание Диаша — он был вынужден, под угрозой мятежа своих матросов, повернуть корабли назад, будучи уже почти у самых ворот Индии. Сверх того, «большинство моряков вновь придерживалось такого же мнения, как это было и до открытия мыса Божиадори (Бохадор), что плыть дальше невозможно».

Из предыдущего обзора путешествий Ковильяна можно сделать вывод, что король получил его письма (если только он их вообще получил) с большой задержкой, хотя в них содержались ценнейшие сведения для определения наиболее разумного пути в Индию после того, как был открыт мыс Доброй Надежды. Эти письма задержались, быть может, на много месяцев, а то и на

¹ Существует легенда о том, что Улисс основал Лиссабон.

[«Пристань Улисса» — в данном случае устье Тежу у Лиссабона. — *Прим. ред.*]

много лет. Между тем сильно испортились отношения Португалии с Марокко, потребовалось немало времени и денег для снаряжения военной экспедиции, направленной за Гибралтарский пролив. Португалия боялась также враждебного отношения со стороны Венеции, турок, могущественного египетского султана; никак не улучшались отношения и с испанскими королями. К тому же в 1490 года здоровье короля пошатнулось. Внутривполитические осложнения и тяжелые личные утраты лишь обостряли его болезнь и препятствовали осуществлению намеченных планов. За последние годы царствования Жуана в этом отношении ничего не было сделано.

Король Жуан все свои помыслы посвятил благу Португалии. Он сломил могущество знати и укрепил королевскую власть. Ему сопутствовала удача в борьбе с испанской короной. Он расширил португальские владения в Африке и сильно способствовал развитию португальской торговли. По прошествии десяти лет успешного царствования он стал мечтать об объединении своей страны с Испанией, желая видеть своего единственного законного сына Афонсу на троне объединенного Пиренейского королевства. В 1490 году, после долгих переговоров, Афонсу женился на Изабелле, старшей дочери короля Фердинанда и королевы Изабеллы, правившими тогда Испанией. Свадьбу праздновали с такой пышностью и роскошью, какой до того в Португалии не видали. В Лиссабоне в это время свирепствовала чума, и пиры устраивались в Эворе, втором по значению городе королевства, где по этому случаю был выстроен громадный деревянный павильон. Но даже и в Эворе «были вспышки чумы, вследствие чего король сильно печалился, ибо было бы нехорошо, если бы торжества нельзя было провести с той пышностью, о какой он распорядился». После празднеств король и королева Кастилии сопровождали свою дочь до города Борбы¹, где «принцесса, с глазами полными слез и великой печалью, поцеловала им руки и покинула их, а они благословили ее; и принцесса отправилась в путь (в Бадахос²), и с ней были девять дам, дочерей великих и знатных людей Кастилии и Арагона, и еще в качестве дуэньи и старшей фрейлины была донна Изабелла ди Соуза, португалка, гордая и благоразумная женщина, весьма нравственного образа жизни, а также и другие женщины и слуги ее двора». Хронист Ризенди, расточая свое красноречие, посвятил целые главы описанию триумфального пути принцессы по стране, а также пиров, пышных процессий и театральных представлений, которыми отмечалось установление грядущего союза двух королевств.

¹ Борба — португальский городок в восточной части «заречной» области — Алентежу. — *Прим. ред.*

² Бадахос — испанский (кастильский) пограничный город в Эстремадуре. — *Прим. ред.*

Радость короля и счастье молодой четы были кратковременны. 12 июля 1491 года король с некоторыми гостями поехал верхом купаться на реку Тежу, как он это часто делал в жаркие летние дни. По обыкновению, он пригласил с собой сына Аффонсу. Принц сказал сначала, что он устал, но потом решил поехать. Когда он уже собрался, ему никак не могли подать его верхового мула, и он сел на красивого буланого скакуна, принадлежавшего его конюшему. Выехав, он раздумал купаться и вместо этого поскакал галопом в поле. Вдруг конь споткнулся и скинул его наземь. Принца без сознания принесли в ближайший дом рыбака. Здесь, несмотря на старания королевских врачей и молитвы собравшихся вокруг его кровати, юноша, не приходя в сознание, скончался...

Король, здоровье которого и без того было слабым, не мог уже оправиться после потери своего единственного законного сына. Горе и разочарование явно сокрушали его. У него уже не было надежды передать свои расширившиеся владения своему собственному сыну, ибо его попытки передать право наследования короны побочному сыну Жоржи были парализованы противодействием королевы Леоноры и двора. С тяжелым сердцем он был вынужден назвать своим наследником и преемником ближайшего родственника — Мануэла, герцога Бежа, брата королевы.

Вдобавок к этим тяжким испытаниям, короля весьма расстраивали споры с Испанией, возникшие после возвращения Колумба из его первого путешествия. Вполне возможно, что его опасения, как бы спор о разделе вновь открытых стран не решился в пользу Испании, побудили его в конце концов продолжать географические исследования и открытия¹. И вот незадолго до своей смерти он страхнул с себя все возраставшее уныние и апатию, дал приказание готовить флотилию для плавания в Индию и назначил начальника, который повел бы эту флотилию и осуществил величайшую его мечту — морской поход из Португалии к берегам Каликута.

Но было слишком поздно. По воле судьбы Жуан не увидел, как выходила его флотилия, спускаясь по Тежу в открытое море. Вскоре после того как приступили к постройке кораблей, с доном Жуаном начались обмороки и он все меньше и меньше мог заниматься государственными делами. При дворе поползли слухи (эти слухи никогда не подтверждались и не опровергались), что король медленно отравляли. Для таких слухов были основания, так

¹ 7 июня 1494 года Жуан подписал с испанскими монархами знаменитую Тордесильясскую конвенцию (или договор). Эта конвенция делила между двумя государствами земли и моря, которые были или могли быть открыты. Демаркационная линия была проведена в 370 лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса от Северного до Южного полюса. Договор подкреплялся буллой папы Александра VI.

как он наложил свою тяжелую руку на грандов и знать, и кое-кто из историков подозревает в отравлении даже самую королеву Леонору. Жуан нажил себе множество злых и решительных врагов; это первый португальский король, который был вынужден завести личную стражу. Через несколько месяцев королю стало еще хуже, у него обнаружили явные признаки уремии. Он осознал свое положение, спокойно позвал приближенных и сказал им, что он понимает, что конец его близок.

Ризенди, личный друг и хронист Жуана, был при нем в последние часы его жизни и описал их очень детально: «Хотя король сильно страдал, епископ Танжерский напомнил ему о его многих благочестивых и неотложных неосуществленных делах». Епископ Алгарви, находившийся тут же, причинял заботы королю даже и в такой час.

Ибо хотя он и был вполне хороший человек, очень добрый, щедрый, но он был плохим священником, никогда не служил месс и не обращал внимания на обязанности по отношению к господу... И теперь, в свой последний час, король сказал ему: «Епископ, я умираю с тяжелой душой из-за тебя; ради любви ко мне, живи отныне как следует и служи господу богу, и поклялись мне в этом». И епископ поклялся ему, а он взял его за руку [в знак] того, что тот обещал сдержать свое слово... А когда короля по обычаю называли «высочество», он сказал: «Не называйте меня «высочество», ибо я всего-навсего мешок земли с червями»... Он послал узнать, какая была высота прилива, и когда ему сообщили, он сказал: «Через два часа придет мой конец»¹. И так и было... И вот... его душа покинула тело в воскресенье, когда садилось солнце, 25 октября 1495 года... в возрасте сорока лет и шести месяцев, из которых он был женат на королеве Леоноре двадцать пять лет и царствовал четырнадцать лет и два месяца. И поскольку в своей жизни он был самым добродетельным человеком, он и встретил свой конец так, что надо только завидовать.

Достойный хронист проходит мимо менее достойных деяний «добродетельного Совершенного государя» дона Жуана. Король открыто хвастался, что он является учеником Макиавелли и подражает политике и методам коварного короля Франции Людовика XI. Не довольствуясь уничтожением могущества высшей знати, он домогался ее земель. Чтобы завладеть землями своего шурина Фернана, герцога Браганса (здесь имела место и наследственная вражда), он арестовал его и казнил в 1483 году в Эворе после чисто формального судебного процесса. Чтобы окончательно разгромить знать, он собственноручно заколол брата своей жены Диогу, герцога Визеу, в его собственном дворце в Сетубале

¹ Существовало поверье, вероятно, сохранившееся до настоящего времени, будто душа умирающего человека покидает тело во время отлива. — *Прим. ред.*

23 августа 1484 года. Когда королева Леонора открыто стала оплакивать убийство своего брата, Жуан заставил ее умолкнуть, пригрозив и ее судить за измену. (В этом отношении судьба сыграла с ним злую шутку, так как со смертью своего единственного сына он был вынужден назначить наследником португальского трона Мануэла, брата убитого герцога.) Не насытившись этими двумя убийствами, он приказал бросить живым в колодезь любимца своего отца — епископа Эворы. Он казнил, по суду или без суда, восемьдесят знатнейших португальских грандов и, конфисковав их владения, обогатил корону. Вот откуда, по крайней мере частично, брались средства на снаряжение кораблей для открытия новых земель!

Итак, безвременно скончался человек, много сделавший для существования и дальнейшего развития планов принца Генриха, человек, в царствование которого закончилось открытие побережья Западной Африки и был достигнут мыс Доброй Надежды. Благодаря его усилиям португальцы добрались до Индийского океана и накопили такие знания, которые обеспечили впоследствии славу его наследнику, по праву названного Счастливым. Мануэл был действительно счастливым: дон Жуан мудро и прочно заложил основу всех его предприятий. Рассказать о том, как Мануэл осуществил эти предприятия и каков был конечный ход событий, является задачей нашей книги.

2

Открытие южного побережья Африки и мыса Доброй Надежды на первых порах не вызвало в Португалии особого энтузиазма или интереса. Португальцев уже не волновали вести об открытии и исследовании доселе неизвестных земель — слишком много они слышали их за последние семьдесят пять лет. Рабы, гвинейский перец, слоновая кость и золото, добываемые в сражениях и трудах под палящим солнцем варварских земель — вот и все, что было найдено вместо сказочных богатств, пряностей и драгоценных камней, которые будто бы скрывались за чертой горизонта. Дуарти Пашеку Пирейра хорошо выразил настроения своих современников, написав так: «Хотя берег, открытый под его [короля Жуана] руководством, не приносит никакой пользы, мы не должны его за это винить; виновата сама земля — она почти пустынна и не родит ничего, что доставляло бы радость человеческому сердцу». И это говорилось о земле, которая стала колыбелью огромного, плодородного и преуспевающего Южно-Африканского Союза!

Жуан значительно продвинул вперед подготовку экспедиции, которой было предназначено закончить и увенчать дело Диаша. Надо было преодолеть расстояние от Португалии вплоть до

индийских берегов. По приказу короля в коронных лесах Лейрии и Алкасира валили строевой лес. «Некий Жуан Браганса, молодой человек, горец [передают, что он был у дона Жуана распорядителем охоты], был поставлен смотреть за работой. Лес был переправлен в Лиссабон в 1494 году». И Бартоломеу Диаша, учитывая его предыдущие успехи и многолетний опыт в мореплавании, назначили главным наблюдателем за постройкой кораблей¹.

Дамиан ди Гоиш, хронист царствования дона Мануэла, рассказывает, как новый король стал вести подготовку экспедиции. начатую доном Жуаном.

И теперь, вместе с королевствами и сеньориями, он унаследовал задачу продолжения такого громадного предприятия [как то], которое начали его предшественники, — то есть открытие Востока через это наше море-океан, — на которое за семьдесят пять лет ушло так много усердия, труда и средств; он [Мануэл] хотел сразу показать, в первый же год своего правления, как сильно он желал прибавить к своей королевской короне новые титулы, даже более высокие, чем титул «Властитель Гвинеи», который, после его открытия, принял король дон Жуан². Посему в следующий декабрь король, находясь в Монтемор-у-Нову, несколько раз созывал большой совет, на котором обсуждалась целесообразность отправления флотилии в Индию. Большинство советников выступало против намерения короля и всеми способами старалось его разубедить. Они заявляли, что «удача сомнительна, а опасность велика и очевидна; плавание труднейшее, а Индия от нас весьма далека, мы отделены от нее неизмеримыми пространствами отдаленных стран; нет таких преимуществ, которые уравновешивали бы риск и невыносимые трудности такого опасного плавания. Король должен также принять во внимание, что он может быть втянут в войну с императором Египта [так называли султана], весьма могущественным в той части Востока, и что если он будет настаивать на осуществлении путешествия, как он предполагал сделать, то он возбудит по отношению к себе великую зависть со стороны других христианских государей».

Другие, выступая против предложения Мануэла, ссылались на то обстоятельство, что население Португалии мало, а ее финансовые средства недостаточны. Короля предостерегали, конкретно указывая ему, что открытие морского пути в Индию не может не вызвать раздоров с другими европейскими морскими державами, в особенности в том случае, если он попытается установить монополию в морской торговле. При обсуждении взаимоотношений с

¹ Корреа (на которого в данном случае не следует вполне полагаться) сообщает, что постройку кораблей возглавлял Жуан Инфанти (помощник Диаша во время плавания к мысу Добрая Надежды), но когда он вскорости умер, дон Жуан будто бы велел прервать работу, пока он не найдет другого кораблестроителя, который ему понравится.

² Корреа пишет, что Мануэл загорелся желанием осуществить путешествие, найдя шкатулку дона Жуана с планами и документами по этому вопросу и изучив их.

Египтом подчеркивалось, что, мягко говоря, султан не будет смотреть благосклонно на то, что он лишится доходов от транзитной торговли и всяких иных доходов, как только португальцы отрежут или заградят пути, ведущие к Персидскому заливу и Красному морю. Венецианцы, игравшие огромную роль в торговле с Александрией, будут подстрекать султана, помогать ему и могут даже выступить вместе с ним в войне против Португалии. Словом, если осуществить выдвинутые Мануэлом планы, на его голову, а вместе с тем и на Португалию обрушится весь свет.

Но все доводы были напрасны, хотя они и опирались на здравый смысл и значительный исторический опыт. У донна Мануэла уже созрело решение. Он хорошо знал, что те же самые возражения выдвигались и против планов и экспедиций принца Генриха и короля Жуана, но отнюдь не остановили их. И, кроме того, дело с подготовкой плавания зашло слишком далеко, чтобы его можно было приостановить. Оно уже стало исторической необходимостью. Камень уже покатился, сначала медленно, но все время набирая скорость, и ничто не могло его ни удержать, ни замедлить. Он должен был пройти свой путь. Мануэл распустил советников и начал энергично действовать. В конечном итоге события показали, что его противники были правы, а он неправ.

Чтобы претворить в жизнь свои планы и планы Жуана, Мануэл прежде всего распорядился возобновить постройку кораблей. Он приказал Бартоломеу Диашу смотреть за тем, чтобы корабли строились как можно лучше, «согласно тем требованиям, которые, как показал его опыт, будут необходимы, чтобы выдерживать ярость морей близ великого мыса Доброй Надежды».

3

Снаряжаемая в плавание флотилия состояла из четырех кораблей. Хотя источники не единодушны относительно их названий, наиболее авторитетные авторы называют их так: «Сан-Габриэл» (флагман), «Сан-Рафаэл», «Берриу» и один грузовой корабль без названия¹.

Строительство кораблей «Сан-Габриэл» и «Сан-Рафаэл» было решено и начато еще при жизни короля Жуана. Диаш проектировал корабли с учетом своего опыта длительных плаваний у африканского побережья и борьбы со штормами Атлантики. Диаш отказался от каравелл с латинскими парусами² — они

¹ В то время излюбленные названия кораблей у португальцев были главным образом религиозные, например «Бог Португалии», «Если бог захочет», «Королева ангелов», «Наша владычица мать бога и человека», «Наша владычица с четками» и т. д.

² Впрочем, частично латинские паруса могли применяться.

были чересчур неустойчивы и низкобортны — и построил вместо них более устойчивые, тяжелые корабли с прямым парусным вооружением — *науш*. Они имели более глубокую осадку и были тихходнее старых каравелл, но выигрывали по сравнению с ними своей вместительностью, удобствами, надежностью и общими мореходными качествами.

Тоннаж «Сан-Габриэла» и «Сан-Рафаэла» по сравнению с тоннажем современных судов был до смешного мал — примерно 100—120 тонн, хотя следует принять во внимание, что корабельная тонна XV века была, может быть, вдвое больше современной¹. Классическое правило кораблестроения — его придерживались до последнего времени — было таково, что длина корабля не должна превосходить его ширину больше, чем в четыре раза; чертежи и рисунки той эпохи показывают, что кораблестроители «века открытий» обычно следовали этому правилу. Корабли намеренно строились небольшие — для удобства маневрирования в мелких водах и на реках.

Хотя новые корабли отличались превосходными мореходными качествами, с виду они были некрасивы. Это были плоскодонные суда, с высокой прямоугольной кормой и носом, причем нос поднимался так высоко, что бушприт² мог служить (и служил) четвертой мачтой для четырехугольного переднего паруса. На бушприте было резное деревянное изображение святого — патрона корабля. Вдоль корпуса около ватерлинии были прикреплены вельсы³ для предотвращения или ослабления боковой качки. Чтобы уменьшить неизбежное обрастание кораблей ракушками и предохранить их от «червей-бурильщиков», днища обильно смазывали салом и смолой или *сифой*, густой смесью сала и рыбьего жира⁴. Несмотря на такую предосторожность, корабли приходилось очень часто вытаскивать на берег, накренять, а затем соскребать с корпуса ракушки, водоросли и т. п. и вновь его просмазывать и проконопачивать. Конопатили смесью из негашеной извести и пакли, пропитанной маслом от «червя», а на пазах изнутри прибавались деревянные планки. Мало этого, поверх конопати и планок, для защиты от удара волн, изнутри прибавались еще свинцовые пластинки. Корпус корабля поверх ватерлинии красился в черный цвет — вероятно, дегтем с какой-

¹ Первоначальное понятие тоннажа означало кубатуру помещений корабля под палубой, измеряемую в винных бочках; каравеллы значительно различались по тоннажу.

² Бушприт (бугшприт) — наклонный или горизонтальный брус на носу судна. — *Прим. ред.*

³ Вельсы (иначе баргоут) — выпуклые горизонтальные наружные пояса судовой обшивки, которые делаются во всю длину судна и связывают его ребра. — *Прим. ред.*

⁴ Стоит вспомнить, что грузовое судно в экспедиции Диаша было источено «червем» так, что Диаш был вынужден на обратном пути его уничтожить.

нибудь примесью — тоже с целью предохранения от порчи¹. Прочные брусья «в два пальца толщиной» были укреплены по бокам корпуса для защиты во время боя.

Если суда были недостаточно нагружены для нормального хода, в нижнюю часть трюма грузили балласт — песок, камни, гравий и т. д. Этот балласт постепенно выбрасывали, как только корабль достаточно нагружался и приобретал устойчивость. Течь была обычным и всегда ожидаемым явлением на кораблях, и на этот случай имелись наготове деревянные насосы, чтобы свести результаты ее к минимуму. В трюмах постоянно держалась противно пахнущая застоявшаяся вода, а кроме того, беззаботные моряки часто бросали туда всяческие отбросы, так что трюм быстро превращался в зловонную, отвратительную помойную яму. Когда зловоние становилось невыносимым, корабль вытаскивали на берег, начисто разгружали, мыли трюмы, а потом нагружали новым балластом. При таких условиях всюду сновали крысы, было полно вшей, блох, тараканов и прочих паразитов — истинное наказание моряков.

В те времена на португальских кораблях обычно было по шести якорей, так как их нередко во время шторма теряли. Запасные якоря хранились в трюме, всегда под рукой, на случай нужды. Употреблялся один ворот с четырьмя рычагами, якоря поднимали под звуки старинных матросских песен, передававшихся из поколения в поколение сотни лет. Канаты и все вообще корабельные снасти делались из льняного волокна, хотя после знакомства с Индией стало употребляться для этого и кокосовое волокно. На кораблях такого типа голова руля находилась высоко над кормой; тяжелый деревянный румпель продевался в отверстие в голове. Рулевой стоял ниже полукота. Ему обычно мешали смотреть паруса, сооружения на палубе или высокий бак, и он правил по компасу и указаниям вахтенного офицера². В качестве вспомогательного средства во время штиля или противных течений применялись длинные и прочные весла; в случае необходимости матросы гребли, просовывая их в уключины фальшбортов³. На шкафуте⁴ каждого корабля помещалась большая шлюпка (*batel*) и легкий ялик на четырех или шести гребцов.

¹ После 1516 года португальцы, познакомившись с употреблением *галагалы* — грубой шерсти, пропитанной дегтем, которой китайцы проклеивали джонки, сами стали проклеивать галагалой корпус корабля выше и ниже ватерлинии.

² Современное рулевое колесо изобретено лишь в XVIII веке.

³ Фальшборт — верхняя (выше верхней палубы) часть борта судна. — *Прим. ред.*

⁴ Шкафут — часть верхней палубы между передней и средней мачтами (фок- и грот-мачтами). — *Прим. ред.*

Вооружение каждого корабля состояло из двенадцати пушек. Самые тяжелые пушки были сделаны из кованных железных досок, наподобие бочарных клепок, связанных железными обручами. Они были укреплены на неуклюжих вилообразных подставках. Среди более легких пушек были бомбарды, однофунтовые мушкеты¹ и тому подобное. У матросов огнестрельного оружия не было, они пользовались арбалетами, копьями, топорами, мечами, дротиками и абордажными пиками. Офицеры носили стальные латы, но большинство матросов довольствовалось кожаными куртками и нагрудниками. Во время боя моряки, находящиеся на шкафуте, защищались от стрел толстыми полосами парусины. Вдоль бортов «крепостей»² выставлялись щиты с гербами владельцев. Гербы имелись и на флагах, поднимавшихся, когда ставили паруса или приближались к земле.

Трюм был разделен переборками на три части. В средней помещались бочки с водой, запасные канаты, всегда из волокна, так как проволока для изготовления канатов еще не употреблялась. В задней части хранился порох, снаряды (тогда были еще во всеобщем употреблении каменные пушечные ядра), огнестрельное и иное оружие, а в передней — продовольствие и запасное снаряжение. Корабли строились с двумя палубами; нижняя палуба, как и трюм, делилась на три части, и там также хранилась пища, наряду с товарами для продажи и подарками.

И на «Сан-Габриэле» и на «Сан-Рафаэле» было по три мачты, на мачтах, для наблюдения, вороны гнезда, которые во время боя использовались для стрельбы из арбалетов, метания зажигательных снарядов, копий и прочего. Фок-мачта и грот-мачта несли четырехугольные паруса, а на бизань-мачте был огромный треугольный парус. На всех парусах были изображены красные кресты ордена Христа. Третий корабль, «Берриу» (у Каштаньеды «Бирриу»), строился не на королевских верфях, а в Лагуше³. Он был куплен у одного кормчего, некоего Берриуша, по имени которого и был назван⁴. Это была быстроходная каравелла с латинскими парусами, но очень маленькая — всего-навсего на пятьдесят тонн. Четвертое судно должно было служить для перевозки запасов, необходимых при продолжительном плавании. Его купили по приказу короля у некоего Айриша Корреа, лиссабонского судовладельца. Название этого корабля нигде не упоминается, неизвестно также, как он был построен и оснащен.

¹ Мушкет в XV веке был тяжелым крупнокалиберным ружьем с фитильным замком; стрелять из него нужно было с подставки. — *Прим. ред.*

² Средневековые военные и вооруженные торговые корабли имели ряд надстроек — «крепостей». — *Прим. ред.*

³ Лагуш — портовый город южной португальской области Алгарви; возник еще до нашей эры (Lacobriga у древних римлян). — *Прим. ред.*

⁴ Поскольку два автора называют этот корабль «Сан-Мигел», возможно, что он и был переименован в «Сан-Мигел».

Грузоподъемность его тоже вызывает сомнения, она могла быть от 120 до 300 тонн¹. Средняя скорость кораблей Гамы при хорошем ветре была от 6,5 до 8 миль в час.

Когда постройка «Сан-Габриэла» и «Сан-Рафаэла» была закончена и два других корабля были доставлены, дон Мануэл вызвал одного из своих любимцев, Фернана Лоуренсу, управляющего королевскими рудниками, «человека, к которому он питал доверие и который пользовался немалым уважением, и приказал ему доставить снаряжение для армады, снабдить ее всем необходимым и как можно быстрее».

Согласно предварительным расчетам, плавание должно было продлиться три года, и на этот период времени и грузились на борт все припасы. По приказу короля в Валли-ди-Зебру были построены большие печи для заготовки изрядного количества морских сухарей. На каждого моряка отпускался дневной паек в 1½ фунта этих сухарей, 1 фунт солонины или ½ фунта свинины, 2½ пинты воды, 1/12 пинты уксуса и 1/24 пинты оливкового масла. В постные дни мясо заменялось ½ фунта риса, трески или сыра. Погрузили много бочек вина², и на каждого человека была отпущена щедрая норма — 1¼ пинты в день. Как и в наше время, вино тогда являлось обычным напитком латинских народов, и, чтобы моряки чувствовали себя довольными, на вино нельзя было скупиться. Чтобы пищу разнообразить, на корабли погрузили бобы, муку, чечевицу, сардины, чернослив, лук, чеснок, сахар (белый и коричневый), миндаль и мед. Рыбу можно было ловить в пути. Надо заметить, что условия приготовления пищи должны были ограничивать меню до крайности. Пищу накладывали в деревянные чашки, и люди, поставив их на доски, ели с помощью ножей и пальцев. Вилки на кораблях еще не употреблялись — ибо едва ли где употребляли их тогда и на суше. Спали люди где попало³. Моряки королевских экспедиций жили, может быть, ничуть не хуже своих соотечественников на суше, хотя тогда, как и во все времена, пользовались флотской привилегией — поворчать.

Мало что можно было запасти, чтобы бороться с цынгой, этим извечным бичом и проклятием мореходов. Ее причины и способы лечения еще долго оставались неизвестными. Было замечено, однако, что помогают свежие овощи и фрукты, особенно цитрусовые.

¹ «На несколько кораблей, участвовавших в экспедиции, было потрачено так много денег, что я не буду входить в подробности, иначе мне не поверят» (Pacheco, Esmeraldo, p. 166).

² Один писатель говорит, что бочки с водой, вином, маслом и уксусом были промазаны глиной и обтянуты железными обручами.

³ Гамаки были завезены в Европу Колумбом, моряки которого переняли их у жителей Антильских островов.

Отчеты многочисленных плаваний, в том числе и первого путешествия Васко да Гамы, полны описаний, рисующих картины страданий и ужасов, вызванных этой страшной болезнью.

Король приказал, кроме запасов продовольствия, взять запасные паруса, такелаж и всяческое снаряжение «и на каждом корабле всякого рода лекарства для больных, лекаря и священника для исповеди». Кладовые на кораблях были набиты

«всякого рода товарами, какие только есть в королевстве и за его пределами, и было там много золота и серебра в монетах различных королей, христианских и мавританских, златотканые, шелковые и шерстяные материи всяких сортов и цветов, и много золотых украшений — ожерелий, цепей, браслетов, тазов и кувшинов из белого и позолоченного серебра, мечи, кинжалы, гладкие и инкрустированные серебром и золотом, копья и щиты, все с украшениями, чтобы их можно было поднести королям и властителям тех стран, где произойдет высадка, — и понемножку всякого рода пряностей».

Несмотря на этот длинный перечень, который дает Корреа по слухам или следуя собственному очень богатому воображению, поскольку об этом деле он из первых рук знал или очень немного или ничего, истина такова, что товаров для подарков и обмена было прискорбно мало, да и к тому же они оказались чересчур дешевыми. Не было таких вещей, которые соблазнили бы богатых, цивилизованных людей, какие жили, например, в государствах Индии. В кладовых лежали вещи, достаточно хорошие только для дикарей западноафриканского побережья, в ином случае они были бесполезны. Это ясно видно, если просмотреть сокращенный перечень: полосатые хлопчатобумажные ткани, сахар, мед, коралловые и стеклянные бусы, тазы, красные шляпы, штаны, колокольчики, украшения из олова и т. д. Золотых и серебряных монет в сущности не было совсем.

В те дни, когда приготовления к плаванию приближались к концу и корабли уже нагружались на набережной Тежу, король Мануэл должен был принять серьезнейшее решение — назначить руководителя экспедиции. Плавание предстояло необычное. Это было самое важное из всех путешествий, какие когда-либо предпринимало португальское правительство. В результате двух первых экспедиций Колумба были уже открыты до сих пор неизвестные страны, и португальский король твердо решил помешать, если сумеет, тому, чтобы Испания или какая-либо другая страна могла открыть, захватить и эксплуатировать богатые земли Индии.

Если бы было нужно найти лишь искусного мореплавателя, то, вероятно, в качестве начальника экспедиции избрали бы Бартоломеу Диаша. Ведь именно он провел португальские корабли по морскому пути в Индию дальше, чем какой-нибудь мореход до

него. Он досконально знал африканское побережье, его ветры, течения, особенности погоды, и он лично осуществлял надзор за постройкой кораблей для предстоящей экспедиции. Но эта экспедиция требовала больше, чем искусного мореплавателя. Руководителем ее должен был быть деловой человек, дипломат и, если понадобится, воин¹. Это должен был быть человек, способный не только довести свои корабли до Индии и благополучно вернуться с ними на родину, но и обладающий опытом и умением обращаться с людьми разных рас и характеров, будь то вожди африканских племен или арабские и индийские государи и власти. Он должен был быть быстр при решении государственных и деловых вопросов, уметь защищать свои позиции и проводить в жизнь инструкции своего короля и мирным путем и с помощью меча.

Король Мануэл сделал, наконец, выбор. Главкомандующим Индийской флотилии (*capitão-mór*) должен был стать Васко да Гама, уроженец Синиша, королевский придворный.

¹ Может быть, то обстоятельство, что Диаш не сумел ни убедить, ни заставить своих матросов плыть дальше во время памятного плавания к мысу Доброй Надежды, помешало назначить его главой экспедиции, во время которой этот мыс надо было рассматривать лишь как этап на пути в Индию.

ВАСКО ДА ГАМА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТИЛИЕЙ (CAPITÃO MÓR)

Понимаете ли вы, чего может достигнуть мудрый и опытный путешественник, искусный в геометрии и астрономии (ибо это значит, что он воистину географ)? Взгляните на титулы короля Португалии: две трети их были вписаны Васкесом Гамой и другими путешественниками — искателями приключений.

Ричард Уиллс, из посвящен к его «Истории путешествий», 1577.

МОЛОДОСТЬ ВАСКО ДА ГАМЫ

И этот Васко да Гама был человеком благо-
разумным, рассудительным в совете и бесстраш-
ным во всякого рода приключениях.

Гашпар ди Корреа, «Сказания об Индии».

На западном побережье Португалии, на полпути между рекой Тежу и мысом Сан-Висенти, в шестидесяти милях по прямой линии к югу от Лиссабона, стоит маленький приморский городок Синиш. От городка рукой подать до мыса, который носит то же название. Городок располагает маленькой гаванью. От берега в направлении мыса тянется похожий на палец гористый выступ, образуя узенькую бухточку, слишком тесную для более крупных судов, но достаточно вместительную, чтобы принять и приютить живописные рыбацьи лодки, издавна выходившие отсюда в море и возвращавшиеся с богатым уловом.

Эту маленькую бухточку, согретую лучами южного солнца, огибает извилистая золотистая полоска песка, затем берег довольно круто поднимается. Он описывает пологую кривую, подобно древнегреческому театру, и весь порос темнозеленым кустарником; здесь выделяются пламенно-желтые цветы *тожу* — дрока, блестящими пятнами разбросанного по берегу: его редко встретишь в другом месте. По обеим сторонам мыса почти к самой воде спускаются темные сосны, а с террасы склона, словно следя за сменой прилива и отлива, наклоняются к морю пальмы.

От берега моря вьется песчаная дорога, взбегая на холм, где расположен укрытый от западных морских ветров Синиш. Домики, покрытые красной черепицей и окрашенные в яркие цвета — белый, желтый, зеленый и розовый, — которые столь дороги сердцу португальца и в которые он окрашивает свои жилища, куда бы он ни попал, даже в Бразилию или в далекое Макао, — то лепятся по склону холма, нависая над морем, то тянутся к белым песчаным дюнам, образуемым здесь повсюду прибрежными ветрами. И хотя цвета эти поблекли и потускнели от времени, ветра, солнца и тумана — они представляют собой резкий контраст с серыми зубцами и башнями древней крепости Синиша, к самым стенам которой подбираются, будто стремясь найти защиту от стихий, дома горожан. Дома здесь по большей

части низенькие, каменные, многим из них по несколько сот лет. Тут и там зеленеют маленькие огородики, обнесенные тростниковым плетнем. Ростки посаженных овощей с трудом пробиваются сквозь песчаную почву. На западной окраине города, в сторонке, стоит старинная скромная церковь Носса Синьора даш Салаш (богоматери Салашской). Ее белая кровля и стены — до странности похожие на Аламо и на миссии Калифорнии и американско-го Юго-Запада¹ — видны с моря за много миль: более шести столетий они были радостным ориентиром для рыбаков и мореходов, напрягавших зрение, чтобы увидеть первый клочок родной земли.

Окраины города очаровательны. У подножия склона, по окатанном водой валунам, неподалеку от естественного скалистого волнолома, течет прозрачный мелкий ручей. По утрам здесь с давних времен собирались женщины полоскать белье; весело смеясь и щебеча, как птицы, наклоняясь и распрямляясь, они скребли, полоскали, выкручивали, а затем расстилали на скалах вымытое белье для просушки, которое пестрело здесь яркими пятнами голубого, красного, белого, зеленого цвета. Когда солнце стояло над головой, вода в гавани мерцала бледнозелеными и розовыми искрами, отливала аметистами и бирюзой, сверкала на поверхности сапфирами, алмазами и изумрудами. Меж черных остроконечных скал бурлила темносиняя вода, пенясь и грохоча, в брызги разбивались об утесы обесиленные громадные волны Атлантики, течение подхватывало и уносило охапки пурпурных и зеленых, как яшма, водорослей. Посреди гавани находился маленький островок Пессигейру, а на нем развалины заброшенной крепости и часовни. На север простирались голые песчаные дюны Прая-ду-Норти, на юго-восток поднимались окутанные туманом далекие вершины Серкал, Моншики и Сан-Домингуш². При ясной погоде далеко на юге можно было разглядеть и мыс Сан-Висенти; он, как последний страж материка на западе, вздымал свою скалистую вершину, бросая вызов жестоким штормам Атлантического океана. В Сিনিше вся жизнь была связана с морем, море было кормильцем и поильцем — пески делали земледелие невыгодным. Целые столетия, может быть, еще до того, как три тысячи лет назад на своих больших галерах плыли вдоль этих берегов по пути к Оловянным островам фини-

¹ Аламо (испанск. *álamó* — тополь) — название ряда населенных пунктов на юго-западе США, в штатах Калифорния, Аризона и Новая Мексика, — территории, отнятой США у Мексики в результате разбойничьей войны 1846—1848 годов. — *Прим. ред.*

² Прая-ду-Норти — северный пляж. Серкал — поселение в холмистой местности к юго-востоку от Сিনিша. Моншики — поселение в горах южной области Алгарви, Сан-Домингуш — название нескольких пунктов в Португалии; здесь, вероятно, идет речь о поселении, находящемся на границе с Испанией. — *Прим. ред.*

кийцы, жители синишской гавани добывали себе пропитание на океане. Они и сейчас отплывают на запад с сетями, а их крепкие женщины присматривают за домом и детьми; а когда тяжело нагруженные серебристой рыбой лодки возвращаются, жены и дочери выходят на самый берег, чтобы своими руками помочь выбрать из лодок улов. И сейчас, как и в старину, бронзовые от загара рыбаки попрежнему расстилают на солнце для сушки и тут же чинят свои красновато-коричневые сети, прорванные где-либо случайным камнем или рыбой. Они говорят о приливах и отливах, о ветрах, о крушениях и передают друг другу сказания, такие же древние, как само мореплавание, как первые поколения людей, ходивших на кораблях.

Все здесь примитивно, все просто, все неизменно. Короли приходили и уходили; много лет прошло с момента установления в Португалии республики. В мире разгораются большие войны, а Синиш стоит, как и стоял. Лишь одна дорога — да и то плохо содержащаяся — связывает его с соседними городами, и, несмотря на его ласковое солнце, великолепное побережье, притягательную красоту, он мирно спал, нетревожим, целые столетия.

В городе есть один маленький домик, скромный, как и все остальные, в нем нет ничего примечательного или особо красивого. Он стоит в ряду полуразрушенных домиков, тянущихся по дороге между городом и церковью Носса Синьора даш Салаш. За пять с лишком столетий грубые камни стен плотно приросли к фундаменту, и, несмотря на все попытки реставрировать этот дом, предпринятые лет пятьдесят назад, его невозможно отличить от соседних домов¹.

Этот маленький домик имеет большое право на славу; к нему совершалось самое настоящее паломничество, ибо здесь родился примерно около 1460 года² — точно мы не знаем ни года, ни дня — мальчик, которому судьба уготовила великие подвиги. Ему суждено было проложить путь с тех берегов, где он впервые увидел свет, к далеким берегам Индии и изменить ход событий мировой истории, по-новому направить жизнь человечества. Магический ключ вложила судьба в его крохотные детские ручки, которым предстояло отпереть и распахнуть перед Западным миром ворота морского пути в Индию. Ребенок, родившийся в тот давний день в солнечном, открытом ветрам городе Синиш, был Васко да Гама, впоследствии дон Васко, главнокомандующий флота, граф Видигейры, пэр Португалии, вице-король Индии.

¹ Дом этот находится напротив сада, называющегося Да-Буррока, хотя обычно о нем говорят: «сад дона Васко», или «сад адмирала» («a horta da Dom Vasco», «a horta do Almirante»).

² Дата рождения Гамы не установлена. Не сохранилось никаких официальных записей, а даты, приводимые различными авторами, колеблются между 1460 и 1469 годами. 1460 год кажется наиболее вероятным.

Род Гама происходил из Алентежу¹. Хотя род этот не блистал ни богатством, ни особой знатностью, у него была длинная и почтенная история. Знатоки родословных проследили этот род до Алвару Анниша да Гамы, отличившегося в войнах Аффонсу III, в те времена, когда из рук мавров была вырвана провинция Алгарви². Другой предок Васко да Гамы был королевским знаменосцем в войнах короля Аффонсу V против Кастилии³. У этого Васко было трое сыновей, один из которых, Иштеван да Гама, был назначен *alcaide mór*⁴ городов Сিনিша и Силвиша. Иштеван да Гама женился на Изабелле Судрэ, дочери некоего Жуана ди Ризенди и Марии да Силва. В семье Изабеллы была сильная примесь английской крови. «Sodre» — это португальская переделка английского «Sudley», ибо делом Изабеллы был Фредерик Садли, англичанин из рода графов Херефорд. От этого брака было четверо детей — три сына и одна дочь. Старший сын Паулу да Гама плавал в Индию в качестве капитана на одном из кораблей своего брата. Второго сына звали Айриш. Он тоже отправился в Индию, но лишь в апреле 1511 года, когда он командовал кораблем «Пиидади» во флотилии Гарсии ди Нурунья. Единственную дочь звали Терезой. Васко был третьим сыном.

О ранних годах жизни Васко да Гамы известно очень немного. Родившись на берегу моря, он рос вместе с сыновьями моряков и рыбаков, рано научился плавать, грести, управлять парусом и тянуть вместе с товарищами рыбацью сеть. Подобно им, он не представлял себе будущей жизни вне моря. У него, повидимому, проснулось непреодолимое стремление к приключениям — ведь в детстве все вокруг него говорило ему о море. Он узнал не только рыбацье ремесло в Сিনিше и соседних городках побережья — вскоре он познакомился с устройством и оснасткой неуклюжих каравелл⁵ и «круглых судов», которые, покачиваясь на волнах в открытом море, направлялись в Лиссабон, в Оporto и даже дальше — во Францию, Нидерланды и Англию. Перед его глазами то на утренней заре, то на закате нередко проходили на горизонте тяжело нагруженные корабли, направляясь на юг, в порты Средиземного моря, в Марокко или к почти неведомым, диковинным берегам и островам Западной Африки. Кое-кто из старых рыбаков в Сিনিше сам плавал на этих кораблях: Васко,

¹ Алентежу — внутренняя юго-восточная историческая область Португалии. — *Прим. ред.*

² Самая южная провинция Португалии.

³ Португальский король Аффонсу V вел войну против Кастилии в 1474—1478 годах. — *Прим. ред.*

⁴ *Alcaide mór* — главный начальник города или округа, имел не только чисто административные, но и некоторые судебные функции. — *Прим. ред.*

⁵ Непонятно, почему автор здесь называет «неуклюжими» каравеллы, которые и в годы молодости Гамы отличались легкостью и подвижностью. — *Прим. ред.*

его братья и все другие мальчики собирались вокруг стариков, которые за работой рассказывали им таинственные и невероятные истории о том, что они видели и слышали. Внимая рассказам о бурях и штормах, о кораблекрушениях и высадках на неведомых берегах, мальчики сидели, разинув рот и широко раскрыв глаза. Они узнавали о черных людях с большими губами и налитыми кровью глазами, едва прикрытых одеждой, с кольцами в ушах и в носу, узнавали о голых людоедах, со свирепыми оскаленными, подпаленными зубами, об огромных волосатых обезьянах, которые бьют себя по груди, как по барабану, и могут легко задушить человека, охватив его лапами. Мальчики слушали рассказы о множестве необыкновенных деревьев, растений, о невиданной пище, слушали, как черные люди добывают из речного песка золото, слушали о громадных слонах и бивнях, которые жители Гвинеи вырывают у них и продают капитанам короля Аффонсу. У мальчиков дыханье перехватывало от волнения, когда седые морские волки заводили рассказы о высадках на берег, о набегах на мирные селения, об убийстве несчастных, беспомощных чернокожих, пытавшихся оказать сопротивление закованному в броню португальцам. Мальчики слушали рассказы и о том, с каким бессердечием бросали на голодную смерть в селениях стариков и больных, а здоровых мужчин, женщин и детей связывали и угоняли словно скот, перевозили на лодках и сваливали между палубами кораблей, где на пленников не обращали никакого внимания. Дети слушали, как много чернокожих умирало, как их выбрасывали за борт жадным акулам, которые постоянно гнались за невольничьими кораблями, словно зная, что у них не будет недостатка в пище.

Так и сам Васко и его братья узнавали, что такое море, корабли и мореходы; так Васко стал усваивать основы практической навигации, учился различать звезды и ветры, облака и течения, вести лодку и управлять парусом.

Когда Васко достиг школьного возраста, то, как полагают, его отправили в Эвору, расположенную среди холмов в семидесяти милях к северо-востоку от Синиша; в сплошь неграмотном рыбацком Синише трудно было дать образование сыну дворянина и королевского офицера.

Стоило мальчику взглянуть на белые стены и уходящие в небо башни церковей Эворы, как перед ним открылся новый мир. Несмотря на то, что Эвора насчитывала лишь около десяти тысяч жителей, это был второй город в королевстве и любимая резиденция короля. Город был древний, его основали еще кельты — они поселились здесь потому, что это место легко было защищать. По-кельтски он назывался Эбора. Город захватывали и римляне,

Юлий Цезарь дал ему напыщенное название «*Liberalitas Julia*» («Юлианская щедрость»), которое португальцы никогда не употребляли.

По пути в Эвору Васко любовался прекрасной пересеченной холмами равниной, через которую проходила дорога к городу. То и дело мелькали плантации пробкового дуба, фруктовые сады, оливковые рощи, цветущие усадьбы, поля ржи, тут и там перемежающиеся с виноградниками и каштановыми рощами. Все было ново для мальчика, все было так непохоже на унылые пески, кустарник и море, которое окружало Синиш. Навстречу попадались крестьяне в штанах по колено, в шерстяных гамашах, в черных остроконечных шляпах — кнутом и руганью они погоняли волов или ослов, запряженных в тяжелые повозки с высокими деревянными колесами, которые скрипели и визжали, как от боли; вozy были нагружены дровами, бочонками, зерном, овощами.

Мальчик наблюдал, как длинные ряды мужчин и женщины жали хлеб; как молотили — били снопы о камни или гоняли по колосьям быков и ослов. Он видел, как собирают оливки тем же расточительным способом, который применяется и поныне — сбивая их палками, — видел, как похожие на него мальчики накладывают оливки на *тульяхи* (каменные круги) в ожидании выжимки масла. По обе стороны дороги тянулись заросли дикой лаванды, желто-белого и розового ладанника, васильков, маргариток, темнопурпурного воловика и асфоделей; в лугах, позвякивая колокольчиками, щипали траву коричневые овцы и широкорогие коровы. На холмах стояли ветряные мельницы с острыми черепичными или тростниковыми крышами, там и сям были разбросаны низкие домики с высокими трубами. Город Эвора лежал в прекрасной, счастливой, процветающей местности!

Когда Васко оказался в Эворе, он ощутил под ногами уже не мягкий песок или дерн. Он шагал по узким улицам со странными названиями: улица Двоюродного брата его высочества, проезд Кошек, аллея Маленького дьявола, улица Благородных девиц почетной свиты, переулок Топора. Вымощенные грубым булыжником, эти сумрачные улицы с перекинутыми через них арками, с деревянными аркадами у домов были уже старыми, когда отсюда уходили тысячу лет назад бряцающие оружием римские легионы. Высокие каменные дома с зелеными ставнями пропускали внутрь лишь слабый свет. Камни жгли подошвы мальчика. Попав в город и пройдя первые улицы, он набрел на такой огромный дом, какого ему не доводилось видеть раньше. Это был дворец, построенный королем доном Дуарти, который здесь в 1421 году пышно отпраздновал свою женитьбу на королеве Леоноре. В то время как мальчик с удивлением и благоговением взирал на дворец и стоявших вдоль стен и у дверей стражей в блестящих шлемах и кирасах, он едва ли мечтал, что наступит день,

когда он будет проводить немало времени в стенах этих мрачных залов в присутствии короля и что эти надменные, важные стражи, не замечавшие присутствия маленького провинциального мальчишки, будут низко кланяться ему, а он пройдет мимо, гордый своим крестом ордена Христа и титулами графа Видигейры и адмирала флота.

Мальчик заметил, что около дворца что-то строили — люди работали на лесах и на лестницах, в руках у них мелькали стамески и деревянные молотки, лопатки и отвесы, они, как мухи, облепили стены здания, — его зубчатые покрытия и узкие окна, казалась, доходили до неба. Мальчику сказали, что это новая церковь Сан-Франсишку и что ее будут строить много лет. И действительно, строители трудились сорок лет, церковь закончили только в 1500 году, когда Васко уже возвратился из своего первого плавания в Индию. Церковь эта стоит и по сию пору, но к ней сделана позднее пристройка, в которую непременно заходят все мрачно настроенные посетители. Это склеп, сооруженный в XVII веке. Он был скоро заполнен; стены и потолок его обложены побелевшими человеческими костями, а на нем надпись: «Nos ossos, que aqui estamos, Pelos vossos esperamos» («Мы, кости, лежащие здесь, ожидаем ваших»).

Мальчик бродил по кривым и узким улицам, проходил мимо четырехугольных готико-мавританских башен на дворцах знати, бывал на многолюдной центральной площади, окруженной низкими домиками с аркадами. Еще подростком Васко если не видел своими глазами, то, должно быть, слышал о казни могущественного герцога Браганского, которая совершилась по приказу дона Жуана II на этой площади. Позднее под этими аркадами раскатывалось эхо монашеских песнопений, крики и стоны умирающих — здесь инквизиция сжигала свои жертвы; в одной Эворе было приговорено к костру 22 тысячи мужчин и женщин. Здание инквизиционного суда сохранилось до сих пор, в его подземельях можно еще разглядеть под известкой пятна крови невинных жертв.

Пройдя площадь по направлению к востоку и выбравшись, может быть, на ту улицу, которая позднее была названа его именем, Васко видел другой храм, один из самых больших и красивых во всей Португалии — Сэ (a Sé — кафедральный собор). Его серо-коричневые стены уже и тогда казались мрачными и старыми — собор начали строить в 1186, а освятили в 1250 году. Собор во всем напоминал собою столько же крепость, сколько и церковь — зубчатые стены, острые башенки. Васко вошел через сводчатый мрачный вход внутрь собора, чтобы, как набожный португалец, помолиться, и с мальчишеским любопытством огляделся вокруг. Он заметил, что здесь как-то странно выделяются линии известки в тех местах, где камни соединялись — так делали только в Эворе; он оглядел взлетающие ввысь арки, розовый и

серый мрамор, полюбовался на солнечные лучи, бьющие сквозь чудесные розовые окна в трансептах. Потом, когда он стал взрослым и познакомился с архитектурой мавров и арабов, он, вероятно, вспоминал каменное убранство собора Эворы и понял, что долгое пребывание мавров в Эворе оставило явный след на мышлении и работе строителей собора, венчавшего, подобно короне, весь город.

Время шло, и Васко в свободное от занятий время — а мы не знаем, что он изучал, где, под руководством каких учителей, знаем только, что он обучался математике и навигации, — все лучше знакомился с городом и получил кое-какие сведения из его истории. Здесь многое оставалось от римлян: стояли — и стоят — совсем недалеко от того места, где потом жил дон Васко, гранитные и мраморные руины римского храма второго или третьего века — так называемого храма Дианы. Развалины древних стен и домов попадались в городе повсюду, как попадаются они и сейчас. Вслед за римлянами Эвору захватили вестготы и мавры, а раньше их всех тут были аборигены страны — иберы и неутомимые мореходы финикийцы. Эворские мальчишки — друзья Васко — с удовольствием ходили с ним по старым улицам и площадям, показывали акведуки, мавританские окна и странно обтесанные камни, столь характерные для забытой жизни древнего города. Эвора попала под власть португальского короля не так давно. Только в 1165 году один объявленный вне закона человек — Жиралду (его именем назвали центральную площадь города) штурмовал Эвору, вырвал ее из рук мавров и преподнес королю Афонсу Энрикиш. Это был щедрый дар, территория королевства увеличилась, Жиралду получил прощение, но Эвора навсегда потеряла свое былое значение. Северные прибрежные города Лиссабон и Оporto постепенно оттягивали из Эворы и людей и ремесла, и город пришел в упадок. Теперь это лишь тень того, что было, сонный, умирающий город, грезящий в лучах южного солнца о своей исчезнувшей славе.

Провинциального мальчика зачаровали люди на улице, ибо их лица и их одежда были не похожи на бронзовые от загара лица и грубую одежду его земляков. И мужчины и женщины Эворы были выше ростом и более худощавы, чем остальные португальцы (так это остается и поныне), в их важной осадке и мерной поступи было много арабского. То и дело попадались мужчины в одежде из коричневых бараньих шкур, нередко шерстью наружу. Штаны у них были с разрезом на внутренней стороне ноги и зашнуровывались, а у тех, кто это мог себе позволить, застегивались серебряными пряжками. Головные уборы тоже казались странными — это было нечто похожее на фригийский колпак, опускающийся на глаза, чтобы защитить их от солнца. Васко часто останавливался на площадях около древних фонтанов из

серого камня, смотрел, как идут сюда с пустыми бочками водоносы, как женщины наполняют свои большие красные глиняные кувшины и грациозно, без всяких видимых усилий, несут их на голове. В Эворе Васко познакомился и с иностранцами и с их взглядами на мир — здесь, по пути в знаменитую своим виноградом на всю Европу Алгарви, останавливались фламандцы и путешественники из других стран.

Иногда по винтовым гранитным лестницам Васко забирался на башню собора и смотрел поверх всей Эворы на юг, где за солнечной плодородной долиной, за туманным пурпурно-голубым горизонтом был город его детства — Синиш. Иногда он гулял по тенистому саду монастыря Сэ, где разливали свой аромат усыпанные плодами лимонные деревья и золотистая мушмула. Было где провести время в милой старой Эворе.

Быстро текли годы в Эворе, и Васко из подростка превратился в юношу. Об этой поре его жизни нет никаких письменных свидетельств, нет даже преданий. Кто мог знать, что ему предстоит в будущем сыграть такую роль в истории Португалии и всего мира, чтобы записать для позднейших поколений события, связанные с его детством и юностью. Ведь о жизни Гамы до тех пор, пока король Мануэл не назначил его начальником экспедиции в Индию, почти ничего не писали, а достоверность того, что дошло до нас, вызывает сомнения.

Кое-каким сообщениям мы можем вполне доверять. Познания и опыт Васко да Гамы как мореплвателя были таковы, что еще молодым человеком он привлек к себе внимание правительства. Тому, кто не владел в совершенстве навигационной наукой своего времени, никак не доверили бы командование флотилией, идущей в Индию¹. Не говоря о том, что Гама должен был быть известен как осторожный и искусный мореплватель, он должен был проявить умение управлять людьми. Моряки на кораблях того времени были своевольные, упрямые, не знавшие никаких законов люди, их можно было держать в подчинении лишь при превосходном знании человеческой натуры, с помощью суровой, железной дисциплины. Немало плаваний оказались безрезультатными вследствие того, что в океане матросы выходили из повиновения и бунтовали; сам Диаш, вероятно, провел бы свои корабли гораздо дальше, может быть, вплоть до самых берегов Индии, не взбунтуйся его матросы и не откажись они в критический момент продолжать плавание. Кроме того, руководитель экспедиции должен был встречаться с иностранцами — цивилизованными и варварами, должен был знать их обычаи и хитрости. Неотъемлемым и существенным его качеством должен был быть такт и умение

¹ Высказывались догадки, что Гама приобрел свой морской опыт в значительной мере в плаваниях к Гвинейскому берегу, но нет никаких доказательств в пользу такого предположения.

ладить с королем, с королевскими советниками, с придворными, ибо тайные интриги, наушничество и шпионаж вошли, повидимому, в плоть и кровь людей, окружавших португальский трон.

Избрав Гама, дон Мануэл и его хитрые советники были уверены, что в этом человеке из Синиша они нашли бесстрашного, настойчивого начальника экспедиции, обладающего должным дипломатическим талантом. Род Гама был известен не только своей отвагой, но и своеволием и склонностью к ссорам. Видимо, Васко был не однажды замешан в скандалах, ибо предание говорит, что как-то раз его задержали ночью на узеньких улочках Сетубала. Его лицо было закрыто капюшоном — уже одно это обстоятельство в глазах властей предержавших было подозрительным. Гаме приказали остановиться и сказать, кто он такой, но Гама гордо отказался открыть лицо. Стражники, с фонарями в руках, окружили его и вызвали алкайди. Когда этот чиновник потребовал, чтобы Гама назвался и открыл лицо, он ответил: «Я не преступник». С этими словами Гама спокойно двинулся прочь, и алкайди не посмел арестовать его. Люди, знавшие Гама, считали его «смелым, отважным, терпеливым, решительным в трудностях», но очень вспыльчивым, еще более, чем его братья.

До назначения Гама начальником индийской экспедиции его имя достоверно встречается в хрониках лишь единственный раз¹ — в той главе сочинения Гарсии ди Ризенди, где он рассказывает о ссоре дона Жуана II с французским королем в 1492 году. Это место стоит процитировать, так как из него мы увидим, как высоко ценил Васко да Гама король; кроме того, этот отрывок проливает свет на характер короля и его решительность в делах, угрожавших международными осложнениями.

В то время, когда король находился в Лиссабоне, французы захватили каравеллу, [возвращающуюся] из Мины с большим количеством золота, хотя тогда с Францией был мир.

Как только он [король] узнал об этом, он держал совет с виднейшими придворными, и все посоветовали ему послать кого-нибудь к королю Франции и уладить дело. Он ответил: «У меня совершенно противоположное мнение, ибо я не хочу, чтобы того, кого я пошлю, плохо приняли или изводили проволочками — это было бы для меня еще хуже, чем потеря золота». После этого он покинул совет, не сказав, что он предпримет.

В это время в Лиссабоне [в гавани] случайно находились десять больших французских кораблей с прекрасными товарами. Он приказал захватить все эти корабли, а товары на них с великой бережностью поместить на складе при

¹ В испанских архивах имеется охранная грамота, выданная в 1478 году Фердинандом и Изабеллой на путешествие в Танжер двум португальцам — Васко да Гаме и некоему Лемушу. Некоторые историки говорят, что это был тот самый Васко да Гама, который открыл путь в Индию, другие утверждают, что это его дед, носивший то же имя. Вполне вероятно, что это был именно дед, умерший в конце 1496 года.

таможне. Более того, он приказал убрать с этих кораблей реи и румпеля¹, выставить на них стражу, а всех французов снять. И он с большой поспешностью послал в Сетубал и в королевство Алгарви² Васко да Гаму со всеми полномочиями и властью (это тот Васко да Гама, который позже стал графом Видигейры и адмиралом Индии; король доверял ему и ценил его заслуги в делах флота и морских делах) сделать все необходимое, что он весьма быстро и выполнил. И таким же образом он послал других в города Опорто и Авейру³. И все владельцы [кораблей] явились к королю Франции с жалобой и просили его позаботиться о возвращении их кораблей. И король Франции приложил такие старания и приказал сделать все требуемое без замедления и послал королю его каравеллу со всем золотом, до единого дублона. И все обошлось без споров, и король Франции принес свои извинения, а он [дон Жуан] приказал без замедления вернуть все судовладельцам так, как оно и было взято, то есть полностью⁴.

Итак, Гама возмужал. Он был наделен великолепными физическими способностями и здоровьем, был хорошо подготовлен к трудностям жизни моряка тех дней, познал искусство кораблевождения и управления людьми. Он пробил себе дорогу в жестокий век, среди беспощадных людей и совершенно неведомым нам способом завоевал высокое доверие и уважение со стороны короля, так же как репутацию замечательного морехода в той стране, где опытных моряков, превосходно знавших воды африканского побережья, было полным-полно в любом порту.

О том, каким образом Гама получил от короля назначение, буквально все источники рассказывают по-разному, а свидетельства хронистов того времени по этому поводу столь противоречивы и неопределенны, что трудно прийти к какому-нибудь твердому заключению. В двух источниках говорится, что командование флотилией король Жуан вручал отцу Васко, Иштевану да Гама, но со смертью последнего король Мануэл передал этот пост сыну. С другой стороны, Капитаньеда утверждает, что на пост руководителя экспедиции хотели назначить старшего брата Васко — Паулу, но тот якобы отказался ввиду слабого здоровья. Однако он выразил желание сопровождать флотилию «в качестве капитана

¹ Рей (также — рея) — подвижной поперечный деревянный брус на мачте, за который привязывается парус. Румпель — рычаг для управления рулем вручную в кормовой части судна. — *Прим. ред.*

² «Королевствами» в Португалии часто назывались и области страны. — *Прим. ред.*

³ Авейру — город в Бейра-Литорал — приморской области центральной Португалии. — *Прим. ред.*

⁴ Ризенди не сообщает даты, когда все это произошло, но предшествующие и следующие главы его сочинения относятся к событиям 1492 года; поему можно считать, что именно в этом году были захвачены корабли и король давал поручение Гаме.

одного из кораблей, чтобы давать совет и помощь» — предложение, которое король позднее принял.

Корреа (о первом плавании Гамы Корреа писал позднее других хронистов, и рассказ его, повидимому, часто основывается на слухах и собственном воображении) сообщает странную, хотя и интересную историю назначения Гамы. В своей книге «Lendas da India» («Сказания об Индии») он пишет, что когда придворная знать представила королю список лиц, которые казались подходящими для назначения на пост адмирала флотилии, король Мануэл отклонил этот список и сказал, что он уже сделал выбор, хотя и не назвал никакого имени. Прошло некоторое время. Затем:

Однажды король сидел в зале королевского совета, просматривая документы. Случайно король поднял глаза, когда по залу проходил Васко да Гама. Он [Гама] был придворным, знатного происхождения, сын Иштевана да Гамы, контролера при дворе короля дона Афонсу [V], ибо в те времена человека больше почитали за благородную кровь, чем за титул «дон», который не был в ходу среди благородных по прямой линии. Сердце короля дрогнуло, когда он остановил свой взор на Гаме. Он подошел к нему, и когда тот преклонил колени, король сказал: «Я буду очень рад, если вы возьметесь выполнить поручение, в котором вы мне нужны и где вам придется много потрудиться». Он [Гама] поцеловал руку короля, ответив: «Государь, я уже награжден за любые труды, какие мне могут предстоять, поскольку вы просите моих услуг, и я буду исполнять [поручения], пока буду жив».

Король поднялся и перешел к столу, накрытому для обеда. За обедом он рассказал Васко да Гаме, чего он от него хочет, заявив, что тот должен отправиться на вверенных ему кораблях туда, куда он [король] прикажет ему, что это очень важное для него, короля, дело и что он, Гама, должен быть готовым. На это Васко да Гама ответил, что в душе он уже готов и что ничто не мешает ему отплыть хоть сейчас же.

Король закончил обед и перешел в гардеробную комнату. Он спросил Гаму, есть ли у него братья. Тот ответил, что у него три брата¹... и что все они воистину люди, [могущие] выполнить любое возложенное на них дело. Король сказал: «Пригласите его [то есть одного из братьев, по выбору] плыть с вами на одном из двух кораблей. Выберите корабль, какой вам понравится больше других, и водрузите на нем мой флаг, ибо вы будете capitão-mór (главнокомандующим) над всеми остальными». Васко да Гама поцеловал королю руку и сказал: «Государь, будет несправедливо мне поднять ваш флаг, ибо брат мой старше меня, пусть он плывет под флагом, я же буду его подчиненным, это будет справедливо и ваше высочество должны сделать так, чтобы было лучше для вас».

В дальнейшем разговоре король настоял, чтобы командование принял Васко, и был очень доволен проявленным им смирением. Он отпустил его с такими словами:

¹ Все остальные источники ясно говорят, что всех братьев Гама было трое.

«Мое сердце говорит мне, что вы исполните мое поручение, поэтому распорядитесь всем по своему усмотрению, вам одному я даю все полномочия... Проследите между тем за подготовкой и оснащением кораблей и наберите моряков по своему выбору, так же поступайте и во всем остальном, и, если это угодно богу, вы откроете Индию и морской путь к ней. Я молю господу, чтобы так было ему угодно для святого служения ему, препоручаю вас богу, а ваши труды на моей службе будут хорошо вознаграждены». За это Васко да Гама поцеловал королю руку.

Рассказ этот, достоверен он или нет, очень занимателен и, возможно, выражает желания и настроения дона Мануэла. Каждый может придерживаться любой версии, изложенной источниками. Но ясно и определено одно: Гама был известен дону Жуану и ценим им, король воспользовался его услугами в деле о французских кораблях еще в 1492 году, за пять лет до назначения его руководителем экспедиции. Король Мануэл, бывший в то время еще герцогом Бежа, постоянно находился при доне Жуане, хорошо знал его агентов, знал, что они делали и на что способны. Какой бы версии не придерживаться, Мануэл, повидимому, считал Васко да Гаму тем человеком, который должен возглавить экспедицию в Индию, и потому остановил на нем свой выбор.

Получив назначение, Гама принялся за первое дело, которое поручил ему король — стал наблюдать за окончательной подготовкой кораблей, их оснащением и погрузкой запасов, начал набор офицеров и судовых команд.

Дон Мануэл разрешил ему взять с собой одного из братьев. Васко выбрал Паулу, к нему он питал глубокую привязанность. Эта привязанность к брату и чувство горя, испытанное им, когда брат умер, — единственное проявление гуманных черт в характере Гамы.

Прежде чем Паулу мог быть назначен, Васко должен был ради него предпринять унизительный, но необходимый шаг — брату надо было выпросить не более не менее как прощение у короля. Паулу, поссорившись с судьей города Сетубала, напал на него и ранил, и в данный момент скрывался от закона¹. Передают, что король, дав согласие простить Паулу, сказал при этом Васко да Гаме: «Из любви к вам я избавляю его от справедливого наказания, ради услуг, которых я ожидаю от вас и от него, с условием, что он, получив прощение, должен удовлетворить обиженную сторону и немедленно прибыть к месту назначения». Путь, таким образом, был свободен, Паулу было послано соответствующее извещение, и Васко стал готовиться к отплытию.

¹ Согласно Корреа, Васко просил прощения брату во время той беседы, когда дон Мануэл назначил его главой экспедиции.

КОМАНДЫ КОРАБЛЕЙ

Затем, что чада Марса и Нептуна¹
За мною всюду следовать готовы...

Камознс, «Лузиады», IV, 84.

Гама избрал флагманским кораблем «Сан-Габриэл» и капитаном его назначил Гонсалу Алвариша, моряка, великолепно знавшего свое дело, — впоследствии он занимал пост главного кормчего в Индии.

Перу д'Аленкер, сопровождавший Бартоломеу Диаша в плавании к мысу Доброй Надежды, был избран в качестве кормчего «Сан-Габриэла». Кормчий в те времена был фактически самым важным лицом среди команды корабля. Поскольку капитаны кораблей нередко получали назначение в силу семейных связей, видного положения или в награду за какие-нибудь услуги, а не за опытность в морском деле, кормчий нес обычно большую ответственность за успешное плавание: в данном же случае Аленкер нес ответственность за плавание всей флотилии. Гама мудро поступил, выбрав его в качестве кормчего: Аленкер еще в 1490 году плывал к реке Конго вместе с Гонсалу да Суозой, когда тот был направлен в качестве посла к королю Маниконгс².

«Сан-Рафаэлом» командовал Паулу да Гама. Кормчим у него был Жуан ди Коимбра, взявший к себе на борт негра-невольника. Николау Козлью был назначен командиром «Берриу». Очевидно, это был очень хороший офицер — позднее, в 1500 году, его послали в Индию с Кабралом, а в 1503 году он снова плывал туда в флотилии Аффонсу д'Албукерки. В 1500 году дон Мануэл назначил ему за оказанные услуги приличную пенсию и дал право на герб. Кормчим на «Берриу» был Перу Ишколар. Он тоже удостоился пенсии от короля, назначенной ему 18 февраля 1500 года

¹ «Чада Марса и Нептуна» — то есть дети бога войны и бога морей — солдаты и моряки. — *Прим. ред.*

² Маниконго, чаще просто Конго — крупное негритянское государство дофеодалного типа, возникшее в Экваториальной Африке, вероятно, задолго до прихода туда португальцев. В конце XV века правитель Конго крестился, и португальские миссионеры допускались в государство до второй четверти XVII века, но в 1636 году из-за вмешательства в борьбу Конго с соседним негритянским государством португальцы были изгнаны из страны. — *Прим. ред.*

«за услуги, которые Перу Ишколар, наш кормчий, оказал нам как в Гвинее, так и при открытии Индии, куда мы его посылали». В 1500 году он снова отправился в Индию в качестве кормчего во флотилии Кабрала. Гама назначил Гонсалу Нуниша, одного из



Португальская карта мира, 1490 год.

своих приближенных, капитаном грузового корабля. Других офицеров на этом корабле не указано. Кроме мореходов в списке личного состава числились офицеры по административной части — все они пережили интересные приключения. Писцом (*escrivão*¹) на «Сан-Габриэле» был Диогу Диаш, брат Бартоломеу Диаша. Ту же должность на «Сан-Рафаэле» занимал Жуан да Са. Он быстро поднялся по государственной лестнице, вновь был направлен в Индию с Кабралом и впоследствии был там государственным казначеем. Писцом на «Берриу» был некий Алвару ди Брага. Гама назначил его позднее португальским агентом в Каликуте. В указе от 1 февраля 1501 года дон Мануэл называл его «Алвару ди Брага, оруженосец нашего двора».

¹ Ишкриван (*escrivão*) на португальских кораблях был не простым писцом, а официальным лицом, ведущим всю деловую отчетность. — Прим. ред.

Плавание предполагало заход во многие незнакомые порты, где, как считали (вполне обоснованно), не говорили по-португальски и не понимали этого языка. Поэтому были взяты три переводчика. Один из них — Мартин Аффонсу, проживший значительное время в области Конго и знавший несколько диалектов племен банту. Второй — Фернан Мартинш, ценный тем, что он умел говорить по-арабски, чему он выучился во время длительного плена у мавров. Он оказался очень полезным для Гамы и не раз упоминается в рассказах об этом путешествии. Третьим переводчиком являлся Жуан Нуниш, говоривший на арабском и немного на еврейском языках. Корреа пишет, что «это был человек острого ума, понимавший язык мавров [жителей Каликута], хотя и не умевший говорить на нем».

В списке личного состава флотилии числилась также странная группа людей, осужденных за серьезные преступления и приговоренных к изгнанию или смерти. Их предполагалось высаживать на берег в разных местах — особенно там, где угрожала опасность или подозревалась возможность предательства — для сбора сведений, поисков пищи или воды, туземных селений, для службы на посылках и т. д. Гоиш, хронист царствования дона Мануэла, говорит, что «он [Гама] взял с собой десять или двенадцать человек, которые были в тюрьме за заслуживающие смерти преступления и чьи прегрешения король простил, с тем чтобы они могли служить во время этого плаванья; он оказал им милость и простил их, дав им возможность продлить жизнь, как бы их ни использовали». Другие авторы, писавшие в ту эпоху, говорят об этом обычае точно так же беззаботно. Корреа пишет, что Гама попросил некоторое количество преступников, «чтобы рискнуть ими и оставить их в пустынных странах, где они, если выживут, могут оказаться ему полезными, когда он возвратится туда и вновь найдет их. Королю это показалось разумным, и он направил Гама десять человек, приговоренных к смертной казни, и он [Гама] распорядился ими так, как если бы они были приговорены к ссылке в необитаемые страны». В своем поэтическом повествовании о путешествии Гамы поэт Камознс говорит о преступниках как о «людях, приговоренных к наказанию за преступления и постыдные деяния, людях, которыми можно было рискнуть в сомнительных обстоятельствах». Имена некоторых из этих преступников известны. Один из них, Жуан Машаду, немного говорил по-арабски и поэтому был весьма полезен. Предполагают, что Гама оставил его в Мозамбике, но Машаду все же добрался позднее до Индии. Здесь его преступления, очевидно, не ставились ему в упрек, ибо он занимал многие ответственные государственные посты и в конце концов Аффонсу д'Албукерки назначил его на должность старшего алкайди Гоа. Он был убит в сражении с индийцами у Понды в 1517 году. Историю второго преступника

рассказывает нам Корреа, узнавший ее, несомненно, позднее — в Индии. Преступника звали Дамиан Родригиш, он был другом Жуана Машаду. Оба они вместе убили человека в Лиссабоне на площади Росиу, их судили и должны были повесить. Когда Гама обратился с просьбой дать ему преступников, эти два приятеля находились в тюрьме Лимуэйру в Лиссабоне, и их передали в его распоряжение. Родригиш был записан матросом на «Сан-Габриэл». Когда Машаду высадили на берег в Мозамбике, Родригиш ночью спрыгнул с корабля и уплыл к берегу, чтобы присоединиться к своему другу. Как только флотилия через короткое время отошла, покинув их, они предстали перед местным шейхом, который доброжелательно принял их и взял к себе на службу. Здесь-то и пригодилось Машаду его знание арабского языка, и он еще больше усовершенствовался в нем. Вскоре Родригиш заболел и умер. Машаду похоронил своего друга за городом и на могиле поставил крест и плиту с надписью: «В этой могиле покоится Дамиан Родригиш, которого оставил в здешней стране Васко да Гама. Приехавший вместе с ним как изгнанник и моряк «Сан-Габриэла»¹. После этого Машаду бродил по побережью, разнося вести о могуществе дона Мануэла и таким образом склоняя местных вождей мирно договориться с португальцами. Эта его деятельность да его усовершенствованное знание арабского языка, возможно, и сыграли свою роль в том, что его потом простили и выдвинули по службе в Индии. Жуан Нуниш, числившийся переводчиком, был тоже осужденным к изгнанию преступником. Имена и судьба остальных преступников или не выяснены, или совершенно неизвестны.

Команду кораблей подбирали тщательно. Так как плаванья в Африку совершались часто, мореходов было очень много и выбор был большой. Гама, как только представлялась возможность, зачислял тех, кто вместе с Бартоломеу Диашем плавал к мысу Доброй Надежды, желая воспользоваться их знаниями и опытом². В большинстве случаев его выбор оправдал себя — команда доказала это своим поведением и на суше и на море.

Авторы того времени расходятся по вопросу о том, сколько человек отплыло вместе с Гамой. Возможно, что эти расхождения происходят от различной системы счета: одни принимают во внимание только команду, другие включают и чиновников, и слуг, и рабов, и добровольцев из дворян — если только такие были. Не

¹ Разумеется, утверждать, что Гама оставил его, не было оснований. Родригиш был дезертиром. Когда это место, по дороге в Индию, в 1500 году посетил Педру Алвариш Кабрал, шейх показал ему могилу и плиту с надписью.

² Корреа пишет, что перед отплытием Гама убеждал своих матросов обучаться делать веревки, ковать и т. д. «и давал им добавочно по два крузаду в месяц, кроме матросского жалованья — пять крузаду в месяц, так что все обучались с удовольствием, чтобы получить побольше денег. И Васко да Гама купил для всех нужные инструменты».

будет, вероятно, неосторожностью, если число отпльвших с Гамой определить где-то между 140 и 170. Кроме подготовленных штурманов и рядовых матросов, тут были солдаты, пушкари, трубачи, лекарь, канатчики и мастера по парусам, плотники, оружейники, повара и юнги. В различных источниках названы по именам из четырех команд лишь тридцать один человек (хотя тут могли быть различные варианты или повторения); мы не располагаем никакими данными, чтобы назвать поименно остальных¹.

До того как он мог доложить королю, что все готово, Васко да Гама, набрав людей, должен был выполнить еще одну важнейшую задачу — запастись самыми свежими данными и навигационными приборами, которые могли пригодиться в плавании. В Лиссабоне имелось огромное количество карт, рутейру и других материалов, накопленных благодаря плаваниям в страны Востока при предшественниках Мануэла. По сообщению хрониста Барруша, имелась, в частности, информация, доставленная в Лиссабон одним абиссинским священником, неким Лукой Марком, в 1490 году. Вполне возможно, что в распоряжении Гамы находились и письма Ковильяна к королю Жуану, содержавшие массу неоценимых сведений об Индии, об Индийском океане и об африканском побережье.

Из навигационных приборов, доступных во времена Гамы, наиболее полезным был компас. Сэмюэл Перчас витивато писал в своих «Pilgrimes» («Странниках»): «Магнитный Камень был Камнем-Указателем (the Land-stone was the Lead-stone), истинным Зерном и краеугольным Камнем Открытия, чей бы Радостный Мозг ни изобрел впервые эту Минерву». Компас впервые упоминается в Европе в начале XII века английским священником Александром Некамом; сама беглость его упоминания говорит о том, что читатели были хорошо знакомы с этим прибором, его свойствами и употреблением². Большинство прежних авторов пола-

¹ Некий Педру ди Ковильян, священник ордена Святой Троицы, назван некоторыми хронистами в качестве капеллана и исповедника экспедиции, но большинство источников даже не упоминает его. Позднейшие авторы утверждали, что именно он отслужил первую после святого Фомы обедню в Индии и что он принял там мученический конец в июле 1498 года. Поскольку в это время Гама находился еще в Индии, такая версия весьма сомнительна.

Другой священник, Жуан Фигейру, несколько раз упоминается при описании плавания Гамы у Корреа. Корреа даже заявляет (глава двадцать первая), что в его руки попала копия части дневника этого священника, который тот вел во время экспедиции, и что он, Корреа, использовал его при составлении своей книги. Но никакой другой автор имени Фигейру не упоминает. Стоит отметить, что этот священник был одним из тех трех советников, которые выступали против того, чтобы Португалия поддержала предприятие Христофора Колумба.

² «В 1258 году знаменитый Брунетто Латини, впоследствии наставник Данте, посетил Роджера Бэкона и описал это посещение в письме к своему другу поэту Гвидо Кавальканти: «Парламент собирался в Оксфорде, мне удалось сразу по приходе повидать монаха Бэкона, и (среди прочих вещей) он

гали, что компас был изобретен в Италии, и действительно автор «Рутейру» — первого описания путешествия Гамы — называет компас *agulha genoisca* (генуэзская игла). После того как компас проник в Европу, он был сильно усовершенствован. Еще в 1380 году да Бути, комментатор Данте, говорил о морях, пользующихся компасом с иглой, укрепленной на вращающейся картушке, где были помечены компасные направления. Картушки у компаса не размечались, как в наши дни, буквами и цифрами. Это принесло бы мало пользы ввиду неграмотности большинства моряков, и направления чертились или рисовались в виде расходящихся от центра фигур различной формы, длины и цвета¹. Север, как и теперь, обозначался цветком лилии, остальные направления обозначались различными фигурами и цветами. Картушка, укрепленная на стержне, помещалась в круглую коробку, освещалась маленькой лампой, и все это ставилось на подставку в ящик, закрытый сверху, но так, чтобы было видно рулевому. Капитаны судов всегда возили с собой кусок «адаманта» или магнитного железняка², которым в случае нужды игла подмагничивалась. Имелись также запасные компасы и иглы.

Хотя портативные часы были изготовлены в Германии уже в конце XV века, весьма сомнительно, чтобы Гама располагал подобным прибором. Приборы эти были еще неуклюжи и неточны и совсем не годились на море; на кораблях время измеряли большими песочными часами (склянками), а для смены вахты использовались малые часы (в них песок вытекал за тридцать минут). Каждый раз, когда юнга переворачивал склянки, звонил колокол.

показал мне черный невзрачный камень, называемый магнитом, который обладает удивительным свойством притягивать к себе железо; если о сей камень потереть иглу и после этого, укрепив ее на соломинке, пустить плавать по воде, игла будет постоянно поворачиваться к Полярной звезде; поэтому, будь ночь так темна, что не видно ни луны, ни звезд, моряк сможет с помощью этой иглы правильно вести свой корабль. Это открытие, которое кажется столь важным для всех плавающих по морям, должно оставаться до каких-то пор неизвестным, потому что ни один мореход не осмеливается пользоваться им, если только он не хочет прослыть колдуном; матросы тоже не пошли бы в море под его командованием, если бы он взял с собой инструмент, который в такой сильной степени кажется построенным под влиянием какого-то адского духа. Может наступить время, когда эти предубеждения, столь мешающие исследованию тайн природы, будут преодолены, и тогда-то человечество пожнет плоды трудов таких ученых мужей, как монах Бэкон, и отдаст должное тому приложению и разуму, за которые и он и все ему подобные ныне встречают только клевету и упреки» (John Fiske, The Discovery of America, I, 314).

[Книга Джона Фиске переведена на русский язык П. Николаевым и была выпущена под названием «Открытие Америки с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания», в двух томах, М., 1892—1893. Соответствующее место в русском переводе — т. I, стр. 213—214. — *Прим. ред.*]

¹ По этому рисунку на картушке компас на многих языках Европы назывался «розой ветров» (португальское *a rosa dos ventos*).

² Или магнетит — окись железа. — *Прим. ред.*

Когда колокол прозвонит восемь раз, что составляет четыре часа, — вахта кончалась. Нынешний порядок звонить в колокол каждые полчаса является пережитком того старого обычая. Лучшие песочные часы поставляла Венеция, и на каждом корабле они были в достаточном количестве, на случай поломки¹.

В царствование короля Жуана II были усовершенствованы мореходные приборы и составлены более точные астрономические и прочие таблицы. Перчас в своих «Pilgrimes» пишет об этом так:

Навигация обязана этому государю не меньше, чем кому-либо другому; он использовал Родригу и Жозе [Визинью], своих еврейских врачей, хитроумных математиков того времени, а также Мартина Бохемуса [Мартина Бехайма]², ученика Джона Монтерегиуса [Региомонта. — *Ред.*], для того чтобы они своими изобретениями помогли Морякам в их плаваниях по неведомым Морям, там, где ни Звезды (незнакомые), ни Земля (неизвестная) не могли помочь им ориентироваться. Они первые после долгих попыток применили в Морском деле Астролябию, прежде употреблявшуюся только Астрономами, и составили Таблицу Склонений для определения Широты Мест... вследствие чего Морское Искусство впервые стало освобождаться от грубости былых времен и... расчистила Путь к тому, чтобы наши Глаза открылись на эти страны и увидели новый Мир.

Если сравнить эти приборы с современными или даже с теми, которые вошли в употребление вскоре после великих португальских путешествий, то они покажутся очень грубыми и неточными. Описывая первое путешествие Гамы, Барруш признает, что дере-

¹ Лаг для грубого определения скорости и лотлинь для измерения глубин тоже входили в снаряжение корабля.

[Лаг представлял собой деревянный треугольник, привязанный к длинной веревке с узлами на равных расстояниях друг от друга. Для измерения скорости судна лаг бросали в воду, где он держался в стоячем положении относительно неподвижно, так как веревка по мере движения судна свободно отпускалась, и таким образом через точно установленный, очень короткий промежуток времени (обычно — через полминуты) по количеству пройденных за это время узлов определяли скорость движения. Отсюда название морской меры — узел. Лотлинь — длинная, специально размеченная веревка, к которой привязывался лот, то есть грузило — обычно свинцовое. — *Прим. ред.*]

² Мартин Бехайм (умер в 1507 году) — немецкий географ и картограф, родом из Нюрнберга, сделавший старейший из дошедших до нас глобусов диаметром 54 сантиметра («Земное яблоко», 1492). Нюрнбергский глобус — единственная известная нам работа Бехайма. Он жил несколько лет в Португалии и, повидимому, участвовал во второй экспедиции Диогу Кана, но документально это не доказано. Крупнейшие немецкие историки географических открытий второй половины XIX века О. Пешель и С. Руге отмечают, что на глобусе Бехайма ошибки в определении географических широт посещенных европейцами мест (и даже им лично) достигают 16°, в то время как на других картах того времени они редко превышают 1°, и по этому поводу не без юмора говорят: «...мало же пользы могли португальцы извлечь из учености нашего земляка» (О. Пешель, История землеведения, 2-е переработанное С. Руге издание, Мюнхен, 1877, стр. 236). — *Прим. ред.*

ванные астролябии¹ служили очень плохо, так как корабли были малы, а бортовая и килевая качка мешали получить правильные отсчеты, хотя и были изобретены деревянные треноги для придания устойчивости инструментам. При спокойной погоде, а также на остановках применяли и другие виды маленьких металлических и деревянных астролябий.

Для наблюдений за солнцем огромное значение имел «Almagest Perpetuum» Авраама бен Закуто². Закуто был профессором математики в Саламанке (Испания) и приехал в Португалию в 1492 году, когда евреям в Испании жить стало невозможно³. Как один из самых прославленных математиков своего времени, он был назначен королевским астрономом. В 1484 году король Жуан создал Совет математиков для помощи в делах, связанных с математическими и навигационными знаниями. Этот совет состоял из епископа Диогу Ортиша, «мештри» Родригу и «мештри» Жозе Визинью — два последних были евреи; Визинью был учеником Закуто. Визинью усовершенствовал применяемую на море астролябию и перевел «Almagest» Закуто⁴. Возможно, что Гама взял с собой в плавание экземпляр таблиц Региомонтана⁵ («Ephemerides») ⁶. Кроме таблиц склонений, флотилия Гамы располагала

¹ Астролябия (арабское астхар-лаб; греческое *ἀστρολάβον* — брать звезду) — в принципе плоский медный круг, с размеченными по его ободку градусами и минутами и с двумя отверстиями для отсчетов. Вращающаяся линейка была изобретена только в XVII веке.

[Джустин Уинсор, крупный специалист конца XIX века по истории географических открытий XV—XVI веков, указывает, что линейка, вращающаяся вокруг оси, проходящей через центр круга астролябии (алидада), изобретена в 1589 году, то есть несколько раньше, чем указано в тексте. — *Прим. ред.*]

² Книга Закуто называлась «Ha-Jibbur Ha-Gadol: Compositio Magna» («Великое устройство»). Известны семь копий оригинального древнееврейского текста, две из них находятся в Соединенных Штатах.

³ Немедленно после падения Гранады по указу 31 марта 1492 года все евреи были изгнаны из Кастилии и Арагона. Кастильские евреи временно перешли в Португалию. Оттуда они были изгнаны в конце 1496 года. — *Прим. ред.*

⁴ Судя по двум записям в «Заметках» Колумба, в 1485 году король Жуан посылал Визинью для определения широты некоторых пунктов на западное побережье Африки.

⁵ Иоганн Мюллер, принявший имя Региомонтан по названию места своего рождения — города Кенигсберга, был в Германии XV веке виднейшим математиком. Он составил таблицы, названные им «Ephemer des», аналогичные таблицам Закуто. Однако его таблицы были основаны на астрономических наблюдениях в Нюрнберге, тогда как Закуто проводил свои исчисления в Саламанке.

[Региомонтан был родом из нижнефранконского городка Кенигсберг (Северная Бавария). Кенигсберг в переводе с немецкого означает «Королевская гора». Королевский по-латыни — *regius*, горный — *montanus*; так Иоганн Мюллер Кенигсбургский превратился в Региомонтана. — *Прим. ред.*]

⁶ Эфемериды — вычисленные на каждый день положения небесных светил. Примерно за четыре с половиной столетия до Региомонтана египетско-арабский астроном Ибн-Юнус (950—1009) составил таблицы движения Луны, Солнца и планет. Во второй половине XIII века они были усовершенствованы

таблицами траверсов (*toleta de marteloia*)¹, которые были нужны в том случае, если корабли шли зигзагообразным курсом. Вполне возможно, что экспедиция пользовалась и квадрантами: сведений об этом не имеется.

Соблюдая обычай, установившийся при предшествующих плаваниях, король приказал заготовить и погрузить на борт три каменных падрана. Это были столбы, подобные тем, которые ставили во время своих плаваний в Африку Кан и Бартоломеу Диаш; по приказу дона Мануэла падраны были наименованы «Сан-Рафаэл», «Сан-Габриэл» и «Санта-Мария».

азербайджанским астрономом Насирэдином. Не выяснено, в какой мере Региомонтан пользовался таблицами своих мусульманских предшественников. — *Прим. ред.*

¹ Траверс — линия, проведенная от какого-либо предмета или пункта перпендикулярно курсу судна. — *Прим. ред.*





Карта мира Фра-Мауро
(1459 год).
(На подлиннике север
находился внизу.)

ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ

В сердце моем возгорелось великое пламя — я пожелал предпринять нечто замечательное.

(Слова Себастиана Кабота, обращенные к венецианским синьорам).

Хаклюйт, «Путешествия» (изд. 1598—1600), III, 6.

Наконец, все было готово. Экспедиция в неведомые моря, о котором мечтал дон Жуан II, столько лет отдававший ему все свои помыслы и труды, была накануне осуществления. Истекали последние дни; суда и снаряжение были уже в готовности, продовольствие и пресная вода — на борту, команда с нетерпением ожидала выхода в море. Гаме и его офицерам оставалось лишь предстать перед королем Мануэлом, чтобы получить официальный приказ об отплытии и королевское напутствие.

Удивительно и необъяснимо, что не велось никаких официальных отчетов, ни иных записей, рассказывающих как о подготовке этой знаменательной экспедиции, так и о самом плавании. Почти невероятно, что путешествие, перед которым стояли такие большие цели и результаты которого были так важны, привлекло столь мало внимания хронистов того времени, что до нас дошли лишь немногие и не всегда точные описания различных событий, что даже важнейшие даты — выход флотилии в море и возвращение Гамы в Лиссабон — недостоверны. Неполные рассказы о плавании, немногие отрывки из документов и письма иностранцев, а также короля Мануэла — вот и все источники для истории этой экспедиции¹.

В хрониках есть расхождение по поводу того, где дон Мануэл простился с Гамой и его офицерами. Одни считают, что это произошло в Эворе, другие полагают — в Монтемор-у-Нову, а Корреа (на которого меньше всего можно полагаться в описаниях первого и второго плаваний Гамы), рассказавший об этом так красочно и с такими подробностями, утверждает, что местом встречи

¹ Вполне вероятно, что многие материалы погибли до великого лиссабонского землетрясения 1755 года или во время его; тем не менее полное отсутствие официальных отчетов вызывает удивление.

моряков с королем был Лиссабон. С большей достоверностью, однако, можно предполагать, что местом исторического прощания был Монтемор-у-Нову.

Монтемор-у-Нову, в восемнадцати милях восточнее Лиссабона, — один из старейших городов Португалии. Его старинный мрачный мавританский замок господствует над городом с юга. Хотя ныне он обратился уже в руины, его высокие башни и башенки и полуразрушенные стены все еще величественно возвышаются над городом и унылыми, меланхоличными окрестностями, по которым, прихотливо извиваясь, несет свои темные воды река Алмансор, заканчивая свой утомительный путь в Тежу. Там находился двор дона Мануэла и туда были вызваны на прием Гама и его капитаны.

Это было торжественное событие, и двор придавал ему подобающую важность и пышность. Король не забыл ничего, что могло внести великолепие и блеск в эту церемонию. Он собрал влиятельнейших придворных и высокопоставленных сановников церкви. Они явились в своих церемониальных одеждах, зала аудиенции блистала всеми цветами радуги и была великолепно ¹. Гама, его брат Паулу и другие высшие офицеры кораблей были поименно названы и представлены королю, и он приветствовал их с трона, когда они собрались вокруг него.

Читая речь Мануэла, следует помнить знаменитое предупреждение Фукидида ², так как Барруш, сообщивший об этом факте и сохранивший речи короля и Гамы, писал свои «Декады» почти шестьдесят лет спустя после событий, о которых рассказывает:

«...Поскольку, — начал король, — господу нашему угодно было, чтобы я, по его милости, взял в свои руки наследный скипетр королевства Португалии и получил благословение предков моих, от которых я его унаследовал и которые славными подвигами добились над врагами побед, приумноженных поддержкой верных вассалов и рыцарей, от коих происходите вы... то первейшим из помыслов моих, помимо радения о вас и о мирном и правосудном управлении, есть еще [забота] о том, каким образом могу я увеличить владения моего королевства, чтобы я смог более щедро воздать каждому должное по его заслугам.

И я, много думая о том, какое предприятие может принести нам наибольшие выгоды и почести и [может быть] достойным нашей великой славы [и] с

¹ Для читателя, который интересуется нравами той эпохи, будет не лишне указать, что в перечень чинов и слуг, состоящих во дворце инфанта дона Луиша, сына Мануэла, входило 633 человека — 213 пажей, 48 оруженосцев, 80 рыцарей, 47 капелланов и служек, 26 грумов, 36 форейторов — и только 1 прачка на весь дворец!

² «Я вложил в уста каждого оратора высказывания, приличествующие случаю, выражая их так, как, по-моему, выразил бы каждый из них, стараясь в то же время по возможности ближе передать общий смысл того, что было действительно сказано» (см. Thucydides, Peloponnesian War, I, 22).

помощью которого я могу попытаться выполнить это мое намерение — поскольку, слава богу, силой меча мы изгнали мавров из этих областей Европы и Африки, захватив главные порты королевства Фес и завоевав его, — я пришел к решению, что нет более подобающего предприятия для моего королевства — как я не раз с вами говорил, — чем поиски пути в Индию и в страны Востока. Я надеюсь, уповая на милость божию, что в этих землях, хотя и столь отдаленных от римской церкви, не только может быть провозглашена и воспринята благодаря нашим усилиям вера в господя нашего Иисуса Христа, сына божьего, и мы не только получим за это награду — славу и хвалу среди людей, — но и сможем, кроме того, приобрести царства и новые государства с большими богатствами, вырвав их силой оружия из рук варваров.

Ибо если бы мое королевство приобрело новые права, новые выгоды и доходы на побережье Эфиопии (Африки), весь путь к которой фактически уже исследован, насколько больше могли бы мы извлечь выгод при наших дальнейших поисках, если мы сможем обрести те восточные богатства, столь высоко ценимые древними авторами, — часть которых благодаря торговым сделкам уже способствовала возвеличению таких могущественных государств, как Венеция, Генуя, Флоренция и прочие великие общины Италии.

Итак, памятуя обо всех этих делах, которые нам уже известны, а также поскольку было бы [актом] неблагодарности богу отвергнуть то, что он столь благосклонно возлагает на нас, и оскорблением тех достопамятных государей, от коих я унаследовал это стремление, а также и обиду для вас, кон приняли в этом участие, если бы я стал пренебрегать им слишком долго, — я приказал снарядить четыре судна и они, как вы знаете, стоят в Лиссабоне со всем, что требуется для этого плавания, с которым связаны великие надежды.

И я вижу, что Васко да Гама, который присутствует здесь, хорошо показал себя во всех делах, вверенных или порученных ему. Я избрал его для этого похода как преданного кавалейру (рыцаря), достойного столь почетной миссии. Я надеюсь, что он, с соизволения божьего, сможет оказать такие услуги себе самому и мне, что вознаграждение за них будет памятником как ему, так и тем, кто разделит с ним труды, [которые должны быть] осуществлены во время плавания, ибо, уверенный в этом и зная обо всех [них], я избрал их его сподвижниками с той целью, чтобы они повиновались ему во всех делах, которые относятся к моей службе.

Итак, Васко да Гама, я вверяю вас им, а их вам, а всех вас вместе [я приобретаю] миру и согласию, которые столь могущественны, что преодолевают и побеждают все опасности и трудности, с ними легко переносить величайшие [тяготы] жизни, но каковы бы ни были эти трудности, которые встретятся на вашем пути, все же они, я полагаюсь на бога, будут меньшими, чем те, которые уже вынесены. И пусть благодаря вам мое королевство получит свою долю благоденствий».

Когда Мануэл окончил свою речь, все присутствующие, включая Гама, преклонили колена и стали целовать руку короля¹ в благодарность за ту

¹ «При этом дворе [португальском] существует странный обычай целовать руку королю... Мы же не целуем руку императора» (Николай из Попелу).

милость, которая была дарована ему [Гаме], как и всему королевству, поскольку король приказал [продолжать] поиски, проводившиеся столь много лет, забота о которых передана ему [королю] по наследству. Когда среди собравшихся, услышавших об этой милости, воцарилась тишина, Васко да Гама преклонил колени перед королем, который передал ему шелковое знамя с крестом ордена Христа¹ в центре; главой и постоянным руководителем этого ордена был король. Пока личный секретарь короля держал знамя в руках, Васко да Гама произнес ясным голосом клятву верности:

«Я, Васко да Гама, которому сейчас вы, высочайший могущественный король и сюзерен, приказали отправиться открывать моря и земли Индии и Востока, клянусь этим знаком креста, на который я возлагаю мои руки, что в своем служении богу и вам буду высоко держать его и не склоню его ни перед лицом мавров, язычников или какого бы то ни было народа, который я могу встретить на своем пути, ни перед любой опасностью на море, в огне или в сражении, буду всегда защищать и хранить его до самой смерти. И я клянусь, далее, что, преодолевая все трудности этого похода, который вы, мой король и господин, повелели мне предпринять, буду служить со всей преданностью, верностью, бдительностью и усердием, соблюдая и выполняя приказы, которые мне даны, пока не вернусь на это место, где я сейчас стою в присутствии вашего королевского высочества, по милости бога, для служения которому вы посылаете меня...»

Когда эта присяга была произнесена и знамя передано Гаме, ему были вручены приказы с указанием задач, которые возлагались на него в период путешествия, а также послания к нескольким государям и царям, к которым подобало направить такие послания. Среди них было также послание для священника Иоанна Индийского (так он именовался в этом королевстве) и царю

¹ Орден Христа был основан в 1319 году королем Динишем с целью получения имущества тамплиеров, когда их орден был упразднен папой Клементом V. Принц Генрих Мореплаватель использовал орден Христа для усиления морского могущества Португалии. В его руках (он был великим магистром) орден стал орудием его дальнейшей исследовательской и колонизаторской деятельности; большая часть доходов ордена ассигновалась на проведение в жизнь его честолюбивых замыслов.

[Король Диниш I (1261—1325), Бургундской династии, вступил на престол в 1279 году. Он стремился к ограничению власти духовенства и крупных феодалов и добился в этом направлении значительных успехов, опираясь, в частности, на организованный им орден Христа. Он содействовал развитию португальского торгового мореплавания и создал значительный для того времени военный флот. Заметную роль Диниш сыграл и в истории португальской культуры. Он основал в 1288 году португальский университет в Лиссабоне, перенесенный при нем же в 1307 году в Коимбру. Он был поэтом: до нас дошло около 150 его стихотворений.]

Тамплиеры (храмовники) — духовно-рыцарский орден, образованный в Иерусалиме в первой четверти XII века (после первого крестового похода). После разгрома египетским султаном Саладином (Салах-ад-дин) Иерусалимского королевства тамплиеры, награбившие большие богатства, обосновались в различных странах католической Европы и еще более увеличили свою финансовую мощь благодаря ростовщическим операциям и активному участию в международной торговле. Орден тамплиеров был ликвидирован папой Клементом V в 1312 году. — *Прим. ред.*]

Каликута, в соответствии с теми подробными сообщениями и данными, которые король дон Жуан получил из этих сторон...¹ Когда эти бумаги были вручены, король простился с ним [Гамой].

На этом церемония закончилась. Король удалился в свои покои. Васко да Гама и его капитаны стояли неподвижно, пока большие двери не закрылись за удалившимся монархом, а после того, повернувшись, покинули зал аудиенции. За ними шли офицеры, неся белый шелковый стяг с большим красным крестом. На следующий день Ортиш ди Вильягаш отслужил торжественную мессу для двора и мореплавателей, а затем Гама и его люди двинулись верхом на лошадях в столицу, где их ожидали корабли и команды.

¹ Это сообщение, повидимому, свидетельствует о получении отчетов Ковильяна.

ОТПЛЫТИЕ ФЛОТИЛИИ

Теряются уже из поля зренья
 Любимые, покинутые горы,
 Но Синтры¹, Тежу светлого теченья
 Еще искали жадно наши взоры.
 И сердце, что дрожало от волненья,
 Осталось там, вдали, в краю, который
 Был дорог нам. Когда же он исчез,
 Видали мы лишь зыбь и свод небес.

Камознс, «Лузиады», V, 3.

Великое предприятие началось. Все трудности были преодолены, все приготовления закончены, день выхода в море назначен. Мореплавателям оставалось лишь попрощаться с семьями и поручить себя богу на время этого опасного плавания.

В четырех милях западнее лиссабонского арсенала река Тежу расширяется, образуя посредине широкий рейд для судов. На правом берегу, где плещутся у золотистой песчаной отмели лазурные волны, находится пригород Риштеллу. На широком склоне между берегом и холмами были разбросаны плодовые сады и парки, то тут, то там на возвышенностях виднелись ветряные мельницы, весело махавшие навстречу свежему морскому ветру своими темными крыльями. Южный берег реки, крутой и лесистый, был изрезан глубокими оврагами, спускающимися к самой воде.

Здесь-то — напротив маленькой церкви, стоявшей на берегу, — бросили якоря суда флотилии Гамы — новые, поблескивавшие свежей краской, с флагами и вымпелами, победно развевавшимися по ветру. Церковь была поставлена много лет назад принцем Генрихом Мореплавателем в честь св. Марии Вифлеемской². По обыкновению в ней молились моряки с отплывающих кораблей, прося об удачном плавании и благополучном возвращении. Вечером 7 июля 1497 года Васко да Гама прибыл из Лиссабона в церковь и бодрствовал там всю ночь вместе с братом Паулу, своими офицерами и священником близлежащего монастыря Санту-Тумор, исповедуясь в грехах и молясь о ниспослании силы и удачи.

¹ У Камознса здесь речь идет не о городе, а о горе Синтра (Серра-ди-Синтра), видной со стороны океана. — *Прим. ред.*

² Вифлеем по-португальски — Белен (Belém).

8 июля, вскоре после рассвета, перед церковью стали собираться мужчины и женщины, так что берег вскоре был переполнен. Здесь были загорелые, босые матросы с каравелл в широких штанах, плотных бумажных блузах и красных шапках. Между ними виднелись солдаты в латах, нагрудниках и щлемах. Матросы и солдаты были окружены семьями и друзьями. Хотя многие женщины были и в ярких платьях, но головы и плечи они покрыли черными платками — их можно было принять скорее за участниц похоронной процессии, чем за провожающих, которые пришли пожелать удачи молодым и здоровым людям, отправлявшимся в смелое плавание. И вдруг (согласно интересному описанию Уэзриу), словно по какому-то общему побуждению, они дали волю своим чувствам в громком плаче и стенаниях. Обливаясь слезами, они кричали:

«Ах, несчастные смертные! Смотрите, какую судьбу уготовили вам честолюбие и жадность. Какие более страшные наказания могли бы пасть на вас, если бы вы совершили самое ужасное преступление? Через какие отдаленные и беспредельные моря должны вы проплыть, каким огромным и безжалостным волнам должны вы бросать вызов, какие опасности грозят самой вашей жизни в этих отдаленных землях! Не разумней ли было бы для вас встретить любую страшную смерть [какой бы она ни была] здесь, на родине, чем отправляться в сокрытые от нас земли, далеко от отечества, и найти могилы в соленых глубинах моря?»

Был или не был слышен на самом деле этот оперный хор стонаний на берегах Тежу в тот день, этого мы никогда не узнаем, но мы можем быть уверены, что в ту минуту подобные чувства владели многими сердцами. Нам рассказывают, что даже суровый, сдержанный Гама пролил слезу. Он тотчас же, однако, вытер глаза и, собрав офицеров и матросов, повел их в церковь на прощальную мессу¹.

Здание было слишком мало, чтобы вместить всех желающих, и многим из матросов с их семьями и друзьями пришлось стоять снаружи, на солнцепеке с обнаженными головами в течение всей этой торжественной церемонии. В церкви можно было видеть красочное и яркое зрелище. Маленькие окна пропускали лишь

¹ Согласно преданию, месса совершалась на каменном алтаре, который сохранялся до 1872 года у подножия часовни господа Иисуса Покровителя Мореплавателей, расположенной в казармах, построенных против церкви. Описание мессы было извлечено из неопубликованной рукописи «Хроника св. Иеронима», находящейся в монастырской библиотеке, и пересказано настоятелем монастыря известному историку конца XIX века Тейшейра ди Арагану. Настоятель показал ему также три камня в мусорной куче, которые, по словам настоятеля, были подлинными камнями алтаря. *Sic transit!*

[Тейшейра ди Араган — португальский историк XIX века, автор несколько раз переиздававшейся монографии «Васко да Гама в Видигейре».

Sic transit gloria mundi — «Так проходит земная слава!» (латинская поговорка). — *Прим. ред.*]

немного солнечных лучей, и свечи в полумраке бросали блики на золото и серебро, сталь и драгоценные камни, выделяя шлемы, эфесы мечей и металлические нагрудники, тускло отражаясь на бархате плащей и шелке освящаемых знамен. Когда замерли заключительные слова мессы, ударили колокола церкви и монастыря. Из церкви участники мессы процессией двинулись на берег, где лежали вытасканные на песок лодки с кораблей. Викарий церкви возглавлял шествие, за ним следовали священники и монахи, сложив руки и преклонив головы, ступая неспешно и торжественно, с пением литании. Затем шли, размахивая курящимися кадилами, церковные служки, далее священник с крестом и другие священнослужители в длинных облачениях. Вслед за ними шагала Гама, один, с высоко поднятой головой, с суровым видом, без тени улыбки. Не оглядываясь по сторонам, он нес зажженную свечу. За ним — офицеры и матросы его флотилии, по два в ряд, и каждый тоже держал зажженную свечу. И вот, окутанная синеватыми облаками курений, с размерным пением литании, под восклицания толпы, отвечающей на возгласы священников, длинная процессия достигла побережья. Викарий обернулся, и тотчас все присутствующие пали на колени, преклонив головы. Прелат принял общую исповедь и даровал полное отпущение грехов¹ всем, кто мог сложить свою голову в путешествии. Служба закончилась, все встали, и по приказу капитанов офицеры и матросы взошли в лодки и отплыли на корабли.

Великолепное зрелище представляла река Тежу в тот достопамятный июльский день, когда она была усеяна лодками, наполненными моряками в блестящих латах или в алых, зеленых, желтых, белых, синих и пурпурных одеждах. Флаги и вымпелы всевозможных форм, размеров и цветов реяли на ветру, пестрые ливреи слуг и яркие одежды толпившихся на берегу людей, вместе с серебристыми отблесками от поднимающихся и опускающихся весел, дополняли эту яркую картину. Это было волнующее зрелище, ибо, по словам одного старого хрониста, «казалось, что это не море, а цветущий луг».

Выстроившись на палубе, солдаты громко затрубили в трубы. На мачте флагманского корабля «Сан-Габриэл» был поднят королевский флаг, музыканты забили дробь на барабанах, заиграли волынки и бубны, тамбурины и флейты, заглушая крики, плач и жалобы тех, кто был на берегу или в утлых лодках, выплывших на рейд, чтобы поймать с борта корабля последний взгляд близких людей.

¹ Право предоставлять полное отпущение грехов отплывающим мореплавателям было даровано буллой папы Мартина V (1417—1431) по просьбе принца Генриха Мореплавателя. Текст этой буллы не найден.

По словам Барруша, плачущих во время отплытия было так много, что берег перед церковью можно было бы назвать «Берегом слез».

Но было уже за полдень, и когда тени стали удлиняться, то, как обычно в это время года, вдоль реки, к морю, подул порывистый ветер. . . Адмирал решил воспользоваться ветром и приказал поднять якоря. Матросы энергично взялись за дело, стараясь забыть о тех тягостных минутах, когда им приходилось вырываться из объятий опечаленных родителей, членов семей и подруг. Якоря мерно, как бы нехотя, поднимались из речного ила под возбуждающий ритм старой морской песни. С якорных цепей капала вода. Последовал приказ поставить паруса. Команда подняла их, и огромные полотнища заплескались на ветру, надулись, и на каждом парусе стал виден большой алый крест ордена Христа, тот же крест, который был на знамени, врученном доном Мануэлом Гаме несколько дней назад в Монтемор-е-у-Нову. Корабли впервые ощутили силу ветра — этот ветер должен был стать их слугой (только слишком часто слугой яростным, мятежным и мрачным) на многие-многие тысячи трудных миль, — и, послушные рулю, они слегка накренились и медленно двинулись вниз по реке.

Народ все еще толпился на берегу, напрягая зрение, чтобы увидеть последние приветственные жесты отплывающих. Люди махали руками, шарфами; возгласы и крики слабо доносились до кораблей, течение и ветер несли их к морю. Матросы толпились у бортов, взбирались на мачты, офицеры теснились на корме и у окон кормовых башен. Все стремились в последний раз взглянуть на толпу, на любимый Лиссабон, с его холмами и долинами, с его дворцами и церквами — теперь все это постепенно уходило все дальше и дальше. Косые лучи заходящего солнца отражались на копьях и на пушках, на снастях кораблей и на шлемах, а на берегу они освещали злато-багряным пламенем камни и леса наполовину возведенного кафедрального собора Моря. Они блеснули еще раз в водах Тежу, которые стали сизыми, как вороненая сталь. Затем опустились сумерки.

С наступлением темноты толпа на берегу понемногу рассеялась, люди небольшими группами расходились по домам. Ветер крепчал, по мере того как корабли приближались к морю. В серой полумгле несколько рыбацких лодок под блекложелтыми парусами поспешно отошли в сторону, уступая дорогу надвигающимся на них большим кораблям. Флаги спустили и спрятали в рундуки, установили ночную вахту, на мачтах были подняты фонари, и на море, на землю и на реку спустилась ночь. Величайшее предприятие португальской нации было начато, осуществлялись мечты принца Генриха, замыслы короля Жуана II, на которые так много уже было положено трудов. Большая часть столетия ушла на подготовку к осуществлению этих замыслов и мечтаний — годы труда и разочарований, попыток и ошибок, успехов и неудач. Многим смельчакам это стоило жизни, немало потребовалось и золота.

Зато Мануэлу, получившему в истории прозвание «Счастливого», суждено было стать богатейшим монархом в Европе, а Португалии — на некоторое время — владычицей многих далеких земель, морей и народов, никогда ранее не подвластных Европе и большей частью даже неизвестных европейцам, если не считать рассказов Марко Поло и других немногих смелых душ.

В ту ночь на кораблях спали лишь немногие. Слишком переполнены были сердца, слишком велико было возбуждение. Но едва забрезжил новый день, все были на ногах, все в движении. Корабли уже прошли отмель, берега скрылись из виду, и люди остались наедине с морем, небом и богом — лишь белые и серые чайки, пронзительно крича, будто бранясь, летели за кораблями, провожая их далеко на запад, в океан.

Когда команда «Сан-Габриэла» приступила к своим обычным работам, матросы впервые могли видеть вблизи своего командующего. Вверху, на кормовой палубе, они увидели человека в бархатном берете. Он был среднего роста, в полном расцвете сил — ему было тридцать с лишним лет, — коренастый, с кирпично-красным лицом и шеей: бури, горячее солнце и морская соль сделали свое дело. Черные усы и большая широкая борода скорее подчеркивали, чем скрывали черты его лица, его сильную квадратную челюсть, пухлый и чувственный, но строгий, даже суровый рот. Быстрые, внимательные и пронзительные глаза окружала тонкая сетка морщин — многолетний отпечаток солнца, ветров и ослепительно сияющего моря. Порой в его быстро прикрываемых веками глазах и сжатых губах проглядывала скрытая жестокость, видимо прирожденная черта его характера. Он не был человеком, которого можно было любить, да он и не искал расположения к себе. Но бывалые моряки, плававшие под командой таких людей, как он, по морям, прилегающим к Африке, видели в нем человека стальной воли, несгибаемой целеустремленности. Они чувствовали в его голосе, в его четких решительных приказах, во всей его внешности и движениях опытного мореплавателя, строгого начальника и человека, которому нельзя противоречить, с которым нельзя вести себя вызывающе. Им было известно, что он пользуется полным доверием короля и что — как бы ни обернулось дело — волю своего государя он будет исполнять буквально. К тому же они слышали о нем как о человеке смелом, готовом без колебаний вести своих подчиненных в любое место, какое он им укажет. Тем, кому посчастливилось вернуться с Гамой в Лиссабон и кто снова отправлялся в его новый поход в Индию, суждено было не раз видеть, как в быстрых действиях проявляются все свойства характера, написанные на лице адмирала — решительность, ум, упорство, страшный, безрассудный гнев и хладнокровная жестокость, граничащая с садизмом. Королю Мануэлу он мог принести победу и сказочные богатства и поло-

жить к его ногам моря и земли Индии; но он мог причинить также ненужные страдания, ужасные мучения и почти непостижимую дьявольски-жестокую смерть бесчисленному множеству несчастных людей, чей грех был лишь в том, что они не принадлежали к вере, исповедуемой Гамой, чье преступление состояло лишь в том, что они случайно встретились ему на пути в тот час, когда он неумолимо стремился к своей цели.

Итак, экспедиция, которой суждено было стяжать мировую славу, началась. Автор «Рутейру» первого плавания Васко да Гамы в Индию писал: «Мы отплыли из Риштеллу в субботу на восьмой день июля упомянутого 1497 года, [и] да будет милость нашего господа бога на то, чтобы мы исполнили наше намерение во служение ему. Аминь».

АФРИКА

Так водные пути мы открывали,
Дотоле не открытые никем.

Камознс, «Лузиады», V, 4.

Плавание началось спокойно, без особых, заслуживающих упоминания инцидентов. После недельного пути на юго-запад показались Канарские острова. Далее корабли продолжали плыть вдоль африканского побережья. По пути матросы ловили на удочки рыбу для общего стола. В ночь на 17 июля флот попал в густой туман близ бухты, известной под названием Рио-де-Оро (Золотая река). 17 июля на восходе солнца туман и ветер, поднявшийся ночью, разъединили корабли. Гама предвидел такую возможность, и корабли, следуя его приказу, взяли курс на острова Зеленого мыса. Утром 22 июля марсовый «Сан-Рафаэла» заметил три корабля близ острова Сал — в северо-восточной части группы островов Зеленого мыса. В их числе были корабль «Берриу», а также грузовое судно и корабль, которым командовал Бартоломеу Диаш, открывший мыс Доброй Надежды¹. Четыре судна соединились и вечером 26 июля, наконец, догнали «Сан-Габриэл». На следующий день весь флот стал на якорь в Порту-да-Прая, на острове Сантьягу, крупнейшем из островов Зеленого мыса. Здесь людям было разрешено сойти на берег и, пока производился ремонт рей, экспедиция запаслась свежим мясом, водой и дровами.

От островов Зеленого мыса был взят курс на восток [точнее — на юго-восток. — *Ред.*] вдоль побережья Гвинеи и Сьерра-Леоне. После дополнительного ремонта рей на корабле Васко да Гамы (вероятно, повреждения были получены в результате шторма) курс был изменен. Вместо того чтобы держаться берега и, пройдя расстояние в 3370 миль, добраться до мыса Доброй Надежды, Гама направился от берега Сьерра-Леоне прямо на юго-запад, делая большой крюк в сторону тогда еще неизвестного побережья

¹ В 1482 году Диогу д'Азамбужа построил крепость в Сан-Жоржи-да-Мина — одном из стратегических опорных пунктов Португалии на Золотом Берегу. За свои заслуги перед престолом Диаш был удостоен должности капитана этой крепости и получил приказ сопровождать флот Гамы на первом этапе его плавания.



Карта восточной части
 1 — Англия; 2 — Польша; 3 — Венгрия; 4 — Германия; 5 — Фла



мира Рейска (1508 год)

ндрия; 6 — Франция; 7 — Испания; 8 — Португалия; 9 — Мекка.

Бразилии¹. Существуют различные объяснения его решения. Одно из них заключается в том, что Гама получил сведения о преобладающем направлении ветров (и, возможно, о наличии земли на западе) от мореплавателей, плававших здесь ранее. Второе объяснение — что адмирал, посоветовавшись с офицерами и лоцманами, решил избежать опасных противных ветров, дующих у берега, и взял курс на запад. И третье — что Васко да Гама принял это решение по собственной инициативе, свершив, по словам одного комментатора, «шаг чрезвычайной смелости». Возможно, справедливы все три объяснения — что у него были сведения от прежних мореплавателей, что его офицеры поделились с ним своими соображениями и что он сам решил сделать такой опыт. Есть и еще одна возможность: что маршрут был разработан во всех подробностях еще до того, как корабли миновали устье Тежу.

Остается фактом, что в этом первом плавании на Восток Васко да Гама не только открыл для своего короля морской путь в Индию, но также, случайно или преднамеренно, открыл наиболее удобный [для парусных судов. — *Ред.*] морской путь из Европы к мысу Доброй Надежды, путь, и поньше используемый парусными судами и рекомендованный для парусных судов в последних инструкциях Британского адмиралтейства и Гидрографической службы Соединенных Штатов. Большой круглой путь, который вел от Африки на юго-запад, к пункту, расположенному приблизительно у пятого градуса северной широты, затем к месту, расположенному недалеко (но точно не известно, на каком расстоянии) от бразильского побережья и далее уже в юго-восточном направлении — к пункту, находящемуся примерно у двадцатого градуса южной широты, дал ему то преимущество, что он пользовался наиболее благоприятными ветрами и течениями².

Это было длительное, утомительное плавание. Бури и штормы сменяли друг друга, и на пути не попадалось ни острова, ни берега, где можно было бы запастись свежей водой, продовольствием и топливом.

После того как флотилия в течение многих дней следовала на юго-восток, были замечены 27 октября киты и тюлени; прибрежные водоросли и другие признаки указывали на близость земли. Стали время от времени проводить промеры глубин. Утром 1 ноября

¹ См. Samuel Eliot Morison, *Early Portuguese Voyages to America*, p. 105 и сл.

² Существуют различные и часто противоречивые описания этого путешествия и дальнейшего пути следования. Данная книга не ставит себе задачу анализировать эти противоречия. Мы считаем более разумным принять точку зрения таких авторитетов, как Гюммерих и Тейшейра ди Араган, и следовать за автором «Рутейру» до того места, где обрывается его рассказ, а с этого места — использовать в совокупности все надежные современные ему или близкие по времени источники.

на горизонте показалась земля. Кораблям был дан сигнал приблизиться друг к другу. Прогремел салют, и по случаю благополучного прибытия к африканскому берегу, после трех с лишним месяцев бурь и штилей в Атлантическом океане, были подняты флаги. Аленкер, который плавал вдоль этого берега вместе с Бартоломеу Диашем, не узнал берега в том месте, где к нему подошли суда, и поэтому было решено не останавливаться, а продолжать плавание в южном направлении. Через три дня снова приблизились к суше и вошли в широкий залив. Здесь Гама послал людей в небольшой лодке сделать промеры и найти безопасное место, где можно было бы стать на якорь. Получив хорошие вести, он последовал со своими кораблями в указанное место и велел бросить якорь. Залив тогда же получил название Св. Елены, и команда начала готовиться к чистке кораблей как внутри, так и снаружи, к починке парусов — одним словом, к устранению всех повреждений, полученных во время плавания. Запасы питьевой воды сильно поубавились, а кроме того, оставшаяся вода была несвежей и сильно загрязненной. Послали людей искать свежую воду. Они обнаружили реку, впадающую в залив в четырех лигах от места, где суда стояли на рейде. Следуя принятой традиции, реке дали название — Сантиагу (ныне Грейт-Берг-ривер).

Гама не был удовлетворен показаниями судовых приборов о высоте солнца, ибо из-за несовершенства приборов, имевшихся в его распоряжении, нельзя было доверять измерениям, производившимся на судах, которые постоянно бросало во все стороны. И пока команда была занята ремонтом и заготовкой дров и воды, Гама сошел на берег, чтобы произвести более точные измерения. На берегу установили треножник, выгрузили инструменты и произвели новые наблюдения. Пока Гама был занят этим делом, несколько матросов, отошедших от берега и удалившихся за гряды дюн, сообщили, что видели двух низкорослых негров, которые, видимо, что-то собирали на земле. Это обрадовало Гаму, так как он хотел скорее получить сведения о неизвестном берегу, к которому пристал. Он приказал своим людям потихоньку окружить туземцев и схватить их. Туземцы прикрывали наготу только древесной корой или кожаными лентами и были вооружены деревянными острогами с наконечниками, закаленными в огне. Они искали в кустарниках мед и, занятые выкуриванием пчел при помощи дымящихся факелов, не заметили португальцев, пока те не набросились на них. Несчастные бушмены¹ — ибо это были

¹ Бушмены, как известно, не негры. Говоря о «двух низкорослых неграх», автор стремится передать представления португальцев конца XV века, которые впервые встретили представителей этой особой антропологической группы, отличающейся от негров, кроме ряда других признаков, сравнительно светлой кожей — «цвета сухих листьев». — *Прим. ред.*

они — испугались белых людей. Таких страшных существ они никогда не видели, и они не знали, боги это или черти. Одному удалось ускользнуть от моряков, но другого перепуганного маленького человека повели к берегу. Гама позвал своих переводчиков, но никто из них не мог понять бушмена, который говорил, «словно всхлипывал». Туземцу, в свою очередь, также не удалось добиться, чтобы его поняли, да, помимо того, он был слишком напуган, чтобы понять хотя бы жесты португальцев. Нетерпеливый Гама, видя, что этим путем ничего не достичь, приказал юнге и моряку-негру взять пленного на борт и как следует его накормить. Пища и отсутствие толпы бородатых жестикулирующих чужеземцев постепенно успокоили его, и когда Гама, закончив свои расчеты, вернулся, ему удалось при помощи жестов хоть кое-что узнать. Бушмен указал на две горы примерно в двух лигах от берега и дал понять, что у их подножья расположена его деревня. Гама, умевший хорошо читать сердца людей, решил, что лучшего посланца в деревню, чем сам туземец, ему не найти. Туземца еще раз накормили, одели в дешевую одежду из судовых запасов, дали ему несколько колокольчиков и стеклянных бус и отправили домой. Гама не ошибся в отношении этого человека. На следующее утро появилось около пятнадцати туземцев. Они приняли предложенные им в изобилии подарки, но проявили полное незнакомство с пряностями, жемчугом, золотом и серебром и полное безразличие к ним. Получив подарки, они быстро исчезли, но через два дня (12 ноября) их вновь появилось с полсотни. Команда сразу же вступила с ними в оживленную торговлю, стремясь получить сувениры, которые в те времена ценились моряками не меньше, чем сейчас. Автор единственного дошедшего до нас судового журнала экспедиции указывает, что за медные монеты стоимостью примерно в $\frac{1}{16}$ цента он получил серьги из раковин, опахало из лисьего хвоста и ножны.

Один из солдат, Фернан Вилозу, шумливый и хвастливый малый, захотел пойти в туземную деревню, посмотреть, как живут бушмены и что они едят. Гама колебался, разрешить ли ему это, так как он знал своих людей и боялся, что посещение деревни может привести к неприятностям. И он оказался прав. Однако он поддался уговорам Вилозу — главным образом потому, что на этом настаивал его (Гама) брат Паулу. И вот, когда Гама ушел на корабль обедать, Вилозу отправился в деревню в сопровождении веселой шумной толпы негров. Группа матросов во главе с Николау Коэлью все еще была на берегу, занимаясь заготовкой дров и сбором омаров, которых было множество в заливе. Идя вдоль берега в деревню, бушмены поймали и убили тюленя; они понесли его с собой, чтобы сварить и угостить Вилозу. Пока Васко был на корабле, а моряки на берегу занимались своим делом, Паулу да Гама решил позабавиться. Позвав кое-кого из своих

людей, он с двумя из них влез в небольшую лодку, а остальным приказал следовать за ним в другой. Он увидел, как несколько молодых китов заплыло в залив в поисках пищи, и решил, что неплохо было бы поймать одного из них. Он захватил два гарпуна и, не подумав, привязал концы лией к носу лодки. Лодка бесшумно приблизилась к одному из китов, и кто-то из моряков бросил гарпун, который глубоко вонзился киту в бок. Кит забился в воде, нырнул и поплыл в сторону моря. Через мгновение лий размотался и натянулся, и лодка с бешеной скоростью понеслась по пенящемуся кровавому следу раненого кита. Люди вцепились в борты, так как лодку в любой момент могло перевернуть, а под рукой не было ни ножа, ни топора, чтобы перерубить канат. Когда у них уже пропала надежда на спасение, кит резко изменил направление и поплыл к берегу. Тут он вскоре лег на дно и на мгновение притих, дав возможность Паулу и его людям развязать канат и вернуться к месту стоянки судов. Они были на волоске от смерти.

Пока все это происходило, чернокожие друзья Вилозу проголодались и решили сделать остановку, чтобы тут же зажарить тюленя. День близился к концу, Коэлью и его люди, закончив работу, сели в лодки и направились к кораблям. Тем временем Гама, обеспокоенный длительным отсутствием Вилозу, в волнении шагал взад и вперед по палубе. Вдруг он услышал крик, и, взглянув на берег, увидел, что Вилозу мчится с холма к кораблям, крича и жестикулируя. Гама крикнул Коэлью и его матросам, чтобы они вернулись и взяли с собой Вилозу. Однако матросы, решившие, что это очередная выходка Вилозу, гребли не спеша. Чем тот так рассердил своих хозяев, осталось неизвестно, но когда лодки приблизились к берегу, из-за холма выбежали два бушмена, которые хотели отрезать ему путь. Другие, вооруженные луками, стрелами и камнями, бежали к месту, куда лодки должны были пристать. Два первых бушмена пытались схватить Вилозу, но, видимо, он хорошо знал, как пользоваться своими кулаками, так как оба бушмена убежали прочь с окровавленными лицами, а сам Вилозу тем временем прыгнул в лодку. Гама наблюдал всю сцену с корабля. Когда он увидел, что силы туземцев увеличиваются и что они начинают угрожать лодкам, которые все еще были недалеко от берега, он прыгнул в ялик и быстро направился к своим людям. Добраться до места происшествия ему удалось отнюдь не сразу, ибо камни и стрелы уже сыпались на лодки и гребцов. Одна из стрел попала в Гонсалу Алвариша — командира «Сан-Габриэла». Двое моряков были ранены. Когда Гама встал в лодке и попытался успокоить разъяренных бушменов, те обратились против него и ранили его стрелой в ногу. Так как португальцы, полагая, что имеют дело со слабым и послушным народцем, не захватили с собой оружия, Гама приказал лодкам немедленно

грести назад, к кораблям. Прибыв туда, он послал несколько арбалетчиков к берегу и приказал им дать туземцам полезный урок.

Разумеется, это ничтожное столкновение — непростительный конфликт между туземцами и европейцами, вызванный глупостью одного человека, — сделало дальнейшее пребывание в заливе невозможным, и Гама, разочарованный тем, что он так и не узнал ничего о земле, на которой ему удалось побывать, через два дня (14 ноября) приказал поднять паруса. К счастью, ремонт судов был закончен, а дрова и вода заготовлены.

Гама был в затруднении. Он полагал, что находится поблизости от мыса Доброй Надежды, но не знал в точности, как далеко от него. Он обратился к Аленкеру, который плавал в этих морях с Бартоломеу Диашем, но Аленкер не смог ему помочь, хотя указанное им по догадке расстояние лишь на три лиги отличалось от действительного. Тогда Гама сам принял решение — ибо нерешительность не была свойственна ему. Был взят курс на юго-юго-запад. К концу второго дня марсовый крикнул: «Земля слева!» И вот на глазах у всех стали вырисовываться желанные очертания того самого мыса, к которому Гама на своих кораблях так стремился почти пять месяцев. Хотя мыс был перед ними, противный ветер мешал обогнуть его, и только 22 ноября корабли обошли вокруг мыса и поплыли дальше вдоль побережья, минуя на своем пути залив Фолс-Бей¹.

Эта часть пути была суровым испытанием способностей Васко да Гамы как мастера мореплавания — ему пришлось иметь дело с неизвестными ветрами и течениями, с неожиданными свирепыми штормами южной части Атлантического океана. Он с честью выдержал испытание и завоевал уважение, восхищение и доверие офицеров и команды не только как моряк, но и как руководитель, отличающийся неисчерпаемой находчивостью, когда речь шла о том, как управлять кораблями и людьми.

Еще три дня плавания вдоль побережья привели путешественников к бухте, которой они дали название Сан-Браш², нынешняя бухта Моссел. Несомненно, это была та же гавань Пастухов, где Бартоломеу Диаш десять лет тому назад убил негра из арбалета. Когда четыре корабля вошли в залив, несколько десятков туземцев спустились к берегу, чтобы приветствовать прибывших. Более робкие остались на холмах, другие же подошли к самой воде. Были спущены шлюпки, и люди с кораблей, на этот раз вооруженные на случай внезапного нападения, отправились к берегу. Впереди шла шлюпка Гамы. Когда она подошла к берегу, он бросил

¹ Фолс-Бей — залив на крайнем юго-западе Африки. — *Прим. ред.*

² Южный мыс у бухты Моссел до настоящего времени называется Сент-Блейз (английское имя святого, которого португальцы называют Сан-Браш). — *Прим. ред.*

неграм горсть маленьких бубенчиков. Схватив их, негры заплясали от восторга. После того как было найдено открытое место, где не угрожала опасность засады, командиры кораблей, как обычно, во главе с Гамою и под охраной людей, вооруженных арбалетами, высадились на берег. В этих местах водилось много слонов, и готтентоты, пришедшие встречать корабли, охотно отдавали португальцам браслеты из слоновой кости в обмен на красные шапки и бубенчики.

Спустя пару дней появились еще сотни две дикарей, гнавших перед собой волов, коров и овец. Шлюпки снова поплыли к берегу, и офицеры стали мечтать о пополнении своих сильно истощившихся запасов свежим мясом. Туземцы, вообще отличавшиеся беззаботностью, были настроены празднично, и некоторые из них захватили свои *гора* (туземные дудочки), на которых они тотчас же начали играть. Вскоре готтентоты образовали круг, и начались пляски. Диковинные готтентотские танцы Гама очень понравились, и он настолько развеселился, что приказал трубачам на кораблях также заиграть. Вскоре он вернулся на «Сан-Гибриэл» и, увидев, что его люди тоже в праздничном настроении, велел музыкантам сыграть плясовую. Вся команда пустилась в пляс, и, к ее удивлению, сам Васко да Гама присоединился к танцующим¹. На какое-то время были забыты всякие ранги, моряки предались веселью, сознавая, что они проявили отвагу и победили свирепый Атлантический океан, обогнув этот, как говорили легенды, чудовищно страшный Мыс. Когда танцы на берегу и на кораблях прекратились, офицеры вернулись на берег и выменяли на три браслета жирного черного быка. «Этого быка мы съели за обедом в воскресенье. Он был очень жирен, и его мясо было такое же вкусное, как и португальская говядина».

Дружеские отношения между туземцами и португальцами продолжались недолго. После того как был воздвигнут падран и установлен большой крест, сделанный из запасной мачты, корабли отплыли. Но не успели они выбраться из бухты, как Гама увидел, что пришли негры и, к его огорчению, уничтожили и памятник, и крест. Португальцы не оставляли у африканских народов дружественных чувств по отношению к себе.

Корабли плыли вдоль берега, жестокие бури чередовались с ясной погодой. 16 декабря флотилия миновала последний падран, поставленный Диашем, и вошла в воды, в которых до тех пор не бывал еще ни один португалец. После некоторых трудностей, возникших из-за течения Агульяш, флотилия поплыла

¹ Танцуя со своими людьми, Гама следовал примеру португальских королей. «В старые времена дон Педру короли принимали участие в народных торжествах. Когда трубы играли для народа, танцевавшего на улице, король также танцевал с девушками» (см. Oliveira Martins, Historia, I, p. 198).

дальше¹ и к рождеству 1497 года прошла еще около семидесяти лиг вдоль невиданных еще португальцами берегов, лежащих за тем пунктом, где люди Диаша заставили его вернуться. Это была область, называющаяся теперь Натал, что по-португальски означает рождество. С 8 декабря корабли непрерывно находились в море, и воды осталось так мало, что люди получали для питья меньше, чем по пинте в день. Пищу готовили только на морской воде. Гама отдал приказ приблизиться к берегу, и 11 января суда бросили якорь у устья небольшой реки. Когда шлюпки подплыли к берегу, множество негров — мужчин и женщин — собралось на берегу, чтобы приветствовать моряков. Это были представители группы племен банту, высокие, стройные, они резко отличались от низкорослых бушменов и готтентотов, встреченных португальцами ранее. Гама приказал Мартину Аффонсу, жившему в свое время в стране Конго, сойти на берег в сопровождении другого матроса и попытаться вступить в переговоры с одним из туземцев, видимо вождем. Оказалось, что Аффонсу и негр отлично понимают друг друга. Туземцы как будто были настроены дружелюбно, и Гама послал вождю в подарок куртку и красные шаровары (негры носили в основном только набедренные повязки), шапку и браслет. Аффонсу и его провожатый были приглашены в деревню. Вернувшись на следующее утро, Аффонсу рассказал о всем виденном. Вождь надел красные шаровары и шапку и профецировал мимо своих подданных, хлопавших в ладоши, приветствуя чужеземцев. Гостей разместили в хижине вождя и там угостили просяной кашей с цыпленком. В течение всей ночи в хижину приходили мужчины и женщины, чтобы посмотреть на них. Утром гости возвращались к своим кораблям, сопровождаемые двумя туземцами, которые несли домашних птиц в подарок командующему. Но когда они подошли к берегу, вокруг них собрались целые сотни туземцев. Аффонсу рассказал, что страна густо населена. Население занимается сельским хозяйством, живет в соломенных хижинах. Туземцы пользуются большими луками, а их стрелы и копья имеют железные наконечники. Они носят медные браслеты на руках и ногах и медные украшения в волосах. У некоторых мужчин — кинжалы с ножнами из слоновой кости. Аффонсу также рассказал, что туземцы носят кувшинами морскую воду в деревню и выпаривают из нее соль в особых ямах.

В память о дружелюбии туземцев Гама назвал эту страну Терра-да-Боа-Женти (Страна Добрых Людей), а поскольку население так широко пользовалось медью, небольшая река была

¹ Агульаш (португ. *Agulhas* — иглы) — крайняя южная точка Африки. На русских картах мыс теперь называется Игольный; отсюда и двойное название теплого течения, ветвь которого огибает этот мыс — Агульасово (встречается у русских мореплавателей XIX века) и Игольное. — *Прим. ред.*

названа Медной рекой. Туземцы до конца оставались дружелюбными и даже помогали морякам таскать на корабли бочки с водой. Но прежде чем все бочки были наполнены, подул попутный ветер, и Гама, воспользовавшись этим, покинул своих гостеприимных знакомцев.

25 января суда вошли в устье реки Келимане¹. Здесь моряки снова встретили туземцев, хорошо принявших португальцев. Они также были из группы племен банту и тоже носили только набедренные повязки, как мужчины, так и женщины. Автор «Рутейру» нашел, что молодые женщины *parecem bem* (миловидны), даже несмотря на то, что губы их были проткнуты в трех местах и в отверстия были вдеты куски крученого олова. В своих челноках эти добрые люди привозили к кораблям плоды земли, которую они обрабатывали, и помогали команде запастись свежей водой.

Через несколько дней после того, как флотилия встала на якорь, два вождя приплыли на лодках вниз по течению реки из более отдаленных деревень, чтобы взглянуть на пришельцев, весть о прибытии которых быстро распространилась по «телеграфу» джунглей. Хотя эти вожди держались отчужденно и смотрели с пренебрежением на подарки, их прибытие имело большое значение для Гамы. Он заметил, что один из них носил шапку с вышитой шелком каймой, а на другом был головной убор из зеленого атласа. Более того, один из их помощников дал понять португальцам — в основном жестами, — что он из далекой страны и видел уже большие корабли, похожие на португальские. Как шелк, так и рассказ помощника вождя очень обрадовали Гаму, ибо после обхода мыса Доброй Надежды это были первые надежные признаки, указывавшие на то, что он, наконец, приближается к Индии и что торговцы с Востока посещали африканский берег, у которого он сейчас стоял на якорю.

Вожди приказали построить на берегу реки, совсем близко от места стоянки судов, травяные хижины и оставались там около недели, пытаясь продать португальцам материю с красными узорами. После этого они в своих выдолбленных челноках ушли вверх по реке. Флотилия стояла в устье реки тридцать два дня, занимаясь починкой сломавшейся мачты на «Сан-Рафаэле», запасаясь водой и ремонтируя суда, днища которых погнили и стали давать течь в результате долгой борьбы со штормами и штилем в Атлантическом океане.

¹ «Рекой Келимане» здесь названо общее устье нескольких рек, впадающих в Мозамбинский пролив. Южная из рек, составляющих Келимане, в дождливое время сообщается с дельтой Замбези. Обычно говорят, что Васко да Гама открыл устье реки Замбези, и переносят на ее низовья то название, которое он дал Келимане. В том пункте, где Гама поставил падран, позднее португальцы основали форт Келимане, ставший одним из важных опорных пунктов Португалии в тропической юго-восточной Африке. — *Прим. ред.*

Каждый корабль разгружали, отводили вверх по течению реки и перетягивали на мелкое место. Все предметы в трюме передвигались к одному борту, и корабль накренился. Затем команда с помощью талей и канатов еще больше накренила корабль, так что один бок полностью оголялся, вплоть до киля. Над оголившейся стороной строили леса, и моряки начинали соскабливать наросты водорослей и ракушек. Потом варили смолу в котле, заново законопачивали швы — конопатью со смолой и маслом — и красили корпус. Проделав все это на одном боку, судно накренили в другую сторону, и все повторялось в том же порядке. После этого судно снова ставили в нормальное положение, снимали с мели, тщательно вычищали корпус внутри и снаружи, снова нагружали и оснащали, заменяя старый, изношенный рангоут и такелаж¹ новыми из комплектов, захваченных для этой цели из Лиссабона.

Пока шла работа на судах, среди команды вспыхнула цинга, вызванная, как мы знаем теперь, недостатком некоторых витаминов в пище². Очевидно, флот не смог получить достаточно свежих овощей и фруктов у туземцев, встреченных во время остановок у африканского побережья. Эта ужасная болезнь была известна и раньше. Она была описана врачами и мореплавателями еще в очень давние времена. Пожалуй, самое яркое описание болезни и странного способа ее лечения принадлежит Жану Мокé³, который в 1601 году плывал в Африку, в Ост-Индию и Вест-Индию. Вот что он писал:

Я болел этой мучительной и опасной болезнью «лованд», которую португальцы называют «бербер», а голландцы «скорбут». Она загноила мои десны, из которых шла черная зловонная кровь. Коленные суставы так распухли, что я не мог расслабить мускулы. Мои бедра и голени почернели и имели гангренозный вид. Каждый день я был вынужден делать разрезы ножом, чтобы дать выход этой черной гнилой крови. Я также разрезал себе десны, которые стали синевато-багровыми и разрастались так, что покрывали зубы. Каждый день я поднимался на палубу, подходил к борту, держась за веревки, и осматривал себя в небольшое зеркальце, чтобы выяснить, где нужно резать. После среза омертвевшего мяса обильно стекала черная кровь, я полоскал рот и зубы своей мочой, сильно натирая их при этом. Но, несмотря на такую процедуру, [десны] попрежнему распухали каждый день и иногда становились

¹ Рангоут — совокупность всех деревянных (до XIX века) приспособлений для парусного вооружения судна. Такелаж — совокупность всех веревочных (до XVIII века) приспособлений для парусного вооружения или управления ходом судна. — *Прим. ред.*

² Барруш утверждает, что причиной болезни было вынужденное потребление солонины, рыбы и сухарей, которые покрылись плесенью и стали портиться.

³ Жан Мокé — французский автор книги «Путешествия в Африку, Азию, Восточную и Западную Индию», переизданной в Париже в 1830 году. — *Прим. ред.*

даже хуже, чем накануне. К несчастью, я не мог есть и мне приходилось глотать пищу, не разжевывая, ибо жевание причиняло мне нестерпимые страдания. Наши люди ежедневно умирали от этой ужасной болезни, и мы постоянно видели, как в море бросают трупы, по три-четыре зараз. Большею частью эти люди умирали, не получая никакой помощи, испуская дух за каким-нибудь ящиком. Их глаза и ступни объедали крысы. Других находили на койках мертвыми из-за потери крови. От того, что они [в нестерпимой боли] двигали руками, [разрезанная] вена снова вскрывалась, и кровь вновь начинала течь. В результате люди впадали в глубокое лихорадочное оцепенение и умирали в одиночестве без всякой помощи. Всюду раздавались только громкие жалобы на жажду и на сухоту в горле. Дело в том, что очень часто, получив свой паек воды, составлявший от полпинты до кварты, они ставили его где-нибудь поблизости, чтобы по мере надобности утолять жажду, а их товарищи — и те, что были рядом, и те, что подальше, — приходили и похищали эту ничтожную долю воды, когда те спали или поворачивались спиной. В межпалубных помещениях и других темных местах, поймав кого-нибудь с полничным, люди нападали на него и дрались, не видя своего противника, и так очень часто больные, лишенные подобным образом необходимых им нескольких капель воды, умирали в тяжелых мучениях. Никто не хотел отдать хотя бы немного воды, чтобы спасти человеческую жизнь, ни отец сыну, ни брат брату, желание сохранить жизнь и жажда были настолько велики, что каждый думал только о себе. Часто и меня обкрадывали, лишая моей порции [воды], но я утешался, видя многих других, попавших в такую же беду. Опасаясь воров, я боялся спать слишком крепко и прятал воду в такое место, где ее трудно было достать без того, чтобы не толкнуть меня. Среди нас царил величайшее замешательство и хаос, какие только можно представить, так как здесь скопилось множество больных всех рангов и положений; то тут, то там кого-нибудь тошнило, и они изрыгали блевотину друг на друга. Со всех сторон раздавались стоны людей, изнемогавших от жажды, голода и боли, проклинавших тот час, когда они вступили на корабль, и призывавших проклятия даже на головы своих отцов и матерей. Они производили впечатление умалишенных.

Те же симптомы описаны в рассказах об экспедиции Васко да Гамы, и один из авторов сообщает, что командующий приказывал своим людям пользоваться тем же лекарством, какое упоминал Мокé¹.

Вспышка цынги еще раз показала добрый, чуткий характер брата Васко, Паулу. Первый раз мы имели возможность убедиться в этом, когда он вступился за Аффонсу Вилозу, просившего разрешения посмотреть бушменскую деревню. В одном из первых описаний экспедиции отмечается, что болезнь и смертность

¹ Цынга очень ярко описана в письме Филиппо Сасетти (1540—1588), флорентийца, умершего в Гоа (Португальская Индия). Он писал, что в один день заблело 160 человек, что их десны и ноги распухали до чудовищных размеров. Бритвами они обрезали свои десны, «чтобы можно было открыть рот». Люди умирали через несколько дней после заболевания, «угасая, словно лампада, в которой выгорело все масло».

приняли бы значительно большие размеры, если бы не доброта Паулу да Гамы. Ночью и днем он обходил больных, утешал их и оказывал им помощь. Более того, для облегчения болезни он великодушно делился [с людьми] всем тем, что он взял с собой для личного пользования.

Очевидно, кое-какие свежие и целебные продукты были получены путем обмена у туземцев, так как цынга в конце концов исчезла. Пока суда были у Келимане — которую португальцы называли рекой Добрых Предзнаменований за то, что она обещала, наконец, приближение к цели, — с Васко да Гамой произошел несчастный случай, едва не стоивший ему жизни. Он должен был обсудить какой-то вопрос со своим братом и отправился на шлюпке к «Сан-Рафаэлу». Гама вел разговор со шлюпки, держась, как и гребцы, за якорные цепи. Его брат Паулу в это время стоял на палубе, наклонившись через борт своего корабля. «Неожиданно вода под шлюпкой так быстро опустилась, что вырвала ее из-под находившихся в ней людей. Он [Васко] и его моряки спаслись только благодаря тому, что ухватились за цепи и повисли на них, пока они [команда] не пришли им на помощь».

Наконец ремонт, замена снастей и заготовка дров, воды и свежих продуктов были закончены. Был установлен падран, получивший название «Сан-Рафаэл», по имени судна, привезшего его из Португалии¹. 24 февраля 1498 года, когда был закончен ремонт и Гама был удовлетворен его результатами, корабль снялся с якоря и подняли паруса. Произошла еще одна заминка, на несколько часов задержавшая флотилию. Судно Паулу да Гамы село на песчаную мель и не могло двинуться дальше, пока прилив не снял его. После этого все четыре корабля вышли из гавани.

Васко да Гама, стремясь выполнить приказ короля — найти морской путь в Индию, никогда не подозревал, что, покидая южно-африканские воды, он и его повелитель отбрасывают золотую возможность предъявить свои притязания и занять страну с климатом, превосходящим приспособленным для европейской колонизации, богатую плодородными землями и ископаемыми, страну, которой было суждено стать одним из центров распространения европейской цивилизации и культуры.

Корабли продолжали свой путь на северо-восток и прошли более трехсот миль через Мозамбикский пролив (между Африкой

¹ Следы этого падрана никогда не были обнаружены. Сан-Рафаэл был покровителем путешественников (см. его путешествия в апокрифической книге Товита).

(Апокрифы — памятники легендарной иудейской или христианской религиозной литературы, признанные церковными соборами IV века ложными («отреченными») и поэтому не включенные в иудейско-христианскую библию. — *Прим. ред.*)

и Мадагаскаром), держась подальше от берега, останавливаясь по ночам, чтобы избежать островков и мелей у этих мест, не нанесенных на карты. Утром, в пятницу 2 марта, с кораблей увидели остров Мозамбик, находящийся у северного конца пролива. Флотилия медленно вошла в гавань. Судно Николау Коэлью, как обычно, шло впереди, но натолкнулось на мель и сломало румпель. К счастью, Коэлью удалось снять корабль с мели, вывести его на более глубокое место, и вместе с другими тремя судами корабль Коэлью бросил свой якорь недалеко от города. Пока выбирали место для стоянки, множество лодок окружило корабль, а другие отчаливали от берега. В них были люди, игравшие приветственную мелодию на своих *анафилах*¹, полагая, что вновь прибывшие — такие же мусульмане, как они сами. Разубеждать их в этом португальцы не стали.

С прибытием на остров Мозамбик Гама миновал побережье Восточной Африки, населенное дикими племенами, и вошел в полосу побережья, контролируемую мусульманами — чистокровными арабами, метисами арабо-негритянского происхождения и обращенными в ислам туземцами. До этого они имели дело с простым негритянским обществом, состоявшим из небольших племен с едва развитой социальной организацией, слабо или вообще не связанных между собой и совершенно неспособных оказать объединенное сопротивление более высокой дисциплине и вооружению европейцев. Но теперь они вступили в район с совершенно иной политической и социальной организацией, район, приобщившийся до некоторой степени к мусульманской культуре, которая в тот период не уступала португальской. Арабы на протяжении нескольких веков оседали здесь на побережье и проникали вглубь страны. Каждый год с декабря по февраль дул северо-восточный муссон, а с апреля до сентября — юго-юго-западный. Эта постоянная смена ветров делала приход кораблей в Восточную Африку из Аравии, Персии и Индии просто неизбежным. Купцы знали, что зимой они могут плыть к восточному побережью Африки, а весной попутный ветер снова приведет их на родину². Возможно, что это движение началось, по крайней мере со стороны Индии, еще в VI веке до нашей эры³; полагают также, что еще тогда индийские путешественники завезли в Африку кокосовую пальму⁴.

¹ Анафил (арабское эль нафир) — род арабской трубы.

² Здесь подразумевается, конечно, зима и весна северного полушария, поскольку речь идет об аравийских, иранских и индийских купцах, а не южного полушария, где находится Мозамбик. — *Прим. ред.*

³ То, что нам известно об истории Индии VI века и, в частности, о мореходстве у древних индийцев, вряд ли допускает вероятность такого предположения. — *Прим. ред.*

⁴ Слово «кокосовый» происходит от испанского и португальского *coco* (домовой), что объясняется кажущимся сходством поверхности кокосового ореха с «тремя глазами» домового.

Обмен продуктами превратился в оживленную торговлю различными товарами, в том числе рабами-неграми, и за много столетий до прибытия кораблей Гамы в воды Восточной Африки арабы контролировали всю торговлю в этом районе и были безраздельными хозяевами Индийского океана. Они перевозили товары, которыми торговали между собой Индия, Персия, Малайя, Юго-Восточная Азия (East Indies), Китай, Аравия и Африка, от них зависели не только эти страны, но и Европа, так как они доставляли товары с Востока в Александрию и другие торговые центры, откуда суда итальянских городов переправляли их уже к месту назначения. По мере дальнейшего развития торговли создавались фактории и торговые пункты, а вокруг них возникали города. Они были населены отчасти торговцами и их агентами, отчасти туземцами с побережья — рабами или слугами, составлявшими низший класс населения и обеспечивавшими эти поселения рабочей силой. Хотя большинство арабов не намеревалось навсегда остаться в восточно-африканских городах, однако многие из них селились там и брали себе туземных жен и наложниц. От них происходит смешанная группа, которую первые португальские путешественники называли «дубленокожими», «краснокожими» или «красновато-коричневыми». Это смешанное население постепенно пополнялось беженцами из азиатских и африканских стран в результате войн, междоусобиц и захватов.

Арабы привезли туда религию, язык и обычаи своей родины, которые были усвоены — зачастую, правда, в выхолощенной и извращенной форме — и стали преобладающими в торговых поселениях.

Эти поселения политически не подчинялись метрополиям, а были независимыми городами-государствами. Среди них не было политического единства или господства одного государства над остальными. Иногда один город какое-то время господствовал над несколькими другими, но никогда не было создано сколько-нибудь тесно объединенной федерации, которая могла бы оказать сопротивление вторжению или захвату. Именно эта роковая политическая слабость создала благоприятную почву для завоевания побережья Восточной Африки в XVI веке португальцами.

Включение мусульман в восточноафриканскую торговлю и рост их городов отнюдь не были результатом завоевания. Невоенственных и разделенных на мелкие племена туземцев легко было подчинить. И, действительно, они, насколько известно, без сопротивления подчинились арабской оккупации. Проникновение на побережье и вглубь страны постепенно расширялось с появлением большой группы метисов. Они, естественно, без труда переходили с места на место по населенному неграми побережью, проникая в глубинные области. Простые идеи ислама были близки племенам,

с которыми эти люди соприкасались, и религия пророка глубоко проникла на Черный материк, являясь и по сей день господствующей неязыческой религией негров. В отличие от высших классов и вновь прибывших поселенцев, метисы в основном пользовались суахили¹ — языком, распространенным в Восточной Африке, который казался им проще и легче. В этот язык проникли арабские слова и выражения, и этот гибридный суахили является в настоящее время *lingua franca*² Восточной Африки. Так как торговля была основным занятием арабских поселенцев и приезжих в восточноафриканских городах, внутренняя часть страны их не интересовала и там торговых пунктов было сравнительно мало. Исключение составляли пути, по которым переправляли рабов.

Институт рабства³ существовал в Восточной Африке уже много веков и был развит и возведен в систему арабами вскоре после их появления в этих краях. Они брали рабов из более отдаленных районов, и самыми бессердечными и жестокими работорговцами были метисы и сами туземцы⁴. Они не останавливались ни перед какими жестокостями, набирая рабов в караваны, которые заканчивали свой трагический и ужасный путь в прибрежных арабских городах. Невозможно хотя бы приблизительно подсчитать, сколько африканских туземцев было погружено отсюда на суда. Большинство из них доставлялось в Аравию, Турцию и Персию. Еще в 1853 году одну треть жителей арабского государства Оман составляли рабы, и те из нас, кто бывал в государствах Южной Аравии, могут подтвердить, что многие жители этих стран имеют характерные негроидные черты лица. У мусульманского государя Гауры, царствовавшего в Индии (1459—1474), было восемь тысяч негров-рабов. Помимо торговли обычными рабами, широкое распространение получила варварская практика кастрации и продажи внухов. Много веков подряд непрерывный поток этих беспомощных, жестоко изуродованных существ шел через океан во все дворцы и гаремы мусульманских стран Северной Африки, Египта и Азии, наполняя сундуки купцов золотом. В самом деле, несмотря на потерю в результате жестокой операции огромного

¹ Суахили — самый распространенный (если не по размерам территории, то по количеству лиц, говорящих на нем) из языков группы банту в Восточной Африке. Вряд ли можно, как это делает автор, назвать его гибридным языком с большим основанием, чем, например, испанский, из-за того, что «в этот язык проникли арабские слова и выражения» (так же, как и в испанский). — *Прим. ред.*

² *Lingua franca* — язык, к которому прибегают при деловых сношениях представители разноязычных народов. В настоящее время суахили в Британской Восточной Африке признан официальным языком (для коренного населения). — *Прим. ред.*

³ См. Hart, *Venetian Adventurer*, ed. 3, p. 17.

⁴ То есть туземные «царьки» (племенные вожди). — *Прим. ред.*

числа красивых рабов, этот вид торговли был самым прибыльным делом на восточном побережье Африки и в восточных морях¹.

Большинство арабских жителей побережья были посредниками. Здесь не было фактически никакого ремесла, за исключением ткачества и производства железных изделий. Не было здесь также и излишков сельскохозяйственных продуктов, идущих на продажу; только в некоторых местах занимались продажей кокосовых орехов и кокосового масла. Из Восточной Африки вывозили рабов, слоновую кость, золото и серую амбру. Взамен арабы импортировали из Индии, Персии и Аравии ткани, металлические изделия, бусы и другие готовые изделия, которые могли найти сбыт у туземцев. Арабы, повидимому, никогда не решались заплывать на своих непрочных судах на юг дальше города Софала. Полагают, что они боялись быстрых течений этого района. По этой причине Гама не встречал арабских торговцев и арабских судов у побережья, пока его корабли пролагали сюда путь на север от мыса Доброй Надежды.

Важно отметить, что, несмотря на бессилие разобщенных здесь арабских поселений перед более могущественными португальцами, эти арабы были представителями религии, соперничающей с христианами, и в своей вражде к христианам той эпохи они были не менее фанатичны, чем португальцы в своей ненависти и презрении ко всем, кто исповедывал ислам.

Борьба Гамы со злыми силами моря и невежественными дикарями южного побережья на этот раз пока закончилась. Появился новый, более опасный противник — цивилизованные и полудицилизованные народы восточного побережья. Столкнувшись с этим противником, Гама начал проявлять некоторые свои слабости — горячность, неистовость характера, недостаток такта и рассудительности и бессмысленную жестокость. Эти слабости вредили репутации его страны как в Африке, так и в Азии, и заложили основу для подозрений, недоверия и страха, следовавших по пятам его преемников на протяжении веков².

Жители Мозамбика резко отличались от тех голых дикарей, которых португальцы встретили во время предыдущих высадок на

¹ Арабская торговля рабами продолжалась две тысячи лет и прекратилась (возможно, не окончательно) в конце XIX века. Португальцы первые начали ввозить рабов из Западной Африки в Европу и были первыми западноевропейцами, которые стали поставлять рабов на европейские (а позднее и на американские) рынки и из Восточной Африки, где они скупали их у арабов.

{В действительности прямое рабство — почти или совершенно незамаскированное — не прекратилось в ряде африканских стран даже и в наши дни (см., например, книгу Гарруа, Африка — умирающая земля, Москва, 1954). — *Прим. ред.*}

² Как видно из дальнейшего изложения, ближайшие преемники Гамы еще более, чем он сам, сеяли «подозрения, недоверие и страх» среди жителей Индии. См., в частности, семнадцатую и двадцать первую главы. — *Прим. ред.*

побережье. Цвет их кожи был значительно светлее, чем у негров, и говорили они на испорченном арабском языке. Они обычно носили плавно ниспадающее одеяние из белого или полосатого льняного полотна или хлопчатобумажной ткани и головной убор из бумажной или шелковой ткани. Мозамбик был оживленным торговым центром. Туда приходили корабли из Индии, Персии, Аравии и из различных восточноафриканских городов. В порту было много иностранных судов, грузивших и разгружавших гвоздику, перец, имбирь, золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни. Гама вызвал Фернана Мартинша, знавшего арабский язык, и через него получил ценные сведения относительно происхождения этих товаров, ибо в этом месте ни один из них не производился. Разумеется, ему не раз приходилось слышать всякие небылицы о вещах, которыми он интересовался, вроде следующих: «Все драгоценные камни, жемчуга и пряности имелись тут в таком количестве, что их не нужно покупать, а можно было просто собирать в корзины». Он также получил сведения о народе, населяющем местность, прилегающую к острову. Это были «язычники, подобные зверям, дикие и совсем нагие, если не считать куска бумажной материи на бедрах, тела же их были обмозаны красной глиной». Туземцы этих племен носили в губах украшения из раковин, костей и небольших камешков. Туземцев можно было также встретить у берега в их выдолбленных челноках или в городе и его окрестностях.

Гама и его люди с большим интересом рассматривали четыре довольно больших арабских «доу» (одномачтовые суда), стоявших в гавани. Они имели палубы, а их паруса были из пальмовой рогожи. Португальцев больше всего удивило, что у этих судов не было ни одного гвоздя¹ и доски были скреплены кокосовым волоком². Офицеры этих судов были опытными мореплавателями и пользовались компасами, квадрантами и картами, по всей вероятности, более точными, чем португальские. Возможно, что именно

¹ Гюммерих утверждает, что арабы избегали употребления железных гвоздей при постройке своих судов из-за веками державшейся суеверной легенды о магнитной горе, притягивающей будто бы к себе корабль, в доски которого вбиты гвозди.

[Такое утверждение свидетельствует о чрезвычайном легковерии Гюммериха. Постройка судов без железных гвоздей отмечена многими историками мореходства не только у арабов, но и у представителей других цивилизованных народов, которым никто не приписывал «суеверной легенды о магнитной горе», в частности у китайцев и русских поморов. Дело в том, что «сшитые» суда по своей прочности не уступали сбитым железными гвоздями, а часто даже превосходили их. Кроме того, постройка и ремонт «сшитых» судов обходились гораздо дешевле, да и материалы для скрепления в большинстве случаев легче было добывать на месте, чем железные гвозди. — *Прим. ред.*]

² Описание этих судов см. в книге Hart, *Venetian Adventurer*, ed. 3, p. 101 и сл.

у мозамбикских арабов Гама научился строить деревянные резервуары под палубой для хранения воды.

В Мозамбике португальцы впервые увидели кокосовые пальмы. Автор «Рутейру» писал: «Пальмы этой страны дают плоды размером с дыню. Их ядро съедобно и по вкусу напоминает обыкновенный орех; в изобилии имеются у них также огурцы и дыни, которые они приносили нам на обмен».

В тот день, когда флотилия вошла в гавань, местный шейх нанес визит судну Коэлью. Корреа пишет об этом:

Он прибыл в двух связанных лодках, над которыми для защиты от солнца была устроена из цыновок крыша, держащаяся на шестах, скрепленных поперечными планками. В лодках находилось десять мавров, а сам шейх сидел на низком круглом табурете, на подушке, покрытой шелковой материей. Он был темнокожий, хорошо сложен и имел приятную наружность. Одет он был в арабскую бархатную плиссированную куртку и в голубой плащ, доходивший до колен, отделанный тесьмой и шитый золотом. Его шаровары были из белой материи и доходили до лодыжек. Остальная часть тела была обнажена. Талия поверх плаща была перехвачена шелковым кушаком, в который был продет отделанный серебром кинжал. В руке у него был меч, отделанный серебром. На голове он носил темную, плотно прилежавшую шапочку из мекканского бархата и разноцветный шелковый тюрбан, расшитый тесьмой и золотой бахромой.

Хотя Корреа не присутствовал при этом событии, описание костюма тех мест и того периода правильно.

И этому пышно разряженному вождю Коэлью преподнес в дар красный колпак! Важный шейх, полагая, что чужестранцы — мусульмане, как и он сам, с достоинством преподнес Коэлью свои черные четки, дабы тот мог пользоваться ими, когда произносил свои молитвы, и попросил, чтобы его доставили на берег в корабельной шлюпке. Он пригласил сопровождавших его португальцев зайти в его дом, где он угостил их прохладительными напитками, а когда они стали отъезжать, он передал им для Николау Коэлью кувшин с финиковым вареньем, приготовленным с гвоздикой и тмином. После этого шейх несколько раз навещал командующего и обедал с ним. Гама совершил ту же ошибку, что и Коэлью, предлагая шейху разный хлам, вроде шляп, платьев и коралловых нитей. Возможно, у Гамы не было ничего более ценного, что можно было бы предложить, ибо, как уже упоминалось выше, вещи в кладовых кораблей были достаточно хороши для невежественных дикарей, но не годились для обмена подарками с цивилизованными сановниками. Как бы то ни было, шейх «был так горд, что отнесся с презрением ко всему, что мы ему предлагали, и просил алую ткань. Мы не везли с собой такой ткани, но все, что у нас нашлось, мы отдали ему».

Тем временем офицеры собирали всевозможные сведения об Индии и стране священика Иоанна. Собранные сведения оказались в основном неточными или ложными. Им сказали, что земля священика Иоанна находится поблизости, «что он владеет множеством городов на берегу моря и что их жители — богатые купцы, имеющие большие суда». Португальцам также довелось увидеть двух туземных христиан, взятых в плен в Индии, которых привезли на «Сан-Габриэл» для показа. Как только пленники обнаружили на носу судна раскрашенную статую святого Габриэла, они опустились перед ней на колени. Когда мусульмане увидели, что Гама с удовольствием беседовал с презренными пленниками, они поняли, что португальцы — такие же христиане, и поспешили к берегу. Пленников они потащили с собой; ни Гама, ни его людям не было разрешено вступить с ними в контакт.

Между тем приближалось время, когда флотилия должна была продолжить свое плавание. Гама пригласил правителя острова отобедать на борту корабля. Шейх ничем не дал понять, что ему теперь известно, что португальцы — ненавистные и презренные христиане. Он принял приглашение. После того как был подан прекрасный обед, Гама, еще раньше говоривший шейху, что ищет путь в Индию, спросил, может ли он получить двух лоцманов, которые помогли бы ему в пути. Шейх с готовностью согласился, отметив лишь, что условия найма должны быть приемлемы для этих двух людей. Когда лоцманы явились, Гама предложил каждому из них по тридцать золотых *матикал*¹ и в виде задатка — две *марлоты*², но поставил условием, что с того дня, как они будут получать плату, в случае, если они захотят высадиться на берег, один из них должен всегда оставаться на судне. «Они согласились, но настаивали на том, чтобы деньги и марлоты были им выданы сразу же, так как в противном случае они не поедут, ибо должны оставить их [деньги] своим женам на пропитание». Деньги и подарки были им немедленно вручены, но, предъявляя свои условия, Гама ясно дал понять, что он не особенно доверяет людям, с которыми заключает сделку.

Шли дни, и напряженность отношений, начавшая проявляться, когда стали просачиваться сведения, что флотилия в действительности представляет собой экспедицию христиан, все усиливалась, и дело дошло до открытых столкновений между жителями города и моряками, посылавшимися на берег за топливом и водой. Гама старался избежать, насколько это было возможно, подобных конфликтов, но так как он сам до этого намеренно эксплуатировал уверенность населения Мозамбика в том, что он и его люди магометане, то теперь он только пожинал плоды собственного обмана. В силу того, что число боеспособных моряков значительно

¹ Около 90 долларов.

² Короткая шелковая или шерстяная одежда, какую носят в Индии.

сократилось из-за большой смертности от цынги и других болезней, а также потому, что на кораблях было много больных, командующий решил не подвергаться риску массового нападения.

Вечером, в субботу 10 марта, флотилия получила приказ отойти от города к небольшому острову (Сан-Жоржи), лежащему в заливе, на расстоянии около одной лиги от Мозамбика в сторону моря. Здесь 11 марта была отслужена месса; те, кто пожелал воспользоваться этой благоприятной возможностью, исповедались и причастились. Сразу же после церковной службы командам было приказано возвратиться на суда. Еще до этого один из туземных лоцманов ускользнул на берег во время ссоры между матросами и людьми шейха и не вернулся. Взяв две лодки с матросами, Гама отправился разыскивать его; вторая лодка шла под командой Коэлью. Как только шлюпки двинулись к городу, от берега сразу же метнулись пять или шесть арабских лодок, наполненных людьми, вооруженными луками с очень длинными стрелами и щитами. Гама поспешно схватил второго туземного лоцмана, которого он взял с собой в лодку, и крепко держа его, приказал матросам открыть огонь по приближающимся арабам. Паулу да Гама, оставшийся на «Берриу», чтобы оказать помощь в случае схватки, как только слышал выстрелы, устремился на арабов со своим судном, которое стояло наготове с распущенными парусами. Завидев его приближение, арабы, уже начавшие отступать под натиском Гамы, пришли в полное смятение. Прежде чем корабль Паулу подошел на расстояние выстрела, они успели на своих лодках добраться до берега. Гама и его люди, разъяренные, поплыли обратно к своим судам; «Берриу» развернулся и вся флотилия взяла курс вдоль побережья. Флотилия успела запастись большим количеством дров, овощей, домашней птицы, коз и голубей — все это за несколько ниток желтых стеклянных бус. Запаслись и водой, но ее не могло хватить надолго. Командующий вздохнул с облегчением, избежав положения, которое при его поредевшей команде и множестве больных матросов скоро могло оказаться безнадежным. Однако он слишком рано поздравлял себя.

Ко вторнику 13 марта, когда флотилия продвинулась всего только на двадцать лиг, ветер стих, и в течение двух дней корабли стояли неподвижно. При заходе солнца 14 марта Гама приказал судам отойти подальше от берега, чтобы попытаться поймать попутный ветер. Однако вместо этого они были подхвачены противным течением и к утру были снесены несколько южнее их прежней стоянки у Мозамбика. Они поспешно бросили якорь близ того острова, где служили мессу, и простояли там восемь дней в ожидании попутного ветра. Когда они вновь появились около Мозамбика, шейх, преследуя свои цели, прислал одного

араба (он носил звание шерифа, то есть потомка Магомета, но, очевидно, далеко не был праведником, так как о нем специально упоминается, что «он был большим пьяницей») сообщить, что он желает мира с европейцами и хочет быть их другом; тем не менее шейх ни в чем им не помог.

В результате длительной задержки запасы воды на кораблях стали истощаться и вдобавок она испортилась. Так как на острове воды не было, то, чтобы достать ее, необходимо было еще раз высадиться на берег возле города. Лоцман, находившийся под стражей, обещал провести португальцев к такому месту, где можно было бы, не подвергаясь опасности, достать воду. Гама и Коэлью повели корабельные лодки к берегу, но лоцман, который, вероятно, стремился лишь к тому, чтобы сбежать, не выполнив своих обещаний, то ли умышленно, то ли по собственному незнанию водил их в темноте взад и вперед и никак не мог найти пресную воду. Когда взошло солнце, лодки вернулись к кораблям с пустыми бочками. На следующий вечер тот же отряд вместе с лоцманом снова отправился на поиски. Когда, наконец, нашли воду, к берегу сбежалось человек двадцать из людей шейха, вооруженные ассагаями¹, и, угрожающе размахивая своим оружием, приказали морякам убираться прочь. Но так как вода была совершенно необходима, Гама без колебания приказал трем матросам стрелять из бомбард, после чего люди на берегу пустились бежать в лес, а Гама с командой высадился на берег и наполнил бочки. По возвращении на корабли Жуан да Коимбра, кормчий «Сан-Рафаэла», обнаружил, что сбежал раб-негр, которого он вез с собой из Португалии.

До воскресенья 24 марта время прошло без особых событий. Рано утром этого дня от берега отчалила лодка и направилась к кораблю Гамы. Находившиеся в ней с угрозами кричали, что если португальцы попробуют еще раз отправиться за водой, их встретят так, что им это вряд ли придется по вкусу. Это была именно такая угроза, которая нужна была, чтобы вызвать неистовую ярость Васко да Гамы; и он действительно решил тотчас же показать арабам, что поступит так, как пожелает, и не потерпит с их стороны никаких сумасбродств. Приказано было спустить на воду все лодки, посадив в них вооруженных людей с бомбардами. Матросы налегли на весла, и скоро лодки подошли близко к берегу. Здесь португальцы обнаружили, что арабы воздвигли грубо сколоченный из досок палисад, перед которым собралось множество людей, вооруженных ассагаями, мечами, луками и пращами. Как только шлюпки приблизились, на них посыпался град камней из пращей; но несколько выстрелов из бомбард обратили арабов в

¹ Ассагай — метательное копье с железным наконечником, длиной больше человеческого роста, оружие негров-банту Восточной Африки, сохранившееся до XIX века. — *Прим. ред.*

бегство, и они бросились искать убежища за своей деревянной крепостью. Однако она не могла служить защитой от каменных ядер, выбрасываемых бомбардами, которые вели обстрел в течение трех часов. За это время был убит один туземец на берегу и один — за палисадом. «Затем, — добавляет автор «Рутейру», — когда нам это надоело, мы отправились обедать на корабли». После обеда Гама решил провести небольшую операцию, чтобы захватить несколько пленных в качестве заложников, которых он мог бы обменять на двух пленных индийских христиан и сбежавшего от Коимбры раба-негра. Отправленные с этой целью португальцы увидели плывущие к материку лодки и челноки, в которых, захватив имущество, жители покидали город: они боялись нападения на него страшных белых людей. Паулу да Гама захватил один челнок с четырьмя неграми и два других, один из которых был нагружен вещами, принадлежавшими шерифу. (Эти два челнока были захвачены после того, как они сели на мель и были брошены.) Негры были взяты на борт судна Гамы. Из захваченного имущества Гама оставил себе только несколько экземпляров корана, чтобы показать его по возвращении в Португалию королю Мануэлу, а все остальное — красивые ткани, корзины, ароматические вещества и т. п. — роздал как военную добычу своим офицерам и матросам¹.

На следующий день еще несколько бочек были наполнены водой и доставлены без всяких помех на суда, так как жители боялись выходить из домов. После того как флотилия запаслась необходимым ей количеством воды, Гама на всякий случай приказал перед отплытием сделать по городу еще несколько выстрелов из бомбард. Во вторник 27 марта корабли вновь отплыли к острову Сан-Жоржи, где простояли три дня «в надежде, что господь ниспошлет попутный ветер»². Ветер — довольно слабый — подул 28 марта, но 31 марта, после того как суда продвинулись всего на двадцать лиг вдоль побережья, он снова утих, и только после того, как их вновь подхватило противное течение и снесло обратно, корабли получили возможность медленно продолжать свой путь. Арабский лоцман оказался очень тяжелым человеком, и Гама не тратил на него зря времени. Когда флот проходил мимо небольших островков, расположенных напротив пологого берега, лоцман солгал, сказав, что это не островки, а часть берега. Гама привязал его к мачте, «высек с величайшей жестокостью» и назвал один из этих островов Илья-ду-Асоутаду («Остров Высеченного») — название, под которым он был занесен на карты начала XVI столетия. Плывая вдоль мозамбикского берега, Гама захватил

¹ При этом был, очевидно, снова захвачен и тот лоцман, который «ускользнул с корабля», так как дальше упоминается, что он опять бежал в Момбасе.

² Именно в Мозамбике, согласно данным Корреа (I, гл. XII), Гама оставил осужденного преступника Жуана Машаду.

небольшой туземный *замбук*¹, в котором находились старый араб и два негра. С целью получить сведения о городах побережья и об Индии, Гама «тотчас же подверг араба пытке, чтобы получить ответы на вопросы». Не приходится удивляться, что подобным обращением с невинными людьми, случайно встретившимися на его пути, Васко да Гама заложил основу той передаваемой из поколения в поколение ненависти, которую питают жители Африки к португальцам. Ни угрызения совести, ни соображения, диктуемые долгом чести, никогда не служили помехой в его упрямой, даже, можно сказать, свирепой решимости идти к своей цели.

В субботу 7 апреля 1498 года флотилия подошла к Момбасе, прекраснейшей гавани на всем восточном побережье Африки. Вид на город с кораблей вызвал у уставших от долгого плавания португальских моряков тоску по родине. Город был построен на склоне каменистого полуострова, выдававшегося в море.

Окна и террасы его выбеленных каменных домов такие же, как на Полуострове [Пиренейском], и он так прекрасен, что наши люди чувствовали, будто они прибыли в какую-нибудь часть своего королевства [Португалии]. И хотя все были очарованы этим видением, Васко да Гама не разрешил лоцману ввести суда в гавань, как тот хотел, потому что уже подозревал его, и бросил якорь в открытом море.

Правитель Момбасы, несомненно, был уже информирован о приключившихся вдоль побережья злосчастных инцидентах или гонцами, прибывшими по суше, или каким-нибудь судном, так как, едва португальские корабли показались на горизонте, их вышла встречать *завра* [то же, что и доу]. Несколько арабов взобрались по трапу на палубу «Сан-Габриэла» и спросили Гама, откуда он прибыл, кто он и чего он ищет. Гама через Аффонсу Мартинша сказал им, что хочет получить провизию. Подозревая предательство, он приказал поднять и полностью вооружить всех больных в трюмах, как и всех здоровых². Когда посланцы покинули судно со всевозможными, чересчур торжественными заявлениями о дружбе и с обещаниями о помощи, Гама стал опасаться вероломства больше, чем когда-либо, и установил на всех кораблях ночные караулы. В полночь к «Сан-Габриэлу» тихо подошла *завра* с сотней вооруженных людей. Когда они начали перелезать через борт, Гама остановил их и разрешил подняться на судно только нескольким. Через некоторое время и эти последние отплыли. Было очевидно, что момбасцы произвели разведку, чтобы установить, насколько португальцы бдительны.

¹ Маленькое парусное судно каботажного плавания.

² Автор «Рутейру» замечает в этом месте, что на кораблях был крайний недостаток людей, «так как даже те немногие, которых мы имели, были очень больны».

Шейх Момбасы продолжал проявлять двуличность и прислал Гама подарки: «овцу, множество апельсинов, лимонов и сахарного тростника, а также перстень, как залог безопасности, передав, что если он пожелает войти в гавань, шейх снабдит корабли всем необходимым». Гама вновь совершил серьезную ошибку в своих отношениях с арабами побережья. Его ответные дары взамен полученного продовольствия состояли всего-навсего из жалкой нитки коралловых бус. Вместо того чтобы послать с этим ничтожным подарком кого-либо из своих офицеров, он послал двух осужденных преступников из числа тех, которых вез с собой. Несмотря на это грубое нарушение всех правил приличия, посланные им люди были приняты весьма гостеприимно. Им показали весь город и, когда они собрались возвращаться на корабль, вручили образцы гвоздики, перца и зерна — всем этим шейх мог снабдить командующего.

Когда на следующее утро корабли медленно входили в гавань, беспорядок, возникший в результате легкого столкновения двух судов, дал несколько арабам, находившимся на кораблях, возможность прыгнуть за борт в плывущую рядом завру; и в тот же момент два мошенника-лоцмана, нанятые в Мозамбике, нырнули в воду, поплыли к завре и таким образом сбежали. Гама впал в страшную ярость, и в ту же ночь к нему приволокли двух из тех четырех людей (неизвестно, арабов или негров), которых Паулу да Гама захватил в челноке у Мозамбика. Он потребовал, чтобы они рассказали ему все, что они знают о заговоре момбасцев против него. Бедняги уверяли, что ничего не знают. Плотно сжав губы и прищурив глаза, Гама повторил свое требование. Они упорно утверждали, что ничего не знают. Тогда Гама повернулся к офицеру и промолвил: «O ringo!» («Капли!»). Разведен огонь, на него поставлен таз, в таз налиты масло и смола. Вскоре смесь запузырилась и закипела, издавая запах дегтя. Двое несчастных были обнажены, а их руки связали так крепко, что они не могли шевельнуться. Один из матросов зачерпнул ковш кипящей жидкости и встал рядом с Гамой. После третьего отказа пленников Гама кивнул головой. Матрос выступил вперед и медленно, сосредоточенно начал лить кипящее масло, каплю за каплей, на гладкую обнаженную кожу сначала одному, потом другому. Они корчились, громко кричали и стонали. Ковш опустел, кожа покрылась страшными волдырями и разъедающими ожогами. Гама ждал в гробовом молчании. Затем тот и другой признались. Они слышали от людей шейха, которые приходили на судно, что тот намерен заманить корабли в гавань, а «затем напасть на португальцев, когда они забудут осторожность, и отомстить за то зло, которое Гама и его люди совершили в Мозамбике». Эти показания, данные стонущими пытаемыми людьми, были недостаточны для Гамы. Он снова кивнул головой, ковш снова погрузился в таз,

и снова жгучая жидкость, капля за каплей, полилась на истязуемых. Один из них не смог больше вынести муки и, раздираемый болью, отчаянным усилием вырвался из рук своих палачей, подбежал к борту, и, хотя руки его были связаны, прыгнул в воду. Гама, видя, что он не сможет выпытать больше ничего и у второго, приказал убрать его прочь. Тому также удалось освободиться и уплыть на берег под покровом темноты.

Наступила ночь, и Гама опять привел корабли в состояние боевой готовности на случай неожиданного нападения. Около полуночи два челнока, полные туземцев, бесшумно подошли близко к флотилии. Сидевшие в челноках люди соскользнули в темную воду, одни поплыли к «Сан-Рафаэлу», другие по направлению к «Берриу». Караульные на кораблях слышали всплески, но сначала подумали, что около судна плещутся крупные рыбы. Пловцы, достигшие «Берриу», начали подрывать его якорный канат. Другие вскарабкались на борт и принялись обручать снасти с кормовой мачты. Матросы «Берриу» осознали, наконец, опасность, бросились на них, и в то же время подняли тревогу и на других кораблях. Момбасцы, видя, что их обнаружили, попрыгали в воду и поплыли к своим лодкам, а затем поспешно погребли обратно к берегу. Автор «Рутейру», засвидетельствовавший истязания, которым Гама подвергал туземцев вдоль всего побережья, в этом месте набожно заносит в судовой журнал:

Эти собаки пытались причинить нам много и другого зла, но господь наш не хотел, чтобы они добились успеха, потому что они не верят в него... Господу в его милости было угодно, чтобы, когда мы отплывали от этого города, все наши больные внезапно выздоровели, потому что воздух в этом месте очень хорош ¹.

Несмотря на «злобу и вероломство, которые эти собаки проявляли по отношению к нам и которые бог раскрыл нам», корабли оставались у Момбасы еще в течение двух дней, а затем утром 13 апреля подняли паруса.

При переходе через отмель Гаму постигла еще одна неудача. Один из якорей не поднимался; когда его стали тянуть изо всех сил, канат лопнул, и якорь был потерян ².

Васко да Гама, все еще упорно надеявшийся найти лоцмана, который мог бы провести его корабли через неведомый Индийский океан, бросил якорь у побережья примерно в восьми лигах от

¹ Он не придал никакого значения тому факту, что по приказу шейха на корабль был доставлен обильный запас цитрусовых. Но вполне возможно, что он и не знал их ценности как противочынготного средства.

² Возможно, что это один из тех канатов, которые частично были подрезаны во время ночного нападения. Арабы подняли этот якорь и поставили его в качестве трофея перед воротами дома шейха, где его и нашел позднее Фраишшу д'Алмейда, когда он в августе 1505 года захватил Момбасу.

Момбасы и на следующее утро захватил небольшое арабское судно с семнадцатью матросами, в котором было золото, серебро и провизия и два пассажира — старик-араб и его молодая жена. Затем корабли отправились дальше, и на заходе солнца в субботу 14 апреля флотилия встала на якорь у Малинди, в тридцати лигах к северу от Момбасы.

Малинди... это красивый город на материке, раскинувшийся вдоль берега... [В нем] много прекрасных многоэтажных каменных и выбеленных известью домов, со множеством окон и с плоскими крышами на наш манер. Город удачно разбит на улицы. Население состоит как из белых, так и черных; жители ходят обнаженными, прикрывая хлопчатобумажной или шелковой материей только бедра. Другие носят одеяния, вроде плащей с поясами, а также турбаны из больших кусков дорогой материи.

Они великие меновые торговцы и торгуют тканями, золотом, слоновой костью и различными другими товарами... в их гавани каждый год приходит много судов с грузами... золота, слоновой кости и воска... В этом городе множество различных продуктов и... изобилие фруктов, цветников и фруктовых садов. Там много [эфиопских] овец с жирными хвостами, коров и другого скота, а также очень много апельсинов и кур.

Так писал Дуарти Барбоза, посетивший этот город (вероятно, в 1500 году с флотом Кабрала) и оставивший нам описание стран, лежащих у берегов Индийского океана ¹.

Прибыв в Малинди, Васко да Гама нашел, наконец, союзника. Несомненно, весть о продвижении европейцев вдоль побережья дошла уже до правителя города. К счастью для португальцев, он был соперником правителя Момбасы и радушно принял таких могущественных союзников, какими были, по его мнению, португальцы. Арабы, захваченные Гамой, сообщили ему, что в Малинди обычно бывают индийские корабли и что он, несомненно, сможет найти там сведущего лоцмана, который проведет его через Индийский океан. Так как до этих пор арабские вожди неуклонно проявляли враждебность и агрессивность, то Гама решил проводить более мягкую политику, с тем чтобы, если возможно, привлечь на свою сторону жителей Малинди. Он, должно быть, уже понял, что жестокость, оскорбления и надменность не приносят пользы. Однако, если бы распря между Момбасой и Малинди не была столь явной и сильной, он, вероятно, преуспел бы в Малинди не больше, чем в Мозамбике или в Момбасе.

¹ Дуарти Барбоза сопровождал Магеллана в его великом кругосветном плавании и был убит туземцами острова Себу, на Филиппинах, 1 мая 1521 года, через несколько дней после смерти Магеллана.

[«Книга Дуарти Барбозы» впервые была опубликована в Лиссабоне в начале XIX века на португальском языке в «Собрании известий по истории и географии заморских народов», т. II, 1812. — *Прим. ред.*]

15 апреля, в пасхальное воскресенье, крошечная флотилия Гама бросила якорь на рейде Малинди. На берегу не было видно никаких признаков того, что флотилию заметили, и ни одна лодка не вышла в море, чтобы встретить чужестранцев. Страх и подозрения предшествовали появлению этих четырех кораблей. В понедельник утром командующий переговорил со стариком-арабом, захваченным вместе с женой за несколько дней до этого, а затем после полудня высадил старика на песчаную отмель недалеко от города, отправив его послом к шейху, чтобы объяснить причины прибытия флотилии в Малинди и сказать, что он нуждается в лоцмане. Наблюдая с палубы, Гама увидел, как от города к отмели отошел челнок. Челнок взял старика-араба и вернулся вместе с ним к берегу. Вечером араб возвратился на корабль Гама в завре, сопровождаемый одним из местных чиновников шейха, привезшим в подарок три овцы и послание от своего господина. Шейх предлагал дружбу, провизию и лоцмана. После этого Гама подобрел и до того расщедрился, что послал шейху монашескую рясу, две нитки кораллов, три чашки для омовения рук, шляпу, бубенчики и два куска дешевой полосатой материи. Поистине царственный дар правителю богатого, независимого города! В ответ шейх направил на следующий день командующему щедрые дары: «шесть овец, много гвоздики, тмина, имбиря, мускатного ореха и перца», а также послание, в котором сообщал, что если командующий пожелает встретиться с ним, он выедет на своей завре, а командующий может оставаться в своей лодке.

Шейх был уже старый человек, и поэтому на этой встрече его представлял его сын, исполнявший обязанности регента. После обеда в среду 18 апреля Гама, которому королевский приказ запрещал высаживаться на берег (это утверждение хронистов довольно трудно понять, так как Гама до этого уже несколько раз высаживался на побережье), ждал прибытия шейха на палубе «Сан-Габриэля».

Вскоре после обеда завра отплыла от берега, и Гама спустился в свою лодку, надлежащим образом убранную для этого случая. Лодки подошли друг к другу, встали борт о борт, и командующий флотом встретил регента. Тот был в мантии из шелковой узорчатой ткани, с подкладкой из зеленого атласа и в роскошном головном уборе. Его выложенное подушками кресло было сделано из бронзы. Над его головой держали круглый зонтик из темнокрасного атласа на длинной ручке. Рядом с ним стоял паж — уже старик, — носивший за своим господином короткий меч в серебряных ножнах. Регента сопровождали музыканты, которые играли на *анафилах* и *сивах* — больших трубах из слоновой кости и дерева (или меди), украшенных великолепной резьбой и «звучавших в сладостной гармонии с анафилами». Встреча была в высшей степени дружественной и принесла свои плоды. Следующая неделя

прошла в торжествах и обмене визитами дружбы. Гама, однако, соблюдал осторожность и не позволял никому подходить к берегу иначе, как в хорошо вооруженных лодках.

В гавани Малинди стояли четыре торговых корабля, прибывших из Индии, и их владельцы посетили командиров португальских кораблей. Нам очень трудно понять, почему португальцы на восточном побережье Африки (и в течение некоторого времени в Индии) серьезно считали многих встречавшихся им индийцев христианами. Когда индусы видели на судах иконы и картины религиозного содержания, они полагали, что такова западная манера изображения их собственных богов, и делали им приношения. Подобным же образом португальцы, не зная ничего о религии индусов, очевидно, полагали, что те боги и богини, изображения которых они видели в храмах, представляют часть их собственного пантеона. Индийцы в Малинди вызывали постоянное любопытство португальских моряков, которые, вероятно, никогда не видели их до своего прибытия в Восточную Африку. «Эти индийцы — смуглые люди и носят очень мало одежды, у них большие бороды и очень длинные волосы на голове и они их заплетают в косы. По их словам, они не едят говядины». В честь европейцев было устроено празднество с фейерверком.

Прошла неделя; черед бесцельных празднеств и торжеств истощила не слишком терпеливого Гама, и он снова прибег к произволу. Когда на его судне появился слуга шейха с каким-то мирным поручением, он схватил его, задержал как заложника и послал властное письмо, требуя, чтобы лоцман, которого ему обещали для путешествия в Индию, был доставлен на борт немедленно. Шейх, не желавший терять своих новоприобретенных союзников, тотчас исполнил требование, и лоцман, который должен был провести португальцев через Индийский океан до Қаликута, прибыл на борт «Сан-Габриэла», после чего заложник был отпущен.

Васко да Гама чрезвычайно повезло в выборе лоцмана, присланного ему таким образом шейхом Малинды: лоцман описывается как «самый блестящий представитель мусульманской навигационной науки». Автор «Рутейру» говорит о нем, как о «христианине из Гуджарата»¹, а современники-хронисты называют его «Малéмо Канá». Ни то, ни другое не верно. Совершенно определенно установлено, что этот лоцман был араб из Джульфары по имени Ахмед ибн Маджид². «Малéмо Канá» представ-

¹ Гуджарат — обширная область западной Индии, заселенная народом гуджарати. — *Прим. ред.*

² Полное его имя было Сихаб ад-дин Ахмед ибн Маджид бин Мухамед бин Амр бин Фадл бин Дувик бин Али ар Раканб ан Наджи.

[Ибн Маджид (по академику И. Ю. Крачковскому) был родом из городка Джульфар на арабском побережье Оманского залива. Однако он считал себя, как видно из его полного имени, потомком выходцев из страны Неджд (Центральная Аравия). — *Прим. ред.*]

ляет собой португальскую транскрипцию его арабского титула. «Му'аллим» значит «учитель, кормчий или штурман». «Канá» — это искаженное тамильское слово «канаган» — «арифметик или мастер астрономической навигации». Сын и внук лоцмана, он был хаджи, то есть человек, совершивший паломничество в Мекку, и имел право носить зеленый тюрбан. В *Аль Мухит* («Всеобъемлющая») — книге, написанной в этот период Сиди Али бин Хусейном и рассказывающей о навигации и мореходстве по Индийскому океану, автор, турецкий адмирал, говоря об Ахмеде, называет его «самым надежным из множества лоцманов и моряков западного побережья Индии в пятнадцатом и шестнадцатом столетии — да будет к нему милостив аллах». Ахмед был не только удачливым лоцманом-практиком, но он также автор множества «рутейру» или лоций. Девятнадцать его рукописей сохранились до настоящего времени¹. Они составлены в период между 1460 и 1495 годами и замечательны полнотой и точностью описаний, особенно когда речь идет о муссонах и других ветрах в упоминаемых областях. Ахмед был уже не молод, когда поступил на службу к Гама. Он родился между 1430 и 1435 годами, и ему перевалило далеко за шестьдесят, когда Гама приплыл в Малинди².

Как только Ахмед ибн Маджид прибыл на борт «Сан-Габриэла», главнокомандующий пригласил его вместе с переводчиком в свою каюту, чтобы познакомиться с ним и определить его способности. Ахмед развернул свои карты западного побережья Индии с аккуратно вычерченными азимутами, параллелями и меридианами, нанесенными по арабской системе, и стал давать объяснения командующему. Во время этой беседы последний вынес большую деревянную астролябию, установленную на «Сан-Габриэле», а также несколько медных, меньшего размера, по которым он вычислял положение солнца. Оказалось, что араб превосходно знаком с этими инструментами. Он сказал, что такие же и подобные им инструменты используются лоцманами Красного моря для астрономических наблюдений на судах.

Затем он объяснил, как он и другие лоцманы морей Индийского океана производят вычисления с помощью *табоа*, или пластинок с отверстиями для наблюдения, а также познакомил с секретом алидады. В результате беседы Гама убедился, что получил в свое распоряжение мореплавателя — мастера своего дела.

¹ Рукописи находятся в Национальной библиотеке в Париже.

² Ричард Бертон в своей книге «Первые шаги в Восточной Африке» заявляет, что Ахмед ибн Маджид в настоящее время [1856] почитается сирийцами как святой, которому аллах дал способность видеть сквозь землю. Ему приписывается изобретение компаса, и моряки Красного моря возносят ему молитвы, прежде чем отправиться в плаванье.

[Ричард Френсис Бертон (1821—1890) — известный английский путешественник по Африке, открывший вместе с Джоном Спитком озеро Танганьика (1858). — Прим. ред.]

Дальнейший ход событий показал, что это доверие было оказано ему не напрасно.

Теперь уже ничто не могло дальше задерживать Гама и его флотилию в Малинди. Благодаря дружбе с шейхом бочки для воды были наполнены, кладовые набиты до отказа провизией, взят большой запас топлива, а щедрые дары из свежих фруктов и овощей восстановили силы и здоровье моряков, оставшихся в живых. Долгожданный лоцман был на борту. Начал дуть муссон. Гама приказал поднять якоря и поставить паруса. 24 апреля рулевой повернул носы кораблей к северо-востоку, муссон надул паруса с большими красными крестами, и флот дона Мануэла отправился в последний этап своего исторического плавания — к берегам Индии.

Переход от Малинди через Индийский океан был не богат событиями. Пять дней спустя после выхода из африканской гавани португальцы «обрадовались, увидев вновь Большую и Малую Медведицы, Орион и другие созвездия около северного полюса»¹. Двадцать три дня корабли неуклонно продолжали свой путь с попутным муссоном, несшим их все ближе и ближе к цели. На двадцать третий день сквозь пелену тумана показались неясные очертания земли, после чего лоцман переменял курс, удаляясь от берега. Сильный дождь и гроза мешали Ахмеду определить точно местонахождение кораблей до 20 мая, когда на горизонте показалась высокая земля — мыс Кота². Лоцман подошел к Гама, стоявшему со своими людьми на носу корабля и с беспокойством озирающему синие воды Южной Индии. «Мы прибыли! Мы находимся как раз к северу от Каликута! Вот она, страна, к которой вы стремились».

Закончилась первая часть долгого плавания. Позади были тысячи миль тяжелых морских переходов, одиннадцать месяцев бурь и штилей, несвежая пища и загрязненная вода, встреча с недружелюбными дикарями и еще более враждебными арабами. Многие товарищи пали жертвой цынги и бурь, заразных болезней и лихорадки и покоились в глубоких водах Атлантического океана или в могилах, разбросанных тут и там на африканском побережье. Но те, кто остался в живых, успешно пробили себе путь к золотым странам Востока, странам, о которых мечтал принц Генрих и король Жуан и которых Бартоломеу Диаш почти достиг. Морской путь в Индию перестал быть мечтой будущего, он стал действительностью; он был пройден и соответствующим образом

¹ В действительности Орион экваториальное созвездие. — *Прим. ред.*

² Трудно сказать, о каком именно географическом пункте к северу от Каликута идет речь в тексте, так как *kota* на некоторых индийских языках (как и по-малайски) значит крепость. Это слово встречается в самом названии города Каликут или Кали-кота (по толкованию Э. Реклю — «Крепость Петуха»). — *Прим. ред.*

нанесен на карту непоколебимым командующим Васко да Гамой.

Васко да Гама занял завидное место в истории. Но его предприятие только началось. Ему пришлось еще многое испытать и на суше и на море, и на родине и в Индии. Жаль, что недостаток дипломатического такта в его характере, неистовый темперамент, безжалостная решимость и черствая жестокость запятнали имя Гамы. В его биографию было вписано слишком много мрачных страниц, которые затмили и опорочили славу великого достижения, осуществленного в тот солнечный майский день 1498 года, когда Гама стал на рейд у побережья Малабар, в нескольких милях от знаменитого города Каликут.

МАЛАБАР И КАЛИКУТ

Подайте карту мне...
Вот, дети, золотые рудники,
Здесь груды драгоценностей и специй...

Марло, «Тамерлан Великий», V, 3.

Мелибар — большое королевство на западе. Здесь свой король и свой язык. Живут тут идолопоклонники, дани никому не платят.

Марко Поло, «Путешествия», гл. 183.

Весь Малабарский берег зелен, покрыт высокими деревьями, это поистине зеленая и приятная для взора страна.

*Ян Хейген ван Линсхотен, «Путешествие в
Ост-Индию», I, 67.*

И прежде всего вы должны знать, что город Каликут велик и ведет большую торговлю. Он стоит на материке у самого моря, но ближайший к нему порт находится от него почти на целую лигу.

Роджер Барлоу, «Основы географии», 1540.

В 1498 году город Каликут был самым важным торговым портом на Малабарском побережье Индии¹. Малабар — узкая полоска земли, протяжением около 150 миль, идущая от горы Дели на севере (12°2' северной широты) до мыса Коморин на юге. От остального Индостана он отделен цепью холмов — Западными Гатами (Сахиадри). Малабар — это особая область в географическом и этническом отношении. Даже ныне он сохраняет своеобразный быт и социальную организацию.

Несмотря на незначительную протяженность Малабарского побережья, на нем было расположено множество мелких кня-

¹ Слово «Малабар» происходит от дравидийского слова «мала» — «холм» и арабского «барр» (или персидского «бар») — «страна», «материк».

[Дравидийские языки — обособленная семья языков народов Южной Индии, на которых в настоящее время говорит свыше 80 миллионов человек. На Малабарском берегу наиболее распространены: к югу от Каликута — малайяли, а к северу от Каликута — каннара. — *Прим. ред.*]

жесть, соперничавших друг с другом и стремившихся захватить возможно большую долю оборота внешней торговли, имевшей важное значение и весьма прибыльной. Находясь в сфере действия благоприятных муссонных ветров и занимая выгодное географическое положение на путях, по которым шла торговля между Индией, Малайей, Цейлоном, Индонезией и Китаем, с одной стороны, и Африкой, Персией, Аравией и иными странами, прилегающими к Красному морю — с другой, прибрежные малабарские города в течение столетий были важнейшими перевалочными пунктами азиатской морской торговли.

Самым значительным и богатым из всех этих портов был Каликут; хорошо зная об этом городе и размерах его торговли по письмам и отчетам, Гама направился из Малинди именно туда. Однако местоположение Каликута не благоприятствовало тому, чтобы он стал морским портом — оно и сейчас неблагоприятно для этого. Поблизости от него нет естественной гавани; берег совершенно не защищен от юго-западного муссона; около города нет судоходной реки. В 1498 году морские волны бились чуть ли не о самые стены городских домов, которые, теснясь, спускались к воде. Судам приходилось бросать якорь на открытом рейде, против какого-либо из рукавов дельты реки, разветвляющейся приблизительно в одной миле к югу от города и затем уже текущей через город к песчаному берегу моря по множеству мелких протоков и каналов. Ее вонючие, илстые, грязные берега кишели маленькими красными крабами, буквально сновавшими под ногами. В тине барахтались крокодилы¹, часто нападавшие на лодочников, грузчиков и пловцов; у мелководных берегов этих протоков и на морском берегу, вытянувшись в длинные ряды, бродили стаи искавших пропитания зимородков и белых цапель. К берегу могли подойти морские суда только с самой малой осадкой, а также небольшие туземные суда и выдолбленные челноки.

Сам город не производил большого впечатления на человека, видевшего его впервые. На протяжении около мили дома тесно лепились друг к другу, затем, миля на шесть вдоль берега, дела становились реже. Стены были «высотой с конного» — как выразился один итальянский путешественник в эпоху Гамы, — «а дома по большей части покрыты пальмовыми листьями». Почти все дома были одноэтажные — дело в том, что стоит «лишь копнуть землю на четыре-пять пядей, чтобы обнаружить воду», — так что заложить прочный фундамент, необходимый для возведения крупных зданий, было невозможно. Часть домов более богатых горо-

¹ Европейцы очень удивлялись, увидев впервые крокодилов. Барлоу говорит в своих «Основах географии» (около 1518 года): «В реке... находятся крокодилы, то есть рыбы, имеющие вид мужчин и женщин; днем они в воде, а ночью выходят на землю; это — те существа, которых мы зовем русалками».

жан была из кирпича-сырца, некоторые были каменные, но все были построены хорошо, что свидетельствовало о благосостоянии жителей.

Улицы Каликута, узкие и нередко извилистые, меняли свое направление в зависимости от протоков и каналов. С высоких кокосовых пальм и лоз черного перца, росших повсюду, прыгали обезьяны; по крышам и ветвям деревьев, оглашая воздух хрипылыми криками, величественно разгуливали длиннохвостые попугаи. Павлины и голуби, не обращая ни на кого внимания, невозмутимо искали пищу в пыли дорог. Ночью лисицы и другие мелкие животные делали набеги на сады, поедая плоды и овощи. Хотя все эти грабители причиняли большой урон, религиозные верования страны запрещали убивать их; жители не истребляли даже наиболее ядовитых змей, от укусов которых гибло много людей (как гибнет и теперь).

Внизу, у самого моря, набитые ящиками, тюками и мешками стояли большие склады, специально приспособленные для того, чтобы в них не проникала сырость. Здесь было все — китайский шелк, тонкая хлопчатобумажная ткань местного производства, знаменитая по всему Востоку и в Европе¹, гвоздика, мускатные орехи, их сушеная шелуха, камфора из Индии, корица с Цейлона, перец с Малабарского побережья, с Зондских островов и Борнео, лекарственные растения, слоновая кость из внутренних областей Индии и Африки, связки кассии, мешки кардамона, кучи копры², веревки из кокосового волокна, груды сандалового, красного и желтого дерева. Эти товары продавались здесь же или грузились на суда, отправлявшиеся на запад, на север и на юг, к арабам, неграм, египтянам, персам и франкам.

Базары находились в центре города; лавки от палящего солнца были защищены навесами. На базарах и на узких улицах с рассвета до темноты, когда было чуть-чуть попрохладнее, толпились люди. Индусы, наиры³, арабы, персы, сирийцы, турки, высокие стройные самолийские негры в белых одеждах, с жирными волосами, заплетенными в тонкие косички, китайцы, люди из Аннама и Кохинхины, малайцы из Малакки и дальних областей Индии, хаджи из Мекки в развевающихся одеждах и в зеленых тюрбанах; дикари-горцы, высокомерные брамины с тройными шнурами⁴, местные христиане и евреи с побережья,

¹ От каликутских тканей произошло английское слово calico — коленкор.

² Копра — высушенная на солнце мякоть кокосового ореха. — *Прим. ред.*

³ Наиры — социальная группа (военная каста) на Малабарском берегу. — *Прим. ред.*

⁴ Один из опознавательных знаков высшей индусской касты браминов (брахманов) — перевязь из тройного шнура, которая надевается на левое плечо и проходит через грудь на правое бедро. Перевязи этой придавалось магическое значение. — *Прим. ред.*

негры, рабы и свободные, иной раз какой-нибудь смуглый итальянец¹ — все они встречались на базарах и улицах Каликута.

Хотя в городе слышны были разговоры на двух десятках языков, на сотне диалектов — все же в нем всегда царил мир и порядок.

Лотки и корзины торговцев ломились от товаров. Каликут был богат, а жители его расточительны. На фруктовом рынке горами лежали горные сливы и красные бринды (*brindas*), желтые карамболы (*carambola*) величиной с куриное яйцо, зеленые и большие, как орехи, карандели (*carandels*), огурцы, громоздились битком набитые мешки с рисом, орехами, корзины с семенами кардамона, в которые были подмешаны стручки бетеля, соблазнительная сердцевина пальмы, идущая для прохладительных салатов, корица в палочках и в порошок и темнокрасные мангостаны, наиболее сладкие из всех плодов². На лотках высились пирамиды лимонов, апельсинов и манго³, кучи бананов всех размеров и цветов. Бруски пальмового сахара были аккуратно разложены на прилавках рядом с кучками коричневого и белого тростникового сахара и длинными связками сладкого тростника. Для любителей крепких напитков стоял в больших кувшинах арак — водка, полученная из перебродившего пальмового сока. Здесь были плоды хлебного дерева, душистые розовые яблоки, пальцеобразные стручки тамаринда, сваренные в сахаре или соли. Там можно было купить имбирь — зеленый, в виде варенья или глазированный, кокосовые орехи — и молодые, полные молока, и спелые, с мясистой сердцевиной, которую растирали теркой или резали на ломтики.

Неподалеку от фруктового рынка были расположены лавки рыботорговцев, до верха заваленные сегодняшним уловом — рыбу привозили ежедневно за несколько миль. Рядом с ними стояли лавки продавцов лекарств и снадобий. Здесь вниманию покупателя предлагали нежные плоды, похожие на оливки — из них выжимали масло для масей. Тут же была и кутра («собачья

¹ Итальянские купцы начали посещать Индию, вероятно, уже с начала XIII века, а затем здесь бывали и католические миссионеры; в частности, уже в конце XIII века Южную Индию посетил Джованни Монте-Корвино, посланный римским папой в 1291 году из Ирана (где он занимался миссионерской деятельностью) морским путем в Китай. В XIV веке на европейских картах довольно правильно изображался полуостров Индостан (например, на знаменитой каталонской карте 1375 года). — *Прим. ред.*

² Бетель (*Piper betle*) — тропический кустарник семейства перечных, дикорастущее и культурное растение. Мангостан — шарообразный душистый плод тропического дерева *Garcinia mangostana* семейства зверобойных (близкое к семейству чайных). — *Прим. ред.*

³ Манго — крупный, сладкий, душистый плод тропического культурного дерева *Mangifera indica* семейства анакардиевых (фисташковых). — *Прим. ред.*

отрава»)¹, употреблявшаяся для лечения дизентерии, и алоэ из Сокотры. В маленьких пакетиках продавали высоко ценившееся лекарственное средство — толченый рог носорога. Сушеная и зеленая галанга (*galanga*)², также имевшаяся на рынке, успокаивала нервы, а замечательным средством от головной боли считались припарки из толченой гвоздики. Длинные и тонкие ломтики ревеня, привезенного из Китая, тоже были к услугам больных; была здесь и аса-фетида³, популярное лекарство и любимая многими приправа. Тут же лежали вечно пополняемые кучи ходовых товаров — орехов арековой пальмы и листьев бетеля вместе с известью от пережженных устричных раковин, — эту смесь из орехов и извести, завернутую в листья бетеля, жуют по всей Южной Азии⁴. Аптекари предлагали также высушенные на солнце анилиновые листья, приготовленные для красильных кубов⁵. Был там и нард, валерианов корень, привозимый из Непала, лежащего у подножья далеких Гималаев, и ароматическое куренье — душистый корень путчок из легендарной Кашмирской долины, миробалан, мирра и гуммиарабик⁶. На прилавках стояли лотки желтой куркумы: она шла на приправу к острому блюду керри и придавала ему нужную окраску⁷. Там можно было найти и сандал, который толкли на камнях и смешивали с маслом, а потом втирали в кожу; эта смесь придавала атласность и благоухание молодым гибким телам, ибо жители душного Каликута

¹ «Собачья отравка» — растение семейства кутровых (*Aposynacea*), различные виды которого распространены как в тропической, так и в умеренных зонах. — *Прим. ред.*

² Галанга (*galanga*), иначе галган, или калган, — ароматический корень тропического травянистого растения *Alpinia galanga* семейства имбирных, дикорастущего на многих островах Малайского архипелага. Применялся в средневековой медицине. — *Прим. ред.*

³ Аса-фетида — гумми-смола, которая добывается главным образом из корней высокого травянистого растения *Ferula Assa foetida* семейства зонтичных, распространенного в полупустынных субтропических районах. Имеет резкий чесночный запах. Применялась как лекарство и в качестве приправы к кушаньям. — *Прим. ред.*

⁴ Арека, «орех нищих» — несъедобная волокнистая мякоть крупного, яркого оранжевого цвета, плода пальмы катеку (*Areca Catechu*), растущей в тропической Азии. — *Прим. ред.*

⁵ Анилиновые листья — листья двух видов культурных тропических растений кустарников-индигопосок *Indigofera tinctoria* и *Indigofera anilina*; дают так называемую кубовую, синюю краску — индиго. Первые, дошедшие до нас письменные известия о ввозе индиго в Европу — через итальянские торговые города — восходят к XII веку. — *Прим. ред.*

⁶ Нард — ценная благовонная мазь, в состав которой входило ароматическое вещество, добываемое из корней дикорастущего на южных склонах Гималаев травянистого растения *Nardostachus Jatamansi* из семейства валериановых. Гуммиарабик употребляется и в медицине. — *Прим. ред.*

⁷ Куркума (*Curcuma longa*) — многолетняя трава семейства имбирных, культурное растение тропической Азии. Желтая краска, добываемая из корневища куркумы, идет для придания нужного цвета не только острому блюду керри, но и другим кушаньям. — *Прим. ред.*

любили, чтобы их кожа и все, что их окружает, благоухало. Уличные разносчики предлагали большие охапки чампака и розы, лепестки которых толстым слоем устилали полы домов. Араб Абд-ар-Реззак¹, современник описываемых событий, писал: «Эти люди не могут жить без роз, и они считают их столь же необходимыми, как и пищу»².

Большой популярностью пользовался цветок, обладавший стойким, не улетучивающимся запахом — хурсингар³ — «цветок печали». Каликутские старики готовы были без устали рассказывать, почему хурсингар цветет только в темноте. Много-много лет назад, говорили они, жил на свете властитель, дочь которого была красивей всех девушек в округе — она обладала настолько чарующей красотой, что к ней сватались люди со всех концов Индии. Но она не обращала внимания ни на кого из земных ее поклонников и отдала свое сердце гордому далекому богу солнца. В конце концов он соизволил выслушать ее немолчные далекие мольбы и взглянул ей в лицо. Она была прекрасна и телом и душой, и ее ослепительная красота привлекла его с непреодолимой силой. В ту ночь он спустился с неба, возлежал с ней, и она, в своей великой любви, радостно отдала ему то, что девушка может отдать только однажды. На заре он удалился, презрев свою легкую победу, и больше не возвращался к ней. Покинутая, потерявшая рассудок девушка, измученная стыдом и отчаянием, покончила с собой. Ее холодное тело несравненной красоты положили на погребальный костер, охвативший ее жадным пламенем. Мгновение — и от чудесной девы осталась только горсточка белого пепла. Затем, когда иссушенная зноем, жаждущая земля впитала в себя первые сладостные капли дождя, из этого пепла выросло прекрасное дерево, покрытое большими цветами нежной окраски — белой и желтой; и благоухание этих цветов ветер разносит далеко-далеко. Но цветы раскрываются только в час сумерек, когда ненавидный бог погружается в море, и поспешно сжимают свои лепестки с первым утренним лучом.

У каликутских аптекарей были и другие товары — бханг⁴ —

¹ «Повествование» Абд-ар-Реззака Самарканди, таджикского историка и путешественника в Индию, переведено на английский язык и включено в сборник «Индия в XV веке», изд. общества Хаклюйта, 1858. — *Прим. ред.*

² Говорят, что в больших розовых садах Газипура ночью ясно слышно, как открываются бесчисленные почки.

[Газипур, небольшой город, на Ганге, в штате Уттар-Прадеш. Здесь до настоящего времени сохранилось производство розового масла из лепестков роз. — *Прим. ред.*]

³ Ночной жасмин (*Nyctanthes arbortristis*).

⁴ Бханг — гашиш (индийская конопля — *Cannabis sativa*).

[Неточность автора. *Cannabis sativa* — это обыкновенная конопля. Гашиш же дает другой вид, *Cannabis indica* — индийская конопля, близкая к обыкновенной. Она культивируется только в некоторых областях тропической и

маленькие зловещие пакетики, которые продавались в укромных уголках и которые покупатели, таясь, быстро прятали в свои одежды; сок, выжатый из его листьев и семян, пили с мускатным орехом и гвоздикой; еще Веды¹ называли бханг одним из пяти «освободителей от греха» — он, в зависимости от дозы, разжигал лихорадочные страсти или же вызывал оцепенение; продавался тут и дурман (*Datura alba*), вызывающий временную потерю памяти и рассудка: того, кто примет дурман, можно соблазнить, толкнуть на воровство или даже убийство. На подносах были навалены коробочки мака, на которых выступали капли — слезы забвения. Мак покупали люди, стремившиеся поддержать и усилить свое вожделение. Много-много продавалось там разных лечебных средств — их невозможно перечислить. Но самое трогательное было то, как дряхлые старики платили невероятные цены за пилюли, приготовленные из магнитного порошка, — эти пилюли будто бы наверняка возвращали им давно утраченную молодость.

Желающий мог приобрести живых птиц и зверей — павлинов для домов знатных людей, ручных обезьян и мангуст, которых покупали с такой же охотой, как и теперь, чтобы избавить дома жителей Каликута от полчищ крыс. В Каликуте были мастерские ремесленников, работавших по слоновой кости, по черепашьям панцирям и по раковинам морских животных; из этих материалов получались причудливой формы браслеты, запястья и кольца для ног и рук. Спрос на браслеты в Каликуте никогда не падал, потому что женщины, как правило, надевали их на руки по двадцать-тридцать штук, от кисти до плеча; когда умирал кто-нибудь из родственников, то, по обычаю, женщины ломали эти браслеты и взамен их покупали новые!

Продавцам драгоценных камней не было нужды расхваливать свои товары. Богачи сами приходили в их лавки, где они сидели на цыновках, поставив перед собой весы и разложив крохотные пакетики камней. По первому слову ювелиры рассыпали алмазы, сапфиры, обыкновенные и звездные — с Цейлона, рубины простые и шпинелевые — из далекой Бирмы, изумруды и аметисты, гранаты, яшму, бериллы, бирюзу. Очень большой спрос был на камень «кошачий глаз» — считалось, что он приносит и увеличивает богатство, защищает от всякой кражи и ущерба.

субтропической Азии, главным образом в Индии. Ядовитое вещество — сильнодействующий наркотик — выделяется не из листьев и семян индийской конопли, как ошибочно указано в тексте, а из нежных верхушек стеблей, и притом только из стеблей женских особей. — Прим. ред.]

¹ Веды — древнейшие дошедшие до нашего времени памятники индийской литературы, главным образом религиозного содержания. Состоят из четырех книг, важнейшая из которых — Ригведа — сложилась в основном в конце второго или начале первого тысячелетия до нашей эры. — Прим. ред.

Верховным государем Каликута был саморин¹, индус из группы наиров. По авторитету, по богатству и по власти он был наиболее могущественным правителем Малабара, но зато все другие князья его ненавидели и завидовали ему. Защищая своих собратьев наиров, которых они выделяли среди всего остального населения, предоставляя специальные привилегии мусульманам и создав мощный для тех мест флот, саморины Каликута превратили свой город в крупнейший экспортный и перегрузочный центр Малабарского побережья и обеспечили себе громадные, поистине сказочные доходы.

Королевское достоинство наследовалось по женской линии. «Первый сын, родившийся у старшей сестры короля, — наследник престола, и таким образом один за другим наследуют все братья, а когда нет братьев — племянники». Если у сестер саморина не было сыновей, семейный совет выбирал в качестве нового саморина близкого родственника прежнего. Этот своеобразный обычай чаще всего приводил к тому, что страной управлял старик; такое положение дел все еще имеет место в Каликуте и до сих пор².

Следствием столь своеобразного порядка престолонаследия являлось то, что саморин не женился и не был связан какими-либо законами о браке. В соответствии с обычаем, он выбирал себе в наложницы молодую наирскую девушку, поселял ее неподалеку от дворца и давал ей пышное содержание. Когда она надоедала ему, он отсылал ее прочь и выбирал по своему вкусу другую.

Саморин жил во дворце, довольно обширном, хотя и не внушительном здании. Дворец был окружен оградой; ворота день и ночь охранялись вооруженной стражей. За оградой, в тени деревьев, находились люди, перед ними стояли столы, на которых находились «большие сосуды в форме кувшинов, с трубкой в полторы пяди длиной, сделанной из позолоченной меди. Те, кому хотелось пить, приближались, не заходя за ограду к этим людям, и открывали рты, ни в коем случае не касаясь сосудов; сверху им в рот лили воду, причем все это время трубка или сосуд должны были находиться от их ртов на расстоянии больше пяди.

¹ Саморин — слово на языке малайяли, происходящее от санскритского слова «самундра» (властитель моря). Эта этимология оспаривалась; в Каликуте этот титул звучал как «самудрин раджа», искаженное португальцами в «саморин».

² Один из вариантов этой системы престолонаследия состоял в том, что каждые двенадцать лет справлялся царский праздник. Если во время этого праздника какому-либо из членов особо привилегированных семей удавалось убить правящего саморина, он становился правителем (см. J. G. Frazer, The Golden Bough, ed. 3, IV, p. 47).

[В настоящее время Каликут входит в штат Мадрас и управление им не отличается от управления других городов Индии. — *Прим. ред.*]

Прежде же, чем дать им пить, им вручали один или два куска мякоти кокосового ореха вместо хлеба. Этот обычай был введен царем из-за жестокой и удушливой жары в том краю, а также потому, что ежедневно у дворца толпилось великое множество народа». Как требовал обычай, распространенный во всей Индии, коровы свободно ходили по улицам города, заходя и внутрь дворцовой ограды.

В особых комнатах дворца сидели писцы и чиновники саморина. Они — как это делается еще и поныне — вели свои записи на длинных жестких пальмовых листьях («оллах»), пользуясь заостренным стилем без чернил. Каждый чиновник, в знак своей должности, носил при себе связку листьев и стиль. Работа начиналась маленькой курьезной церемонией — чиновники отрезали кусочек от листа, писали на нем имя бога, которому они поклонялись, произносили молитву, разрывали лист и принимались за дело.

Чистоту во дворце поддерживали женщины высшей касты, так как уборка носила ритуальный характер. Подметя полы и обрызгав их водой, женщины разбрасывали мокрый коровий помет из латунных мисок¹ тонким слоем по полу и по дорожкам, где ходил саморин. После этого пол натирали руками, и он сохранял блеск примерно неделю. Как только слой помета (считающийся в Индии важнейшим средством санитарии) высохнет, повсюду раскидывают цветы чампак и розы, от которых весь дворец благоухает.

Саморин обычно носил шелковую юбку, а верхняя часть тела, до поясницы, была обнажена; на руках и на лодыжках у него были тяжелые золотые браслеты и кольца, и он весь был усыпан драгоценными камнями. Подобно своим подданным, он любил жевать бетель. «Бетель подносили ему то в золотой чаше, то в золотом или серебряном ящичке; рядом стоял паж с украшенной драгоценными камнями чашкой, куда государь сплевывал свою кроваво-красную слюну. Саморин ел из серебряных блюд с серебряного подноса, а воду пил из носика серебряного кувшина, который держали высоко над его головой. Он питался обычно сухим вареным рисом и остро приправленными овощами». Когда правитель появлялся в городе, его несли в шелковом паланкине, прикрепленном к шесту, инкрустированному драгоценными камнями, «толщиной с руку жирного человека, и они [два человека] несут его размеренным шагом, к которому их приучают с рождения. Перед ним идут воины-наиры; им предшествуют музыканты, а по бокам — два человека: один несет большое круглое опахало, а другой золотой жезл с белой кисточкой из гривы яка».

¹ Так еще и до сих пор натирают полы в бесчисленных индийских домах. Португальцы в Гоа восприняли этот обычай.

В стране было два господствующих класса — браминская аристократия, фактически стоявшая выше закона, и войны-наиры. Правосудие саморина было суровое, и наказания были жестокими. Нарушение религиозного права наказывалось деодандами — конфискацией имущества в пользу храмов. За убийство и кражу сажали на кол и обезглавливали. Супружескую неверность карали двойко: виновницу или бросали с крыши на цыновку, которую поддерживали женщины, или же запирали в комнате, кишашей кобрами; если она выходила из этой комнаты невредимой, ее оправдывали. Никаких свидетельств о наказании мужчин за подобные проступки нет.

Гражданское право было либеральное. Налога на землю не существовало; в противоположность обычаю, преобладавшему в других портах Малабарского побережья, суда, терпевшие крушение у Каликута, не конфисковались в казну саморина. Эти либеральные обычаи увеличивали славу Каликута среди купцов и моряков. Таможенные сборы были низкие — 2,5 процента к цене ввозимых товаров; сбор платился после продажи товара.

В отношении уплаты долгов существовал следующий обычай:

если кредитор находит должника, он берет пучок зеленой травы и стоит перед ним с травой в руке, и должник не может уйти, пока не уплатит долга или каким-либо способом не удовлетворит кредитора. В этих местах есть и другой обычай: когда два человека ведут тяжбу и никто из них не имеет доказательств своей правоты, они по взаимному соглашению отправляются к государю, государь велит принести из храма особое масло, масло ставят на огонь и кипятят. Тот, кто отказывается от уплаты долга, должен окунуть пальцы в кипящее масло, и если он виновен, он обожжется, а если не виновен, то останется цел и невредим.

Кроме браминов, которые занимали господствующее положение в религиозной жизни Каликута, наибольшим могуществом отличалась группа наиров-воинов. О наирах много писали; здесь будет достаточно указать только на некоторые из их особенностей и их обычаев, в значительной степени сохранившихся и до сих пор. Наиры составляли скорее общину, чем касту. Их социальная система была основана на матриархате, и родство считалось только по материнской линии. Семейная группа называлась *тхаравад*.

Брачная церемония совершалась, когда молодая пара достигала половой зрелости. Мужчина завязывал *тали* (шнурок, свидетельствующий о зрелости) вокруг шеи девушки, вручал ей подарки и удалялся. Завершение брака происходило значительно позже. Девственность среди наиров считалась недостатком, и родители девушки обычно нанимали какого-нибудь постороннего человека (не наира, из другой части Индии), чтобы он лишил ее

девственности, как только она достигнет десяти лет. После этого устраивался большой праздник «и на шею девушки вешали драгоценный камень, который в течение всей жизни будет давать ей право на большое уважение, как признак того, что ей дана свобода делать то, что она захочет, ибо без такой церемонии она не может принадлежать мужчине». Женщины свободно выбирали себе мужей. Свадебный подарок супруга обычно был прост — он состоял из куска ткани. Развод был легок — жене нужно было только вернуть ткань своему мужу.

Среди наиров имела широкое распространение полиандрия.

Каждая молодая женщина возлежит с тремя или четырьмя мужчинами, в соответствии с определенным распорядком... согласно которому один имеет на нее права от полудня до полудня, а потом уступает место другому... Эти женщины должны принадлежать к племени наиров, ибо мужчины не могут обладать женщинами другой касты. Так как мужчин в несколько раз больше, чем женщин, они не имеют [прав] на детей, родившихся от них [от их общих жен], даже если они похожи на них. Им наследуют дети их сестер... Цари ввели этот закон... чтобы они, не имея жен и детей, которых им надо было бы любить, могли посвятить себя военному делу... Если один из них убьет другого, или убьет корову... или сойдется с женщиной низшей касты, или будет есть в доме человека другой касты, или будет плохо говорить о царе, а царь узнает об этом, царь дает приказ другим наирам умертвить его... и они закалывают его, где бы они его ни нашли, а после этого они прикрепляют к его телу приказ царя, чтобы все знали, за что он убит.

Среди наиров был очень распространен обычай обмена женами. Один из современников Гамы оставил следующее любопытное описание такого обмена:

Благородные люди и купцы Каликута часто, в знак большой любви между ними и для того, чтобы еще приумножить эту любовь, обмениваются женами, и на своем языке они говорят друг другу об этом следующим образом: «Мой друг и брат, много лет мы знакомы друг с другом, и я думаю, что большего общения и любви не может быть между друзьями; поэтому я хочу, если тебе это будет угодно, в знак подлинной дружбы между нами, обменяться женами, чтобы ты получил удовольствие от моей жены, а я от твоей». На что другой отвечает, что это справедливо, и что он согласен поступить так, как предлагает первый. Итак, он идет в свой дом, вызывает жену и говорит ей: «Как ты знаешь, это наш друг с давних пор, а теперь, в знак еще большей дружбы, мне угодно, чтобы ты пошла к нему и стала выполнять его волю, а ему угодно, чтобы его жена пришла ко мне с тем же самым». Тогда она отвечает: «Господин, я думаю, что ты только шутишь», а он тогда клянется всем дорогим, что он не шутит, а говорит серьезно. А она говорит: «Если это так, пойдем», и так она уходит с его другом, а когда тот приходит в свой дом, он сразу же посылает другу свою жену. И этот обмен женами — общий обычай у них, и дети идут в обмен вместе с матерями.

Наиров можно было легко узнать на улице по их одежде. Мужчины носили «дхоти» — короткую юбку, нечто вроде полотенца, которым они на разный манер обматывают себя вокруг талии, выше пояса тело было обнажено. Они носили кольца в ушах и на пальцах и браслеты на руках. У них была особая прическа, увенчанная *кудуну* (хохлому). Женщины ходили без покрывал, носили белые юбки; верхняя часть тела была обнажена, ибо ношение одежды выше пояса свидетельствовало о нескромности или принадлежности к низшей касте. Ушные мочки прокалывались; с самого детства в отверстия всовывались все более и более крупные пучки травы, так что мочки растягивались и иногда висели ниже груди. После этого их украшали золотыми кольцами. Богатые женщины были отягощены большим количеством золотых и серебряных украшений — ожерелий, браслетов, колец на пальцах и в носу — и носили изысканные шарфы¹. Свои длинные волосы они распускали; иногда делали пучок слева ото лба.

Наиры-мужчины с семи лет обучались военному делу, особенно обращению с мечом. Меч держали в ножнах из красной кожи, но во время боя он был обнажен, а на левую руку надевался маленький щит. Мечи были железные, различной формы; некоторые мечи были короткие, но они никогда не использовались как колющее оружие. На рукоятках не было эфесов; зато на них висели медные кольца, гремевшие во время сражения. В военных действиях большую роль играл ритуал: враждующие стороны объединялись и жевали бетель, пока барабан не призывал к бою. Тестиву луков часто натягивали ногами. Воевали тесно сомкнутыми колоннами, впереди шли бойцы с мечами, а сзади стояли лучники, стрелявшие с земли, чтобы ранить врагов в ноги. Ту же цель преследовали метатели тяжелых палиц из черного дерева и твердых, как железо, метательных колец с острыми краями. С войсками шли писцы, которые по порядку записывали все боевые движения, обычно состоявшие из атаки на лагерь и его защиты. По сигналу барабана противники прекращали бой и снова дружески смешивались. Военная труба саморина была столь тяжела, что когда в нее трубили, ее поднимали четыре человека. Во время войны не было засад или ночных боев. Один старый хронист заявляет: «индусы сражаются больше языками, чем руками, и соблюдают строго разработанные правила, нарушение которых влечет за собой позор, горший, чем смерть». Такие особенности ведения войны на Малабаре позволяют понять, почему туземцы оказались неспособны бороться с португальцами, несмотря на свое постоянное значительное численное превосходство.

Наиры строго следили за соблюдением чистоты в повседневной жизни: «они скорее бы умерли от голода и жажды, чем стали бы

¹ Обычай обильного украшения детей драгоценностями способствовал большому распространению убийств детей на Малабарском побережье.

есть, не совершив омовения... Они бреют бороды и оставляют длинные усы, как турки». Наиры высшего класса часто остро оттачивали свои длинные ногти; так им было легче срывать жилки с листьев бетеля перед тем, как отправить их в рот.

Многие наиры и брамины были хорошо образованы; один итальянец, современник Гамы, отмечал: «Я полагаю, что среди них имеются великие люди в области математики; в знании основ астрономии они не отличаются от нас; их учителями были арабы. Они знают Аристотеля, Галена и Авиценну».

Большую роль в экономической жизни Каликута играли и другие группы индийцев — гуджаратцы (они занимают важное место в торговой жизни Западной Индии и поныне) и четти¹, которые до сих пор выступают в качестве менял и ростовщиков по всему Востоку вплоть до Таиланда, Индо-Китая и Индонезии. Гуджаратцы резко отличались своей светлой кожей и длинными бородами; у них были большие тюрбаны и шарфы. Четти носили круглые шляпы и сооружали сложные прически, вплетая в них конский волос. «Они занимаются торговлей драгоценными камнями и колдовством. Их женщины самые похотливые из всех, каких только можно найти под солнцем».

Вероятно, самую странную из многих каст, живших в Каликуте, представляли собой инсени. «Это — те, кто взбирается на деревья, чтобы собирать перец, орехи и другие плоды. Поскольку они подвергают свою жизнь опасности, другие питают к ним отвращение и не могут с ними общаться, как если бы они были заразными... Они не хоронят и не сжигают умерших. Они ходят нагими — как мужчины, так и женщины, не прикрывая своего стыда».

Из чужеземцев наиболее важной и влиятельной группой в Каликуте были арабы (португальцы называли их маврами). Вся внешняя торговля и значительная часть внутрииндийской морской торговли и морских перевозок сосредоточивались в их руках, поскольку многие индусы, вследствие кастовых запретов, не могли ездить по соленой воде. Торговая экспансия арабов началась в VIII веке, и по мере расширения их империи торговля завоеванных стран переходила в руки мусульман. Задолго до прибытия португальцев по всему Малабарскому побережью жило множество арабов, фактически контролировавших всю его морскую торговлю. В ходе этой выгодной торговли малабарские арабы вступали в тесный контакт со своими единоплеменниками в Тунисе и на всем североафриканском побережье, — в Каире, и в портах Аравии и Персии. Город Басра, например, бы основан халифом Омаром²

¹ Четти — не народность, а каста тамиллов-торговцев. — *Прим. ред.*

² Речь идет о халифе Омаре I, правившем в 634—644 годах, арабском завоевателе Сирии, Палестины, Ирака, западного Ирана и Египта. — *Прим. ред.*

с целью поощрения и развития торговли с Индией. Широта торговых интересов малабарских арабов способствовала развитию их многообразных связей с европейцами: им были известны, вероятно, хотя бы понаслышке, если не по личному контакту, и португалцы.

В своих предприятиях малабарские арабы, подобно их соплеменникам в Африке, руководствовались как собственными корыстными интересами, так и фанатичным религиозным рвением. Они не только захватили в свои руки морские перевозки в Индии, но умело действовали — как и теперь — и в качестве посредников, покупая товары по дешевке у невежественных, а часто и диких туземцев внутренних областей Индии и продавая их втридорога прибрежным и иностранным купцам. Торговые пути арабов из Индии шли главным образом в Ормуз и Басру, отсюда караваны направлялись в Трапезунд, Алеппо и Дамаск. Здесь их товары попадали в руки венецианцев и генуэзцев, которые были как бы распределителями индийских продуктов по всей Европе. Джидда — на Красном море — также представляла собой важный перевалочный пункт. Оттуда товары на небольших лодках посылались в Суэц и переправлялись через пустыню на верблюдах в Каир. Из Каира лодки везли товары по Нилу в Александрию, где их покупали опять-таки итальянские купцы, продававшие их в Европу.

Вероятно, в первом веке нашей эры была открыта периодическая смена муссонов. Это новообретенное естественное вспомогательное средство для судождения позволяло кораблям пересекать Индийский океан в любую сторону задолго до того, как мусульманские орды прорвались в Азию; оно позволило арабам монопольно завладеть торговлей в Индийском океане¹. Мусульмане также перепродавали товары, привозившиеся на Малабарский берег из-за границы, и даже контролировали торговлю зерном.

Таким образом, арабы были желанными людьми в Каликуте, потому что они служили основной движущей силой в торговле этого города. Они имели свои собственные кварталы; их склады и магазины были разбросаны по всему городу. У них были собственные кади (судьи) и священники. Они носили свою национальную одежду, почти одинаковую на всем пространстве от Марокко до Малакки, и во всех отношениях были равноправны с приютившими их индусами. Они могли даже беспрепятственно обращать людей местной веры в ислам, и многие туземцы, в том числе принадлежавшие к высшим кастам, считали для себя честью, если араб просил руки какой-либо индусской девушки.

¹ Так как у берегов Аравии было мало дерева, годного для судостроения, суда строились из индийских материалов, но экипаж на них состоял из арабов

В арабском квартале жили также моплахи¹, происходившие от арабов и индусок. Эта группа, исповедовавшая магометанскую религию и ведшая вместе с мусульманами-иммигрантами морскую торговлю и иные коммерческие дела, была весьма беспокойной и часто вызывала распри и беспорядки в городе. Можно было предвидеть, что арабы с самого начала будут непосредственными и наиболее активными врагами португальцев в Индии.

Индусы делились на много каст и в значительном большинстве своем были настоящими рабами невежественного суеверия. Но саморины всегда настаивали на полной религиозной свободе для всех жителей их владений, и участников религиозных ссор подвергали жестокому избиению, независимо от их национальности, расы и вероисповедания.

Тогда, как и теперь, было много отшельников, бродивших по улицам городов или живших в лесах. Сасетти, ездивший в Индию в 1585 году, видел множество отшельников. «Некоторые стоят на золе или на самом солнцепеке. Другие лишали девственности две-три тысячи девиц, путешествуя для этого по разным местностям, и тут (в Каликуте) есть особый храм для этой цели».

Как и во всех морских портах мира, проституция в Каликуте была обыкновенным явлением. Итальянский путешественник, посетивший город в ту эпоху, писал: «Публичных женщин для желающих полно где угодно, они живут в своих собственных домах по всему городу и привлекают мужчин тонкими духами и умощениями, ласками, красотой и молодостью. Воистину индийцы весьма склонны к любострастию».

Таков был Каликут, богатейший город Малабарского побережья, перед которым флотилия Васко да Гамы бросила якорь вечером 20 мая 1498 года.

¹ Моплахи — группа малабарских мусульман, основателями которой, как предполагают, были арабы, поселившиеся в Индии в IX веке. Затем эта группа пополнялась за счет индусов низших каст, принявших ислам. — *Прим. ред.*

ПОРТУГАЛЬЦЫ В КАЛИКУТЕ

Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
Едете ль вы по делам иль блуждаете в море без цели,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своей и беды неся чужеземцам?

Одиссея, IX, 252—255.

Едва только флотилия Гамы стала на якорь в двух лигах от Каликута и около полутора лиг от берега, как к кораблям подплыли четыре маленькие лодки (*алмадиш*). Сидевшие в них люди задали несколько коротких вопросов: откуда чужеземцы прибыли и к какой нации они принадлежат? Затем лодки удалились. Моряки, склонившись над бортом, смотрели, как лодки плывут обратно к берегу: фосфоресцирующая вода, подобно алмазам, каплями стекала с поднимающихся и опускающихся весел. Повсюду вокруг флотилии виднелись рыбацьи лодки; португальцы наблюдали новый, странный для них способ рыбной ловли. Рыбаки подманивали рыбу факелами и фонарями, рыба прыгала из воды в низкобротные лодки; все это не стоило никаких усилий — надо было только отвезти улов на рынок.

Ночь прошла без инцидентов, хотя вся команда флотилии нервничала: после двадцати одного томительного дня, потраченного на переход из Малинди, матросы мечтали попасть, наконец, на берег. Они уже предвкушали радости отпуска, который проведут в городе, и, собравшись группами, пели на палубе до глубокой ночи. Любимой песней экипажа было «Кантига» Жила Висенти, который писал и на испанском и на португальском языке.

Очень пригожа девица,
Очень мила и прекрасна!
Скажи, скажи, моряк,
Ты ведь жил на кораблях,
Так ли прекрасны
Корабль, парус или звезда? ¹

На следующее утро, лишь поднялось над горизонтом солнце, у трапа флагманского корабля опять появились лодки, подплы-

¹ Muy graciosa es la doncella
Como es bella y hermosa,
Digas tu, el marinero,
Que en las naves vivias,
Si la nave ó la vela ó la estrella
Es tan bella.

вавшие сюда накануне вечером. Гама решил немедленно приступить к осуществлению своих планов. К адмиралу был вызван один из осужденных преступников, Жуан Нуниш, крещеный еврей, немного знавший арабский и древнееврейский языки. Гама приказал ему сесть в одну из алмадий и привезти отчет обо всем, что он услышит и увидит¹.

На берегу собралась толпа, наблюдавшая, как чужеземец, приехавший с одним из больших кораблей, выходит на берег. Нунишу и людям, которые доставили его на берег, было трудно пробиться в город через толпу. Его сразу же отвели в дом к двум тунисским или оранским арабам, которые «могли говорить по-кастильски и по-генуэзски». Они грубо поздоровались с Нунишем, и по их первым словам уже можно было предсказать тот конфликт, который возник в Индии между христианами и мусульманами. «Чорт вас подери, кто вас сюда принес?»² — с этого начали арабы. Они спросили Нуниша, чего он ищет так далеко от родины, и тот ответил: «Мы пришли искать христиан и пряности». В ответ на вопрос, почему не послали своих кораблей правительства Кастилии, Франции или Венеции, Нуниш смело солгал: «Потому что король Португалии этого не позволил».

После беседы с мусульманами Нунишу дали поесть пшеничного хлеба с медом, а затем он вернулся на корабль вместе с одним из принимавших его арабов. Этот человек, которого португальцы стали звать Монсайди³, очевидно, больше думал о возможностях наживы, чем о политической и экономической угрозе для его соотечественников — если только он вообще задумывался над этим вопросом и понимал значение происходящего, что мало вероятно. Первые слова, с которыми он обратился к толпе моряков, стоявшей около своего командира, были: «Удача, удача! Множество рубинов, множество изумрудов! Возблагодарите бога за то, что он вас привел в страну, в которой есть такие богатства!»

¹ Корреа (впрочем, как уже указывалось, он не служит надежным источником для освещения этого плавания) заявляет, что Нуниш был «человеком тонкого ума» и что Васко да Гама послал его на берег «под видом покупателя, дав ему денег, чтобы он покупал продовольствие и хорошенько осмотрел весь город... ничего не говорил и не отвечал на вопросы... и вернулся ночевать на корабль».

² «Al diablo que te doo: quem te traxo aqua?»

³ Вероятно, искажение арабского «эль масуд» («счастливый»).

Согласно имеющимся сведениям, Монсайди оказал португальцам во время их пребывания в Каликуте много ценных услуг. Это навлекло на него вражду со стороны его единоплеменников, и он отправился с Гамой в Португалию. Там он принял христианство и жил до самой смерти.

Корреа заявляет, что Монсайди на самом деле звали Алонсо Перес, что он был испанец, родился в Севилье, в возрасте пяти лет был похищен арабами и обращен в мусульманство, «но что бог на небе... знал, что его душа была христианской».



Южная Индия в начале XVI века.

Когда Гама узнал, что саморин находится в Поннани — прибрежном городе в 28 милях к югу от Каликута — он направил в Поннани переводчика Фернана Мартинша, кроме того, еще одного португальца и Монсайди с письмом о том, что посол португальского короля подплыл к Каликуту с письмами для его величества и что, если он пожелает, письма будут направлены ему туда, где он находится. Саморин принял обоих португальцев самым дружественным образом и послал приветствие Гамае, сообщая, что он собирается вскоре прибыть в столицу. Он отослал португальцев на корабль, подарив им «много тонких тканей».

Едва ли можно сомневаться в том, что саморин был совершенно честен и искренен, приветствуя Гамау и предлагая ему свою дружбу. Благополучие его государства зависело от торговли, и ему, конечно, было выгодно открытие как можно большего числа торговых каналов между Индией и Европой. Свою позицию и свою тактику по отношению к португальцам он изменил позже, главным образом вследствие интриг мусульманских купцов (а также бестактности и дерзости Гамае).

Между тем Гама неблагоразумно велел рассказывать в городе, что он прибыл в качестве посла короля Мануэла, что бури куда-то отнесли гораздо более значительную часть флотилии, чем эта, и что он плыл сюда целых два года. Сам того не понимая, Гама сделал серьезную ошибку. Без сомнения, вести о его столкновениях на восточноафриканском берегу уже дошли до Каликута с более быстроходными судами, чем те, на которых плыл да Гама, и в глазах каликутцев он с самого начала был явным лжецом. Мало того, Гамау и его матросов стали считать не более не менее как разбойниками-корсарями. Имея дело с индийцами, по-своему столь же цивилизованными, как и сами португальцы того времени, Гама вел себя так же высокомерно, как он вел себя по отношению к голым невежественным дикарям африканского побережья. Его поведение положило начало недоброжелательному отношению к португальцам, вызвало ту вражду, которая уже не затухала все время, пока португальцы завоевывали Восточные моря и господствовали в них; поведение это было непростительно и лишено дипломатического такта.

Когда Нуниш, его спутник и Монсайди закончили свои переговоры с саморином, Нуниш попросил, чтобы с ними на корабль поехал лоцман, которому были даны инструкции отвести флотилию в более удобную якорную стоянку в Пандарани, немного севернее Каликута. В тот же самый день, с помощью лоцмана, флотилия отправилась на новое место своей стоянки, гораздо более надежное, чем первое, предохранявшее ее от бурь и от опасности потери якорей.

Как только суда прибыли в повую гавань, на корабль явился нарочный, сообщивший, что саморин уже вернулся в свой дворец в

Каликут. Вместе с нарочным приехал вали (начальник полиции); его сопровождали двести воинов, вооруженных мечами; они должны были идти вместе с Гамой к государю. Поскольку уже почти наступила ночь, командир попросил отложить свидание с ним на завтра.

На следующее утро, в понедельник 28 мая 1498 года, Гама отправился на свидание с царем, взяв с собой тринадцать человек. К счастью, среди этой группы был автор «Рутейру», и, таким образом, у нас есть рассказ очевидца (правда, освещающего все с чисто португальской точки зрения) свидания между правителем Каликута и послом короля Мануэла. Когда Гама и его люди сели в лодки, пушки на кораблях флотилии дали внушительный салют, на мачтах и реях были подняты флаги и вымпелы. Офицеры и матросы были одеты в самое лучшее платье; маленький кортеж сопровождали трубачи и знаменосцы. На лодки для безопасности были погружены бомбарды. Брат Гамы Паулу оставался командовать кораблями, а Николау Коэлью, капитан «Берриу», получил распоряжение быть около берега с людьми на лодках и ожидать возвращения командира. Прежде чем спуститься с корабля, Гама приказал, что в том случае, если какой-нибудь серьезный неблагоприятный инцидент помешает ему вернуться, корабли должны немедленно отправиться в Португалию и дать отчет о путешествии и его результатах.

На берегу к Гаме и его спутникам присоединился длинный эскорт, тут было много и вооруженных воинов. Гама сел в приготовленный для него паланкин, который несли шесть регулярно сменявшихся человек, и вместе со своими спутниками направился по дороге в Капуа (некоторые авторы называют этот пункт Капукати). Там португальцам дали обед — рис с маслом и рыбу. В Капуа — в семи милях от Каликута — португальцы сели на лодки, и их около двух миль везли по реке Элатур. Сойдя на берег, Гама опять поместился в паланкине, и вся группа вместе с эскортом и туземными переводчиками отправилась в Каликут по дороге, запруженной толпами мужчин, женщин и детей, любопытствующих взглянуть на пришельцев.

Вступив в город, португальцы прежде всего посетили храм. Об индийской религии португальцы знали так мало, что в течение всего пребывания в Каликуте, повидимому, считали, что тамошние жители — христиане и что их храмы — это христианские церкви¹. Сначала они пошли в часовню со святилищем, в котором стояло скульптурное изображение, принятое ими за статую девы Марии. Один хронист пишет, что индусы столпились вокруг чуже-

¹ Такое убеждение высказывается в официальных письмах короля Мануэла к испанским государям и кардиналу дону Жоржи да Кошта в Риме, в которых Мануэл рассказывал о результатах плавания Гамы.

земцев и, показывая на статую, кричали: «Мария, Мария!»¹. В святилище, где служили брамины, португальцам не позволили войти, но им дали «белую землю, которой христиане этой страны обычно мажут лоб, грудь, шею и плечи». Гама отказался помазать себя этой «белой землей»², но заявил, что он сделает это позже. «Много других святых было нарисовано на стенах церкви. Они были в венцах. Их изображали по-разному — у иных зубы выдавались на дюйм изо рта, у других было четыре или пять рук». По крайней мере, один из присутствующих, Жуан да Са, писец корабля «Сан-Рафаэл», выразил сомнение, что на эти изображения — христианские святые. Когда он стоял на коленях, молясь рядом с Васко да Гамой, он прошептал: «Если это дьяволы, то я поклоняюсь истинному богу». Услышав это, Гама улыбнулся, что бывало с ним редко.

Выйдя из храма, Гама и его спутники оказались окруженными большим эскортом, который сопровождал их всю остальную дорогу. «Они били в барабаны, дули в анафилы, играли на волынках и стреляли из мушкетов. Сопровождая капитана, они проявляли по отношению к нам большое уважение — больше, чем в Испании оказывается королю». На улицах толпился народ, люди высовывались из окон и собирались на крышах домов, чтобы посмотреть, как проходит эта красочная процессия. Наконец, народу стало такое множество, что у ворот дворца эскорт уже еле пробивал себе дорогу; пришлось вытащить ножи, и, прежде чем удалось расчистить путь, было ранено несколько индийцев.

На путешествие от кораблей до дворца был потрачен целый день, и процессия вступила во дворец всего за час до заката. Саморин принял Гаму и его людей в маленьком зале — откинувшись, он сидел на ложе, покрытом зеленым бархатом; в левой руке он держал золотую плевательницу для бетеля, а сбоку стояла золотая чаша, наполненная приготовленным бетелем. Гама вошел в зал и торжественно приветствовал государя, подняв соединенные руки, как, по его наблюдениям, делали индийцы. Португальцев усадили перед царем на каменную скамью, полили им руки водой и дали ломтики плодов хлебного дерева и бананы — эти плоды были им неизвестны. После того как португальцы поели, саморин попросил через переводчика, чтобы Гама рассказал ему и его свите о своем путешествии и о целях этого путешествия. Гама колебался, отвечать ли, и заявил, что как посол короля Португалии он может сообщить то, что ему поручено,

¹ Статуя эта могла изображать Кришну и его мать Деваки Гаури, «белую богиню», или, скорее, Мари (или Мариамма — «мать Мари») — богиню оспы, к которой относились с большой боязнью и почтением.

² «Белая земля» представляла собой пыль, коровий помет, пепел, сандаловое дерево и др., замешанные в рисовой воде. Она попрежнему широко употребляется в религиозном ритуале во всех индуистских областях Индии.

лишь одному саморину. Саморин благодушно согласился и вместе с немногими доверенными советниками удалился в другую комнату, куда сейчас же направился и Гама, между тем как другие португальцы остались в зале.

Командующий флотилией рассказал саморину о различных экспедициях, в свое время снаряженных принцем Генрихом и королем Жуаном, а также о своей флотилии, направленной Мануэлом, «который приказал ему [Гаме] не возвращаться в Португалию, пока он не найдет этого христианского короля, — в противном случае ему отрубят голову». Хронист Узориу¹ сохранил для нас, как он утверждает, заключительные слова обращения Гамы:

Мануэл, государь великих достоинств, обладающий возвышенной душой и большой любознательностью, слышав многое об Индии и особенно об империи Каликут, узнав о чистых правах ее народа и о достоинстве и величии ее правителя, пришел в восхищение и преисполнился желанием вступить в дружбу с таким прославленным монархом. Для этой цели он, Гама, и был послан сюда, и он нимало не сомневается, что такой союз будет в значительной степени способствовать взаимной выгоде обоих государств.

Под конец Гама заявил, что два письма, посланных его королем саморину, он доставит на следующий день. Ответ государя был чрезвычайно любезен. Он высказал свои благие пожелания португальскому послу и сказал ему, что «он считает его другом и братом и пошлет вместе с ним послов в Португалию»².

Время шло быстро; было уже десять часов. Саморин распорядился, чтобы чужеземцам дали подобающее помещение и сам лично отправился в залу, чтобы пожелать своим гостям спокойной ночи. Гаму понесли в паланкине: его сопровождали его спутники и большая толпа индийцев. Но, пройдя короткое расстояние, они были застигнуты жестокой грозой. Их повели в дом какого-то мусульманина, и они переждали дождь на «веранде, покрытой черепицей». Придя в отведенный для них дом, они нашли там собственную постель Гамы, принесенную его же матросами с корабля и поставленную там, и подарки, которые он намеревался вручить правителю Каликута.

На следующее утро командир позвал сановников саморина и попросил их осмотреть подарки. Они с изумлением глядели на жалкие товары, выставленные в комнате: все это годилось для

¹ Жирониму Узориу — автор написанной по-латыни книги «Жизнь и деяния короля дона Мануэла». Впервые переведена на английский язык в Лондоне в 1742 году, а португальский перевод ее издан в Лиссабоне в 1944 году. — *Прим. ред.*

² Автор «Рутейру», касаясь этого приема, без стеснения заявляет, что саморин обещал послать послов по требованию Гамы, «так как капитан притворился, будто он не осмелится предстать перед своим королем и повелителем, если он не сможет в то же время представить несколько человек из этой страны».

какого-нибудь мелкого зулусского или готтентотского вождя, но было оскорбительно для повелителя Каликута. Тут было «двенадцать кусков полосатой материи, четыре красные шапки, шесть шляп, четыре нити кораллов, ящик с шестью тазиками для мытья рук, ящик сахара, два боченка масла и два — меда». Увидев предложенные подарки, арабский сановник презрительно засмеялся и отказался передать их саморину, «сказав, что такие вещи нельзя предлагать царю, что самый бедный купец из Мекки или любой части Индии приносит больше и что, если он хочет поднести подарок, пусть подносит золото, ибо подобных вещей царь не примет». После этого Гама опять солгал, заявив, что дары эти принадлежат лично ему, а если португальский король прикажет ему поехать еще раз, он передаст ему гораздо более богатые подарки. «Но сановники саморина наотрез отказались передавать дары и не позволили Гаме посылать их, а когда они ушли, явились какие-то мавританские купцы, и все они с презрением говорили о подарках, которые капитан желал послать царю».

Когда его подарки были отвергнуты, Гама потребовал второго свидания с саморином. Сановники обещали ему, что скоро вернуться и отведут его во дворец. Хотя он ждал целый день, сначала с нетерпением, а потом со все возрастающим, но бессильным гневом, сановники не возвращались. Гама решил было идти во дворец без эскорта, но передумал и стал ожидать дальше. Его спутники, повидимому, не слишком серьезно отнеслись к этому делу и бродили по всему городу. Они увидели немало удивительного, но, может быть, самыми удивительными были для них работавшие у морского берега слоны. Слонами пользовались для перевозки грузов, для верховой езды; с помощью своих хоботов и бивней они поднимали и перетаскивали бревна. Португальцы видели даже, как три слона вытащили на берег корабль из моря. Корабль был поставлен бортом к берегу. Под киль были положены катки; затем махуты (погонщики) подогнали слонов к борту корабля, обращенному к морю, и заставили их стать на колени и толкать корабль головами в сторону берега. Слоны выполняли так много работ, что один итальянский путешественник, рассказывая о них, заметил: «В заключение скажу, что я видел иногда таких слонов, которые обладают большим пониманием, рассудком и разумом, чем все известные мне люди».

Матросы, которым еще не доводилось встречать индийских нищих, не могли понять, почему столько детей и взрослых выпрашивали пищу и деньги, толпясь вокруг них. Наконец, португальцы вернулись в отведенное им помещение; неудачи и гнев Гамы несколько не беспокоили его людей. Автор «Рутейру» пишет: «Что касается нас, то мы развлекались, пели и танцевали под звуки труб, нам было очень весело».

Наконец, наступило 30 мая. Утром явились мусульманские сановники, они снова повели командира и его людей во дворец. Но на этот раз Гаму, сердитого и раздраженного, «в течение четырех долгих часов держали за дверью». В конце концов дверь открылась, его впустили, но разрешили взять с собой только двух человек. Он выбрал переводчика Фернана Мартинша и своего секретаря. Во время этого свидания саморин был менее благосклонен и более резок, чем раньше, и сразу приступил к делу. Стало очевидно, что кто-то настроил его против португальцев. Мы знаем теперь, что произошло за это время, и нам легко понять, почему изменилось отношение саморина к Гаме и весь его тон.

Прежде всего обмен дарами в подобных случаях был настолько обычным делом, что бедные подарки, приготовленные португальцами, чрезвычайно рассердили саморина. Кроме того, виднейшие мусульмане Каликута, люди умные и сообразительные, быстро поняли значение мореходного подвига Васко да Гамы и уяснили себе, что их торговая монополия на берегах Индии находится под серьезнейшей угрозой. Они сразу же стали думать о том, как бы помешать послу Мануэла. Они внушили саморину, что Гама — это «жестокий, кровавый пират». Мы располагаем сообщением, будто бы представитель мусульман заявил саморину:

Высоко прославленный государь, мы всегда были такими покорными и полезными подданными в вашем государстве, что, как мне кажется, мы вправе рассчитывать на вашу дружбу. Рост ваших доходов в результате нашей торговли так очевиден, что мы только напомним о нем. Спросите вашего уполномоченного по таможням, рассмотрите ваши счетные книги, и вам станет ясно — действительно ли сарацины бесполезны в вашем обществе. Мы всегда были особенно привязаны к этой стране, подобно нашим предкам, которые считали ее своей родиной, и всегда были покорны и верны царям Каликута. Поэтому мы надеемся, что ваше величество не позволит, чтобы эта приятная гармония, эта древняя дружба была нарушена из-за кучки отъявленных негодяев, которые недавно сюда прибыли... Помимо этого, у вас не было случая познакомиться с характером этих людей. Но нам известно бесконечное число примеров их предательства и подлости. Они уничтожали целые народы, опустошали целые страны — и все это без малейшего повода, только для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие, насытить свою жажду власти. Можете ли вы, таким образом, полагать, что люди такого склада придут из столь отдаленных стран и пойдут навстречу таким страшным опасностям только ради торговли с вашим народом? Нет, это невероятно. Или это пираты, которые хотят злоупотребить вашей снисходительностью и обратить ее в ущерб стране, или это люди, посланные их честолюбивым государем не с целью заключить союз дружбы, но в качестве шпионов для того, чтобы изучить положение города. Разве португальцы различными уловками не сделали себя хозяевами большей части городов Африки?.. Они осуществили враждебное нападение на Мозамбик; они учинили страшную резню в Момбасе... и если они осмеливаются по-

казывать своей жестокий характер с такими малыми силами, то на что они могут пойти, когда у них будет больше силы? Итак, если вы озабочены благосостоянием вашего царства, уничтожьте этих зловредных негодяев. Пусть, если они пираты, они понесут наказание, которого они заслуживают своими преступлениями, а если это орудие злобного честолюбия — то уничтожением тех, кто находится в вашей власти, будет положен конец этому опасному предприятию, чтобы не было поводом остальным португальцам, стремящимся явиться сюда.. Вероятно, их король, которого они так превозносят, думал, что он имеет дело с каким-нибудь мелким эфиопским князьком, чья бедность и глупость делают его легкой добычей.. Но, может быть, скажут, что это ни на чем не основанная клевета, являющаяся следствием ненависти, которую арабы питают к христианам. Мы признаемся, что мы питаем крайнее отвращение к народу, который всегда был нашим неумолимым врагом. Хотя в данном случае наши интересы, возможно, и затронуты в какой-то мере, но ваша судьба, как нам кажется, поставлена на карту. Если вы вступите в союз с этими христианами, мы можем уйти в другие страны, где мы встретим более благоприятный прием и устроимся более выгодно... Куда бы мы ни пошли, мы сможем вести нашу торговлю с одинаковой выгодой и прибылью, но что касается вас, то, если вы теперь не проявите мужества, боимся — пусть этого не допустит небо, — что через несколько лет не только ваш трон, но и сама ваша жизнь подвергнется величайшей опасности от столь жадного, честолюбивого и воинственного народа.

Независимо от того, точно или нет переданы здесь слова представителя арабов, аргументы, выставленные в его обращении, послужили веской причиной, заставившей саморина изменить свое отношение к португальцам. До этого он не знал их, но слухи об их насилиях опередили их, и он хорошо понимал, какое значение имеют мусульмане для него и его народа. Прибытие португальских кораблей поставило перед государем настоящую дилемму. Он решил — и кто бы не сделал такой выбор в подобных обстоятельствах — связать свою судьбу и судьбу своего города с судьбою арабов: ведь благосостояние его государства создали именно они. Он проиграл игру, и с этих пор богатство и могущество Каликута стали неуклонно падать. Тем не менее, даже если судить по сообщениям самих португальцев, действия правителя по отношению к требовательному и высокомерному Гама были и справедливы и достойны.

Когда командующего флотилией допустили, наконец, к саморину, последний заметил, что он ожидал его двумя днями раньше. Гама ответил, что он не явился тогда, так как долгий путь утомил его. Саморин прямо заявил, что отсутствие подарков очень неприятно для него и что он так и не получил писем, которые собирался вручить ему Гама. Португалец попросил извинения и заверил, что письма будут вручены им сейчас же. Саморин высказал желание, чтобы ему дали «золотую статую святой Марии с корабля». Гама

ответил, что статуя не золотая «и что если бы она и была золотая, он все же не мог бы расстаться с ней, так как она вела его через океан и приведет его назад на родину». После этого Гама вручил письма (одно на португальском языке, а другое на арабском), но вместе с тем он нанес саморину новую обиду, заявив, что он не может доверить перевод с арабского мусульманскому переводчику, а поскольку он сам не мог прочесть письмо, он попросил вызвать какого-либо христианина, знающего арабский язык. Когда такой появился, оказалось, что он мог говорить по-арабски, но читать не мог. В конце концов, на помощь позвали арабов. Впрочем, содержание письма было безобидно и все были удовлетворены.

Далее последовали несвязные вопросы о товарах, изготавливаемых в Португалии. Гама заявил, что у него есть образцы и высказал намерение вернуться за ними на корабли, оставив часть своих спутников на берегу, в отведенных им каликутских домах. Но саморин ответил полным отказом, резко потребовав, чтобы он забрал с собой всех своих людей, «прочно поставил на якорь свои суда, выгрузил товары и продал их как можно выгоднее». На этом вторая аудиенция у саморина и оборвалась. Поскольку час был поздний, португальцы отправились на ночь в предоставленные им помещения.

На следующее утро, 31 мая, Гама сел в паланкин и, в сопровождении праздно и любопытной толпы, двинулся в обратный путь, к якорной стоянке в Пандарани. Скоро паланкин обогнал спутников Гамы. Они заблудились, и в конце концов какой-то человек саморина разыскал их и привел в подворье, где их ждал Гама. После того как вся группа собралась в Пандарани, Гама потребовал лодку, чтобы переправиться со своими людьми на корабль. Но уже наступила темнота и начал дуть порывистый ветер, так что вали (сановник саморина, заботам которого был поручен эскорт) отказался удовлетворить требование. Запальчивый Гама сразу же заподозрил измену. Он разослал своих людей в разных направлениях, чтобы они предупредили Коэлью и Паулу да Гаму, но матросы не нашли ни их, ни португальских лодок, а один из посланцев заблудился. Командира и его спутников разместили в доме мусульманского торговца, и они послали за дичью и рисом на ужин. На следующее утро Гама «снова потребовал лодку для переправы на корабль», и ему заявили, что он может получить лодки, если прикажет своим кораблям стать на якорь ближе к берегу. Он отказался дать такое приказание и угрожал обратиться лично к саморину; тогда все двери дома были заперты, а вокруг дома была поставлена вооруженная стража. Португальцам разрешали выходить только под строгой охраной. Затем Гаме предъявили требование выдать паруса и рули своих кораблей (и таким образом сделать корабли

беспольными). Гама наотрез отказался. Португальцы «чувствовали себя очень угнетенными, хотя они делали вид, что не замечают того, что происходит». Гама потребовал тогда, что если его не хотят отпустить, то разрешили бы уйти его свите, «потому что там, где они находятся, они умрут с голоду. Но ему ответили, что им следует остаться там, где они есть, а если они умрут от голода, то им придется вынести и это, потому что никому до этого нет никакого дела». Между тем посланный и заблудившийся накануне матрос, задачей которого было найти Коэлью или лодки, вернулся и сообщил, что Коэлью ожидал своего командира всю ночь. Гама спешно отослал моряка назад, велел Коэлью вернуться на корабли и позаботиться о том, чтобы они хорошо охранялись. Когда Коэлью стал выполнять приказ, за его лодками погнались арабские алмадии, но все же Коэлью удалось благополучно переправить своих людей на корабли. Несмотря на то, что позднее на Гаму оказывали еще большее давление, требуя от него, чтобы он приказал своим судам подойти ближе к берегу, он упорно отказывался подчиниться.

Прошел еще день. Ночью Гама и его люди находились под более тщательной охраной, чем когда бы то ни было — их сторожило «больше ста человек, все вооруженные мечами, двусторонними боевыми топорами, щитами, луками и стрелами»¹. Утром в субботу 2 июня снова пришел вали: он потребовал у Гамы, чтобы тот приказал выгрузить на берег свои товары, велел высадиться экипажам судов и не разрешал им возвращаться на корабли (вали заявил, что так положено по местному обычаю) до тех пор, пока все товары не будут проданы. Гама послал письмо брату Паулу, приказав ему выгрузить некоторые товары; как только товары были выгружены, Гаме и его свите разрешили вернуться на корабли. Товары он оставил на берегу на попечение Диогу Диаша в качестве фактора и Алвару ди Брага в качестве его помощника. Когда командир оказался на борту судна, «он приказал, чтобы на берег больше товаров не отправляли».

Прошло пять дней, ни та, ни другая сторона ничего не предпринимала; наконец Гама послал саморину письмо, жалуясь на то, что он был арестован после аудиенции. Он заявил, что «мавры пришли только для того, чтобы осудить, а не покупать» его товары. Правитель, все еще настроенный дружественно, осудил мусульман за их действия и послал нескольких других купцов осмотреть товары и сделать покупки, «если они пожелают». Он послал даже одного «знатного человека, который должен был

¹ Хотя подозрения португальцев и выводы, которые они делали из событий, можно легко понять, однако охрана, повидимому, была поставлена все же для того, чтобы защитить чужеземцев от нападений мусульман, считавших, что португальцы угрожают их благосостоянию — и эта угроза вскоре превратилась в реальность.

остаться с фактором... и разрешил им [португальцам], не боясь наказания, убивать любого мавра, который придет к ним».

Купцы пробыли у берега несколько дней, но они тоже осмеливали португальские товары и не захотели их покупать. Предупрежденные обо всем мусульмане держались поодаль от склада, но при каждом удобном случае оскорбляли людей Гама, а «когда кто-нибудь из них высаживался на берег, они плевали на это место, говоря: «Португалия, Португалия». И в самом деле, с самого начала они выискивали средства захватить и перебить нас».

Так шли дни с 2 по 23 июня; Гама не добился никаких успехов в торговле с мусульманами и индусами — ни в купле, ни в продаже. 23 июня он снова попросил у саморина разрешения переправить свой товар из Пандарани в самый Каликут. Государь Каликута проявил добрую волю — он не только приказал удовлетворить требование Гама, но и дал вали указание, чтобы носильщики «отнесли все товары на спине в Каликут за его счет, поскольку никакое имущество, принадлежащее королю Португалии, не должно облагаться излишними поборами, пока оно находится в его стране».

24 июня товары были доставлены в Каликут для продажи. После этого Гама распорядился, чтобы один человек с каждого корабля увольнялся по очереди на берег в Каликут и покупал там все, что ему захочется. Индусы на берегу хорошо относились к португальским морякам, повсюду принимали их гостеприимно и бесплатно давали пищу и жилье. В свою очередь, индусам разрешили заходить на борт кораблей для обмена рыбы на хлеб; капитан распорядился хорошенько кормить их самих и детей, которых они часто с собой приводили. Индусов приходило так много, что по вечерам, когда нужно было очистить палубы от их присутствия, команде удавалось это с большим трудом; некоторые даже выхватывали у матросов пищу из рук, когда те садились за стол.

Матросы высаживались на берег «по двое и по трое и брали с собой браслеты, ткани, новые рубашки и другие предметы, которые они хотели продать». Автор «Рутейру» жалуется на низкие цены, которые платили португальцам, и указывает, что матросы делали покупки, «чтобы взять с собой что-нибудь из этой страны, хотя бы в качестве образца», впрочем, в следующем же предложении он заявляет, что «люди, посетившие город, покупали там гвоздику, корицу и драгоценные камни». Никто ни разу не приставал к матросам на берегу и в городе, где они бродили вполне свободно и старались использовать отпуск как можно лучше.

После того как без особых событий протекло примерно два месяца, Гама решил, что дальнейшее пребывание на берегу бесполезно. 9 августа он послал к саморину Диогу Диаша с подарками — «янтарем, кораллами и многими другими веща-

ми» — и письмом, в котором он извещал саморина, что португальцы хотят отправляться на родину. Он предлагал каликутскому правителю послать вместе с флотилией в Португалию своего представителя, попросил подарить ему для португальского короля бахар (204 килограмма) корицы и бахар гвоздики, а также продать образцы других пряностей. Прежде чем получить аудиенцию, Диашу пришлось ждать четыре дня, а после этого он был принят почти без соблюдения церемониала. К привезенным подаркам саморин не проявил никакого интереса, но потребовал, чтобы Гама, если он хочет уехать из страны, немедленно выплатил ему в качестве таможенных сборов со своих товаров сумму в шестьсот шерафинов (около 900 долларов). Когда Диаш ушел из дворца, за ним последовали сановники саморина; они пришли на склад, где лежали непроданные португальские товары, и запретили их увозить. Помимо того, было издано распоряжение, запрещающее каликутским лодкам подходить к кораблям Гамы. Диашу удалось послать свой отчет Гаме лишь после наступления темноты с матросом негром, отправившимся в рыбацкой лодке.

Полученное сообщение было очень неприятно для командующего флотилией. Некоторые члены его экипажа были сейчас фактически пленниками саморина, и отплытие судов, повидимому, приходилось отложить на неопределенное время. Кроме того, Монсайди информировал его, что мусульмане предлагали саморину большие подарки, прося его уничтожить флотилию и истребить людей, и советовали не допускать больше на берег Гаму и его офицеров. Саморин же дружелюбно заверил их, что «если капитаны сойдут на берег, им отрубят головы».

На следующий день (14 августа) каликутские лодки не показывались, но затем к кораблям опять стали в большом количестве подходить алмадии. По приказу хитрого Гамы, который ждал лишь благоприятного случая, посетителей хорошо принимали и кормили. 19 августа, в воскресенье, на корабль Гамы прибыло около двадцати пяти человек, «из которых было шесть высокопоставленных лиц». Гама внезапно приказал арестовать этих шесть и двенадцать других. Остальных отправили на берег в судовой шлюпке с письмом к мусульманскому фактору саморина; в письме говорилось, что заложники будут возвращены, когда саморин пришлет ему с берега португальцев и португальские товары, находившиеся на складе в Каликуте¹.

Напрасно прождав четыре дня, в четверг 23 августа Гама приказал поднять якоря и поставить паруса; на берег он сообщил, что возвращается в Португалию и скоро вернется и покажет народу Каликута, воры или не воры португальцы. Отчалив от Каликута,

¹ Среди заложников у Гамы было шесть наиров, которые отказались есть «оскверненную» португальскую пищу и могли умереть с голоду. Поэтому их каждый день обменивали на шесть новых наиров.

корабли прошли всего навсего четыре лиги, как сильный противный ветер заставил их снова стать на якорь. На следующий день флотилия вернулась и опять стала на якорь против Каликута. В субботу 25 августа флот вышел в море во второй раз и теперь бросил якорь в отдалении, откуда почти не было видно суши. В воскресенье к кораблям подплыла туземная лодка, и Гама сообщили, что Диогу Диаш находится во дворце саморина и что его переправят на корабль, если заложники будут освобождены. Гама предполагал, что Диаша убили, и был уверен, что посылка лодки — это уловка с целью задержать его суда до тех пор, пока саморин и мусульмане не подготовятся к нападению. Он приказал индийцам немедленно же отойти от корабля, угрожая открыть по ним огонь из бомбард, и посоветовал им не возвращаться без Диаша или письма от него. Если это требование не будет выполнено сразу же, заявил он, он обезглавит находящихся у него пленных. Гама снова велел поднять якоря и плыть на небольшом расстоянии вдоль берега.

Когда сообщение о действиях Гамы и его угрозах было передано в Каликут, саморин тут же вызвал Диогу Диаша, принял его «с явной благосклонностью и заверил, что незаконное требование шестисот шерафинов в качестве таможенного сбора исходило от его фактора, а не от него». После этого он попросил Диаша написать (железным пером на пальмовом листе) письмо, которое должно было быть вручено королю Португалии. Смысл письма был таков:

Васко да Гама, ваш придворный, прибыл в мою страну, чем я был доволен. Моя страна богата корицей, гвоздикой, имбирем, перцем и драгоценными камнями. От вас я прошу в обмен золотого, серебра, кораллы и алые ткани.

27 августа в понедельник к кораблям подплыли семь лодок с Диашем и другими португальцами. Так как индийцы не возвратили требуемых товаров, они боялись предстать лицом к лицу перед разгневанным Гамой; поэтому они высадили привезенных португальцев на баркас, привязанный к корме флагманского корабля. Диаш передал слова саморина, который просил вернуть заложников, обещал поставить падран и выразил желание, чтобы он, Диаш, вернулся в город и остался с товарами. Гама передал падран¹ сидевшим в лодке индийцам и отпустил шесть пленных, обещав отдать других, когда будет возвращен товар.

Рано утром во вторник 28 августа послышался плеск весел. С одного из кораблей спустили трап и на борт поспешно взобрался Монсайди, «человек из Туниса». Он был охвачен паническим страхом и заявил, что все его имущество конфисковано, а его жизнь

¹ Этот падран был посвящен святому Габриэлу. Однако нет никаких сведений о том, чтобы саморин действительно его поставил.

находится в опасности; его обвиняли в том, что он — христианский шпион, подсланный королем Мануэлом. Он умолял, чтобы ему разрешили уехать с флотилией из Индии и спасти хоть свою жизнь, раз уж собственность его была конфискована. Гама разрешил ему это¹.

Вскоре после появления Монсайди к кораблям подплыло несколько лодок, полных людей. Три лодки были нагружены полосатой тканью — это была часть товаров, оставленных на берегу, — а один человек с передней лодки крикнул Гама, что если он вернет всех заложников, ему будут возвращены и остальные товары. Гама, всегда скорый на гнев, велел лодкам убираться прочь, заявив, что товары для него не имеют никакого значения и что он забирает заложников в Португалию², а когда он вернется — а вернется он обязательно, — он покажет народу Каликута, действительно ли он и его люди разбойники, в чем их обвиняли мусульмане.

В среду 29 августа Гама устроил совет своих офицеров. Общее мнение было таково, что они побывали в стране, для открытия которой и пустились в этот путь, нашли образцы различных пряностей и драгоценных камней и что было бы лишней тратой времени пытаться еще установить дружественные отношения с Каликутом, принимая во внимание открытую враждебность богатых и влиятельных мусульман и их решающее воздействие на саморина. Совет был закрыт, якоря подняты, паруса поставлены, на мачтах и реях, под звуки барабанов и труб, взвились флаги. Три корабля, проделавшие одно из важнейших по своим последствиям плаваний в истории, медленно повернули на северо-запад, держа курс на Африку, мыс Доброй Надежды и Лиссабон. Их миссия была осуществлена успешно. Морской путь в Индию был найден, и Васко да Гама, командир экспедиции, занял в анналах человечества бессмертное место.

¹ Монсайди благополучно прибыл в Португалию и позже был крещен.

² Возможно, что он с самого начала намеревался сделать именно так. Пять заложников прибыли в Лиссабон с флотилией Гамы и были отвезены назад в Каликут Педру Алваришем Кабралом в 1500 году.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

То наших предков край, страна родная!
Там, если бы я только возвратился,
Я был бы счастлив, даже умирая,
В сознании, что мой замысел свершился!

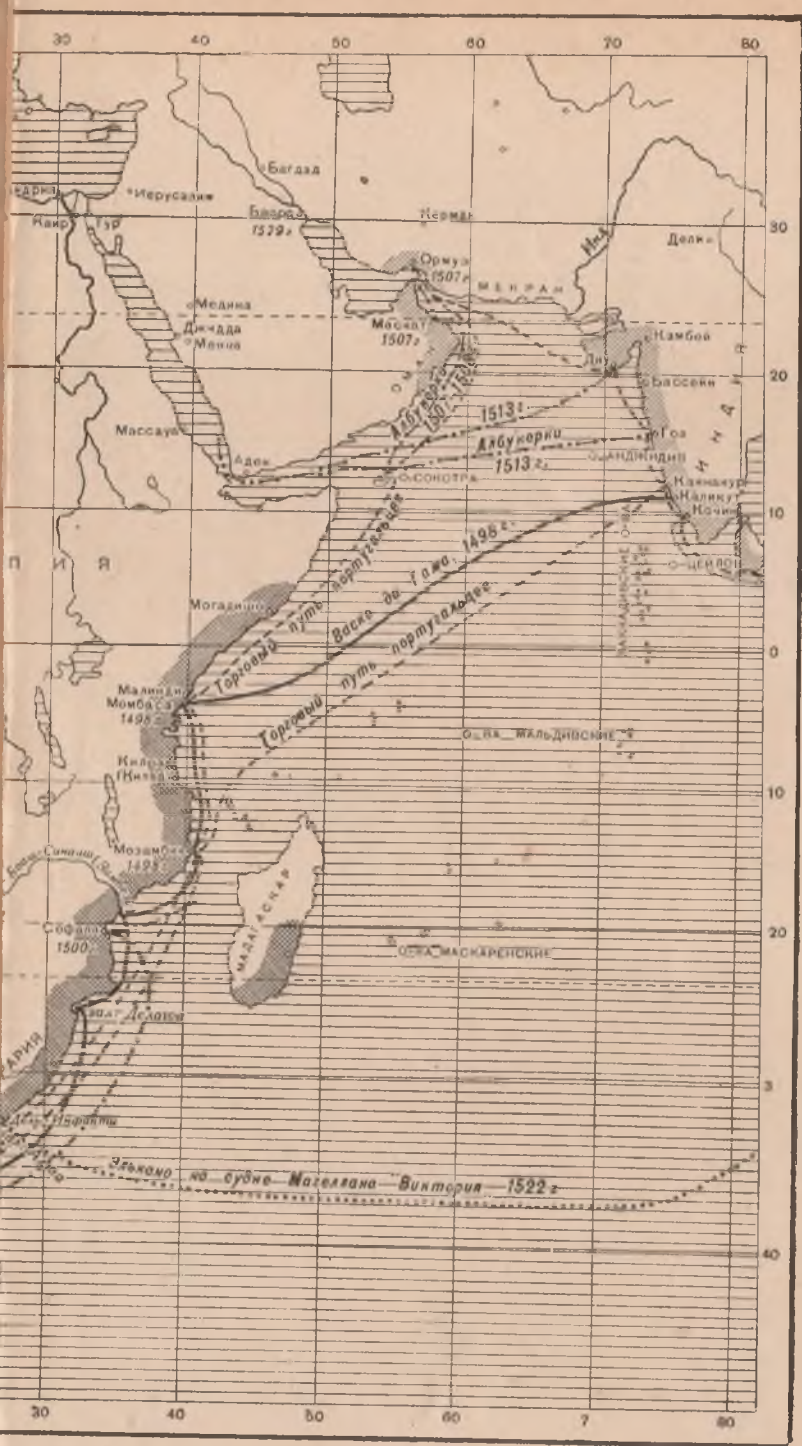
Камознс, «Лузиады», III, 21.

Плавание назад, к африканскому берегу, началось с инцидента, который мог бы иметь серьезные последствия. В полдень того дня, когда были подняты паруса, ветер спал и флотилия остановилась поблизости от Каликута. Сразу же корабли окружило около семидесяти лодок с вооруженными людьми. Гама очистил палубы для боевых действий и, подождав, пока лодки подойдут на расстояние выстрела, открыл огонь из бомбард. Тем временем снова подул ветер. Несмотря на залпы, лодки продолжали преследовать корабли около полутора часов. К счастью для обеих сторон, поднялась буря и, наполнив паруса судов Гамы, вынесла их в открытое море; «а когда они увидели, что уже больше не могут принести нам вреда, они повернули назад, а мы продолжали наш путь». В течение нескольких дней вследствие слабых ветров и чередующихся бризов с суши и с моря корабли держались около берега.

В понедельник 10 сентября 1498 года Гама, находясь неподалеку от маленького городка, воспользовался этим, чтобы высадить на берег одного из шести заложников — человека, потерявшего глаз, — с письмом примирительного тона к саморину, которое написал Монсайди на арабском языке. Командир флотилии объяснял в своем письме, что он увез малабарцев для того, чтобы доказать королю, какие он сделал открытия, и отмечал, что он не оставил в Каликуте своего фактора только потому, что он боялся, что мусульмане убьют его ¹.

В субботу 15 сентября флотилия оказалась около небольших островов Санта-Мария, и на одном из этих островов был установлен третий падран, по имени Санта-Мария. Дружественно настроенные рыбаки поднялись на борт кораблей, а позже помо-

¹ Один португальский хронист пишет, что письмо понравилось саморину и семьям похищенных!



Океане и западной части Индийского океана.

гали воздвигнуть падран. 20 сентября корабли прибыли на Анджидивские острова (14°45' северной широты, вблизи индийского берега)¹. Там флотилия стала на якорь и запаслась дровами и водой для перехода в Африку. Были получены образцы корицы (или кассии) и на борт были взяты свежие овощи. Пока команды занимались этой работой, два довольно больших судна приблизились к якорной стоянке. Поскольку марсовый с верхушки мачты известил, что в море видны еще шесть судов, задержанных штилем, Гама решил, что его преследует неприятель, и приказал потопить оба корабля. Одному удалось ускользнуть, у другого был поврежден руль, а когда португальцы подошли ближе, команда бежала на судовой лодке. Матросы Гамы вступили на покинутое судно, но нашли там лишь продовольствие, кокосовые орехи, пальмовый сахар и оружие. По остальным семи судам был открыт огонь — неизвестно с какими результатами. На следующий день индийцы, попавшие на борт, сказали командиру, что эти суда были посланы из Каликута, чтобы уничтожить португальскую флотилию. Но нет никаких доказательств, что они сказали правду.

На следующее утро команда накренила корабли «Сан-Габриэл» и «Берриу» и начала чинить их и чистить. Пока велась эта работа, подошли две галеры (*фусты*), полные вооруженных людей. Они гребли под звуки барабанов и волюнок. Заложники сообщили тогда Гаме, что галеры эти — пиратские суда, занимающиеся разбоем и убийствами. Гама открыл стрельбу по ним, как только они оказались в пределах досягаемости, и они бежали, некоторое время преследуемые Николау Коэлью.

Во время стоянки флотилии у Анджидивских островов Гаму посетил человек, который впоследствии оказал португальцам большую помощь в их индийских предприятиях. Ему по видимости было лет сорок, и он был хорошо одет. Он обратился к Гаме на венецианском наречии и заявил, что он — христианин, прибывший в молодости в Индию с Запада, и что в настоящий момент он находится на службе правителя Гоа (см. главу двадцать первую). Он прибавил также, что его обратили в ислам, «хотя в душе он попрежнему христианин». Услышав, что в Каликут прибыли какие-то франки, он попросил у своего господина разрешения посетить корабли. Его просьба была удовлетворена. Правитель Гоа передал ему письмо, в котором приветствовал португальцев и изъявлял им чувства дружбы. Пришелец был общительным человеком, «который говорил так много и о стольких вещах, что иногда он противоречил сам себе».

¹ Анджидивские острова — группа очень маленьких островов, позднее включенных в португальскую колонию Гоа. — *Прим. ред.*

Пока чужеземец без умолку тараторил, Паулу да Гама тайно расспросил о нем индийцев, которые сопровождали его, и получил удивительный ответ: это был пират! После этого Гама приказал схватить его, отвести на судно, вытасченное на берег, и там висечь, чтобы он признался. Хотя он и заявил теперь Гаме, что чужестранцев подстерегают корабли, которые нападут на них, как только будут собраны достаточные силы, он не хотел изменить показаний о себе самом. Гама без колебаний приказал пытать его. Пленника пытали три или четыре раза, так что он не мог уже говорить и только жестами показывал, что он явился разведать все, что можно, о португальских кораблях и их вооружении. Его перестали пытать, но оставили на корабле Гамы. Через несколько дней, когда корабли были далеко в море, пленный признался, что господин послал его с тем, чтобы заманить флотилию к себе в страну, а там он намеревался использовать португальцев для войн с соседними государями. Васко да Гама взял его в Португалию; там он был крещен и получил имя Гашпар да Гама, хотя иногда его называют Гашпаром да Индия. Позже он сопровождал Кабрала на Восток в качестве переводчика и участвовал в некоторых других португальских экспедициях в Индию. Последнее упоминание о нем относится к 1510 году. Сообщалось, что он был фаворитом короля Мануэла, который сделал его кавалером своего двора. Лунардо да Ка Мессер, бывший в 1504 году венецианским послом в Лиссабоне, рассказывал в письме к Синьории¹, что Гашпар женился на португалке (хотя один источник утверждает, что у него была жена в Кочине, а другой, что у него были жена и дети в Каликуте) и что он получил за свои услуги государственную пенсию в семьсот дукатов в год. Флорентиец Джироламо Серниджи, находившийся в Лиссабоне в момент возвращения Гамы, видел Гашпара и подробно рассказал о нем в письме к флорентийскому другу, впервые опубликованном в 1507 году. Гашпар признался Серниджи, что он еврей; его родители бежали из Познани (в Польше) во время гонений на евреев при короле Казимире (около 1456 года)²; после короткого пребывания в Палестине они переехали в Александрию, где родился Гашпар. Серниджи называет его «лоцманом», между тем как в одном письме короля Мануэла (к кардиналу Жоржи да Кошта) говорится, что он был купцом и гранильщиком.

Флотилия оставалась у Анджидивских островов двенадцать дней и отплыла после того, как было сожжено одно захваченное

¹ Синьория — олигархическое правительство Венецианской республики. — *Прим. ред.*

² Казимир IV Ягеллончик (1427—1492), великий князь литовский (с 1440 года) и польский король (с 1447 года). — *Прим. ред.*

индийское судно — хотя его капитан предлагал крупную сумму за его возврат. Плавание по Аравийскому морю было ужасным. Оно продолжалось со 2 октября 1498 года до 2 января 1499 года, и в течение всего этого времени флотилии приходилось иметь дело только с мертвым штилем да противными ветрами. Все овощи были съедены, вода протухла, пищи нехватало, и среди команды снова вспыхнула цынга. Тридцать человек умерло от этой болезни, а еще тридцать умерло раньше; здоровых членов команды, которые могли работать, осталось мало — на каждом корабле только по семь-восемь человек, и даже эти несколько человек были слишком слабы для того, чтобы делать свое дело как следует. «Дошло до того, что исчезла всякая дисциплина», и даже Гама, известному своей железной волей, с трудом удавалось добиться повиновения. Наконец он созвал совет своих капитанов: они были в таком отчаянии, что пришли к решению: «в случае, если нам позволит попутный ветер, мы вернемся в Индию, откуда приплыли».

Наконец счастье улыбнулось бедным португальцам: «богу в его милосердии было угодно послать нам ветер, который за шесть дней принес нас к земле, и мы радовались ей так, как если бы мы увидели Португалию, потому что мы надеялись с божьей помощью восстановить здесь наше здоровье».

Земля была замечена вечером 2 января 1499 года, а на следующий день мореплаватели увидели, что они находятся против большого города на незнакомом берегу¹. Оказавшись без лоцмана и не располагая ничьей помощью, португальский главнокомандующий побоялся высадиться, он — может быть, в знак радости, может быть, в слепой ярости против чужеземных народов — выстрелил из нескольких бомбард и продолжал свой путь вдоль берега. 5 января на флотилию налетела буря, серьезно повредив «Сан-Рафаэл»; в довершение всего флотилия подверглась нападению пиратов, плывших на восьми лодках, но при помощи бомбард их удалось отогнать.

Наконец 7 января, в понедельник, на горизонте увидели Малинди, и усталые моряки бросили якорь в знакомом им месте. Встретили их радостно, и дружественный правитель прислал овец, апельсинов, яиц и другое продовольствие. «Но, — трагически добавляет автор «Рутейру», — наши больные не воспользовались этим: климат так подействовал на них, что многие из них там и умерли».

Когда Гама увидел, какое великодушие проявил правитель Малинди, он решил попросить его сделать новое одолжение: «он выпросил бивень слона для короля [Португалии], его господина,

¹ Это был Могадшо (Магадошу на португальских картах).

и попросил, чтобы на земле был поставлен столб [падран] в знак дружбы». Султан послал бивень и приказал поставить падран¹. Он также послал на корабль молодого слугу — араба, который, по его словам, хотел ехать в Португалию. Этот мальчик вернулся на родину в 1501 году на одном из кораблей Кабрала. Флотилия стояла в дружественном Малинди в течение пяти дней и в пятницу 11 января отправилась дальше в свой долгий путь, на родину, Проходя Момбасу, корабли в воскресенье 13 января бросили якорь против мели Сан-Рафаэл. К этому времени, в результате смертей и тяжелых болезней, так сократилась численность экипажа и так упали его силы, что Гама решил, что он не сможет управиться с тремя кораблями с помощью той кучки людей, которая у него осталась. Груз с «Сан-Рафаэла» и его снаряжение были перенесены на другие суда; оставшиеся члены команды были тоже распределены между двумя кораблями. Статуя, стоявшая на носу обреченного судна², была бережно перенесена на корабль Гамы, и «Сан-Рафаэл» подожгли. Команда печально смотрела на горевший корабль, который более полутора лет был ее домом — в бурю и в штиль, в мирных водах и у вражеских берегов.

После пятнадцати дней стоянки у мели Сан-Рафаэл суда прошли мимо Занзибара и 1 февраля бросили якорь около острова Сан-Жоржи, близ Мозамбика. На следующий день был поставлен падран на том самом острове, где команда слушала мессу по пути в Индию. Когда к столбу прикрепляли крест, хлынул дождь, затушивший костер, на котором расплавлялся свинец для укрепления креста. Португальцам пришлось оставить столб без креста и, несмотря на бурю, продолжить свой путь.

20 марта, в хорошую погоду, корабли обогнули мыс Доброй Надежды. Автор «Рутейру» выражает в связи с этим радость, что

¹ Когда Кабрал посетил Малинди в 1501 году, этого падрана уже не было, он был снесен по требованию населения Момбасы. На месте старого был поставлен новый, из песчаника, который стоит и теперь. В этой местности он известен как столб Васко да Гамы.

² Интересно отметить, что 24-дюймовая дубовая статуя святого Рафаэла высоко ценилась Васко да Гамой в течение всей его жизни — вероятно, вследствие его глубокой любви и привязанности к брату Паулу, капитану злополучного судна; Васко брал эту статую с собой во время двух последующих путешествий в Индию. Потомки адмирала ценили статую как наследственное достояние. Граф дон Франсишку, его праправнук, дважды возил статую с собой, исполняя должность вице-короля, а более поздний потомок, маркиз Низа, брал ее с собой во время своих двух посольств во Францию в 1642 и в 1647 годах. Позже статуя была помещена в церковь в Видигейре (см. главу двадцать вторую). В 1840 году она была перенесена в другую церковь, а в 1853 году была передана в церковь монастыря иеронимитов в Белене, где покоятся останки великого Васко. Статую можно видеть там и сейчас.

оставшиеся в живых члены команды «были вполне здоровы и очень крепки, хотя иногда они чуть не помирали от холодных ветров, которые на нас дули».

Миновав мыс, в течение двадцати семи дней суда шли с хорошим попутным ветром. 16 апреля, находясь неподалеку от Сан-тиагу, одного из островов Зеленого мыса, они попали на несколько дней в штиль и, наконец, подошли к берегам Гвинеи около островов Бисагуш¹.

Вскоре после того, как была достигнута широта островов Зеленого мыса, «Сан-Габриэл» и «Берриу» по неизвестным причинам разошлись — может быть, их разбросала в разные стороны буря. Коэлью продолжал свое плавание один (возможно, как некоторые предполагают, он рассчитывал на награду). Коэлью прибыл в Кашкаш² и пересек Лиссабонскую отмель в среду 10 июля 1499 года. Васко да Гама, прождав «Берриу» сутки, отправился к Сан-тиагу. Там он передал команду над флагманским кораблем «Сан-Габриэл» Жуану да Са, приказав ему отправляться как можно быстрее с донесением в Португалию.

У Васко да Гамы была другая задача, столь настоятельная, что он забыл и думать о триумфе, который ждал его в столице. Его брат Паулу, которого он любил больше всего на свете, умирал от чахотки, и Васко стремился попасть в Португалию быстрее, чем он мог бы дойти на «Сан-Габриэле». Для этого он зафрахтовал каравеллу и на этой каравелле первооткрыватель Индии вместе со своим братом поплыл в Португалию. Но усилия Васко были тщетны. Паулу становилось все хуже и хуже, так что Васко вынужден был высадиться в порту Ангра на острове Терсейра (Азорские острова), потому что он боялся, что в противном случае Паулу умрет в пути и его тело придется бросить в океан — мысль об этом ужасала его. Паулу был перенесен на берег и на следующий день умер, «как добрый христианин, каким он был» («como muito bõ christão que era»). Таким образом Васко смог по крайней мере похоронить мягкосердечного и доброго Паулу со всеми почестями на португальской земле, в церкви Сан-Франсишку, на Терсейре. Церковь эта, построенная в 1452 году, в 1666 году была разрушена и вновь восстановлена и освящена в 1672 году. Место, где находилась могила Паулу, в результате перестройки было затеряно. Тщательные поиски впоследствии оказались бесполезными. Через триста пятьдесят лет после смерти Паулу губернатор Азорских островов велел воздвигнуть в главной

¹ Тут «Рутейру» внезапно обрывается; данные о конце путешествия приходится черпать из других источников.

² Кашкаш — приморский рыбацкий поселок у входа в устье реки Тежу, в 25 километрах к западу от Лиссабона. — *Прим. ред.*

капелле церкви мраморную плиту со следующей надписью (на португальском языке):

Памяти
брата Васко да Гамы,
знаменитого мореплавателя,
ПАУЛУ ДА ГАМЫ,
погребенного
в этой церкви
в 1499 году.

Воздвигнул ему этот камень
гражданский губернатор
А. Ж. В. Санта-Рита
28 января 1849 года.

Как только братья Гама высадились на Терсейре, в Лиссабон была отправлена каравелла с известиями. Между тем Жуан да Са продолжал свой путь на «Сан-Габриэле» и прибыл в Португалию вскоре после Николау Коэлью, плившего на «Берриу». Дата его прибытия неизвестна, но это произошло еще до 28 августа 1499 года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВАСКО ДА ГАМЫ

Все выше, выше, выше,
 На мачту лезь, матрос!
 Не видно ль португальских,
 Испанских берегов?
 О капитан, я вижу,
 Будь, капитан, готов —
 Дошли до португальских,
 Испанских берегов!

Аноним.

Выполнив прискорбный долг — похоронив брата, Васко да Гама с тяжелым сердцем отплыл с Терсейры в Португалию. Корабль прошел близ скалы Синтры, обогнул мыс Разу, миновал рыбацкий поселок Кашкаиш, вошел в Тежу и бросил якорь в Риштеллу, около четырех миль ниже Лиссабона. В момент, когда якорный канат опускался, Гама осознал, что он наконец закончил плавание в Индию — плавание, которое заняло свыше двух долгих лет, полных приключений и тяжелых трудов.

Мы могли бы с полным вероятием предполагать, что португальцы тщательно записали дату появления Васко да Гамы в Лиссабоне после его великого плавания. Однако в официальных записях, относящихся к этому событию, дата не приводится.¹ У нас нет также подлинных сочинений современников, которые упоминали бы эту дату или сообщали бы какие-либо подробности.

В течение последующих столетий историки спорили по поводу дня прибытия Гамы — этот день относили к 29, 30 и 31 августа и даже к 1 сентября 1499 года². Как только король Мануэл узнал о том, что командующий флотилией находится в Белене, он послал ему навстречу дона Диогу да Силва ди Минезиш, графа Порту Алегри и несколько придворных. Они сопровождали Гама

¹ Историки XVI века придавали датам мало значения; они часто говорили о важных событиях, не называя дат, а то и имен. И дон Мануэл в своем письме к испанским монархам, где он сообщал об открытии морского пути в Индию, просто говорит об «одном из капитанов, который вернулся» (возможно, Козлю), не называя его по имени.

² Некоторые историки полагают, что по прибытии Гама провел девять дней в уединении, скорбя по умершему Паулу.

во дворец, «куда было трудно попасть, потому что собралось множество народа, чтобы посмотреть на такое диво, каким был для них Васко да Гама — не только потому, что он осуществил столь великий подвиг, как открытие Индии, но и потому, что все думали, что он умер».

В сопровождении своего почетного эскорта великий Васко подошел к королю Мануэлу, который принял его со всей торжественностью и пышностью в присутствии всего двора. Никакого описания приема и вообще того, что делалось, когда Васко да Гама стоял перед своим королем и давал ему отчет, до нас не дошло; нет ни одной записи речи, произнесенной им по данному случаю¹.

Совершенно несомненно, что дон Мануэл был очень доволен исходом всего предприятия. Действительно, еще до возвращения Гама король послал два письма с сообщением об открытии — одно своим тестю и теще, испанским монархам, другое кардиналу дону Жоржи да Кошта в Рим². В обоих письмах король выражал свою радость по поводу открытия и очень кратко рассказывал о его последствиях. В письме, отправленном в Испанию, Мануэл особо подчеркивал, что теперь церкви представляется возможность расширить свое влияние и что это открытие создает перспективы «для уничтожения тамошних мавров» и для того, чтобы передать «жителям и кораблям нашего королевства великую торговлю, которая сейчас обогащает тамошних мавров, через чьи руки она проходит без участия других лиц и народов».

В Лиссабон вернулись два корабля из четырех, отправившихся в Индию в июле 1497 года, — «Сан-Габриэл» и «Берриу». Из команды, отправившейся в путь в тот солнечный день столь весело, под развевающимися флагами и под воинственную музыку, вернулось меньше половины. Хотя во дворце ликовали, в скромных домах на берегу, где жило так много молодых людей, парней, вступивших в схватку с незнакомыми морями и выдерживавших нападения дикарей и варваров в отдаленных странах, а теперь лежавших в могилах на неизвестных берегах или на дне моря, — в этих домах было много горя и плача. Этим людям не было поставлено памятника; ни во дворце, ни в церкви не произносили похвал в их честь, и их имена нигде не были начертаны для всеобщего обозрения; но они представляли собой становой хребет экспедиции, и без них все предприятие закончилось бы самым

¹ Много ценных документов и текстов этого периода было уничтожено во время страшного землетрясения в Лиссабоне в 1755 году.

² Было еще третье письмо, адресованное папе Александру VI, но оно не найдено.

плачевным образом. Хотя мы и не знаем их имен, они — наравне с Васко да Гамой — тоже герои открытия морского пути в Индию.

Нам, людям иного века, привыкшим к подробнейшим записям мельчайших событий в биографических (включая автобиографические) и в исторических сочинениях, где незаслуженно пользуются вниманием даже маловажные и пустячные обстоятельства, кажется очень странным, что так мало дошло до нас подлинных сказаний о первом плавании Васко да Гамы. Смутное предание, согласно которому он будто бы сам написал отчет об этой экспедиции, до сих пор никак не подтверждено. Хронисты царствований дона Мануэла и его преемника короля Жуана III уделили мало места рассказу о двадцати шести месяцах штормов и штилей, о плавании с примитивными и неточными инструментами по неисследованному морю, о вредном климате, о страшной цынге, о скудной и часто плохой пище, об опасностях, встреченных при соприкосновении с народами африканского побережья и Индии, и о трудностях, которые постоянно возникали при управлении командами, состоявшими из людей невежественных, полных суеверий, плохо снаряженных и обученных для того, чтобы вынести отчаянное напряжение подобного плавания. Историки прежних времен, занимавшиеся больше воспеванием и прославлением королей, проходили мимо личных деяний Васко да Гамы. Только его неиссякаемая энергия и железная воля спасли экспедицию от неудачи, спасли команды от разложения или даже от полной гибели. Он был одновременно всюду; он призывал, подгонял, жертвовал своими собственными удобствами, подавал людям пример своею работой, расписывал им чудеса Индии, говорил о славе, которую они завоюют своим предприятием, о щедром вознаграждении, какое они получают, когда вернутся домой. Если метод убеждения не действовал, он давал волю своему страшному гневу, кричал, замахивался кулаками, ругался и грозил ужасными наказаниями, так что к уважению прибавлялся низкий страх — и его боялись больше, чем опасностей, всегда подстерегавших экипажи кораблей.

Народ Португалии был безмерно удивлен тем бесстрашием, мужеством и громадным упорством, благодаря которым горстка людей совершила так много; еще со времен Гамы соотечественники смотрели на него самого и на его матросов как на гомеровских героев; их историческая миссия в Индию в представлении португальцев стала великим национальным эпосом.

Что касается материальных свидетельств успеха экспедиции, привезенных на родину, то их было мало — кучка пряностей и драгоценных камней, которые его факторы, офицеры и матросы

получили в обмен за свои товары и личные вещи; однако этого было достаточно для того, чтобы подтвердить традиционное представление о великих богатствах, таившихся в Индии, а заложники, вместе с Монсайди и Гашпаром да Гамой, засвидетельствовали правильность отчета, представленного королю Мануэлу.

Ближайшие же результаты успешно закончившегося плавания Гамы были значительно больше, чем ближайшие результаты открытий Христофора Колумба. Колумб нашел голых дикарей с их травяными хижинами там, где он думал увидеть громадные дворцы, цивилизованные народы и богатства, способные удовлетворить любую жадность; Васко да Гама нашел морскую дорогу к странам, где были пряности, слоновая кость, золото и драгоценные камни, и доказал, что моря вокруг Индии не были внутренними, как полагали многие из старых географов. Диаш обогнул Мыс; его экспедиция дала *boa esperança* — «добрую надежду», а плавание Гамы в Каликут превратило «добрую надежду» в *boa certeza* — «добрую уверенность».

Плавание в Индию было, по всей вероятности, величайшим подвигом в области морских путешествий, известных до того времени; как подвиг мореплавания оно во всех отношениях более замечательно, чем путешествие Колумба. Колумб проплыл гораздо более короткую дистанцию в течение нескольких недель; большую часть времени ему помогали попутные ветры, так что после Канарских островов он плыл более или менее по прямой линии. Плавание Гамы продолжалось целых двадцать шесть месяцев, и он прошел на много тысяч миль больше, чем Колумб. К тому же, сравнение наблюдений, проведенных Колумбом и Гамой, показывает, что португалец Гама был гораздо более точным, чем генуэзец Колумб. Путем, найденным Гамой, в течение почти четырех столетий плавали суда, шедшие на Восток из Европы. Этот путь забросили только с открытием Суэцкого канала, и он все еще используется, когда Гибралтарский пролив и путь через Суэц закрывает война.

Даже если отбросить вымыслы эпической поэмы Камознса и мифы, выросшие вокруг фигуры Васко да Гамы, его первое плавание было одним из событий, составляющих эпоху в истории человечества после похода Александра Македонского в Индию в 327—324 годах до нашей эры: это была первая встреча целой экспедиции людей Запада с людьми Востока. Хотя ни Европа, ни Азия не могли в то время осознать этого, ход мировых событий был направлен по новому руслу. Гама и его корабли открыли новые далекие горизонты. В последние два десятилетия XV века Бартоломеу Диаш, Христофор Колумб и Васко да Гама раздвинули границы европейского мира в различных направлениях на тысячи и тысячи миль. Были пересечены и нанесены на карту океаны, по которым европейцы раньше не плавали, осмотрены

неведомые берега, исследованы новые земли. Людей Запада море больше не ограничивало и не сковывало, отныне они стали исследовать и заселять далекие страны, завоевывать и эксплуатировать чужие народы — этот процесс достигает своих пределов, повидимому, только в наши дни¹.

Другое важное последствие открытия морского пути в Индию — окончательное смещение центра европейской истории. В древние времена великой ареной морских предприятий, начиная с первых путешествий сидонских, тирских и карфагенских галер, было Средиземное море. Появление Ганзейского союза с его торговыми пунктами по западному морскому побережью Европы было отмечено ростом ряда атлантических портов. Экспансия Оттоманской империи и пиратских североафриканских государств, наряду с падением Константинополя, сделала средиземноморские торговые пути еще более опасными и ненадежными; препятствовала мореплаванию и наносила огромный ущерб транзитной караванной торговле.

Открытие Америки Колумбом и открытие морского пути в Индию Гамой завершили процесс, в результате которого атлантическое побережье получило преобладающее значение для развития торговли и укрепления мощи европейских государств, а Средиземное море перестало быть центром западной торговли.

Открытие португальцев привело еще к одному большому изменению. До плавания Гамы на торговле с Востоком, прямо или косвенно, наживались — и вследствие этого приобретали возможность поощрять культуру и образование — города Италии: торговля с Востоком наполняла их сокровищницы и укрепляла их мощь.

Едва только «Сан-Габриэл» и «Берриу», вернувшись из Индии, бросили якоря в водах Тежу, как итальянские послы и шпионы в Португалии стали посылать отчаянные письма своим правительствам: они быстро поняли серьезную угрозу, создающуюся для процветания Италии. Один венецианец писал в своем дневнике: «Как только новость о возвращении Гамы достигла Венеции, народ был поражен как громом и наиболее мудрые из людей считали это худшим известием, какое только могло быть получено». Эта новость означала, что поток богатства отхлынет от итальянских городов к берегам Атлантического океана и что след за центрами торговли с Средиземного моря передвинутся на запад и центры европейской цивилизации.

Наконец, открытие пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды ослабляло владычество турок, так как оно привело к тому,

¹ В наши дни подъем национально-освободительного движения среди полуколониальных и колониальных народов, действительно, кладет предел их дальнейшей эксплуатации большими и малыми империалистическими державами. — *Прим. ред.*

что на Востоке обосновалась европейская держава, которая вскоре значительно сократила турецкие доходы. Это способствовало постепенному ослаблению мусульманской державы, которая угрожала низвергнуть королевства Западной Европы, подобно тому как она уничтожила Римскую империю и другие империи на Востоке.

Тем не менее Гама не выполнил одной важной задачи, стоявшей перед его экспедицией. Ему не удалось проявить то сочетание проницательности, такта и терпения, которое столь необходимо в ведении дел с народами Востока. Он всюду вызывал недовольство и ненависть — как на берегах Африки, так и в Индии. Это недовольство и ненависть, а также страх, который внушали его высокомерие, надменность и его беспощадная решимость, его ничем не сдерживаемый темперамент и его пренебрежение правдой, когда ему казалось, что ложь лучше служит его целям, — все это затрудняло завоевание и эксплуатацию открытых им стран для тех, кто пришел после него, и в конечном счете в значительной степени способствовало утрате престижа и упадку могущества португальцев в Африке и Азии¹.

¹ Конечно, этот упадок объясняется рядом других причин, которые связаны как с историческим ходом событий в самой Португалии, так и с ростом морского могущества других западноевропейских держав, представители которых вели себя в захваченных ими странах не лучше Васко да Гамы. — *Прим. ред.*

ПОРТУГАЛИЯ, 1499—1502 ГОДЫ

Знать, португальским всем товарам
Сбыт обеспечен в Свете Старом.

*Памфлет на английскую политику,
из книги Хаклюйта «Путешествия»
(изд. 1598—1600), I, 189.*

Сразу после получения сообщения Коэлью (а может быть, Жуана да Са) об успехе плавания Гамы и даже до того, как адмирал прибыл в Лиссабон, дон Мануэл прибавил к своему титулу «короля Португалии и Алгарви по сю сторону и за морем, в Африке»¹ титул «владельца Гвинеи и завоеваний, мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии»². В ознаменование этого события была даже отчеканена золотая монета. Она весила 712 гран, стоила 10 крузаду — примерно 25 долларов — и называлась «португеш».

Успех Гамы не только побудил короля Мануэла принять новый пышный титул, который фактически мало согласовывался с достижениями первого похода в Индию, но и вообще возымел странное на него действие. Легкомысленный и беспокойный по природе, король ушел с головой в строительные дела, проявив больше пыла, чем рассудительности; более того, жажда власти, порожденная успехами в Индии, заставили его совершить ряд поступков, граничивших с сумасшествием. Непосредственный предшественник Мануэла, Жуан II, так много сделавший для поощрения исследования дальних морей, покоился в Сэ — кафедральном соборе Силвиша³. Одним из первых актов Мануэла после возвращения Васко да Гамы из Индии был приказ перенести тело Жуана в монастырь Батальи. Это было сделано, как показалось многим португальцам, с неподобающей пышностью и торжественностью.

Передвигаясь из одной местности в другую в сопровождении грандов государства, архиепископов, епископов, восьмидесяти капелланов и певчих,

¹ Заморской Алгарви называлась северо-западная окраина Африки, прилегающая к Гибралтарскому проливу, завоеванная португальцами в правление короля Афонсу V «Африканского» в третьей четверти XV века. — *Прим. ред.*

² Впервые этот титул был употреблен в письме к кардиналу дону Жоржи да Кошта, 28 августа 1499 года.

³ Силвиш — старинный город южнопортугальской области Алгарви, бывший в то время областным центром. — *Прим. ред.*

король, перед которым шел дико гремевший оркестр, состоявший из трубачей, свирельщиков, тромбонистов и барабанщиков (а ночью перед ним шли фкельщики), проходил через равнины королевства в течение нескольких суток без перерыва, ведя погребальный кортеж. По ночам, среди молчания печалющегося народа, где бы кортеж ни останавливался, [Мануэлу] являлся дух усопшего короля, а в церкви Батальи, среди ночи, когда церемония [переноса] закончилась, воспоминание о человеке, проявившем такую настойчивость в подготовке великого дела, завершение которого было сейчас увенчано успехом, вызвало у него жгучее любопытство. Почти тайно он прошел в церковь и приказал открыть гроб Жуана, чтобы посмотреть на него. Он увидел тело, покрытое известковой пылью, и велел монахам сдуть ее через тростниковые трубки и сам им помогал, а потом он стал вновь и вновь целовать руки и ноги мертвеца. То была драматическая встреча — встреча мертвого и живого королей. На это зрелище стоило посмотреть.

Вскоре после этого (10 декабря 1500 года) Мануэл приказал выкорчевать все оливковые деревья в Лиссабоне — именно они придавали городу живописность, — росшие во дворах церквей, монастырей или феодальных дворцов. Он приказал также расчистить и выровнять место у городских стен и в некоторых других частях города.

Особенно важно было то, что он начал строить новые общественные здания, в том числе величественные дворцы Рибейра, Каза-да-Индия, Алмасинш (королевские пакгаузы) и Терсенаш (склады) в Катакифараше. Полный нетерпения и стремясь жить в возбужденной атмосфере строительства, шума и сумятицы, он отремонтировал дворец Сантуш-у-Велью и поселился в нем на время, пока строились его новые дворцы.

Наиболее честолюбивым проектом Мануэла в это время была постройка церкви иеронимитов в Белене, на месте церкви, в которой молились Васко да Гама и его моряки перед отправлением в свое полное приключений плавание. Эту церковь он задумал как вечный памятник в честь открытия Индии. Она до сих пор остается одним из величайших памятников архитектуры португальского Возрождения и представляет особый интерес для тех, кто изучает жизнь и приключения Васко да Гамы и Луиша Камоэнса.

Территорию Риштеллу король получил от братьев ордена Христа и в декабре 1499 года передал ее «главе и братьям ордена святого Иеронима — это был святой, которого король считал своим личным покровителем, — чтобы они воздвигнули там монастырь, возложив на них обязанность, помимо треб, предусмотренных по уставу, молиться за душу инфанта [Генриха], основателя раньше стоявшей на этом месте церкви, молиться за монарха-дарителя и его преемников». После этого Мануэл изменил название местечка Риштеллу на Белен (Вифлеем). Когда орден Христа отдавал эту церковь, он, к сожалению, удалил каменную статую богоматери с Христом, сидящих на деревянном кресле, — эта статуя

была в церкви, когда Гама и его матросы бодрствовали в ночь на 8 июля перед отплытием в Индию. Монахи поставили статую в старой церкви Непорочного Зачатия («Conceição Velha»), где она находится и до сих пор, не пострадав от ужасного пожара, который разрушил значительную часть церкви.

Фундамент монастыря иеронимитов был заложен в 1499 году, а 6 января 1501 года на месте, предназначенном для главного входа, был заложен освященный камень: по этому случаю состоялась торжественная церемония в присутствии короля, королевской фамилии, двора и большой толпы народа. Строительство этого большого монастыря продолжалось до 1551 года, когда Жуан III приказал прекратить работы. В XIX веке были сделаны пристройки и изменения в здании, но в основном оно сейчас осталось таким, каким было в середине XVI века.

Мануэл не пользовался репутацией слишком великодушного монарха, но, повидимому, по отношению к Васко да Гаме он был очень щедр и стремился вознаградить его за великие услуги, оказанные короне. К сожалению, имеются данные о том, что Гама был жаден и алчен, его не удовлетворяла ни одна награда, которую его властелин мог счесть приличествующей для него.

Гама любил город Синиш, где он родился и где его отец был *alcaide móg* (главным начальником). Когда его спросили, чего он хочет, он, не колеблясь, попросил, чтобы его сделали сеньором этого города. Однако Синиш принадлежал ордену Сан Тиагу, великим магистром которого был герцог Коимбрский, незаконный сын Жуана II. Мануэл удовлетворил просьбу Гамы, дав ему жалованную грамоту, датированную 24 декабря 1499 года. В грамоте указывалось, что город Синиш передается вместе с его привилегиями, доходами и налогами Васко да Гаме, его наследникам и преемникам, — но с оговоркой, что корона даст ордену Сан Тиагу другой город в обмен, а папа даст специальное разрешение на передачу. Папское разрешение последовало в 1501 году, но орден Сан Тиагу отказался передать владение городом¹. Мануэл постарался задобрить Гаму, предоставив ему ежегодную пенсию в одну тысячу крузаду (около двух тысяч долларов) «до тех пор, пока он не сможет получить во владение город Синиш»².

¹ Причины отказа передать Синиш Гаме неизвестны. Возможно, что дело было в ценности земель, предлагаемых в обмен, но вполне возможно, что тут виной были личные интересы великого магистра ордена Сан Тиагу дон Жоржи ди Левкаштри, герцога Коимбрского, человека самой отвратительной репутации. Дон Жоржи родился в 1481 году и женился в 1500 году. После смерти жены «он стал сладострастно преследовать молодых девушек во дворце» (ему тогда было 50 лет); он хотел жениться на камеристке королевы, которой было шестнадцать лет. Сыновья короля помешали этой попытке, но «его маниакальная страсть угасла только с его смертью в 1550 году».

² Распоряжение это датировано 22 февраля 1501 года.

10 января 1502 года, ровно за месяц до того, как он отправился во второе плавание в Индию, Гама получил и дополнительную пенсию для себя и для своих наследников в триста тысяч рейшов (около полутора тысяч долларов). Вместе с этой пенсией он получил также титул «адмирала Индийского моря» со всеми «почестями, достоинствами, вольностями, властью, юрисдикцией, доходами, привилегиями и правами, которые ему надлежит иметь». Вместе с этим Гама получил титул донна не только для себя, но и для своего брата Айриша, сестры Терезы (в женском роде — донна) и для их потомков. Мало того, Гама было дано право привозить раз в год на своих или чужих судах, приплывающих из Индии, на двести крузadu товаров, уплачивая только один пятипроцентный налог в пользу ордена Христа. В указе прямо говорится, что он был опубликован и такие права были даны «без того, чтобы он или кто-нибудь другой за него просил об этом» («sem pollo elle pedir nem outro por elle»); в заключение король требовал и приказывал, чтобы «наследники этого Васко да Гамы назывались Гама в память и в честь вышеупомянутого Васко да Гамы».

Несмотря на все эти дары, дон Васко был полон решимости получить в свое владение город Синиш, и когда он вернулся из второго плавания, это притязание вызвало немало треволнений.

Повидимому, часть первой пенсии не была уплачена своевременно в 1501 году, вместо этого дону Васко дали некоторое количество пшеницы. Сохранилось распоряжение короля своему казначею относительно этой пшеницы (которая оценивалась в двадцать восемь тысяч рейшов) с распиской адмирала¹. Подпись Гамы на ней — одна из трех сохранившихся его подписей.

Не считая нескольких подробностей, приведенных выше, и того факта, что в этот период Гама женился в городе Эворе, где, как полагают, он жил с 1499 по 1502 год, о жизни адмирала между его первым и вторым путешествием в Индию известно очень мало. Время его вступления в брак не поддается точному определению, но его можно установить приблизительно путем догадок о возрасте его сыновей. Гама женился на донне Катарине ди Атайди, дочери Алвару ди Атайди и донны Марии да Силвы². От брака Гамы родилось шесть сыновей: Франсишку, Иштейван, Педру, Паулу, Криштован и Алвару ди Атайди — и дочь Изабелла ди Атайди³.

¹ «Я, дон Васко да Гама, заявляю, что я действительно получил указанные 15 мойу [мойу равно 258 литрам. — *Ред.*] пшеницы от вышеуказанного Г. ди Сикейры, Дон Васко да Гама».

² Хронисты говорят о Гама во время первого плавания как о холостяке; во время второго плавания его сопровождал его шурин — Алвару ди Атайди.

³ В тот период младшие дети иногда получали родовую фамилию то по отцу, то по матери.

ПЛАВАНИЕ ПЕДРУ АЛВАРИША КАБРАЛА

В 1500 году в месяце марте некто Педру Алвариш Кабрал вышел из Лиссабона с тринадцатью кораблями.

Перчас, «Странники», книга 10.

Король Мануэл, не теряя времени, воспользовался возможностями, которые ему давало открытие морского пути в Индию. Благодаря превосходству португальских судов, опытности португальских мореходов, большей точности инструментов и навигационным знаниям, которые начали накапливать еще под руководством принца Генриха, контроль над восточными морями и торговлей пряностями, казалось, должен был естественно перейти в руки Португалии. Мануэл и его народ полагали, что сам бог довел дону Васко до Индии и на родину в полной безопасности и что именно бог хотел и желал, чтобы Португалия правила Востоком и обратила его жителей в истинную веру. Как и в то время, когда составлялся план первого плавания Гамы, группа советников Мануэла выступила против дальнейшего продвижения, указывая на связанный с этим риск, — они говорили о бедности Португалии, о скудости ее населения и о подавляющем превосходстве сил и о богатстве мусульман. Однако, как и раньше, Мануэл упорствовал, движимый чувством алчности, стремлением к славе для самого себя и для своего маленького народа, а также фанатичным желанием обратить в христианскую веру язычников Африки и Восточных морей.

Плавание Васко да Гамы привело к великим результатам, но нельзя забывать, что его флотилия была невелика и все его путешествие носило характер исследования — или, как его называли, «разведки боем». Гама в общем сыграл — хотя неуклюже и неудачно вследствие своей нетерпимости — роль странствующего иностранца, ищущего возможностей торговли для своих соотечественников. Правда, каликутские мусульмане вступили с ним в борьбу и помешали ему свободно торговать с народом саморина, но они все же не верили всерьез, что прибытие португальских кораблей к Малабарскому берегу может создать какую-то реальную — или, во всяком случае, непосредственную — опасность для их прочных монопольных позиций в торговле с Индией и в морских

предприятиях в прилегающих морях. Ставя себе цель завладеть восточной торговлей пряностями, португальцы должны были действовать быстро — во-первых, для того чтобы помешать другим европейским народам воспользоваться открытием и, во-вторых, чтобы прибыть на арену подвигов Гама до того, как индусы и мусульмане смогут провести эффективную политическую и военную подготовку к борьбе. Кроме того, для второй экспедиции необходимы были более крупные силы.

На пути от Гвиней до Каликута не было ни узких проливов, которые можно было бы легко контролировать, ни каких-либо ключевых пунктов в открытых морях и у африканского побережья. Таким образом, Португалия должна была предпринять быстрые и решительные шаги: надо было овладеть африканским побережьем в таких пунктах, которые могли понадобиться португальцам для захода судов, надо было также помешать другим народам захватить опорные базы на этом пути.

Человек, которому король хотел доверить руководство экспедицией, был, естественно, дон Васко да Гама, ныне адмирал Индийского моря. Действительно, в дарственной грамоте от 2 октября 1501 года (?) король Мануэл распорядился, «что над всеми армадами, которые мы прикажем снарядить и снарядим в течение его жизни для отплытия в вышеуказанные индийские порты, будут ли они предназначены для торговли товарами или для ведения войны, он [Гама] может получить и получит главное командование [capitania mó] — и когда он пожелает получить упомянутое командование, мы не должны ни смещать его, ни назначать на этот пост другого адмирала, кроме него...» Этой грамоте король придал безусловную силу «без того, чтобы ей могло что-либо воспрепятствовать». Таким образом адмирал мог бы руководить и второй экспедицией, если бы он был согласен на это. Но он устал после двухлетнего плавания. Оно было чрезвычайно тяжелым и утомительным, и он желал отдохнуть, пользуясь своими вновь приобретенными почестями и пенсиями. Кроме того, он только что женился и хотел спокойствия или по крайней мере временной свободы от трудной жизни моряка.

Узнав, что Гама не хочет воспользоваться своим преимуществом, дон Мануэл стал искать другого руководителя экспедицией. Его выбор пал на Педру Алвариша (или Педралвариша) Кабрала. Кабрал родился около города Ковильяна в 1467 году (?). Следовательно, когда Мануэл избрал его главнокомандующим флотом (capitão mó), ему было 32 года. Он служил в свое время пажем при дворе Жуана II, а потом стал членом королевского совета и вступил в орден Христа. О его жизни известно мало. Нет никаких данных, что он когда-либо плавал на корабле до того, как в 1499 году получил командование (с тем, чтобы отплыть в 1500 году); нет никаких данных и о том, что он когда-либо совер-

шил второе плавание. Это назначение было сделано, повидимому, по каким-либо политическим соображениям, или же он был избран как фаворит, без учета его способностей и пригодности для такого поста. Выбор этот чрезвычайно странен, особенно при наличии испытанных и способных командиров такого крупного масштаба, как Дуарти Пашеку, Бартоломеу Диаш и Николау Коэлью, — они все, кстати, отправились с Кабралом, но в подчиненном положении. В пользу Кабрала говорит тот факт, что он, повидимому, был приемлем для Васко да Гамы и что, несмотря на его молодость, его уважала команда.

Экспедиция состояла из тринадцати кораблей, которые были снаряжены с расчетом, что плавание продлится восемнадцать месяцев. Кроме Пашеку, Коэлью и Диаша, с флотилией плыл и Айриш Коррейя, который ведал всеми вопросами, относящимися к торговле, и которому были даны полномочия заключать торговые договоры. Поскольку корабли везли большой груз для торговых целей, флотилия была снабжена правилами и указаниями относительно того, как вести торговлю. Были даны подробные инструкции, касавшиеся управления судами и отношений с местными правителями. Большая часть письменных инструкций не дошла до нас, но сохранилась очень важная их часть — указания, которыми должен был руководствоваться Кабрал после прибытия в Индию, и меморандум, составленный с участием Васко да Гамы¹, в который входят и советы по поводу того, как плыть после прохождения островов Зеленого мыса. Кроме этих инструкций, Кабрал вез письмо к саморину с предложением дружбы и установления торговых отношений. Однако в этом письме содержался пункт, в котором говорилось, что если саморин не проявит доброй воли или будет мешать португальцам, «наша твердая цель — следовать скорее воле бога, чем людей, не прекращать, несмотря на любое сопротивление, это предприятие и продолжать наше мореплавание, торговлю и общение с этими странами, которым господь бог хочет снова оказать услугу нашими руками, не желая, чтобы наши труды по служению ему оказались напрасными».

Кроме капитанов и трех факторов, кормчих, писцов и переводчиков, с флотилией отправились Монсайди, пять индийцев, которых увез из Каликута Гама, и восемь монахов и священников. В экспедицию был назначен также астроном — это, повидимому, была единственная португальская экспедиция в Индию, имевшая в своем составе астронома.

Суда новой флотилии были больше судов, которые были у Гамы: тоннаж всех тринадцати судов в пять раз превышал тоннаж судов адмирала. Но если для флотилии Гамы было трудно

¹ Подлинность этого меморандума подвергалась сомнению.

набрать команду, то на корабли Кабрала стремились многие моряки и не моряки, и их плата была определена заранее, а специальных наград им не обещали.

Из ошибок первого плавания в Индию Мануэл извлек уроки. Поэтому, кроме двух грузовых судов с товарами, предназначенных для торговли с африканскими неграми, для индусов он отправил гораздо лучшие товары — медь, киноварь, ртуть, янтарь, кораллы, шерстяную пряжу, атлас, бархат и т. п. Поскольку малабарцам португальские деньги были неизвестны, на флагманский корабль был погружен запас монеты других государств, особенно Венеции.

8 марта 1500 года флотилия собралась в Белене, около неоконченных стен монастыря иеронимитов. Интересно отметить, что одним из кораблей («Анунсиада») совместно с другими флорентийцами владел Бартоломео Маркиони (тот самый Маркиони, который выдавал векселя Ковильяну и Пайве, когда они отправлялись в свое замечательное сухопутное путешествие в Индию). Еще один корабль принадлежал португальцу — графу Порту Алегри. Остальные суда принадлежали короне.

После того как епископ дон Диогу Ортиш отслужил торжественную мессу в присутствии короля, Кабралу было поднесено знамя с королевским гербом, и экипажи, под звуки музыки волынок, дудок и барабанов, сели на корабли. На следующий день суда отправились в плавание, которое оказалось еще более длительным, чем плавание Гамы.

С самого начала флотилию преследовали несчастья. 23 марта одно судно пропало. Хотя кое-кто утверждал, что оно благополучно достигло какого-то безымянного порта, судно это, как полагают, пошло ко дну, несмотря на ясную погоду. 22 апреля корабли оказались в виду побережья Бразилии. Флотилия бросила якорь у берега и оставалась там до 2 мая, хотя никакой или почти никакой разведки не осуществлялось¹. В Португалию был послан корабль, чтобы сообщить об открытии Бразилии; остальные одиннадцать кораблей повернули к Африке. Переход от Бразилии до мыса Доброй Надежды был долог и труден, и комета, замеченная в ночь на 12 мая, была принята за дурное предзнаменование. 24 мая флотилию застигла плохая погода, которой славится южная Атлантика, суда оказались во власти внезапного жестокого шторма. При этом было потеряно четыре корабля, включая корабль смелого мореплавателя, открывшего мыс Доброй Надежды, Бартоломеу

¹ Эта книга не ставит своей задачей осветить вопрос об открытии Бразилии Кабралом и многие спорные моменты, связанные с этим событием. Довольно полный рассказ об этом, снабженный пояснениями, можно найти в книге Уильяма Брукса Гринли (издатель и переводчик) «Плавание Педру Алвариша Кабрала в Бразилию и Индию», напечатанной обществом Хаклюйт, Лондон, 1938.

Диаша, утонувшего вместе с кораблем. Остальные семь судов были рассеяны — они неслись по ветру с поврежденными рангоутами и разорванными парусами. Флагманский корабль Кабрала и два других корабля прошли в виду мыса Доброй Надежды и обогнули его, впервые пристав к берегу к северу от Софалы, в восточной Африке. Оттуда они направились в Мозамбик, где к ним присоединились еще три судна. Корабль под командованием Диогу Диаша зашел слишком далеко на восток и открыл остров Мадагаскар¹.

Потратив десять дней на ремонт в Мозамбике, правитель которого, напуганный в свое время действиями Гамы, на сей раз проявил дружелюбие, флотилия направилась дальше и достигла 26 июля Килвы (Килоа); правитель этого арабского царства относился к неверным неприязненно. Когда этот царь отказался подписать с ним договор, Кабрал направился в Малинди, которого он достиг 1 августа. Там дружелюбный правитель дал лоцманов, и шесть португальских кораблей продолжали свой путь к Анджидивским островам, на индийском побережье. Здесь суда накренили и отремонтировали. Наконец 13 сентября корабль Кабрала бросил якоря у Каликута; были подняты флаги и дан салют.

Командант порта (*катуаль*) приветствовал португальцев от имени саморина. На следующее утро были высажены, одетые в хорошее платье, пять индийских заложников, привезенных из Португалии (все они научились говорить по-португальски). На них — кроме одного, Балтазара — никто не обращал никакого внимания, потому что они были не из той касты, какую они называли поверившему им Гаме, а из более низкой (они были

¹ После открытия Мадагаскара корабль Диогу Диаша продвинулся на север до Берберы (?) в Сомали, имея на борту многих больных. Арабы этого побережья притворились, будто они дружелюбно относятся к португальцам, и Диаш высадил пятьдесят больных и десять здоровых моряков для ухода за больными. В результате на борту корабля осталось двадцать человек тяжело больных, которых нельзя было перевезти на берег, и около двадцати здоровых членов команды. Арабы захватили и перебили людей на берегу и послали лодки, чтобы атаковать корабль Диаша. Старший пушкарь был болен, но, притаившись со своей койки, стал стрелять из корабельных орудий; он потопил три арабские лодки и отогнал остальные. Между тем Диаш и его команда подняли паруса и спаслись от опасности. Через три месяца, после многих страданий, потеряв еще много людей, корабль прибыл на острова Зеленого мыса. От всего экипажа осталось в живых только тринадцать человек. Здесь Диаш присоединился к Кабралу, возвращавшемуся в Португалию. Диогу Диаш и его матросы были первыми португальцами, которые проплыли вокруг Африки от Красного моря до Гибралтарского пролива.

[А может быть — и первыми вообще людьми, обогнувшими Африку от Красного моря до европейских вод, так как некоторые ученые сомневаются в достоверности рассказа Геродота о плавании финикийских моряков вокруг Африки в конце VII или начале VI века до нашей эры. — *Прим. ред.*]

рыбаками). Выслушав заверения саморина в дружбе и получив охранную грамоту для ведения торговли, Кабрал дерзко потребовал заложников; в знак доброжелательства саморин послал на корабль пять браминов, которые должны были оставаться там во время визита представителя Кабрала во дворец. Правитель отвел португальцам дом около берега и там же предоставил им склад для товаров.

Между тем арабы задумали перехитрить португальцев: фактора Айриша Коррейю предупредили, что ожидается нападение на склад с целью разграбления. Через несколько дней, 16 декабря 1500 года, когда стемнело, несколько тысяч (согласно португальскому сообщению) арабов незаметно окружили склад и жилье. Один из слуг Коррейи услышал необычный шум и, выглянув, увидел приближающуюся толпу. Он сразу стал кричать: «Воры, воры!» («Ladrões, ladrões!»). Но было уже поздно. Толпа арабов, моплахов и индусов перебралась через стены во двор. Прочные двери склада и дома выдержали натиск, но толпа бросилась на легкие крыши; в португальцев стали стрелять из луков и бросать дротики. У португальцев был только небольшой запас стрел для арбалетов, и, выстрелив несколько раз, они оказались безоружны. Коррейя отдал приказ бежать к берегу. Из восьмидесяти человек, находившихся в помещении, тридцать были убиты; во время бегства было убито еще четырнадцать европейцев, так что лодки достигло только тридцать шесть человек, по большей части тяжело раненных. Айриш Коррейя был убит; одному из матросов едва удалось спасти маленького сына Коррейи, бывшего с отцом. Наконец, толпа была отогнана отрядом, отправившимся на выручку своих товарищей. Этой непростительной резней был положен конец всем дружественным отношениям с саморином, который не принес извинений за случившееся. Кабрал возложил ответственность на него и в отместку сжег десять арабских кораблей, стоявших у берега, а потом обстрелял город.

После этой кровавой стычки Кабрал отправился в Кочин¹, правитель которого (враждебно относившийся к Каликуту и завидовавший его процветанию) приветствовал его и вступил с ним в торговые переговоры. Кабрал купил там перца, корицы, бензойной смолы², мускуса, фарфора и тонких тка-

¹ Кочин — в конце XV века второстепенный, позднее важнейший порт Малабарского берега. Росту Кочина содействовало его выгодное положение — на северном конце длинной косы, ограждающей со стороны океана обширную, извилистую и глубокую бухту — лагуну, к которой прилегает самая густо населенная в Индии область. — *Прим. ред.*

² Бензойная смола (бензой или росный ладан) — ценное ароматическое (при горении) вещество; добывается из ствола и ветвей дикорастущего тропического дерева *Styrax benzoin*, распространенного на полуостровах Индокитай и Малакка и на многих островах Индонезии. — *Прим. ред.*

ней и отправился затем к Каннануру¹. Там на корабле была погружена корица, и 16 января флотилия отправилась в Португалию.

На пути домой было замечено индийское судно, но поскольку его капитан прислал подарки и согласился признать верховенство Португалии, судно было отпущено невредимым. Около Мозамбика один из кораблей флотилии сел на мель, так как его капитан Саншу ди Туар отказался следовать указаниям кормчего. Корабль дал течь, и хотя экипаж, негромоздкие предметы и снаряжение были спасены, корабль пришлось бросить. Его сожгли вместе с остатками груза, потому что на других судах уже не было для него места.

После того как флотилия достигла Мозамбика, один из кораблей был послан в Софалу для торговых сделок. Португальцы получили золото в обмен за безделушки, потому что в Софале жили наивные африканцы, которых было легко убедить отдать золотые бусы за стеклянные. Прежде чем покинуть Софалу, Саншу ди Туар (с которым был в качестве советника и переводчика Гашпар да Гама) выманил у «царя» письмо к Кабралу с настоятельной просьбой послать больше судов в Софалу. После этого Туар отправился в Португалию.

Между тем Кабрал приказал накренить на бок и конопатить оставшиеся в Мозамбике суда, потому что они были серьезно повреждены. Вскоре после отплытия флотилии из Мозамбика налетел ужасный ураган, и суда были рассеяны. Некоторые корабли Кабрала обогнули мыс Доброй Надежды 22 мая 1501 года и, наконец, 31 июля 1501 года поднялись по Тежу в Лиссабон. Один из его кораблей (вероятно, отделившийся во время бури) достиг Португалии еще 23 июня.

В сообщении о путешествии, которое сделал Синьории венецианский посол в Португалии Джованни Маттео Кретико, говорится:

семь судов благополучно проделали обратное путешествие. Одно судно село на мель... Только одно судно... в триста тонн вернулось в порт... Сообщают, что другие суда поблизости. Мне пришлось видеть светлейшего короля, который позвал меня и заявил, что я должен поздравить его с тем, что его корабли вернулись из Индии с грузом пряностей; я так и сделал приличествующим для меня образом. В тот вечер он устроил праздник во дворце, по всему городу звонили в колокола, а на следующий день он приказал устроить по всей стране торжественную процессию.

Когда Кретико был у короля в следующий раз, тот заявил ему, что теперь венецианцы должны посылать свои корабли за пряно-

¹ Каннанур расположен в 25 километрах к юго-востоку от мыса Дели. — *Прим. ред.*

стями в Лиссабон и что «он будет приветствовать их и что они могут чувствовать себя как дома. Короче, он считает, что Индия находится под его властью»¹.

Тем временем подошли другие корабли Кабрала. Грузы, которые имелись лишь на пяти кораблях, были так ценны, что не только вознаграждали корону за ее расходы, но и, несмотря на большие потери в судах и в грузе, принесли солидный барыш — сто процентов на вложенный капитал.

¹ До нас дошло много писем, заметок и записей в дневниках современников этих событий, в которых рассказывается об успехе плавания Кабрала и о возможных последствиях этого для итальянской торговли. Их можно найти в указанной выше превосходной книге Грилли «Плавание Педру Алвариша Кабрала в Бразилию и Индию».

ЛИССАБОН В 1502 ГОДУ

Ты, благородный Лиссабон, вознесся
Над многими другими городами!

Камюэнс. «Лузиады», III, 57.

Морской путь в Индию был открыт Васко да Гамой. Он был затем исследован Педру Алваришем Кабралом и небольшой флотилией в четыре корабля, посланной под командой Жуана да Нова в 1501 году¹. Для проведения в жизнь своего плана, стремясь вырвать торговлю пряностями на Востоке из рук арабов и египетских мамелюков и закрепить богатые доходы от этой торговли за своей страной, король Мануэл решил отправить в Индию большой флот. Цель этой экспедиции состояла в том, чтобы заложить прочные основы для торговли (а если будет удобно, и для завоевания) и как можно быстрее направить к Лиссабону тот поток торговых грузов, который шел до сих пор почти исключительно на арабских кораблях и через арабские и египетские порты.

Для руководства четвертой индийской армадой король сначала избрал Кабрала, который приобрел теперь громадную популярность в глазах публики: открытие им Бразилии и его успехи в Индии были притчей во языцех в Лиссабоне. Но позже король возложил эту миссию на Гама, хотя причины, вследствие которых Кабрал отказался принять командование или был вычеркнут из списка приемлемых для такого поста кандидатур, неясны и темны².

Поскольку Кабрал исчез со сцены, король обратился к человеку, наиболее пригодному для этого поста. Это был тот командир, который первый прошел по не занесенным на карты морям и посетил неизвестные страны Восточной Африки и Индии, — Васко да Гама, теперь дон Васко, адмирал Индии. Король вызвал Гама,

¹ На обратном пути Нова открыл остров Св. Елены.

² Один хронист заявляет, что Кабрал отказался от командования, когда узнал о малых размерах флотилии. Каштаньеда загадочно утверждает, что «по ряду основательных причин дон Мануэл отнял командование у Кабрала и передал его Васко да Гаме». Другие источники указывают, что Гама настоял на своих правах, данных ему королевским указом, который разрешал ему взять главное командование над любым флотом, отправляющимся в Индию. Существует также утверждение, будто Мануэл был недоволен действиями Кабрала в Каликуте. И, наконец, утверждают, что Гама попросил вручить ему командование, чтобы отомстить жителям Каликута за то, как они обошлись с португальцами.

изложил ему свои цели и планы, изложил ему и те основания, которые заставляли его надеяться, что дон Васко разовьет и расширит торговые связи, установленные для блага его соотечественников во время первого его плавания. Гама принял поручение немедленно взял на себя командование и стал ускоренными темпами заканчивать подготовку к новой экспедиции.

С тех пор как 8 июля 1497 года первая флотилия Гамы отчалит от Риштеллу, Лиссабон изменился до неузнаваемости. Известия, привезенные с Востока тремя побывавшими в Индии флотилиями, сначала удивили, а потом так возбудили португальский народ и подстегнули его к деятельности, как ни одно другое событие в его истории. Пышные общественные здания, которые начал строить король, побудили богатых дворян и купцов подражать ему; в городе и за его стенами началось лихорадочное оживление. Площади и улицы Лиссабона были заполнены горожанами и иностранцами: захватывающие новости об открытиях, подобно лесному пожару, распространились по всей Европе, и в Лиссабон стали стекаться венецианцы, генуэзцы, флорентийцы, фламандцы, немцы, французы, испанцы и англичане, решившие воспользоваться открывающимися золотыми возможностями. Мужчины, женщины и дети собирались вокруг прогуливающих моряков и доверчиво слушали, раскрыв рот, их хвастливые и приукрашенные рассказы об Индии, Африке и островах в океане. Прибрежные таверны Рибейры и гостиницы Алфамы¹ были полны празднующимися и рабочим людом; у всех на устах была Индия, ее чудеса и сказочные богатства. В толпе шныряли, проникая всюду, шпионы венецианской Синьории, агенты Медичи и других иностранных государей. Вести о португальской деятельности на Востоке имели для них весьма важное значение, потому что они угрожали самой основе их процветания; дошедшие до нас отчеты и дневники показывают, что иностранные агенты при дворе короля Мануэла действовали очень активно. В городе было также множество купцов из Нидерландов и из Англии, приехавших для покупки пряностей и других индийских товаров; там собирались люди, искавшие в быстрорастущей столице работы, сюда приезжали, надеясь получить службу в замках и в городах, оказавшиеся без дела кондотьеры².

Берега Тежу от ворот города до Риштеллу представляли собой гудящий улей. На вершинах холмов и на их склонах строились дворцы и виллы. На строительстве кафедрального собора Моря (Cathedral do Mar) и церкви иеронимитов в Белене работали ты-

¹ Кварталы в западной части Лиссабона: Рибейра — низменный, Алфамы — возвышенный. — *Прим. ред.*

² Кондотьеры, по словам К. Маркса, — «атаманы банд, постоянно переходившие за деньги от одной стороны к другой» («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 88). — *Прим. ред.*

сячи ремесленников. Там, где широкой полосой растилался желтый песок, теперь строились склады для приема индийских грузов. У самого берега реки находились рыбные рынки, там можно было увидеть рыбу самых разнообразных пород и сортов; у каждого прилавка женщины визгливо предлагали свои товары, а их яркие одежды в солнечном свете казались пестрым живым ковром. Через толпу пробивались погонщики ослов; их корзины и короба были полны клубники и оливок. Там было множество мужчин и женщин, чистящих, солящих и упаковывающих в бочки рыбу, которая потом отправлялась в другие страны Европы. Рыбаки болтали, чиня свои бурые сети. Рядом стояли бездельники, которые глазели на рабочих, сгружавших кирпичи и обтесанные камни для домов, воздвигавшихся повсюду, или же наблюдали за лодками с ржавокрасными парусами, возвращавшимися с рыболовных отmelей вблизи берега.

Подальше от берега находились арсеналы и королевские товарные склады. В литейных, где работали главным образом негры, изготовлялись громадные якоря, оружие и боеприпасы. По словам одного немецкого очевидца, эти негры «казались циклопами в кузнице Вулкана». В арсеналах собирались большие запасы свинца, меди, древесного угля, селитры и серы, а также «бесконечное число копий, пушечных ядер, шлемов, металлических нагрудников и всякого рода снаряжение и оснастка, которые могли быть использованы на кораблях». В доках стояли суда, большие и малые, на всех стадиях постройки, потому что фрахтовая торговля португальцев быстро развивалась.

Узкие улицы нижнего города, обнесенного стеной, были полны народу; с утра до вечера на них раздавались крики продавцов съестных припасов. На углах, раздувая пламя в глиняных жаровнях, предлагали свой товар продавцы каштанов. Лотошники и лотошницы с лотками на головах торговали маслом, рыбой, водой и овощами. Булочники продавали хлеба, лежавшие у них на голове в больших плоских корзинах. В корзинах же, похожих на клетки, продавалась кричащая и гогочущая птица. На перекрестках стояла вонь от боеи и доносились запахи жареной пищи; почти каждую минуту прохожих просили посторониться криками, которые и сейчас еще можно услышать в Лиссабоне: «*Agua vae!*» («Берегись, вода!») — это жильцы верхних этажей открывали окна и выливали ведра с водой и помоями; нечистоты текли по открытым канавам в середине улицы. Над головами прохожих вывешивалось на жердях, как это делается и поныне, белье для просушки.

Через множество ворот по узким крутым переулкам взбирались вверх полунагие негрятянки-рабыни с кувшинами воды из источников; волю и ослы, запряженные в телеги, тянули по булыжной мостовой в верхний город груды капусты, репы, дынь,

оливок и иных плодов. Дома верхнего города, окрашенные часто в яркие цвета, с изящными трубами из темнокрасной адобы, покрытые цветной черепицей, выглядели при южном солнечном свете радостно и весело. Веселили взор и шпиль дворцов, соборов и башни церквей, монастырей и монастырских подворий. Облик этих зданий безошибочно выдавал их мавританское происхождение. А высоко над ними вздымался блестевший, подобно короне, старый мавританский дворец короля — у него были высокие крыши и похожие на стрелы башни.

В нижнем городе находились мельницы, там слышался немолчный однообразный грохот тяжелых жерновов, вращаемых лошадьми. На углах продавали жареную пищу, постоянно звенели молотки оружейников, и улицы были полны едкого дыма, плывущего из кузниц. На углах площадей сидели писцы, которые за небольшую мзду могли написать любовное письмо, прошение, деловое обязательство, стихи или эпитафию.

На невольничьем рынке всегда толпилось множество покупателей и бездельников, — часами они наблюдали за торговлей людьми и ликовали, обнижая и осматривая жадными глазами бронзовые тела рослых мужчин и стройных, как статуи, женщин. Работорговец громко восхвалял физические достоинства невольников. Покупатели торговались и, наконец, уводили с собой людей, как скот...

Когда на город спускалась ночь, узкие извилистые улицы были опасны, особенно в наиболее темных местах: от ночной стражи было мало пользы; все горожане носили с собой ножи; очень часты были стычки, драки, поножовщина и еще худшие дела. Когда заходило солнце, можно было видеть, как сидели на своих порогах и шили брезентчики; гаснущий свет мерцал на оружии проходящих солдат, слабо освещая мрачных, суровых монахов с тонзурой¹, шагавших в своих длинных сутанах и в сандалиях, и горшечников в белых *алжубах*², без конца вращавших свои гончарные круги в наступающей темноте. А позже, когда тени удлинялись и пропадали в черной ночи, в городе и на берегу реки зажигались факелы. Звуки лютен и бубнов, дудок и барабанов в тавернах и кабаках смешивались с криками и смехом мужчин и женщин и с грубыми ругательствами пьяных.

С восходом солнца в городе снова начиналось движение, снова в теплом воздухе слышался шум человеческой деятельности. На верфях отрывисто ударяли молотки плотников и конопатчиков, весело гудели горны и шипел огонь кузниц в квартале Сан-Франсишку, из-за реки доносились матросские песни; чем ближе было

¹ Тонзура — буквально пострижение; выбритый на макушке кружок у католических священников и монахов. — *Прим. ред.*

² Алжуба — мавританская одежда, вроде туники; узкий халат без рукавов или с короткими рукавами. — *Прим. ред.*

к полудню, тем громче становился поднимающийся в небеса многообразный шум процветающего средневекового города.

Таким знал Лиссабон дон Васко да Гама; взяв вновь на себя командование флотилией, он проехал через него, прибыв из Эворы. Он привык к этим зрелищам и звукам, ежедневно обходя суда, арсеналы и склады и пополняя амбары для нужд королевской службы. Значительная часть этого Лиссабона исчезла, была совершенно сметена с лица земли ужасным землетрясением 1755 года, но общий вид, звуки и краски повседневной жизни населения города у реки Тежу с этих далеких дней 1502 года изменились очень мало — если вообще изменились.

Флотилия Гамы была разделена на три части. Самая большая часть, под непосредственным командованием адмирала, состояла из десяти судов. Вторая часть, из пяти судов, была под командой Висенти Судрэ, дяди Гамы. Висенти Судрэ было приказано, крейсируя по Индийскому океану, ликвидировать или серьезно расстроить арабскую морскую торговлю. Третья группа тоже состояла из пяти кораблей, ею командовал Иштаван да Гама, племянник адмирала¹. Таким образом Гаме удалось передать командование подчиненными группами в руки членов его собственной семьи, преданных его (и своим) личным интересам. Такой порядок как нельзя лучше удовлетворял всех, кто имел касательство к делу.

¹ Эти корабли — *gedondos* — должны были остаться в индийских водах и охранять фактории.

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ ВАСКО ДА ГАМЫ

И в следующем 1502 году он снова послал Васкуса Гаму с десятью кораблями, поручив ему стать господином моря и сделать все возможное во вред маврам.

Перчас, «Странники», I, II, 31.

Сам дон Васко не оставил никаких записей о своей второй экспедиции в Индию, как и о первой. За исключением одной дошедшей до нас заметки об африканском прибрежном городе Килва¹, все сведения о его плавании мы извлекаем из посторонних источников.

Таких источников у нас имеется три. Один — это рассказ о путешествии, составленный фламандским матросом или офицером, служившим на одном из кораблей. Этот рассказ, напечатанный впервые в Антверпене в 1504 году и озаглавленный «Калькуи» (Каликут), не обработан, неуклюж по форме и стилю, со многими пропусками (и, вероятно, кое-где очень приукрашен); повидимому, это сочинение невежественного человека². Как ни странно, на протяжении всего рассказа имя Васко да Гамы нигде не встречается; однако нет никакого сомнения, что в данном случае мы имеем дело с подлинным отчетом о втором плавании Гамы на Восток. Даты, названия местностей и события соответствуют известным нам датам, названиям и событиям, а кроме того, отчет сообщает интересные детали, которые не встречаются больше нигде. Тот факт, что на одном из португальских кораблей служил фламандец, не удивителен, поскольку среди моряков и торговцев с Востоком уже давно были искатели приключений из Нидерландов. Это были те же смелые люди, которые впоследствии основали и прочно утвердили власть голландцев в Ост-Индии. Мало

¹ Документ этот представляет собой памятную записку с инструкциями, оставленную Гамой в Килве для руководства всех португальских судов, прибывающих в порт. В ней он со своей обычной краткостью и прямотой выражений рассказывает о действиях правителя города.

² Единственный известный оригинал находится в Британском музее. Он состоит из шести страниц, напечатанных готическим шрифтом. Хотя в нем нет никакого указания о времени или месте печатания, его легко датировать и определить место его печатания по стилю и шрифту.

того, если мы только можем верить подлинности сохранившегося итальянского перевода одного письма короля Мануэла, написанного в 1505 году¹, фламандские купцы к тому времени уже достигли Каликута, пройдя через Египет или Персию.

Фламандский отчет начинается словами: «Это — путешествие, которое описывал один человек после того, как он отплыл... от Лиссабонской реки в Португалии в Кальцикут в Индии в 1501 году»².

Второй источник, рассказывающий об этом путешествии, — это отчет португальца, некоего Томé Лопиша, служившего писцом на корабле группы Иштавана да Гамы, командиром которого был Руй Мендиш ди Бриту (известный также как капитан Джованни Буонаграция). Хотя автор находился в главной флотилии только после того, как его корабль присоединился к ней на Анджидивских островах, этот полный и хорошо написанный отчет дает нам самые ценные сведения о путешествии. Португальский оригинал неизвестен, и документ сохранился только в итальянском переводе, в томе втором (стр. 133) знаменитого трехтомного собрания путешествий, изданного в Венеции Джамбаттистой Рамузио в 1551—1559 годах³.

Третий ценный, но мало использованный источник был похоронен в течение многих лет в обширном «Дневнике» венецианца Марино Сануто⁴. Речь идет о длинном письме некоего Матео ди Беньино, венецианского фактора, к Франческо Аффайтато, жившему тогда в Лиссабоне. Беньино служил также на одном из кораблей Иштавана да Гамы. На обратном пути он с 30 марта 1503 года до середины апреля 1503 года писал во время плавания или во время пребывания в Мозамбике свой отчет о том, как шло путешествие и к каким оно привело результатам. Свое письмо он отправил Аффайтато 19 апреля 1503 года, с первым кораблем этой группы, направлявшейся в Португалию. Пространное письмо Беньино содержит мало фактов, которые не упоминались бы в отчетах Лопиша и неизвестного автора «Калькуна», однако оно очень помогает в проверке и критической оценке этих отчетов и сообщений историков того периода. Используя его вместе с другими источниками, мы получаем возможность дать довольно полную картину событий второго плавания адмирала в Индию.

¹ «Там имеются купцы из всех этих областей и товары из таких городов, как Брюгге во Фландрии, Венеция в Италии» («Vi sono mercadati d'tutte q'le parti e d'mercantia como Bruges i Flandria, Venetia i Italia»).

² Год указан ошибочно. Должен быть 1502.

³ В этом же томе содержится первая известная итальянская версия «Описания мира» Марко Поло.

⁴ Это самый объемистый дневник, когда-либо появлявшийся на каком бы то ни было языке.

Назначение дона Васко командующим новой индийской флотилии состоялось, вероятно, до конца 1501 года, поскольку суда должны были выйти в море в феврале следующего года. Королевским приказом Гама был дан новый титул — адмирала Ост-Индских морей (*Almirante dos Mares das Indias Orientaes*). Официально свои полномочия Гама получил от короля на торжественной мессе в Лиссабонском соборе 30 января 1502 года. Там, в обстановке пышности и великолепия, адмирал принял из рук монарха как символ своего командования королевский стяг. Король произнес тронную речь, превознося его заслуги. Альберто Кантино, дипломатический агент герцога Феррарского, присутствовал при церемонии и в письме к герцогу описал все это. Поскольку этот отчет появился только в брошюре, отпечатанной в 99 экземплярах, будет, может быть, интересно посмотреть на эту сцену глазами Кантино:

Сегодня, тридцатого [января 1502 года], в соборе светлейший король Португалии назначил адмиралом Индии некоего дона Васко... Я не премину [описать] церемонию, которая произошла по случаю вручения стяга вышеупомянутому адмиралу.

Прежде всего государь отправился с большой пышностью на мессу и, когда она была отслужена, вышеуказанный Васко, одетый в длинный камзол французского покроя из малинового атласа, подбитый горностаем, в берете и в плаще, и украшенный золотой цепью, висевшей на шее, встал рядом с королем, который был окружен всем своим двором.

В центр образовавшегося круга вошел придворный и произнес речь, превознося величие и доблести его светлости короля; он объявлял, что слава его выше славы Александра Великого.

После этого, повернувшись к адмиралу, он многословно стал восхвалять его добродетели и добродетели его предков, напоминая, что именно благодаря своему гению и доблести он открыл всю эту часть Индии.

Когда речь была закончена, герольд протянул книгу и предложил вышеуказанному дону Васко поклясться в вечной верности королю и его потомкам. Затем он [Васко] преклонил колена перед государем, который снял кольцо со своей руки и надел ему на палец.

После этого адмиралу, который все еще стоял на коленях, был дан обнаженный меч. Он взял его в правую руку, а в левую руку ему подали стяг.

Когда это было сделано, он поднялся и поцеловал руку короля, как это делали все сеньоры и дворяне...

Наконец, церемония была закончена исполнением превосходной музыки.

После завершения церемонии ее участники торжественной процессией прошли к берегу реки.

Первые две группы флотилии отправились в путь из устья Тежу 10 февраля 1502 года «в день мартовской богоматери» (*em dia de Nossa Senhora da Março*). Иштаван да Гама со своими судами отплыл 1 апреля того же года.

Корабли остановились прежде всего у Канарских островов, а оттуда взяли курс на юго-восток. В конце февраля они прошли в виду островов Зеленого мыса и бросили якоря в Порту-Дала, где запаслись водой и дровами. Пока проводились заготовки, из Сан-Жоржи-да-Мина на западном берегу Африки (теперь Золотой Берег) пришла каравелла «под командованием Фернандо ди Монтаройю, с двухсотпятидесятью марками золота, целиком в браслетах и драгоценностях, которые негры привыкли носить».

На флагманском корабле адмирала находились три важные osoby: посол, возвращавшийся из Лиссабона к своему суверену, радже Канианура, и два индусских аристократа из индийского государства Кочин. Все трое были приглашены в Португалию Кабралом с тем, чтобы они могли видеть и оценить богатство, мощь и великолепие Лузитанского королевства. Пока они были в Европе, агенты Венеции, опасаясь, что португальцы быстро захватят торговлю с Индией в свои руки, старались показать политические и экономические позиции Португалии в неблагоприятном свете, так что существовало подозрение, что индийцы везут с собой отчет, нежелательный для королевства. Адмирал сразу же решил воспользоваться прибытием корабля, нагруженного золотом, чтобы произвести впечатление на своих пассажиров. Он приказал принести сокровища, рассыпал их перед ними и как бы невзначай заявил им через Гашпара да Индиа, который служил у него переводчиком, что «обычно от двенадцати до пятнадцати кораблей каждый год привозят дону Мануэлу, королю Португалии и владельцу Мины, примерно по такому же количеству золота. При сем индийцы весьма удивились и признали, что венецианцы представили им положение Португалии совсем в ином свете, но теперь они все увидели сами и верят словам Гамы... так что он выиграл игру».

Автор «Калькуна» сошел на берег в Порту-Дала; об островах Зеленого мыса он писал так: «Люди там ходят совсем нагие, как мужчины, так и женщины. Они черны, у них нет никакого стыда, поэтому они не носят никакой одежды, [женщины] обнимают мужчин открыто, как обезьяны, и не имеют никакого представления о добре и зле».

14 июня 1502 года флотилия стала на якорь около порта Софала, на восточном побережье Африки. Софала (арабское *сафла* — низина) была нездоровым местом; но она была превосходным портом для вывоза золота, которое добывалось в области Мономотапа внутри страны. Здесь также широко велась торговля зубами бегемотов — они белее, тверже и лучше по цвету, чем слоновая кость. Жители, согласно описанию, носили ассагаи (берберское *загхай* — метательное копьё) и пользовались

«стрелами средней величины, но не такими длинными, как английские стрелы»¹.

Ян Хейген ван Линсхотен², голландец, побывавший на Востоке в 1583—1588 годах, рассказывает, что «есть такие мавры (негры), которые носят других мавров на спинах, подобно животным, и совершенно привыкли к этому, как если бы они были лошадьми, мулами или ослиами»³.

Продолжая плавание, флотилия после короткой остановки в Мозамбике прибыла к острову Килва в устье реки Коаво⁴. На острове был расположен богатый город с хорошими каменными домами, жители которого «все ходят голые» или очень легко одетые. Гама вспомнил, что эмир Ибрагим плохо отнесся к Кабралу и отказался принять христианство, когда тот потребовал этого. Естественный отказ Ибрагима был истолкован как проявление бесстыдства и враждебности. Гама заявил, что он сожжет город дотла, если Ибрагим не подчинится португальцам и не заплатит дани Мануэлу. Беспомощный эмир был вынужден подчиниться и поклясться в верности королю. В качестве гарантии уплаты дани Гама был передан некий Мохаммед Анкони, горожанин Килвы (эмир подозревал его в заговоре с целью захвата власти). Мохаммед знал, что эмир совсем не собирается платить дань из своей казны, а португальцы убьют его, если дань не будет внесена, так что он сам заплатил две тысячи миткалов (около пяти тысяч долларов) и был освобожден⁵. Адмирал получил деньги, не спросив, кто их уплатил. Для него важно было то, что он добился и подчинения правителя Килвы и дани, которой он так домогался.

В рассказе фламандца имеются следующие наблюдения о Софале и ее населении:

Когда, далее, царь выходит из дворца, они сыплют ему на голову рис и льют воду. Они чувствуют себя очень счастливыми, бьют в ладоши, поют и прыгают вокруг царя. Царь и весь народ, мужчины и женщины, ходят нагими, прикрывая передником только свои срамные части, и каждый день купаются в море. Там есть быки без рогов, но на спине у них устроено своего рода седло.

¹ Португальцы хорошо познакомились с английскими стрелами через английских лучников, присланных Джоном Гонтом во время войны с Испанией.

² Линсхотен родился в Гарлеме (Голландия) в 1563 году. Еще юношей был отправлен по торговым делам в Португалию, а оттуда в 1583 году — в Индию. Проведя там несколько лет, Линсхотен вернулся в Португалию в 1588 году, а затем на родину; описал это плавание в книге «Путешествие в Ост-Индию». — *Прим. ред.*

³ Не этот ли обычай послужил источником для рассказа Синдбада Морехода о Морском старике в «Тысяча и одной ночи»?

⁴ Остров Килва расположен у 9° южной широты, у побережья Танганьики, против общего устья нескольких небольших рек; но ни одна из них не называется теперь Коаво. — *Прим. ред.*

⁵ Барруш говорит, что эта сумма равнялась примерно пятистам миткалам, то есть 1250 долларам.

Там есть также овцы с большими хвостами, больше, чем мы когда-либо видели, в этих хвостах нет костей и каждый хвост стоит больше половины цены овцы. Кроме того, там растут фиги толщиной в две ладони.

От Софалы группа Висенти Судрэ (которая присоединилась там к Гаме) отправилась в Мозамбик и там поджидала Гаму, который остался, чтобы исследовать, какие имеются возможности для торговли в Софале. Фламандец рассказывает нам о туземцах Кафрарии¹, о населении, живущем в городах, обнесенных стенами. Он передает беседу с туземцем, который был рабом правителя Софалы, говорит, что Кафрария «изобилует серебром, золотом, драгоценными камнями и богатствами». Гаме удалось получить некоторую часть этого золота путем торговых сделок в Софале.

Постройка судов из готовых блоков не есть изобретение нашего времени, потому что в Мозамбике из частей, захваченных для этой цели в Португалии, была быстро построена каравелла, которая стала использоваться в качестве каботажного судна.

Пробыв в Софале несколько недель, в течение которых на острове была построена фактория для торговли, флотилия отправилась в путь. Едва только корабли двинулись, как судно Жуана да Фонсеки потерпело крушение на устьевом баре реки². К счастью, команду удалось спасти, а груз снять, но корабль пришлось бросить.

Прежде чем оставить Килву, адмирал дал следующие инструкции для всех португальских судов, прибывающих в Килву (эти инструкции ныне находятся в Национальной библиотеке в Лиссабоне):

Я, дон Васко, адмирал и так далее, извещаю всех капитанов любых судов моего владыки короля, которые придут в этот порт Килуа (Quiloa), что я прибыл сюда 12 сего июля 1502 года и хотел вести переговоры с царем, чтобы установить между нами мирные и дружественные отношения, и что он не хотел вести со мной переговоры, но проявил по отношению ко мне большую невежливость, вследствие чего я вооружился вместе со всеми моими людьми, приготовившись уничтожить его, повел свои корабли к его дому, подошел с ними к самому берегу и призвал его к себе с гораздо большей суровостью, чем та, с которой он меня встретил. И он, увидя, что в его интересах подчиниться мне, пришел, и я установил с ним мирные и дружественные отношения на том условии, что он будет платить королю, моему государю, полторы тысячи золотых миткалов ежегодно в качестве дани и заплатит одновременно полторы тысячи миткалов за текущий год и признает себя вассалом его высо-

¹ Кафрария — устаревшее, неточное название обширной территории юго-восточной Африки, населенной «кафраами», то есть неграми, говорящими на различных местных языках группы банту. — *Прим. ред.*

² Каштаньеда утверждает, что это был корабль Антониу Фернандиша.

чества... и я извещаю всех вообще и приказываю тем, кто прибудет в эту местность, где я нахожусь, что вы не должны здесь задерживаться, а должны немедленно продолжать ваш путь в Малинди, а если вы меня там не встретите, идите в Анджидива, а если вы меня не застанете и там, следуйте по пути в Каннанур и несите вахту днем и ночью, чтобы не пройти мимо меня.

Когда Васко находился еще в Килве, с ним соединился 23 июля Иштаван да Гама и три его корабля — остальные отстали от его группы во время бури. Прежде чем отправиться в путь, Гама, подозрительно настроенный по отношению к царю Килвы, решил проучить его. Он пригласил его на корабль, арестовал и угрожал «держать его под водой, пока он не умрет, и заставил его обещать быть вассалом короля Мануэла и платить дань».

Теперь адмирал хотел попасть в Малинди, находящийся на расстоянии около ста миль от Килвы¹, но ему помешали противные ветры и течения.

На мысе Санта-Мария Васко вел торговые переговоры с маврами, а затем был взят курс к побережью Индии. Источники говорят, что Васко плыл не напрямик через Индийский океан, а держался ближе к суше, идя мимо южной Аравии и дальше на юг, вдоль берегов Индии.

Первым пунктом, замеченным с кораблей, был Камбей, находившийся, согласно «Калькуну», в шестистах милях от «города Мекки, где похоронен Магомет, дьявол язычников»². После этого была сделана короткая остановка в Гоа, который стал позже столицей Португальской Индии.

«Оттуда мы пошли вперед и прибыли на остров, называвшийся Анджидива, где мы запаслись водой и дровами, и мы также спустили на берег наших больных, по крайней мере, триста человек и там мы убили ящерицу [крокодила] длиной не меньше пяти футов». Именно в это время на кораблях появилась цынга и, несмотря на все попытки бороться с ней, свыше одной трети команды заболело и много умерло.

Пока дон Васко находился у Анджидивских островов, к нему подошел корабль Руй Мендиша ди Бриту, и с этого момента рассказ об экспедиции дополняется отчетом Томе Лопиша. Через четырнадцать дней у горы Дели к флотилии присоединилось последнее из судов Иштавана да Гамы, и Васко стал командовать всеми собравшимися кораблями.

Следующей стоянкой флотилии был Каннанур; там Гама (мы снова цитируем «Калькун») ожидал корабли из Мекки: «это те

¹ Малинди (3°15' южной широты) находится более чем в 600 километрах к северу от Килвы. Неизвестно поэтому, о каких милях идет речь в тексте. — *Прим. ред.*

² Магомет похоронен в Медине, в двухстах пятидесяти милях к северо-востоку от Мекки.

корабли, которые возят пряности в наши страны; мы хотели уничтожить их с тем, чтобы один лишь король Португалии получал пряности, собираемые здесь (в Индии)».

Через несколько дней было замечено арабское судно «Мери», шедшее с запада. Этот корабль, принадлежавший брату Ходжи-Касима из Каликута, возвращался из Мекки. Помимо различных товаров, на нем находилось 380 пассажиров¹, мужчин, женщин и детей, по большей части это были паломники — они возвращались из священного города к себе на родину, в Каликут. Португальский командир погнался за арабским судном и скоро настиг его. Корабль сдался без сопротивления — оно было бессмысленно при подавляющем превосходстве противника. Гама приказал передать ему груз и все оружие. На это арабы заявили, что у них нет ничего ценного. Адмирал велел бросить в море двух арабов; остальные признались, что у них были кое-какие ценные грузы. Самые лучшие грузы были перегружены на корабль Диогу Фернандиша Корреа для передачи королю, а остальное поделили между командами кораблей Гамы. Перегрузка заняла два дня. Адмирал подозревал, что магометане скрыли еще много груза, а может быть, не отдали и всего оружия. Поэтому Гама, хотя и не встретил никакого сопротивления, ограбил мирное судно страны, с которой не вел войны, и закончил этот непростительный акт пиратства самым подлым и жестоким поступком во всей своей жизни. Он приказал запереть пассажиров в трюме «Мери» и младнокровно велел поджечь судно с тем, чтобы уничтожить всех, кто там был. Каштаньеда говорит, что Гама сделал это в отместку за нападение мавров на Кабрала.

Бомбардиры, которым была поручена эта ужасная задача, подожгли судно в нескольких местах, а затем португальские корабли отошли на безопасное расстояние. Обреченным арабам, слышавшим треск горящего дерева и чувствовавшим запах дыма, удалось вырваться наружу; они стали бегать по палубе с ведрами и топорами, стараясь потушить пламя, проникшее внутрь судна через пробоины от выстрелов португальцев. Понимая, какая страшная судьба их ожидает, они приготовились дорого отдать свою жизнь: у них еще оставалось немного оружия, которое они скрывали от Гамы. Но сначала они еще раз сделали отчаянный призыв к милосердию. Женщины с воплем и стонами подбежали к бортам. Они прижимали к груди своих детей, показывали на них и на немногие украшения на руках, горестно жаловались на своем языке и пытались безумными жестами смягчить сердце жестокого гяура. Все это ни к чему не привело. Гама, находившийся на корабле Иштавана, дал распоряжение взять арабский

¹ Количество пассажиров в разных вариантах отчета колеблется от 200 до 380 человек.

корабль на abordаж и снова зажечь его. Он стоял у окна своей каюты, глядя каменным взглядом на палубу обреченного судна — это была настоящая сцена из даптова «Ада». С палубы и из трюма «Мери» поднимался черный дым, красное и оранжевое пламя; люди, обожженные и закоптелые, делали жалкие попытки затушить пламя; женщины и дети с криками бегали по палубе, стараясь спастись от огня и от снарядов, которые градом сыпались на них, но громче всех, издеваясь, кричали и выли сами пираты-португальцы. Обезумевшие арабы хватали пылающие палки и доски и бросали их на палубы португальских кораблей, так что матросам Гамы пришлось серьезно взяться за тушение огня. Заставить Гаму отказаться от его кровавого замысла было невозможно. Он дал зверский приказ подойти к судну и поджечь его в тех местах, где огонь потух. Португальские корабли снова подошли к «Мери», и матросы, перепрыгнув через высокие борты, оказались на низкой палубе арабского судна. Они встретили ожесточенное, безумное сопротивление арабов, борющихся за свою жизнь и за жизнь своих близких. Палубы были скользки от крови, но арабы снова и снова отбивали натиск португальцев, сплошной массой бросавшихся на судно.

Наступила ночь и португальские корабли отошли, боясь, что отчаявшиеся арабы могут в свою очередь взять их на abordаж или поджечь. Истощенные и беспомощные арабы еще питали слабую надежду, что, может быть, ветер и течение унесут их за ночь настолько далеко, что они смогут спастись, хотя их и окружали со всех сторон португальские корабли. Всю ночь можно было слышать, как арабы молились аллаху и призывали Магомета спасти их. Так эта неравная борьба, кажущаяся невероятной, длилась четыре дня и четыре ночи; португальцы снова и снова поджигали арабское судно, а арабы упорно тушили огонь. Хотя значительная часть судна была сожжена и многие арабы потонули, бросившись с пылающей палубы в море, команда кораблей Гамы начала уставать, флотилия теряла людей, снаряжение и время из-за одного и притом уже ограбленного судна, которое больше не представляло для нее никакой ценности. И в этот критический момент магометан предал и погубил один из их единоверцев. Лопиш рассказывает:

Адмирал отправился на корабль «Лионанда» и стал обсуждать с шестью или семью другими командирами флота вопрос... о том, что они вели [борьбу] в течение четырех суток и никто из них не сумел взять судно на abordаж, а только, проходя мимо него, они могли обстреливать его из бомбард; и наши люди уже решили оставить это дело, когда один из мавров, бросившихся в море, явился к нашему капитану и сказал ему, что, если тот пощадит ему жизнь, он доберется вплавь до судна и привяжет веревку к рулю, чтобы поджечь судно, и адмирал, решив воспользоваться этим, даровал ему жизнь и пере-

дал его Жуану ди Вера. У мавра были с собой золотые монеты [шерафимы], и он рассказал, что на корабле были большие богатства, которые бросили в море, и большое количество продовольствия; он также сказал нам, что в ящиках с медом и с маслом было спрятано много золота, серебра и драгоценных камней, и что они бросили все за борт, когда увидели, что мы не намерены шадить их жизнь. Их ярость была такова, что несколько раз в разгारे битвы мы видели, как люди, раненные стрелами, вырывают их и бросают их в нас руками и продолжают борьбу, словно они не чувствовали боли. Итак, после столь продолжительной борьбы адмирал поджег это судно с великой жестокостью и без малейшей жалости, и оно сгорело со всеми, кто был на борту.

Из всех этих беззащитных людей пощадили только двадцать мальчиков — потом они были обращены в христианство и стали монахами в Белене! И такие свирепые поступки совершались не в порыве страсти, гнева или мести, а с холодной, рассчитанной и бесчувственной жестокостью. Они накладывали несмываемое пятно на облик дона Васко да Гамы, хотя современники в своих отчетах не порицали его за эти действия.

После уничтожения арабского корабля Гама отправился в Каннанур, с раджой которого он заключил договор о дружбе во время первого плавания — раджа был чрезвычайно обрадован, найдя в португальцах союзников в борьбе со своим врагом, каликутским саморином. Напомним, что этот правитель помогал и Кабралу. В Каннануре, говорит автор «Калькуна», «мы купили всякого рода пряностей и царь принял нас с большой пышностью и привел... двух слонов и других странных животных, названия которых я не знаю». Раджа встретил Гаму почетными церемониями. Каштаньеда рассказывает, что «царь и адмирал обнялись и уселись в двух креслах с высокими спинками, которые дон Васко приказал принести для этой цели, и царь сел в кресло, чтобы доставить удовольствие Гаме, хотя это было против его обычая, а Гама дал ему два таза с толстыми коралловыми ветками, очень красивыми, и их дружба была закреплена».

Из индийских источников мы извлекаем более подробное сообщение. «Царь Чираккала пришел на берег моря с четырьмя тысячами наирских меченосцев, чтобы приветствовать адмирала; их встреча произошла на площадке у морского берега. Радже был вручен меч, отделанный золотом и эмалью. Состоялись торговые переговоры; через некоторое время флотилия двинулась в путь и бросила якорь напротив Каликута 30 октября 1502 года».

Видя, что Гама стоит перед городом с большим флотом, саморин был взволнован и напуган. Правитель наконец понял, что он совершил роковую ошибку, третируя адмирала во время его первого плавания и не воспрепятствовав предательскому нападению на моряков Кабрала. Он стал действовать решительно и выслал

своих сановников с предложениями дружбы. Дон Васко выказал к послам полное пренебрежение и заявил им, что его король может сделать правителя, подобного саморину, из ствола пальмы. Он заявил, что ценой мира должно быть немедленное изгнание всех мусульман из Каликута. Желая ясно показать саморину, что, предъявив ультиматум, он намерен сразу же действовать, адмирал совершил новое непростительное, бесчеловечное преступление. К кораблям флотилии подплыли индийские рыбацьи лодки — рыбаки хотели продать португальцам рыбу. Гама захватил тридцать восемь несчастных, ни в чем не повинных людей. Хотя они протестовали и боролись, их втащили на корабль и повесили на реях. В то же время Гама приказал своим судам бомбардировать город, располагавший для ответа очень немногими пушками — если только они вообще там были.

С наступлением ночи Гама приказал снять тела повешенных. У них отрезали руки, ноги и головы, свалили их в лодку, а туловища бросили за борт; прилив вынес их к берегу. К груде рук, ног и голов в лодке было прикреплено письмо на арабском языке, в котором говорилось, что это только предостережение, предвестие судьбы, которая постигнет город, если он будет сопротивляться. По словам Корреа, в письме саморину предлагалось, чтобы из отрезанных голов, рук и ног он изготовил себе вкусное блюдо керри. Затем лодка была отвязана, чтобы ее прибило к берегу.

Лопис рисует зловещими красками картину ужасной ночи, которая последовала за этим. Жители Каликута толпами собирались у берега и глядели на страшное зрелище. Многие стояли у самой воды и при свете дымных факелов старались рассмотреть вынесенные прибоем на песок человеческие туловища — без голов, рук и ног: по одежде или иным признакам они искали среди них своих близких. Когда кого-нибудь узнавали, родственники уносили его домой, и в городе всю ночь, то затихая, то усиливаясь, раздавались погребальные песнопения индусов.

На следующий день бомбардировка города возобновилась, было ограблено, а затем сожжено тяжело нагруженное судно, захваченное накануне у самого берега.

Совершив этот новый акт пиратства, Гама отплыл со своей флотилией в Кочин за пряностями. Чтобы совершенно блокировать город и не дать подойти к нему каким-либо судам, он оставил у Каликута шесть своих кораблей и одну каравеллу, поручив командование ими Висенти Судрэ. 7 ноября дон Васко прибыл в Кочин и заключил здесь торговое соглашение; обменявшись дарами с кочинским раджей, он начал грузить на свои судна пряности и другие товары.

Между тем каннанурский раджа прислал туда своего гонца и сообщил, что у него тоже достаточно груза для нескольких португальских кораблей, и Гама отправил в Каннанур два корабля.

3 января в Кочине появился какой-то брамин с сыном и двое знатных жителей Каликута — они привезли письма от саморина, который тщетно пытался атаковать Судрэ и прорвать его блокаду. В письме саморин просил адмирала вернуться в Каликут и подписать договор о мире и торговле. Гама отплыл на корабле «Флор-ди-ла-Мар», которым командовал его племянник, отправив в то же время своему дяде в Каннанур каравеллу с распоряжением присоединиться к «Флор-ди-ла-Мар» в Каликуте. Приглашение саморина было ловушкой: он хотел захватить в плен или убить Гама. Ночью Гама увидел, что его корабль окружен арабскими судами, и он едва избежал гибели от их огня. Если бы ему на выручку вскорости не подоспел с одним судном и двумя каравеллами Висенти Судрэ, португальцы попали бы в настоящую беду.

Гама сразу же стал мстить. Он отпустил брамина, но повесил мальчика и двух других пленных на рее и проплыл несколько раз мимо города; страшные украшения его судна качались по ветру. Затем он вернулся в Кочин и завершил погрузку судов. Когда дело уже подходило к концу, он получил известие, что арабы собирают большой флот для нападения на португальцев. Гама немедленно вызвал все суда своей армады в Кочин и 10 февраля 1503 года снова отправился в Каликут. 12 февраля он завязал у Каликута бой с флотом раджи. Очевидно, столкновение было не очень серьезное. После короткой стычки арабские суда обратились в бегство, а когда ветер спал, тяжелые португальские корабли уже не могли преследовать арабов.

Адмирал считал теперь, что он выполнил порученное ему дело. Муссон, благоприятствующий обратному плаванью, уже подул, и 20 февраля флотилия отправилась из Каннанура прямо на Мозамбик. Фламандский автор пишет:

5 марта, находясь в ста милях от берега, мы взяли курс на юго-восток (southeast?). 29 марта мы находились в море, на расстоянии около тысячи двухсот миль¹ от Португалии, и начали терять из виду Большую Медведицу, а солнце было над нашими головами, так что 2 апреля мы не могли разглядеть ни призрака, ни тени чего-либо, ни какого-либо созвездия. В этом море мы видели крылатых рыб, пролетавших такое расстояние, что в них можно было стрелять из арбалета, а величиной они с макрель, сельдь или сардинку. На протяжении около трехсот миль мы видели черных морских чаек с белой грудью, у них были хвосты, как у лебедей; они крупнее диких голубей. Они ловят этих летающих рыб. 11 апреля мы зашли так далеко, что в полдень с капитанского мостика мы видели солнце с севера. И в то же время мы не

¹ Трудно установить, в каком месте они находились в этот момент и о каких милях идет речь, тем более, что в следующем абзаце тот же фламандский автор говорит, что ветер в другой широте отогнал португальские суда «на 1000 миль от прямого курса». — *Прим. ред.*

видели каких-либо созвездий, которые могли бы быть нам полезны, — у нас были только наши компасы и карты.

После этого мы пришли в другую широту, где не было никаких живых существ, ни рыбы, ни дичи и ничего другого. 20 апреля [начался] противный ветер, [который] дул пять недель подряд [и] отогнал нас на 1000 миль от прямого курса, и поэтому мы 12 дней плыли, не видя ни суши, ни песка. 22 мая здесь была зима, и день на этой широте продолжался не больше восьми часов, и была большая буря — дождь, град, снег, гром и молния. Около мыса Доброй Надежды в небе показался просвет, но была штормовая погода. Когда мы прибыли к Мысу, мы взяли курс на северо-восток (northeast)¹. 10 июня мы снова увидели Большую Медведицу и Полярную звезду, и снова узнали небо, чем были очень довольны.

Преодолев бури, штили и противные ветры, два корабля, посланные с сообщениями о плавании, прибыли в Лиссабон 1 сентября 1503 года. Дон Васко и главная часть флотилии поднялись по Тежу и бросили якорь 11 октября 1503 года. «Итак, мы вернулись живы и здоровы в Португалию, — заканчивает свой рассказ автор «Калькуна» («Ende alsoe quamen wy wenderom behonden in Poertegael»), — благодарение богу».

Так закончилось второе плавание дона Васко да Гамы в Индию. Он привез своему государю еще больше золота и еще больше его прославил. Он подписал ряд договоров, подчинил португальской короне новых далеких вассалов и данников и положил начало завоеванию и эксплуатации португальцами восточноафриканского побережья и индийских морей. Но за ним тянулся широкий пламенеющий след крови и ненависти — бессмысленно пролитая кровь невинных жертв и ненависть, которая могла бы и не вспыхнуть, если бы он только проявил такт, терпение и благоумие. Он посеял ветер. Его преемники пожалы бурю: всего лишь через несколько поколений его соотечественники лишились самых ценных своих завоеваний и владений. Что касается его самого, то дон Васко еще раз выказал поистине стальную, безжалостную решимость, бессердечие и холодную жестокость, хотя нередко она была совершенно бессмысленна и бесполезна. Тщетно мы стали бы искать в сообщениях о втором плавании в Индию хоть что-нибудь, что могло бы оправдать его и смягчить суд истории над этим человеком, который казался, как заметил Гарсиа да Орта о Магеллане, «дьяволом, вошедшим в португальца»².

¹ Здесь, повидимому, ошибка фламандского автора. За мысом Доброй Надежды курс был взят, конечно, не на северо-восток, а на северо-запад или, в крайнем случае, прямо на север. — *Прим. ред.*

² Известный португальский натуралист XVI века Гарсиа да Орта, как и другие его соотечественники, не мог простить португальцу Магеллану перехода на испанскую службу. Иначе нельзя объяснить резкий отзыв этого крупного ученого о великом мореплавателе. — *Прим. ред.*

ПОРТУГАЛИЯ, 1503—1524 ГОДЫ

Вот все сведения о кораблях, которые приходят из Каликута и Малакки с пряностями... Это называется Лузитанией.

Роджер Барлоу, «Основы географии», 1540.

1

Историки немало спорили по вопросу об отношении короля Мануэла к Васко да Гаме после того, как адмирал возвратился из второго плавания в Индию. В португальских архивах недостает ряда документов, но те, что имеются, показывают, с одной стороны, что адмиралу не дали того, что ему обещали, а с другой — что он сам предъявлял произвольные требования и был алчен. Столкнулись два характера: характер Гамы и характер его государя, чья скаредность и непомерная гордость были хорошо известны. Мы не будем цитировать документы полностью, но коснемся тех их мест, которые освещают отношения между доном Мануэлом и адмиралом.

У нас нет никаких определенных известий о действиях Гамы с момента его возвращения в Лиссабон из Каликута в октябре 1503 года до марта 1507 года. Но картину событий можно частично восстановить по документам, имеющимся в Торри-ду-Томбу — хранилище португальских архивов.

Как уже говорилось, родной город Васко да Гамы Синиш был передан в его владение королевским указом, опубликованным 4 декабря 1499 года, причем корона обещала дать прежнему владельцу Синиша, ордену Сан Тиагу, другой город в обмен. Разрешение папы на обмен было получено. Однако орден отказался отдать город.

Спустя некоторое время после своего вторичного возвращения из Индии в Португалию нетерпеливый и раздражительный Гама решил не мириться больше с отсрочками. Он приехал в Синиш с женой и семьей, поселился там и начал строительство, как если бы он действительно стал владельцем этого города. Тогда дон Жоржи, великий магистр ордена Сан Тиагу, обратился к королю, который 21 марта 1507 года по этому поводу опубликовал указ в Томаре. Адмиралу, его жене и семье в самых решительных выра-

женнях было приказано уехать из Синиша в течение тридцати дней; им было запрещено когда-либо вступать в пределы города без разрешения великого магистра под угрозой штрафа в пятьсот крузаду и обычного наказания, «налагаемого на тех, которые не повинуются приказу своего короля и повелителя». В том же самом указе предлагалось прекратить все строительство, которое должно было быть начато в Синише по распоряжению Гамы, причем за слушание полагалось то же самое наказание. Таким образом, великий мореплаватель был самым унижительным образом изгнан из своего родного города, на обладание которым он, по его мнению, имел неоспоримое право, поскольку этот город был ему подарен после первого плавания. Один современный португальский историк¹ энергично выразил свое мнение по этому поводу:

В жилах бастарда [дона Жоржи] текла королевская кровь, и дону Мануэлу этого было достаточно, чтобы заставить склониться гений, славу и героизм, заставить Васко да Гаму признать, что его деяния и его услуги отнюдь не стоят нескольких капель королевской крови, которую в минуту безумного блаженства дон Жуан II влил в жилы сына дожны Анны ди Мендонса.

Адмирал подчинился приказу короля и незамедлительно выехал из Синиша со всей семьей, но легко представить, каково было его возмущение, особенно если учесть, что указ был передан ему через его собственного дядю Жуана да Гаму. Вполне очевидно, что король Мануэл пытался задобрить оскорбленного Гаму: как свидетелю документов, он получил много даров и привилегий. После его возвращения из первого путешествия ему дали ряд пенсий, общая сумма которых достигала 3500 долларов в год. 4 февраля 1504 года сумма пенсий была увеличена до 5500 долларов. 13 июня 1513 года он был освобожден от всех таможенных и транспортных сборов на какие бы то ни было товары, которые он привезет из любой провинции Индии. 22 августа 1515 года Гаме было предоставлено право охотиться в королевских заповедниках в Низе, и в тот же день были изданы указы, согласно которым он получал право послать с индийским флотом личного представителя для наблюдения и защиты своих интересов. 29 августа 1515 года Гаме было предоставлено право акцизных сборов в округе Низа, которые обеспечивали ему ежегодный доход в 200 тысяч рейшов. 9 октября 1516 года ему, как адмиралу Индии, было назначено ежегодное жалованье в шесть тысяч рейшов, а 19 октября 1515 года королевский указ, позже подтвержденный Жуаном III, освободил самого открывателя «и всех членов его семьи» от любых акцизных сборов и налогов на недвижимое иму-

¹ Мануэл Пиньейру Шагаш, в книге Арагана «Vasco da Gama e Vidigueira», изд. 3.

щество, где бы он ни жил и ни владел собственностью. 17 декабря 1519 года в Эворе был опубликован королевский указ, согласно которому Гама дарились Видигейра и Вила-ди-Фради. Были опубликованы патенты, по которым в его пользу шли все штрафы, собранные с браконьеров в Низе. 30 марта 1521 года был опубликован закон, который предоставлял Гама некоторые якорные стоянки в Индии «в связи с его должностью адмирала». Этот закон был подтвержден указом Жуана III. На следующий день ему была дана дополнительная якорная стоянка на реке Гоа¹. То немногое, что дошло до нас из старых преданий, дает нам возможность предположить, что из Синиша Гама переехал в Эвору — город, где он учился в детстве. Там он прожил некоторое время со своей семьей. Предания указывают также на некоторые дома, в которых, как полагают, жил Васко и на фасадах которых он будто бы приказал нарисовать индийцев, деревья и животных Индии. Эти изображения еще можно было видеть в середине XIX века. Улица, на которой стоят упомянутые дома, известна под названием «Улицы раскрашенных домов» («Rua das Casas Pintadas»). Здесь Гама жил двенадцать лет, может быть, ожидая, что король опять позовет его на службу.

Желание адмирала (если он только действительно желал служить своей родине) не было осуществлено при жизни Мануэла. В 1518 году Гама, решив, что он осужден остаток своей жизни провести в безвестности, попросил короля разрешить ему оставить Португалию и предложить свои услуги какой-либо иностранной державе. Он был отнюдь не первым португальцем, предлагавшим свои услуги другой стране. Ведь еще до этого Мануэл отказался рассматривать план экспедиции Магеллана, и Магеллану пришлось в октябре 1517 года покинуть Португалию и предложить свои услуги испанскому королю Карлу².

Ответ Мануэла Гама был следующий:

Друг адмирал! Мы получили прошение, представленное вами, причем вы пользуетесь титулом «граф», который, как вы говорите, мы обещали вам, но который вы присвоили себе, как если бы он был действительно вам дан. Вследствие услуг, которые вы нам оказали, мы не соглашаемся удовлетворить вашу просьбу покинуть пределы нашего королевства, но этим нашим письмом мы приказываем вам остаться в нашем королевстве до конца декабря этого года, и мы надеемся, что к этому времени вы увидите ошибку, которую вы

¹ Ка'Мессер, венецианец, живший в то время в Лиссабоне, заметил в одном из писем, что Гама «не очень благодарен [королю], потому что он [Гама] человек дурного характера и неразумный».

² Следует заметить, что такой же прием встретил и Колумб, когда он представил свой проект Жуану II Португальскому. Колумба выставили с пустыми руками, и Португалия упустила возможность стать покровителем человека, открывшего Новый Свет.

совершаете, и что вы захотите служить нам, как подобает, и не будете предпринимать того крайнего шага, который вы предполагаете сделать. Но если и по истечении этого срока вы будете настаивать на своем намерении оставить наше королевство, мы, хотя это причинило бы нам очень большое огорчение, не будем мешать вашему отъезду вместе с вашей женой, вашими детьми и вашим движимым имуществом. Дано в Лиссабоне 17 августа 1518 года, рукой секретаря.

Король.

Возможно, что такой приказ был издан под влиянием отъезда Магеллана¹.

Время, которое выиграл таким образом Мануэл, он использовал на то, чтобы попытаться найти соответствующее вознаграждение для Гамы. Он намеревался передать адмиралу город Вила-Франка-да-Шира в долине Тежу, в двадцати милях от Лиссабона, но переговоры так и не были доведены до конца. Наконец дон Жайми, герцог Браганский, племянник короля, заявил, что он готов уступить город Видигейру и титул графа, на который имел право феодальный владетель этого города, и 24 октября король дал свое согласие на обмен. Соглашение было подписано 4 ноября 1519 года. Герцог передал города Видигейра и Вила-ди-Фради, а Гама уступил ему наследственную королевскую пенсию в тысячу крузаду (четыреста тысяч рейшов) и уплатил наличными четыре тысячи крузаду золотом. Этот акт был зафиксирован в Эворе 7 ноября 1519 года², а после этого, 17 декабря, король подтвердил передачу имущества и сделал ее безвозвратной на все времена «вследствие многих важных услуг, которые мы получили от указанного адмирала, особенно в деле открытия Индии, и которые принесли и приносят славу короне нашего государства, а также его жителям и жителям всего христианского мира». Так, немногим больше чем через год после того, как Мануэл в письме к Гаме запретил ему оставлять королевство, адмирал получил долгожданное феодальное владение, хотя это и не был его любимый Синиш.

29 декабря 1519 года представитель мореплавателя принял в свое владение Видигейру, и в тот же самый день король в Эворе дал Васко да Гаме «титул графа города Видигейра; и мы делаем его графом [этого города] со всеми прерогативами и вольностями, которые имеются у графов королевства, в силу очень важной и отменной услуги, которую оказал Васко да Гама, открыв Индию».

¹ Вряд ли в 1518 году король мог осознать опасность предприятия Магеллана, скорее всего он понял эту опасность для португальской торговли пряностями не ранее 1523 года, после получения тревожных известий из Индонезии о появлении у островов Банда и Молуккских островов кастильских кораблей. — *Прим. ред.*

² В этом документе впервые полностью приведено имя жены Гамы.

Это произошло через двадцать лет после того, как Гама вернулся из своего великого плавания. Такова благодарность королей¹.

Сохранилось мало данных о пребывании Васко да Гамы в Видигейре. Согласно одному автору, «он направился туда из Эворы, вероятно, в 1520 году... и в течение четырех лет, с 1520 по 1523 год, забота адмирала о его новых владениях, несомненно, занимала его время». Кроме этого ничем не обоснованного измышления, у нас не имеется никаких данных о том, что делал дон Васко, прежде чем он в 1524 году был назначен вице-королем Индии. Но одна короткая заметка все же есть. Монах Луиш ди Соуза (1555—1632) в своей «Хронике короля Жуана III» упоминает, что среди присутствующих при принесении присяги королем Жуаном (декабрь 1521 года) находился «дон Васко да Гама, граф Видигейры, адмирал Индийских морей». Обо всем остальном история умалчивает².

Подлинные причины бездеятельности Гамы в 1502—1524 годах, вероятно, никогда не будут известны. В число причин, вполне возможно, входят недоразумения в отношениях с королем и огорчения Васко по поводу того, что он не получил Синиша. Здесь можно было бы указать также на его упрямый и несговорчивый характер, его горячность, раздражительность и алчность. Легко видеть, что он и король не могли питать особых симпатий друг к другу.

2

Мануэл, повидимому, был таким человеком, которому истинная благодарность и уважение за оказанные ему услуги, были неизвестны³. В отношениях короля с Гамой, по всей вероятности, сыграли роль и другие черты характера Мануэла: зависть очень

¹ Видигейра и Вила-ди-Фради — два населенных пункта, расположенных очень близко друг к другу в южном предгорье Алентежу, около 200 футов над уровнем моря. Название Видигейра, возможно, происходит от «видейра» (виноградник), поскольку в окрестностях производится вино.

² На колокольне часовни Святого Духа в Видигейре сохранилась драгоценная реликвия. Это колокол, которым отбивают часы, он отлит по приказу графа-адмирала. Внутренняя высота его — 67, а диаметр — 59 сантиметров. На одной стороне рельефно изображен крест ордена Христа, а на другой — герб рода Гамы; в герб внесены добавления, сделанные королем Мануэлом. По краю колокола снаружи имеется следующая надпись готическими буквами: «Этот колокол приказал отлить граф дон Васко, адмирал Индии, в году 1520» («Este sino mandou fazer o Sr. Conde Dom Vasco Almirante da India era da millev vinte»). Вероятно, это был один из первых даров Васко да Гамы какой-то церкви Видигейры, после того как он в 1519 году получил этот город. Как показывает надпись, уже тогда он был графом.

³ Он допустил, чтобы Дуарти Пашеку Пирейра, один из величайших деятелей его царствования, автор книги «Esmeraldo de Situ Orbis» (1505), оставлен был без внимания и умер в немилости и нищете в госпитале Мизерикордиа, после того как в его честь была организована религиозная процессия.

посредственного человека, суетность, капризность и боязнь дать слишком много власти кому-либо из его сановников¹. Он не был ни великим человеком, ни мудрым королем. У персов есть пословица: «униция удачи — все равно, что фунт таланта», а Мануэлу сопутствовала удача. Эта удача дала ему в веках имя Мануэла Счастливого. Время его жизни пришлось на самый великий, самый славный, самый цветущий период истории Португалии. Он не обладал какими-либо выдающимися качествами или хотя бы просто привлекательностью, но он был верен своей стране, и удача ему сопутствовала как во внутренних, так и во внешних делах. Открытие Индии было самым решающим событием в истории Португалии: оно определило направление и ход ее на столетие вперед. Мануэл видел свою страну в зените ее национального могущества, но, хотя он и не мог этого знать, семена ее упадка были посеяны и на родине и за границей еще при его жизни².

Дамиан ди Гоиш (1501—1574) в своей «Хронике доня Мануэла» дает следующее описание короля:

Он был высокого роста, скорее изящный, чем тучный, у него была круглая голова, которую он держал прямо, и каштановые волосы. Его лицо тоже было круглым. Его зеленоватые глаза имели приятное выражение, и вообще он казался красивым и оживленным. Его полные руки были так длинные, что пальцы доставали ниже колен. Его ноги, длинные и стройные, соответствовали пропорциям его тела... Его голос был ясен и богат интонациями.

Он обсуждал дела за обедом, и с ним всегда были ученые и иностранцы. Он был очень музыкант и собирал музыкантов со всей Европы. Это был первый европейский монарх, у которого имелись слоны, привезенные из Индии, а однажды он велел провести по городу [Лиссабону] носорога и пантеру, которых ему подарил король Ормуза [в Персии]. Он был целомудренен, чистоплотен и хорошо одевался — почти каждый день он надевал что-либо новое. Он раздавал так много одежды, что, когда он умирал, при дворе было мало людей, у которых не было бы чего-либо с его плеча. Он хорошо разбирался в делах и работал быстро. Он был умерен в еде и пил только воду. Он не любил оливкового масла и не ел пищи, изготовленной на нем. На пищу он обращал мало внимания. Это был хороший и строгий католик.

Такое описание, составленное придворным хронистом, не проливает света на характер человека. Гораздо красноречивее его действия и указы.

¹ Интересно, что по мнению одного английского автора, между Гамой и его государем якобы не было враждебных отношений, а все дело было в том, что семейная жизнь, воспитание детей и управление имениями представляли для адмирала гораздо больший соблазн, чем тяжелые обязанности командира флота.

² Его постыдное обращение с евреями и последовавшее в конце концов изгнание их из королевства с целью завоевать благосклонность Испании было одной из причин упадка экономики Португалии уже в его царствование.

В конце 1521 года Португалию стала опустошать какая-то эпидемия. Она не пощадила и короля, который, по словам хрониста, «отдал душу богу на девятый день болезни, 13 декабря, в своем дворце в Лиссабоне». Его похоронили в монастыре иеронимитов в Белене. Наследником Мануэла являлся его старший сын, девятнадцати лет, он принял титул Жуана III. Совершенно не чувствуя, что его страна уже миновала зенит своей мощи и процветания, Жуан отпраздновал восшествие на престол пышно и радостно.

Он поехал на коронацию на красивой серой лошади. Одет был в длинную парчовую мантию с длинным шлейфом, обшитую куницами. Перед ним шел один из принцев королевской крови, несший в руках жезл маршала, а коня Жуана держал другой принц. Третий принц, он же кардинал, ждал его у церкви, а рядом с ним стояли герцог Браганский и герцог Коимбрский; с ним стояли также и графы... славный граф Видигейры дон Васко да Гама и другие.

Хронист Гарсиа ди Ризенди (1470—1536), живший в течение трех царствований, говоря о коронации Жуана, писал, что «он никогда не видел такой пышности» и что «король мира появился во всей своей мощи и совершенстве». Этот-то молодой король, Жуан III, и призвал снова Васко да Гаму на службу родине и послал его вице-королем в Индию.

В 1521 году, когда Жуан III вступил на престол, Лиссабон был, по всей вероятности, крупнейшим торговым городом Европы. Он разросся значительно шире тех пределов, которые ограничивали его при Жуане II. Якорные стоянки на Тежу были полны судами из Индии, Африки, средиземноморских портов и гаваней Северной Европы. На рынках города продавалось множество азиатских и африканских товаров, привезенных на португальских судах. Из Афганистана шел мускус, из Синда и Кашмира — тонкие шали и шарфы, из Гуджарата — лекарства, индиго, шелка, золото и драгоценные камни. Базары изобиловали перцем, имбирем и всякого рода пряностями. Лежали большие груды тика, привезенные из Дальних Индий (Farther Indies)¹. Мужчины и женщины торговались, покупая миткаль, парчу и тонкий бенгальский муслин. Повсюду продавались драгоценные камни и ювелирные изделия. Из Каира и Багдада привозили тонкие ткани, из Персии — ковры, из Аравии — ладан и мирру. Седжуя (Sejua) поставляла тонкие металлические изделия, Молуккские острова — гвоздику и мускатный орех, Тимор — сандаловое дерево, а далекий Китай — изделия из слоновой кости, шелка и ценный знатоками фарфор. Из Африки везли рабов, марокканскую кожу,

¹ Страны Юго-Восточной Азии. — Прим. ред.

черное дерево и бивни слонов, а также слитки золота и золотой песок. Были тут и бразильские товары — сахар, китовый жир и плащи из перьев (feather mantles). Все это богатство непрерывно лилось в Лиссабон, новый центр мировой торговли. По его улицам разъезжали вельможи и рыцари в седлах с короткими стременами и с уздечками, отделанными серебром и золотом. В монастыре в Белене стояла большая дароносица¹, сделанная из золота, впервые привезенного с Востока². Казалось, что весь Лиссабон богат и счастлив, что его будущее превзойдет самые смелые мечты человека.

У этой радужной картины была обратная сторона, далеко не столь светлая, и в конце концов она затмила счастье Лиссабона и Португалии. В течение жизни одного поколения эта маленькая страна сначала воевала, потом открывала новые земли и в конце концов стала торговать. Сельское хозяйство постепенно было предано забвению, и его стали презирать. В стране прочно укоренилась святая инквизиция, евреи и мавры были изгнаны, рабы занимали место свободных тружеников. Португалия лишалась своих людей — их жадно и безвозвратно поглощали колонии, а заменить уехавших было нечем. Один старый историк указывал, что в период 1497—1527 годов из Португалии в Индию уехало восемьдесят тысяч португальцев, по большей части мужчин, а другой констатировал, что только одна десятая часть из них вернулась на родину.

¹ Дароносица — сосуд для ношения так называемых «святых даров» — хлеба и вина, символизирующих тело и кровь Христа. — *Прим. ред.*

² Многие полагают, что ее сделал знаменитый поэт Жил Висенти, который был также ювелиром.

ИНДИЯ, 1502—1524 ГОДЫ

Португальцы вошли в Индию с мечом в одной руке и распятием в другой; найдя там много золота, они отложили распятие в сторону, чтобы набить себе карманы.

Жуан ди Каштру¹, вице-король Индии, 1548.

Первые конкистадоры Индии, повидимому, были движимы только жадой золота, которая почти неизбежно влечет за собой жажду крови.

Альфонс Раббе, «История Португалии».

Португальцев развратила не Индия. Они не были жертвой ее, они сами развратили ее.

Жилберту Фрейри, «Господа и рабы».

1

Открытие Гамой Индии дало португальскому народу беспрецедентную возможность для расширения своих владений и развития. К несчастью, у португальцев были некоторые черты, с самого начала мешавшие их успеху. У них, повидимому, не было никаких твердых идеалов, они слишком легко были готовы идти на сделки со своими этическими принципами, они обладали невероятной, ледяной жестокостью и вместе с тем проявили тупость и неумение при обращении с другими народами, особенно с туземцами, а также фанатизм и крайнюю ненависть к людям чужой веры. Несмотря на блестящие успехи вначале, эти черты обрекли их империю в Индии на гибель, предопределили ее быстрый упадок.

2

В 1500—1504 годах португальский король посылал в Индию торговые, хотя и вооруженные, флоты, потому что, повидимому,

¹ Книга о Жуане ди Каштру, написанная на португальском языке И. Сансó — «Дон Жуан ди Каштру», — вышла в наше время (но без указания года издания) в Порту. — *Прим. ред.*

португальцы не собирались предпринимать никаких завоеваний. Сначала они хотели только добиться монопольного контроля над экспортной торговлей Индии. В течение первых лет XVI века была сделана попытка создать фактории (склады и помещения для ремонта судов) в дружественных городах Кочин, Каннанур и Куилон. Король полагал, что дружественные раджи и мелкие князья защитят фактории и португальцев, которые оставались там для ведения торговли. Постоянные ссоры и борьба с саморином Каликута, самого могущественного государства Малабарского побережья, не только сделали почти невозможным торговлю с этим портом, но также очень неблагоприятно действовали на отношения между европейцами и их индийскими союзниками.

События в Индии, имевшие место после плавания Кабрала, изменили всю политику португальского правительства по отношению к этой стране. Португальцы приобрели ценные сведения об отдельных портах, об обычаях и нравах прибрежных индийских народов, а также об их боевой мощи. Очень важным политическим фактором было открытие, что индийцы — народ не христианский и поэтому, согласно этике того времени, не могут рассчитывать ни на одно из основных прав, которые, по мнению христианских народов, являлись лишь их прерогативой. После нескольких нападений каликутского раджи на португальцев в Кочине король Мануэл понял, что он не может больше строить свои расчеты на рассеянных факториях и ограблении туземных кораблей. Если Португалия хотела сохранить свое место в торговле с Индией, она должна была создать какую-то систему, с тем чтобы поддерживать закон и порядок и обеспечить поступление постоянного потока товаров в Лиссабон. Было решено учредить новую должность — должность вице-короля Индии — с трехгодичным сроком полномочий. Первым вице-королем был назначен мореплаватель Триштан да Кунья¹. Когда его постигла временная слепота, вместо него был назначен дон Франсишку д'Алмейда. Этот мудрый и опытный воин отплыл из Лиссабона в марте 1505 года, облеченный полномочиями заключать договоры, регулировать торговые отношения и, если нужно, вести войну. Была выработана система управления для любой страны, какая могла подпасть под власть португальцев. Уже во время этой экспедиции стало ясно, что резервы людей, пригодных к морской службе, в Португалии начинают иссякать. Флотилия была крупная, с ней плыло 1500 солдат. Но команда одной из каравелл почти целиком была

¹ Триштан да Кунья в 1506 году во главе флотилии отплыл в Индию; на пути туда он открыл в южной полосе Атлантического океана необитаемый остров, названный его именем. Позднее один из кораблей Куньи достиг Суматры. Это было первое европейское судно, посетившее Индонезию. — *Прим. ред.*

набрана из крестьян. Рассказывают, что они так мало знали о море, что не видели разницы между правым и левым бортом. Поэтому капитан корабля привязал к одному борту связку чеснока, а к другому связку лука и давал рулевым такие приказания: «Руль на чеснок!» и «Руль на лук!»

Алмейда поставил перед собой цель обеспечить для португальского короля монополию в экспортной торговле с Индией. Поэтому он намеревался изгнать мусульманских купцов с моря, заманить их португальцами и направить всю торговлю с Индией, которая частично шла через Персидский залив и Красное море, вокруг мыса Доброй Надежды. На суше же он намеревался заключить союзы с рядом государей, гарантируя им защиту мощью португальских кораблей в обмен на обещание поставлять грузы и оберегать фактории от нападений.

Прежде всего Алмейда построил и обеспечил гарнизоном флот в Килве, на восточноафриканском побережье, затем он разграбил и разрушил несколько городов поблизости. Он построил форт в Каннануре — в этом городе побывал Гама во время первого плавания, — а затем высадил португальцев, которые должны были поселиться в Кочине. Между тем его суда своевольно преследовали мусульманских купцов, убивая и грабя их без разбора.

Португальскому господству на море бросил вызов египетский султан-мамелюк: в 1508 году его корабли напали на португальский отряд и убили сына Алмейды. Вице-король поклялся отомстить и, встретив египетский флот у Диу (у западного берега Индии)¹, нанес ему 3 февраля 1509 года сокрушительное поражение, поскольку артиллерия европейцев значительно превосходила примитивное вооружение египтян и их каликутских союзников. Вскоре после этой победы истек срок, на который Алмейда был назначен вице-королем, и он был замещен Афонсу д'Албукерки, хотя и оставался на своем посту до 1509 года².

Албукерки³ отправился в Индию в 1507 году, получив распоряжение покорить персидский город Ормуз. Хотя между Мануэлом и малолетним царем Ормуза не было никаких раздоров, Албукерки не видел причины, почему бы ему не напасть на Ормуз. Он безжалостно разграбил и сжег три города и устроил чудовищ-

¹ Диу — островок у южного берега индийского полуострова Катиавар, контролирующий путь от Персидского залива в залив Камбей. В 1536 году он был захвачен португальцами и включен в группу их колониальных владений, так называемую Португальскую Индию. — *Прим. ред.*

² На обратном пути Алмейда руководил карательной экспедицией против одного готтентотского племени в бухте Столовой (у Кейптауна), где был убит.

³ Здесь мы имеем возможность дать лишь краткий очерк о пребывании Албукерки в Индии, но не можем касаться его подвигов в Аравии, Персии и Малайе. В книге И. Сансо «Индийское предприятие» и в ряде других книг этот вопрос освещен полностью.

ное избивание беспомощных туземцев. Все пленные были изуродованы — у женщин отрезали носы и уши, у мужчин — носы и правые руки. Все это было сделано отнюдь не в запальчивости: нападающей стороной были португальцы и среди них было очень мало убитых. После того как на персидский флот обрушилась португальская артиллерия, Ормуз сдался. Португальцы наложили на город ежегодную дань и построили там форт. Для того чтобы еще больше запугать персов, Албукерки пригрозил посланникам шаха, что если ему будут препятствовать, он «построит стены [форта] из костей магометан, прибьет их уши к воротам и воздвигнет свой флаг на их черепахах». В конечном счете ормузская экспедиция провалилась¹ вследствие измены одного из португальских капитанов, и Албукерки отплыл в Индию. Потерпев поражение от наиров Каликута, вице-король начал осуществлять план установления господства над Востоком. Его политика здесь интересует нас только в той части, которая касается Индии, а именно — превращение Гоа в колонию и центр португальских владений на побережье Индии. По словам историка Джейна, этот акт «означал для Португалии последний шаг от простого господства на море к созданию территориальной империи на Востоке».

Гоа (от индийского «гомант» — «округ коровьих пастухов») — древний город в средней части западного побережья Индии, немного севернее 15° северной широты. После Каликута — это второй по значению морской порт на этом участке побережья. Гоа расположен на острове, который образовался благодаря действию приливов. Почва на острове плодородна, и его легко защитить флотом. В стратегическом отношении это было самое удобное место для основания колонии. Албукерки подплыл к городу в январе 1510 года с флотилией, состоявшей из двадцати трех кораблей. К его удивлению, город сдался, стоило лишь захватить один из его маленьких фортов, и 1 марта губернатор, вступив в город, уже владел всеми его складами, лошадьми, слонами и верями.

Всего через два месяца после окончания военных действий и взятия города мусульмане, численностью в шестьдесят тысяч человек, напали на форты. Когда Албукерки увидел, что ему грозит поражение, он отступил с острова, но сначала приказал перебить его жителей. Он пощадил лишь несколько человек из самых богатых, чтобы взять за них выкуп, «наиболее красивых женщин для выдачи замуж, да нескольких детей, которых он намеревался обратить в христианство». После этого он со своими людьми стал пробиваться к судам. К счастью для вице-короля, из Португалии прибыло четырнадцать кораблей, и он сразу же забрал их к себе

¹ Ормуз вторично был захвачен португальцами в 1515 году; выбиты они были оттуда лишь в 1622 году иранцами с помощью (далеко не бескорыстной) английской Ост-Индской компании. — *Прим. ред.*

на службу. 20 ноября он атаковал город, пробился внутрь и вновь захватил остров. После торжественной благодарственной мессы он распорядился разграбить город и уничтожить всех мусульман — мужчин, женщин и детей, — оставшихся в нем. Наступили три ужасных дня резни, насилий и пыток. Албукерки послал своему государю сообщение, что убито было шесть тысяч мужчин, женщин и детей. В феврале 1512 года, когда Албукерки находился далеко, у Малакки¹, город Гоа был снова осажден шахом Биджапура, под властью которого он находился до захвата его португальцами. Но попав под перекрестный огонь флотилии губернатора и орудий со стен укреплений, мусульмане отошли. Они выдали девятнадцать дезертиров-португальцев. Албукерки обещал им сохранить жизнь. Он сдержал свое слово, но вот что он написал в письме к королю: «Я даровал им жизнь... но приказал отрезать им носы, уши, правые руки и большие пальцы на левой ноге, как предупреждение и напоминание об измене и о том злодеянии, которое они содеяли...» Половина несчастных умерла под пытками, другие же остались влачить жалкое существование.

Албукерки посвятил немало времени, чтобы наладить управление португальскими факториями в Индии. Его жестокость, а также успех, сопутствовавший ему в делах, внушали такой страх, что даже правитель Каликута уступил португальцам и разрешил им строить форт в своем городе.

В 1515 году, ведя военные действия в Персидском заливе, Албукерки получил сообщение, что срок его полномочий истек (он пробыл вице-королем шесть лет) и что его преемником назначен Лону Суариш ди Албиргария.

Албукерки, жестокий и крутой человек, должен быть, тем не менее, признан настоящим основателем португальского господства в Индии. В своем последнем письме к королю он в нескольких словах сказал ему всю правду:

Государь, я пишу вашему высочеству не собственной рукой, потому что она очень дрожит, а это предвещает смерть... Что касается индийских дел... все улажено... Итак, я сделал то, что вы мне поручили... Я советую вам... если вы хотите прочно владеть Индией, попрежнему действуйте так, чтобы она могла сама себя поддерживать.

¹ Албукерки выслал ранее, в 1509 году, в город Малакка, с флотилией из пяти кораблей, Диогу Лопиша Сикейру (того самого, который позднее обесславил себя на посту вице-короля Индии). Предлогом было заключение торгового договора с местным малайским правителем, целью — разведка морских путей к «Пряным» островам. С помощью лодманов из Кочина Сикейра 11 сентября того же 1509 года появился перед городом Малакка. А через год с лишним за ним последовал и сам Албукерки с большим флотом и 10 августа 1511 года взял штурмом Малакку, занимавшую тогда важную позицию на морском пути от Индии к «Пряным» островам. — *Прим. ред.*

Письмо было подписано Албукерки собственноручно. Отправив письмо, он, смертельно больной, поплыл от Ормуза в Гоа. Когда корабль проходил отмель у Гоа, он облачился, как было положено командору ордена Сан Тиагу, надел шпоры и опоясался мечом. Прислонившись к двери своей каюты, он последний раз поглядел на город, который он дважды завоевывал для своего короля. Через несколько часов, на восходе солнца, когда корабль бросил якорь, он умер. «Комментарии»¹, с их своеобразным стилем, говорят по этому поводу:

Так велик был плач и жалобы, что казалось, будто бы сама река Гоа выходит из берегов... Когда они [индусы] увидели его тело... его длинную бороду, доходившую до пояса², его полузакрытые глаза, они сказали... что он не умер, а что боги нуждались в нем для какой-то другой войны и послали за ним³.

С небольшим флотом, с почти не обученными и плохо вооруженными людьми Албукерки установил и поддерживал контроль над торговыми путями в Индийском океане. Он основал колониальную империю, и он понимал политические и экономические цели, проблемы и обязанности по управлению империей. Он был твердым руководителем, и люди шли за ним. Его век был жесток, дик, фанатичен и безжалостен, и он не судил сурово Албукерки. В конечном счете его следует признать одним из величайших европейцев, правивших в Индии.

Здесь следует упомянуть об одном из колониальных проектов Албукерки, связанном с заселением Индии, потому что этот проект имел резко отрицательное значение для португальцев, когда они в позднейший период пытались удержать свои владения. Этот план состоял в том, чтобы колонизовать Индию, привозя туда мужчин и заставляя их жениться на туземных женщинах. Албукерки и его соотечественники не видели в этом ничего особенного. Африканских рабов привозили в Португалию со времен принца Генриха Мореплавателя, и они растворялись в местном населении. В Индии туземные женщины номинально принимали христианство, но сохраняли прежнюю связь со своим народом. Португаль-

¹ Речь идет о книге Браша ди Албукерки «Записки о великом Аффонсу д'Албукерки». Полный английский перевод в четырех томах с обширными вводными статьями вышел в свет в 1875—1883 годы в серии I изданий Общества Хаклюйта (№ 53, 55, 62, 69). — *Прим. ред.*

² Когда Гоа был отбит мусульманами, Албукерки дал обет никогда не стричь бороды, пока он не возьмет город назад. Повидимому, он никогда больше уже не стриг себе бороды. «Комментарии» были написаны незаконным сыном Албукерки от туземной женщины, они чрезвычайно интересны.

³ Таким образом, первые два португальские правителя Индии умерли далеко от родины и не дождались почестей, которых они заслужили у короля Мануэла.

цы же в расслабляющем климате Индии быстро теряли свою энергию. Симптомы упадка стали сказываться очень рано. «Эти люди смешанной крови, родившиеся от таких браков, не становились крепче в результате контакта с более суровой расой, кровь которой частично текла в их жилах, а все больше и больше приближались к типу страны, откуда они произошли»¹.

Лопу Суариш ди Албиргария, преемник Албукерки, был полной противоположностью последнему, и его слабость после силы Албукерки быстро оказала влияние на отношения португальцев с их союзниками и подданными. Если Албукерки не хотел разрешать португальцам вести торговлю по их желанию. Суариш широко раскрыл двери для всякого рода злоупотреблений и позволял разным мошенникам подрывать официальную индийскую торговлю; скоро стало разрастаться даже пиратство. Суариш всюду совал свой нос и всюду мешал; наконец, многие из лучших офицеров Албукерки, оскорбленные такими действиями, как продажа с аукциона имущества Албукерки с целью пополнения личных средств Суариша, покинули Индию². В 1518 году Лопу Суариш уехал, оставив по себе недобрую память, ненавидимый всеми, и его отъезд не вызвал ни в ком сожаления.

После Лопу Суариша губернатором стал Диогу Лопиш ди Сикейра. Его правление с 1518 по 1522 год не ознаменовалось какими-либо большими событиями (в Индии)³, сам он занимался тем, что повсюду вымогал деньги.

Пятым губернатором Индии был дон Дуарти ди Минезиш, страшный мошенник, развратный и алчный даже по нравам того времени. Он прибыл в Индию ровно за три месяца до смерти короля Мануэла. Минезиш некоторое время вел войну с Ормузом, ставшую, как могло показаться, непрерывной, а затем обратился к индийским делам.

Португальские историки хранят странное молчание по поводу многих событий, имевших место во время управления Минезиша.

¹ Whiteway, *The Rise of Portuguese Power in India*, p. 178.

[Португало-индийские метисы, кроме португальских владений в Индии, значительными группами сохранились и в других местностях южной Индии и главным образом в приморских городах. Там они играли роль посредников между «белыми» колонизаторами и коренными жителями. — *Прим. ред.*]

² На деятельности Суариша в Персии, в Адене и других местах мы не можем здесь останавливаться.

[При Лопу Суарише Албиргарии, в 1515—1518 годы, португальцы временно захватили (кроме Ормуза, которым завладел еще Албукерки) или подчинили своему влиянию Бахрейнские острова в Персидском заливе и некоторые береговые пункты Омана (Аравия). — *Прим. ред.*]

³ Автор этим замечанием в скобках хочет, вероятно, отметить, что за пределами Индии (а именно — в Индонезии, особенно на Молукках) действия Сикейры привели к очень важным для португальцев результатам. — *Прим. ред.*

Наиболее громким делом было, повидимому, «открытие» могилы апостола Фомы около Мадраса.

Португальское правительство к этому времени наконец осознало, в каком стесненном положении находится португальская администрация в Индии, и увидело, что нужно провести большую чистку. Было бы совершенно невозможно поверить, если бы в нашем распоряжении не было многих документов того времени, что за два десятилетия положение могло так ухудшиться. В некоторых рассказах даются очень живые описания того, что там происходило. Часто португальские капитаны, получавшие деньги от короля на закупку провианта, половину крали, заставляя экипажи жить на полупайке в течение всего плавания. Один итальянец, посетивший Индию, писал: «Каждый год из Португалии приезжают две с половиной или три тысячи мужчин и молодых людей самого низкого пошиба. По большей части они кончают плохо». Старый португальский солдат описывает ужасы плавания в Индию, которое нередко длилось до семи месяцев; он пишет о том, как моряков и солдат, вышедших на берег полумертвыми, встречали крики возмущенной толпы, состоящей не только из ребятишек и взрослых туземцев, но и своих соотечественников — они улюлюкали и награждали приехавших непристойными эпитетами. «Тот, у кого нет денег или письма к другу или родственникам, спит на церковной паперти или же на берегу под лодкой... второй и третий день они тратят на то, чтобы заложить или продать свой плащ или меч... И они, собравшись по четыре или по шесть человек вместе, бродят по домам, оступевшие и голодные, так что многие... умирают». До нас дошли почти невероятные рассказы о том, как воровали и подделывали документы сборщики налогов и другие чиновники, как они с помощью взяток тайком разузнавали, где бы еще можно поживиться, как бесстыдно прикарманивали они государственные деньги и вымогали все, что только могли, у несчастных туземцев. Эти люди жили, как передает один хронист, «в роскоши, достойной какого-нибудь султана, но были скаредны, как старьевщики... Один из первых вице-королей [граф Видигейра, впуск Гамы] после трех лет службы... едва смог погрузить на корабль [с которыми он возвращался в Португалию] весь свой багаж и ящики, а также багаж своих близких; корабль был переполнен драгоценностями, а вместе с тем и позором».

Вошедшее в обычай награждение таких людей, как Гама, и тех, кто занимал высокие посты после него, правом вести частную торговлю, выдача им денежных сумм и прочее привели в конце концов к тому, что государственные должности означали лишь королевскую милость и королевские подарки, — такую утку средств не могли долго выдержать ни метрополия, ни колонии. Алмейда, первый вице-король, выступал против разрешения

должностным лицам вести частную торговлю, но для действительного проведения в жизнь распоряжений, которые должны были положить конец злоупотреблениям, не предпринималось никаких шагов. Жалованье чиновников было невелико, но в качестве дополнительной компенсации они получали должности капитанов, командование крепостями, места аудиторов, право на торговлю и т. д.

Солдаты, которых посылали в индийские гарнизоны, по большей части были бедняками, и их судьба в Индии была трагической. Их набирали из деревень и из городских трущоб. С собой в Индию они не привозили ничего, и там их презрительно звали «descamisados» (буквально: «люди без рубашек»). Многие из них становились разбойниками и ворами, потому что удержать их от этого и справиться с ними, как это делалось в Португалии, в Индии было некому. Наряду с ними действовали отъявленные авантюристы и закоренелые преступники, завербованные на морскую службу. Плутство, азартные игры, пьяный разгул — таковы были обычные развлечения португальцев в Индии при короле Мануэле. Один путешественник, писавший немного позже, с горечью замечал, что «главной характерной чертой первых пятидесяти лет (пребывания португальцев на Востоке) была жестокость». К этому нужно прибавить еще рост рабства в колонии. Рабов покупали и продавали, как скот, и обращались с ними, как со скотом. В квартале, где происходил аукцион, на улице Дирейта в Гоа, мужчин и женщин, чтобы продемонстрировать их достоинства, раздевали донага. Девушек, продаваемых в качестве девиц, прежде чем португальцы покупали их в наложницы, во избежание обмана обследовали женщины. При этом африканок предпочитали азиаткам. У некоторых португальцев было до пяти-шести наложниц¹. Рабов привозили в Гоа из всех областей Индии, а также из Африки. Кроме невольниц в Гоа было очень много туземных женщин, общавшихся с солдатами, переполнявших таверны и дешевые жилища. Этих женщин любопытно описывает знаменитый ботаник того времени Гарсиа да Орта, проживший много лет в Индии. Он говорит о них: «Пламенные малабарские суки, многие из них миловидны, с тропическим темпераментом, они надушены сандалом, алоэ, камфорой, мускусом... и розовой водой. Они объяснялись на плохом португальском языке, с большой грацией танцевали, играли и пели».

¹ Невольниц покупали также метиски и туземные женщины — жены португальских авантюристов. Они посылали их на улицу для заманивания мужчин, а потом, по праву хозяек, с бесстыдством и жадностью отнимали у них заработанные деньги. Эти жены авантюристов нередко опаивали своих мужей дурманом, когда им хотелось завести шашни с другими. Такая практика была широко распространена, о ней писали многие путешественники.

Полное отсутствие португальских женщин представляло собой одну из важных причин, вследствие которых жизнь для португальцев в Индии была сурова и тяжела. Мужчины по большей части брали себе в жены туземок или метисок. Эти женщины вели праздную, сидячую жизнь, обслуживали их рабы. Что такое настоящая жена — об этом у них не было и представления.

Помимо всех этих зол, португальцы были очень восприимчивы к тропическим болезням. Нередко, ослабевшие от продолжительного плавания, плохого питания, цынги, они становились легкой добычей холеры, дизентерии и малярии, наравне с сифилисом и другими болезнями, которые они же сами и привезли в Индию. Один голландский автор указывает, что «неумеренное общение с женщинами (а также пьянство и болезни) могло измолоть человека в порошок и сдуть его, как пылинку, если бы он был даже из железа и стали. Эти бедствия уносят много человеческих жизней». Он рассказывает далее, что из пятисот человек, поступающих ежегодно в госпитали, только немногие выходят живыми.

По всем этим причинам португальское владычество в Индии стало быстро клониться к упадку, хотя еще было в живых поколение, на глазах которого был открыт морской путь вокруг мыса Доброй Надежды. Колония находилась в очень тяжелом положении. Пороки феодального общественного строя в Португалии нашли свое отражение и в Индии. До общего блага никому не было дела. Все — от губернатора до низшего чиновника — стояли только сами за себя, кругом царил жадность, грубая похоть, об умеренности и эффективном управлении нечего было и говорить¹.

Индия нуждалась, и нуждалась очень сильно, если только не было уже поздно, в мудром правителе и в эффективном, честном управлении. Новый король Жуан III, конечно, отнюдь не был человеком больших дарований, и он часто ошибался в государственных делах, однако нельзя целиком перекладывать на его плечи вину за крах португальского владычества в Индии. Начиная Мануэла оказались слишком обширными для того, чтобы их могла осуществить такая маленькая страна, как Португалия. Слишком велики были для нее усилия, и крах был неизбежен. Особенно тяжелый характер приняло разлагающее воздействие Индии на самую Португалию. Ведь в данном случае происходила не обычная колонизация необитаемой земли или страны, населенной низшим по развитию народом. В Индии была такая же высо-

¹ Ради справедливости необходимо добавить, что, несмотря на все вышесказанные дурные стороны их управления, португальцы в значительной степени способствовали улучшению качества пряностей и фруктов Малабарского берега. Они также расширили возделывание кокосовой пальмы и первыми стали продавать кокосовое волокно на мировых рынках.

кая цивилизация, как и в Португалии XVI века, но цивилизация эта резко отличалась от португальской. Контакт этих двух цивилизаций обрекал усилия Португалии на неудачу. Индийская цивилизация сочетала сказочную роскошь с широко распространенной нищетой, здесь было немного богатых и множество голодающих, клянчивших горстку риса. То была страна самодержавных правителей, где головы отрубались по кивку государя. По образному выражению португальского рассказчика, «это была смесь благоухающих духов и запаха крови, смесь двуличности и жестокости с позорной трусостью, и все это соответствовало низким страстям завоевателей».

Вот что представляла собой португальская Индия, когда Васко да Гама прибыл туда в качестве вице-короля в 1524 году.

ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ ВАСКО ДА ГАМЫ.
 ВАСКО ДА ГАМА — ВИЦЕ-КОРОЛЬ. ЕГО СМЕРТЬ

И именно дону Васко да Гаме... он [Жуан III] вручил управление Индией с титулом вице-короля.

Каштаньеда, «История Индии», книга VI, глава XXI.

Обстоятельства, приведшие к назначению Васко да Гамы вице-королем Индии, неизвестны, и не найдено никаких документов об этом назначении.

В национальном архиве Португалии имеется присяга, которую адмирал принес перед свидетелями в Эворе, датируемая 28 февраля 1524 года, хотя в одном документе от 5 февраля того же года он уже назван вице-королем. Этим последним документом Жуан III гарантировал, что в случае смерти адмирала его титул и владения будут унаследованы его старшим сыном без каких бы то ни было формальностей и задержек. Осторожный Гама, понимая, что за время его службы может многое произойти, очевидно, хотел гарантировать себя от всяких случайностей. Два его сына, дон Иштеван (со званием капитан-командора Индийского моря) и дон Паулу, сопровождали отца в плавании. Адмирал был все тем же суровым моряком с крепкими кулаками, каким он был во время первой экспедиции в 1497 году. Жизнь в Португалии, повидимому, сделала его еще более надменным и еще более усилила его любовь к пышности и церемониям. Флот Васко да Гамы состоял из четырнадцати судов¹ с экипажем в три тысячи человек, в том числе много фидалгу, кавальейру и придворных короля. Некоторые из них получили хорошее воспитание и образование. Кроме команды, имелся резерв для укомплектования судов, уже находившихся в Индийском океане.

Ввиду частых случаев смерти высших должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей вдали от родины король установил на время этого путешествия процедуру, которая впоследствии стала обычной. Адмирал вез с собой три запечатанных документа. В первом содержалось имя человека, который должен был наследовать вице-королю, если тот умрет, выполняя свои служебные обязанности; во втором назначался приемник

¹ Семь кораблей, три галеона и четыре каравеллы.

преемнику вице-короля, если бы умер и этот, а третий обеспечивал преемника и для второго преемника на случай нужды. Эти документы должны были находиться у контролера Индии в Гоа — второго высшего сановника в колониальной империи — и вскрылись только по смерти вице-короля. Такая практика устраняла неразбериху, которая до тех пор обычно возникала в случае смерти правителя.

Суда отплыли из Лиссабона и миновали отмель Тежу 9 апреля 1524 года. Васко да Гама плыл впереди на флагманском корабле «Святая Катерина горы Синай». Непосредственно перед отплытием из Белена адмирал, зная по опыту, какие трудности возникали, когда на кораблях украдкой брали женщин,

как ради спасения их душ, так и во избежание ссор и интриг, приказал с этой целью объявить на берегу и вывесить на мачтах объявления о том, что всякая женщина, найденная на кораблях после отплытия от Белена, будет публично высечена плетью, даже если она будет с мужем, и [в этом последнем случае] ее муж будет отправлен обратно в Португалию в кандалах, а если она пленная или рабыня, то будет продана для выкупа пленного. Кроме того, любой капитан, который найдет на своем корабле женщину и не выдаст ее, потеряет свою должность.

Тем не менее, когда флот достиг Мозамбика и стал там на ремонт, Гама были переданы три женщины, которые или сами пробрались на корабли, или были спрятаны командами. Гама запер их до прибытия флотилии в Гоа.

После отплытия из Мозамбика флотилия встретилась с трудностями. На нее обрушились сильные штормы, и три судна погибли со всем тем, что было на борту. Команда каравеллы Гашпара Мальоркима взбунтовалась, убила своего капитана, дезертировала из флотилии и стала заниматься пиратством неподалеку от пролива Баб-эль-Мандеб у входа в Красное море¹. Среди других команд разразилась цынга и другие болезни, и многие умерли, не достигнув места назначения.

Наконец корабли подошли к индийскому побережью в окрестности Дабула², где они попали в штиль. Внезапно в начале утренней вахты 8 сентября³ «на судах началась такая килевая и бортовая качка, как если бы они находились на мели... и они

¹ В 1525 году эта каравелла была захвачена Антониу да Мирандой д'Азиеву около мыса Гвардафуй. Судно было отведено в Индию, где значительная часть команды (по словам Корреа — все) была повешена, а остальные разжалованы.

² На Дабул (Дабхол) как на «весьма великую пристань», куда привозят коней из Египта, Аравии, Ирана и других стран, указывает и Афанасий Никитин. Эта гавань расположена у 17°40' северной широты; в настоящее время она не имеет никакого значения. — *Прим. ред.*

³ Другие современники указывают дату 6 или 7 сентября.

спустили лодки в море с громкими криками, плачем и стрельбой из пушек. При промере лотом не удалось достать дна, и все плакали, моля бога смилостивиться, потому что суда швыряло так свирепо, что люди не могли удержаться на ногах, а ящики перелетали от одного конца судна к другому». Это было подводное землетрясение и очень сильное; толчки и моменты покоя чередовались в течение часа, а воды моря вокруг флотилии страшно бурлили. Доктор на борту флагманского корабля понял, в чем дело, и объяснил это Гама. Один из авторов передает, что Гама отнюдь не испугался землетрясения. Напротив, он без всякого страха собрал команду и сказал: «Друзья, радуйтесь и будьте счастливы, потому что даже море трепещет перед нами»¹. Вскоре после этого суда стали на якорь в Чауле², где вице-король назначил нового начальника крепости, повелев ему не слушать никаких приказов, которые могли бы быть даны уходящим в отставку губернатором Минезишем. Отсюда Гама направился в Гоа и прибыл туда через несколько дней³.

Гама с неподдельной радостью приветствовали лучшие из португальцев и туземцев, чувствовавшие, что его прибытие будет означать перемену к добру. Над ним распростерли изящный балдахин, и после торжества и речей он во главе большой процессии был проведен сначала в собор, а потом в крепость. Совет города направил королю Жуану письмо, извещая о прибытии адмирала и радуясь, что наконец-то прибыл честный и деятельный правитель.

Корреа, наиболее важный хронист третьего плавания Гамы, жил в Индии много лет и был свидетелем многих событий, последовавших за высадкой графа в Индии. Он ярко описывает, как адмирал жил в Индии:

Указанный дон Васко ввел большую пышность и великолепие, ему прислуживали люди с серебряными булавами, мажордом и два пажа с золотыми цепями, многие конюхи и лакеи, выхланные и превосходно одетые. У него был роскошный столовый сервиз из серебра, прекрасные фландрские ковры, а стол, за которым он обедал, покрывался парчовой скатертью. Ему подавали за столом блюда такой же величины, какие подают королям, его слуга подносил ему кувшин и все остальное, что принято подавать королям. Утварь для его

¹ По этому случаю Камознс во второй песне «Лузиад», стих 87, пишет:

Как даже в штить, дрожа, вскипает влага!
Но укрощает дикие стихии
Мужей могучих доблесть и отвага!

² Чаул, где также побывал Афанасий Никитин, расположен к югу от Бомбейской бухты, у 18°40' северной широты. В настоящее время, как и Дабул (Дабхол), потерял значение. — Прим. ред.

³ Указания на даты, даваемые хронистами, невозможно примирить между собой.

гардероба, постели и часовни была в полном комплекте... У него имелась стража в двести человек, вооруженная позолоченными копьями и одетая в особые ливреи. Он держал великолепный стол, и с ним обедали все дворяне и лица, пользовавшиеся почетом.

Хотя некоторые авторы называют это «показной роскошью», Гама знал, что для привлечения на свою сторону людей, которыми предстояло ему управлять, нужно было подавить их своей мощью и великолепием, так как они привыкли судить о собственных правителях именно по этим признакам.

Вице-королю были даны исполнительные, судебные и законодательные полномочия. Его слава обогнала его корабли, его боялись и уважали. Он сразу же воспользовался своими полномочиями, стремясь устранить укоренившиеся злоупотребления, восстановить уважение к власти и повиновение ей. Прежде всего он обнаружил, что королевские офицеры продали здешним кушцам много артиллерийских орудий. Он немедленно издал распоряжение, приказывая вернуть все подобное имущество в течение тридцати дней под страхом потерять как собственность, так и жизнь. Большая часть артиллерии была быстро возвращена! Говоря словами упоминавшегося выше письма совета города Гоа к королю, когда «многие лица пришли к Гаме с дарами, которые обычно делают вновь назначенным губернаторам», он отказался «взять что-либо у христиан или мавров и еще меньше у города, на что все мы смотрим как на странность, потому что, согласно обычаю, все эти подарки следует принимать». Гама нашел, что госпиталь заполнен людьми, использовавшими его в качестве жилища, и прогнал их оттуда. Он запретил принимать в больницу раненных в драке, «сказав, что они дерутся из-за женщин». Команды кораблей должны были оставаться на кораблях в гавани и получать там свои пайки.

Затем Гама наказал трех женщин, пробравшихся на корабли в Лиссабоне, которые с того момента, как они были переданы ему в Мозамбике, находились взаперти. Он распорядился публично выпороть их. Правительственный глашатай кричал на улицах: «Справедливость короля, господина нашего. Она требует выпороть этих женщин, ибо они не побоялись его справедливого суда и прибыли в Индию вопреки его запрещению». После того как было сообщено о предстоящем наказании, население всех классов, «дворяне», епископы, монахи и братья милосердия вступились за женщин и тщетно предлагали большую сумму денег для их выкупа. В день исполнения приговора Васко отказался выслушать даже священников, которые несли распятие из францисканской церкви. Приказ о порке был выполнен; и хотя про Гаму говорили, что он жесток, наказание имело очень благотворное воздействие на потенциальных грешников.

Незадолго до своей смерти Гама сделал все, что мог, чтобы смягчить участь этих трех женщин. Он послал каждой из них по триста тысяч рейшов, «которые были даны им под большим секретом, а если они не захотели бы принять эту сумму, ее следовало удвоить и передать Святому дому сострадания (Santa Casa de Misericórdia). Располагая такими деньгами, они нашли хороших мужей и стали честными женщинами». Так рассказывает Корреа.

Вице-король был уже болен, но упорно проводил в жизнь свой план реорганизации управления португальской Индией. Потратив некоторое время на восстановление порядка и законности в Гоа, Гама отправился на юг, чтобы посоветоваться с португальским губернатором в Кочине. Он работал непрерывно и, несмотря на жар и обостряющуюся болезнь, не прибегал к обычному послеобеденному сну, а работал весь день.

Между тем отставленный правитель дон Дуарти ди Минезиш, крейсировавший в персидских и индийских водах, стремясь перед отплытием собрать всеми правдами и неправдами побольше добычи, прибыл в Кочин, чтобы приветствовать вице-короля. Гама не позволил Минезишу высадиться и арестовал его за служебные злоупотребления. Однако до соответствующего доклада королю в Лиссабон Гама разрешил ему под честное слово остаться на его (Минезиша) корабле. Тем не менее дон Дуарти перебрался на другой из своих кораблей, так как узнал, что вице-король болен, и надеялся, что тот умрет, а он, Дуарти, снова станет губернатором. Услышав об этом, Гама послал за доном Дуарти, но тот благоразумно отплыл в Португалию. В доказательство того, что суровость Гама по отношению к Минезишу была оправданной, стоит прочесть рассказ Корреа о том, как Минезиш бежал с деньгами, украденными или полученными путем вымогательства во время своего правления. Когда он прибыл в Кочин, чтобы приветствовать Гама, у него был ящик, «полный золотых вещей, бриллиантов и ювелирных изделий, которые стоили много». Двое из его людей подплыли к берегу на лодке

и вдвоем сняли ящик; железной лопатой... они выкопали в песке яму и в эту яму положили ящик, а сверху поместили череп быка, и сделали приметы... но не очень точно, так как была ночь... Вероятно, кто-то из проходивших столкнул череп... ибо когда священник [один из двух людей, закопавших ящик] пришел ночью и воткнул шест в то место, где был череп, он не обнаружил ящика... И они потратили много труда, разыскивая его еженощно... Спустя немного дней они напали на него, когда уже отчаялись в поисках, потому что бог не допустил, чтобы такое большое сокровище было потеряно.

А между тем болезнь великого вице-короля становилась все более и более тяжелой, ее усиливала жара и переутомление вследствие непосильной работы, напряженной борьбы с Минези-

шем и другими бесчестными или неумелыми чиновниками. Здесь мы снова обратимся к Корреа:

Несколько дней вице-король страдал от жестокой боли в шее, которая перекосилась, и наружу у затылка вышло несколько нарывов¹. Эти нарывы были очень тверды, и их нельзя было смягчить, несмотря на все примененные средства. Эти средства никак не помогли ему и лишь причинили такие мучения, что он не мог поворачивать голову ни в какую сторону. Он лег в постель и лежа давал все необходимые распоряжения, очень утруждая свой дух. Вследствие этого его поразила смертельная болезнь, сопровождаемая такой болью, что он лишился речи.

Понимая серьезность своей болезни, вице-король перебрался из крепости Кочина, где он жил, в дом Диогу Пирейры. Там он вызвал своего секретаря и других ответственных чиновников и сделал последние деловые распоряжения, включая вопрос о составлении меморандума правителю, который мог ему наследовать. После того как официальные дела были закончены и отложены в сторону, «он исповедался и причастился святых тайн, как подобает христианину-католику». Затем он вызвал своих сыновей, сделал завещание и

привел свои дела в порядок как добрый христианин, причастившийся всех таинств церкви, и приказал, чтобы его останки были перевезены в королевство [Португалию], как это и было сделано впоследствии. Проявляя в разговоре полное сознание, он закончил счет своих дней, отдав душу в сочельник рождества Христова, в три часа пополуночи, в день двадцать четвертого декабря сего 1524 года. Хвала богу.

Согласно надежным источникам, ему было в то время около шестидесяти четырех лет.

Смерть вице-короля сохранялась в тайне,

не было плача и жалоб, и двери были закрыты весь день до часа чтения «Ave Maria», когда все было готово. Тогда его сыновья и слуги объявили о его смерти с великим плачем, и много дворян, родственников и друзей вошли, чтобы присоединиться к ним. Вскоре после этого все население города пришло во двор церкви и каждый выказывал свою скорбь.

Тело, облаченное в шелковые одежды и с наброшенной сверху мантией ордена Христа, с мечом с золоченым эфесом, с золотыми шпорами на черных ботфортах и с темным круглым беретом на голове, было помещено непокрытым в зале на катафалке Братства Милосердия. Братья несли его на плечах, одетые в мантии своего ордена, горело много свечей, и весь народ сопровождал его.

¹ Болезнь, которая унесла адмирала, определяется как карбункул.

Васко да Гама был похоронен с большой пышностью в монастырской часовне Святого Антония⁴, пока его останки не были перевезены в Португалию в соответствии с последним волеизъявлением адмирала.

На следующий день там была совершена торжественная церковная служба, на которой присутствовали все братья ордена и среди них сыновья [адмирала], а ночью они отпраздновали в монастыре, где оплакали покойника, как и подобало при утрате столь высокочтимого отца и человека, пользовавшегося такой заслуженной славой в королевстве Португалии.

⁴ Этот монастырь больше не существует. На его месте стоит другая церковь.

МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ ВАСКО ДА ГАМЫ

Ибо вся земля есть место погребения знаменитых людей.

Фукидид, книга II, глава 43.

Останки Васко да Гамы, первого графа Видигейры, были привезены в 1539 году в Португалию из Кочина, где они находились с момента погребения в 1524 году. Хотя определенно не известно, кто их перевез, это, вероятно, сделал один из его сыновей, которые неоднократно плавали на Восток. Останки были погребены в старой церкви Богоматери Реликвий в Видигейре, в соответствии с договором, заключенным с монахами этой церкви и подтвержденным указом короля Жуана III от 24 мая 1524 года. Об этом погребении не сохранилось никаких записей. В 1533 году, до того, как останки были привезены из Индии, сын Васко да Гамы, Франсишку, наследовавший ему в качестве второго графа Видигейры, основал вечный фонд для служения ежедневной обедни за души мореплавателя и его жены.

Нынешняя церковь Богоматери Реликвий была закончена постройкой в 1593 году. Останки великого мореплавателя, которые уже раз были извлечены в Кочине в 1539 году, снова взяты с места погребения в старой церкви и перенесены в новую. Хотя нет никаких данных о перенесении, считают, что останки Васко да Гамы и других членов семьи перенес дон Мигел да Гама, внук адмирала, сделавший щедрые дары на строительство церкви. Полагали, что останки Васко да Гамы были помещены в склеп у алтаря на правой стороне (если встать лицом к алтарю). Крышка была сооружена из четырех каменных плит, лишь слабо отполированных на поверхности; на ней была выгравирована следующая эпитафия:

*AQUI JAZ O GRANDE ARGONA
VTA DOM VASCO DA GAMA PR.
CONDE DA VIDIGVERA AL
MIRANTE DAS INDIAS ORI
ENTAES E SEV FAMOSO DES
COBRIDOR¹.*

¹ «Здесь покоится великий аргонавт дон Васко да Гама, первый граф Видигейры, адмирал Восточной Индии и ее знаменитый открыватель».

В этой могиле останки адмирала покоились около двух с половиной столетий.

28 мая 1834 года монастырь, церковь и двор монастыря Богоматери Реликвий в Видигейре подпали под действие строгого правительственного декрета, который предписывал ликвидировать ряд португальских церковных учреждений¹. Последняя обедня была отслужена настоятелем монастыря в 7 часов утра 28 июня. После этого вся утварь и серебро были упакованы и в тот же вечер здание было освобождено. В покинутую церковь пробрались воры, отвалили плиты могил и унесли с собой все, что им показалось ценным, причем много костей было разбросано, а много могильных камней разбито. На эти дикие разрушения никто не обращал внимания до 21 сентября 1841 года, когда церковь была продана правительством с аукциона как собственность запрещенного монашеского ордена. Правительство не подумало о том, что в здании находились останки одного из знаменитейших сынов Португалии, человека, который в результате своего плаванья дал стране колониальную империю и возвысил Португалию до положения великой мировой державы. К счастью, дон Жузе Жил, купивший церковь, восстановил ее и возобновил в ней церковную службу. Таким образом место последнего упокоения членов рода Гамы было предохранено от дальнейшего ущерба и осквернения.

Аббат Антониу Дамазу ди Каштру, повидимому, первый задумался над тем, что великому мореплавателю подобает быть погребенным в монастыре иеронимитов в Белене. Там его останки покоились бы на месте маленькой церкви в Риштеллу, где он проводил бдение в давний вечер 7 июля 1497 года, перед отплытием в Индию. Каштру произнес в 1844 году речь в португальской палате депутатов. Было проведено расследование, и губернатор города Бежа выступил с отчетом, рассказав о плачевном состоянии церкви и об ее осквернении. Правительство опечалено могилами, запретив открывать их иначе, как по приказу короля. На этом и остановилось дело, и никаких мер больше принято не было. Вторая петиция Каштру в 1846 году тоже не привела ни к какому результату².

В 1871 году историк А. Тейшейра ди Араган сумел заинтересовать этим вопросом председателя государственного совета, и 24 февраля 1871 года король назначил комиссию, которая полу-

¹ После гражданской войны 1831—1834 годов, закончившейся отречением и изгнанием реакционного короля Мигела и поддержавших его иезуитов, пришедшие к власти конституционалисты закрыли мужские монастыри и приступили к распродаже монастырских земель и другого монастырского и церковного имущества. — *Прим. ред.*

² Гробницы рода Гамы были в 1843 году отремонтированы усилиями Жузе-Силвештру Рибейру.

чила полномочия переправить останки в монастырь иеронимитов. Рафаэлу ди Каштру был поручен архитектурный проект гробницы. Прошло девять лет. 13 апреля 1880 года в королевской академии наук был зачитан документ, призывающий правительство принять официальное участие в церемонии переноса останков Васко да Гамы и Луиша Камозенса (трихсотлетие со дня смерти которого должно было праздноваться 10 июня 1880 года). Правительство согласилось и назначило комитет для организации переноса останков Гамы. Тейшейра ди Араган, один из членов комитета, написал об этом подробный отчет.

Получив разрешение от дона Томаша, графа Видигейры и потомка Васко да Гамы, комитет, за которым следовала толпа горожан, отправился в часовню. Печати были сломаны и каменная плита поднята. К несчастью, когда останки были помещены в ящик из сандалового дерева, специально изготовленный в арсенале морского флота, не было проведено медицинского освидетельствования костей. Они представляли собой беспорядочную массу: осквернители могил все перемешали. «У нас было очень мало времени, но, складывая кости в ящик, мы заметили, — писал Араган, — что там были черепа, берцовые и голенные кости, которые, повидимому, принадлежали четырем скелетам». Ящик поместили на катафалк; с каждой стороны его было поставлено в караул по ветерану королевской морской пехоты. Катафалк провожал торжественный военный и гражданский кортеж, в церкви состоялась служба, и ящик был официально передан правительству. Четыре ветерана флота подняли ящик, который был задрапирован португальским флагом. Когда ящик несли к погребальной колеснице, зазвонили колокола, сверкал фейерверк, играл городской оркестр и вторил ему военный оркестр. Вместе с ящиком несли деревянную статую святого Рафаэла с флагманского корабля Васко да Гамы во время его первого плавания. За этим последовала закладка краеугольного камня новой школы в Видигейре, которая должна была бы носить имя Васко да Гамы. Отсюда кортеж проследовал дальше, сопровождаемый звуками национального гимна и возгласами толпы. На каждой остановке кортеж встречали овациями. В Баррейру¹ ящик и статуя были помещены на королевскую барку, а оттуда на корвет «Минделлу», матросы которого взяли на руки ящик, а офицеры стали в почетный караул. Корабль прошел по Тежу до Лиссабонского арсенала, где по берегам реки стояли громадные толпы зрителей. У арсенала ящик и статую перенесли на королевскую бригантину, на которой находилась семья графа Видигейры и почетный караул морской пехоты. Из арсенала корабль отправился в Белен, где берег был

¹ Баррейру — город на южном берегу лимана Тежу; к северо-западу от него, на противоположном берегу лимана, находится Лиссабон. — *Прим. ред.*

по этому случаю украшен, а португальские и иностранные суда, стоявшие в гавани, дали артиллерийский салют. Ящик был вынесен на берег и поставлен на морской артиллерийский лафет, за которым шли армейские и флотские офицеры и потомки адмирала. В этот момент к процессии присоединилась другая процессия с останками Луиша Камознса, которые предстояло похоронить в церкви в то же время.

Процессия прошла между длинными рядами солдат, ставших на караул и сдерживавших толпу, под выстрелы пушек, звон колоколов и звуки военных маршей и гимнов, исполняемых оркестрами. Король дон Луиш с королевой встретили кортеж у входа в церковь иеронимитов. Придворные костюмы, парадная форма генералов, золотые, красные, белые и алые мундиры, мантии духовенства — все это представляло собой красочный фон большого национального события. Королевская чета с придворными вошла в церковь, там состоялась служба, и ящик с останками Гамы был поставлен в апостольском приделе алтаря. Там ящик был открыт, его содержимое проверено, и документ о его приеме был подписан королем, королевой и присутствовавшими знатными лицами. Затем король и королева возложили на ящик прекрасный серебряный венок, и на этом церемония была закончена¹.

Так 8 июня 1880 года, через 382 года и 11 месяцев после того как великий адмирал тронулся в путь от церкви в Риштеллу, он нашел наконец, как думали, место своего последнего успокоения. Однако рассказ еще не окончен. Имеется еще одна глава, которую следует прибавить к истории странствований останков дона Васко да Гамы, графа Видигейры, адмирала Индии.

Нужно напомнить, что комитет, которому было поручено перенести останки, вскрыл могилу у правой стороны алтаря и что на каменной плите могилы действительно было начертано имя адмирала. Но указывалось также, что в прежнем склепе находились четыре неполных скелета, из которых один, как предполагали, принадлежал Васко да Гаме.

Через некоторое время после перевозки костей в монастырь иеронимитов 8 июня 1880 года, Тейшейра ди Араган нашел рукопись, принадлежавшую ранее монастырю Богоматери Реликвий Видигейры и посвященную первому маркизу Низе. Рукопись озаглавлена: «Создание монастыря Богоматери Реликвий ордена кармелитов² и о том, как эта богоматерь явилась, и о могилах

¹ Останки Васко да Гамы и Луиша Камознса были помещены в церкви одновременно, общей была и церемония.

² Кармелиты — монашеский орден, организованный в 1156 году в северной Палестине, у горы Кармель, откуда и название. В XIII веке, в связи с разгромом Иерусалимского королевства (основанного крестоносцами), кармелиты перешли в Западную Европу. В 1247 году орден был реорганизован в нищенствующий (подобно францисканскому). — *Прим. ред.*

синьоров дома Видигейры, которые находятся в церкви». В дополнении, прилагаемом к рукописи, отмечалось, что рукопись приказал составить в 1646 году настоятель монастыря брат Жуан даш Шагаш, поручив эту задачу брату Алвару да Фонсеке. После этого идет очень важное заявление:

Первый синьор дома Видигейры, которого мы должны отметить среди тех, кто похоронен в этом монастыре Богоматери Реликвий, — это великий дон Васко да Гама, основатель дома графов Видигейры и первый его граф, который был женат на графине донне Катарине ди Атайди. Монастырь поместил эти кости на *евангельской* стороне [левой, если стать лицом к алтарю] около главного алтаря; это был великий дон Васко да Гама, первый открыватель Восточной Индии и ее королевский адмирал и первый граф Видигейры. *На его могиле нет никакой надписи.*

В рукописи указывается далее, что напротив могилы Васко да Гамы с правой стороны были похоронены «в могиле, устланной черным бархатом и покрытой покрывалом из черного бархата», другие члены рода Гамы и что на этой могиле была временная эпитафия на дереве.

Брат Жузе Пирейра ди Сант-Анна в своей книге «Хроника кармелитов в Португалии», написанной в середине XVIII века, также заявляет, что могила адмирала находилась на *евангельской* стороне. Если бы это заявление было сделано только одним из двух авторов, которые писали об этом событии в периоды, отделенные расстоянием в сто лет, то можно было бы допустить, что он совершил ошибку, но, имея утверждения двух авторов, притом священников, можно считать, что ошибка исключена. Кроме того, Сант-Анна указывает, что на могиле Васко да Гамы была эпитафия на камне, так же как и на могиле других членов рода Гамы¹. Более того, поскольку *евангельская* сторона — эта главная сторона алтаря, совершенно естественно предположить, что именно там и должен был быть погребен адмирал, основатель рода. Тот факт, что комитет нашел части нескольких скелетов, когда он вскрыл могилу на правой стороне, делает еще более сомнительной идентификацию 1880 года.

Изучив рукопись брата Фонсеки и книгу брата Сант-Анна, Тейшейра ди Араган решил провести дальнейшее исследование этого вопроса. Вот что он пишет об этом:

11 июля 1884 года в 11 часов утра в алтаре церкви Богоматери Реликвий мы подняли могильный камень, прикрывавший склеп на *евангельской* стороне, и нашли среди обломков ящика, отделанного черным бархатом с позолоченными гвоздями, кости, принадлежащие одному скелету. Это и есть подлинное доказательство, подтверждающее то, что было сказано как в рукописи брата

¹ Оба могильных камня — одной и той же величины.

Алвару да Фонсеки, так и в кармелитской хронике, и поэтому, в связи с этим расследованием и на основании причин, которые мы уже указывали, мы полагаем с полной уверенностью, что прах Васко да Гамы до сих пор лежит в склепе на евангельской стороне, куда он был помещен по окончании строительства церкви в 1593 году.

Араган заявляет, что надписи на обеих могилах характерны для конца XVII и начала XVIII века. Он высказывает предположение, что надписи сначала были вырезаны не на этих камнях, но еще более возможно, что грабители переменили камни. Поскольку в могиле адмирала, после переноса его праха, вероятно, не было ценных предметов, так как сначала в 1539 году его перевезли из Индии в часовню, а затем в 1593 году снова перенесли в церковь, разбойники быстро заметили бы это и не стали бы трогать кости. Однако мало вероятно, что они стали бы двигать тяжелые могильные плиты и потом переменили бы их местами на склепах. Истина, по всей вероятности, никогда не станет известна. Можно утверждать с достаточной уверенностью лишь то, что кости, перенесенные во время большого торжества 1880 года в монастырь иеронимитов, не были останками Васко да Гамы и что в 1884 году, когда Араган посетил церковь, прах Гамы находился все еще там, а кости в могиле в Белене были останками донна Франсишку да Гамы, четвертого вице-короля Индии, и других членов рода.

Опубликование материалов о находках Тейшейры ди Арагана в «Журнале географического общества в Лиссабоне» в 1889 году не заставило правительство предпринять какие-либо шаги для исправления вопиющей ошибки 1880 года. Речь знаменитого историка Лусиану Кордейру (опубликованная в том же журнале в 1896 году) также не возымела никакого действия. После этого Араган сообщил о своих находках в особой книге, где он собрал все материалы из «Журнала» и где призывал правительство исправить ошибку.

Ошибка в конечном счете была исправлена, хотя единственная информация, которую автору данного сочинения удалось получить, — это страница в весьма странной книге, написанной Марией Теллиш да Гамой в 1902 году¹. Факты были подтверждены в личном письме полковника Жуана А. Л. Галвана, секретаря Географического общества в Лиссабоне.

В 1898 году, по случаю празднования 400-летия открытия морского пути в Индию, останки Васко да Гамы были извлечены и перевезены почти таким же образом, как и раньше, — на этот раз вечером на пароходе «Донна Амелия» — и были приняты мини-

¹ Мария Теллиш да Гама — автор французской книги «Граф-адмирал дон Васко да Гама», Париж, 1902. — *Прим. ред.*

стром морского флота и другими чиновниками¹. Останки были помещены в могилу утром 9 мая 1898 года после несложной церемонии. Гробница, которую создал Симан Жузэ да Луш Суриану, — мраморная, ее поддерживают шесть лежащих львов. На ней рельефные украшения — герб Гамы, корабли и т. п., а Гама изображен таким, каким он был, по описанию Корреа, перед погребением в Кочине: обе его руки сложены в молитве. Надпись под самой крышкой — стих из четвертой песни «Лузиад» Камоэнса:

*Partimos nos assi do sancto templo
Que nas praias do mar está assentado².*

Таким образом Васко да Гама, после многих скитаний, покоится на том самом месте, где он стоял коленопреклоненный и молился в маленькой церкви Риштеллу³.

¹ Тейшейра ди Араган и Лусиану Кордейру находились в числе приглашенных гостей и, повидимому, для Тейшейры было источником патриотического удовлетворения видеть, что его труды не пропали даром.

² И мы отплыли от святого храма, основанного на берегу морском.

³ Интересно отметить, что останки многих великих исследователей, например Марко Поло, Христофора Колумба и Эрнана Кортеса, также претерпели удивительные странствования и превратности.

ВАСКО ДА ГАМА КАК ЧЕЛОВЕК

О тех, кто благородными делами
 Себя бессмертной славой покрыли,
 Я изолью потоки песнопений,
 Покуда служат мне перо и гений.

Камонс, «Лузиады», I, 2.

Судя по скудным замечаниям современников, Васко да Гама был человеком среднего роста и склонным, по крайней мере в конце жизни, к тучности. Один хронист называет его манеры «благородными». Фария-и-Соуза, который писал через два поколения после смерти Гамы, описывал его как человека «цветущего сложения, с немного еврейскими чертами, большими глазами, густыми бровями, крючковатым носом и с бородой, которая в конце его жизни была белой».

Существует несколько портретов адмирала, но нет доказательств того, что какой-либо из них был написан при его жизни. В доме правительства в Гоа есть большой портрет, написанный Гашпаром Корреа. Этот портрет так много раз переписывался и восстанавливался, что оригинал различить уже невозможно. Имеются два портрета, написанные маслом, в здании собора Богоматери Салашской. Наилучший известный портрет находится в галерее изящных искусств в Лиссабоне; считается по традиции, что он был написан непосредственно с Гамы. В старом монастыре иеронимитов в Белене хранится каменный медальон, на котором, как говорят, изображен Васко да Гама.

Статуя исследователя стоит в старом Гоа, в нише Порта-да-Рибейра, которая также называется Аркой вице-короля. Статуя была воздвигнута, чтобы отметить подвиги деда, в 1597 году вице-королем Франсишку да Гамой. Ненависть к его деспотическому правлению послужила причиной того, что его враги свалили ночью эту статую и, разбив ее на четыре части, выставили их в разных частях города. Статуя, находящаяся теперь в нише, была установлена по решению муниципальной палаты в Гоа в 1609 году. Ряд статуй Гамы находится в Лиссабоне и в других местах.

Биографы определяют характер Гамы с помощью эпитетов, из которых наиболее обычными являются следующие:

«отважный, строгий командир, страшно яростный в гневе, суровый, но справедливый, храбрый, смелый духом, никогда не боявшийся ответственности, негибимо твердый, бесстрашный, стойкий, страстный, абсолютно честный, безжалостный, грозный, упорный, вспыльчивый, доблестный, гордый, деспотичный, гневный, резкий, высокомерный, властный, искусный».

Может быть, стоило бы остановиться здесь и рассмотреть, какие люди жили в эпоху Жуана II и Мануэла — не для того, чтобы оправдать действия Васко да Гамы в индийских водах, но для того, чтобы бросить на них свет. Это был период, который называли периодом «ненормальным и неуравновешенным»; в подобном положении была вся Европа. Континент мучился в родовых муках раннего Возрождения, и умы и души людей были взбудоражены так сильно, что под воздействием мощного фермента эпохи людские достоинства и пороки выступали очень резко. Мысли и действия людей были чрезмерны — чрезмерны как в хорошем, так и в плохом. Когда мы с ужасом читаем о подлых деяниях португальцев на Востоке, мы должны вспомнить о том, что происходило в то же самое время в Европе. Когда мы содрогаемся и сожалеем о беспримерной дикости Гамы, сжегшего арабский корабль и уничтожившего своих несчастных и невинных пленников, мы не должны забывать, что читаем повесть, относящуюся к началу XVI века. В Италии, где создавались замечательные художественные произведения, где возрождались литература и наука, где они расцветали так, как раньше и не снилось, ежедневно происходили сцены чудовищного насилия. Герцог Валентино¹, например, вешал стариков за руки, а потом поджигал им подошвы, пока эти люди не умирали под пыткой, — и все для того только, чтобы вырвать у них деньги. Тот же герцог забавлял блестящую компанию синьоров и синьор, собственноручно стреляя из лука в подвешенного преступника. Бенвенуто Челлини², один из величайших художников своего времени да и любого другого, открыто убивал врагов на улицах при свете дня и всякий раз умел избежать наказания, ибо у него был сильный, высокопоставленный «покровитель». Мы читали о том, как Геркулес д'Эсте³ приказал вырвать глаз и отрезать руку у каждого из

¹ Герцог Валентино — Чезаре Борджа (около 1476—1507), сын папы Александра VI Борджа, не уступавший своему отцу в разврате и жестокости. — *Прим. ред.*

² Бенвенуто Челлини (1500—1571) — знаменитый ювелир, выдающийся скульптор, автор замечательнейшей автобиографии «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции». Первый русский перевод выпущен в 1931 году. — *Прим. ред.*

³ Эсте — могущественный феодальный род в северо-восточной Италии, от которого происходят правители (тираны) Феррары, начиная с XIII века. В 1470 году один из Эсте добился от папы титула герцога. Геркулес I Эсте правил герцогством Феррарским с 1471 по 1505 год. — *Прим. ред.*

двухсот восьмидесяти пленных, прежде чем продать их в качестве рабов.

Эти отвратительные деяния имели место в цивилизованных странах Европы, которые высоко несли факел культуры и прогресса. Это происходило (как и в некоторых странах в наши дни) вследствие заблуждения человеческих умов¹, не руководимых и не ограничиваемых благоразумием и чувством сдержанности. Это был век героев и святых, век зла и разврата, когда в родовых муках рождался современный мир. Говоря словами блестящего знатока того времени, «человек в тот период дрожал, как натянутая струна, приведенная в движение смычком, — он проявлял исключительную энергию, гениальную изобретательность и умопомрачающую фантазию; с громадной быстротой достигал он высот чистейшего героизма и вместе с тем опускался до любого распутства или жестокости диких зверей»².

Если такие вещи могли столь легко происходить в Европе, то нам становятся более понятными действия португальцев в Индии. В течение многих лет они бились с маврами на полях сражений у Арсилы и Аземмура³ и в течение многих лет совершали завоевания, грабили и насильничали вдоль берегов Африки. Они старались захватить как можно больше земли и как можно больше богатств. Сердце нации билось с бешеной быстротой, и этот лихорадочный пульс отдавался и на далеких морях и берегах, открытых Диашом, Гамой, Кабралом. Португальцы, неся в себе лихорадочное возбуждение и сумятицу, которые охватили Европу, оказались на Востоке, за тысячи миль от родины, изолированными, окруженными враждебными народами; и если они хотели навязать им свое господство, то они считали необходимым — другого пути они не знали — заставить их признать свою волю посред-

¹ Жестокости, совершенные в массовом масштабе в наш век германскими нацистами в концентрационных лагерях и американскими империалистами над военнопленными и мирным населением в Корее, не есть результат «заблуждения» отдельных «умов», это результат действия основного закона современного капитализма.

Погоня за сверхприбылью со стороны кучки монополистов крупнейших империалистических стран и стремление их любыми средствами, сохранить прогнивший строй капитализма, обеспечивающий им эту сверхприбыль в результате эксплуатации и ограбления народов как своих стран, так и колониальных, — вот что толкает империалистов на самые страшные преступления.

Невольно вспоминаются пророческие слова К. Маркса, что нет таких преступлений, на которые не пошел бы капитал в предвкушении больших доходов. — *Прим. ред.*

² Conde Ficalho, Garcia da Orta e Seu Tempo.

³ Арсила — приморский поселок на атлантическом побережье Северо-Западной Африки. После удачной для португальцев битвы при Арсиле король Аффонсу V «Африканский» присоединил в 1471 году к Португалии «Заморскую Алгарви».

Аземмур — приморский город на атлантическом побережье Северо-Западной Африки. В 1513 году был захвачен Португалией. — *Прим. ред.*

ством жестоких насилий и страха¹. Они, по крайней мере, могли — или считали, что могли, — ссылаться на неумолимые обстоятельства: им приходилось или пустить в ход для борьбы с врагом все свои наличные ресурсы, или погибнуть под тяжестью огромного численного превосходства противника. Так были написаны короткие, но кровавые главы истории, рассказывавшие о завоевании Востока португальцами и об их господстве там — они, эти главы, включают и экспедиции Гамы.

Между тем как слава Португалии благодаря деяниям ее сынов распространилась по всей Европе, в стране, глубоко под спудом, происходили серьезные сдвиги к худшему; в вены национальной жизни медленно просачивался тонкий яд. Сейчас мы видим это ясно, но в те времена многие люди этого не понимали и не оценивали. Лиссабон быстро становился наиболее важным портом Европы. Его склады ломились от множества индийских товаров, а сокровищницы королевства были полны африканским золотом и драгоценными камнями Востока. Самый воздух был пропитан тяжелым запахом сандалового дерева и гвоздики, мускатного ореха и корицы. Как ни велики были эти богатства, молва, распространявшаяся о них в столицах и городах Европы, расписывала их еще пышнее. Из маленьких городов и деревень Португалии народ собирался в столицу. Местная жизнь провинции затихла, а затем и вовсе остановилась. «От запаха корицы обезлюдело королевство» — ибо все больше и больше мужчин и женщин стало искать быстрого обогащения во вновь открытых странах. Зерна стало меньше, и оно подорожало. Страну охватил голод, и бедняки в своих лачугах массами умирали, хотя рядом были склады, наполненные всеми богатствами Индии. Как всегда бывает, за голодом последовала чума, и двор Мануэла, убегая от заразы, переезжал из города в город — из Монтемора в Эвору, из Эворы в Шамушку. Хронисты по большей части не касаются этих неприглядных фактов, ибо они были поглощены лишь описанием придворной жизни; на страдания и нужды населения обращалось очень мало внимания. О пышности и блеске королей и дворов, рыцарей и дам говорят все письменные источники. О народе не говорится ничего или почти ничего.

В своем «Очерке о Тите Ливии» Тэн² попытался определить, как должен относиться биограф к описываемому им человеку. Его слова можно применить и при суждении о Васко да Гаме:

«Историк не думает о том, чтобы хвалить или порицать. Он не стремится также и к тому, чтобы призвать своих читателей к добродетели или к тому,

¹ В настоящее время еще более жестокими методами подавляется американскими и западноевропейскими империалистами национально-освободительное движение в колониальных странах. — *Прим. ред.*

² Ипполит Тэн (1828—1893) — французский буржуазный искусствовед, критик и реакционный историк. — *Прим. ред.*

чтобы научить их политике. В его цель не входит возбуждать ненависть или любовь, укреплять дух или мужество. Его единственный долг и желание — это устранить расстояние во времени, поставить своих читателей лицом к лицу со своим предметом».

Те немногие и скудные заметки о личности Гамы, которые можно найти в современных ему хрониках, свидетельствуют, что он не был, по всей вероятности, привлекательным человеком и обладал не слишком приятным характером. В нем мы не находим теплоты, не находим черт, которые могли бы сделать его дорогим для тех, кто его окружал, мы не видим у него любви к природе, черт мечтателя или энтузиаста. Его великое плавание не являлось результатом непреодолимого внутреннего стремления, как это было с Колумбом. Он сделал свое открытие, выполняя задачу, поставленную перед ним королем. Для того чтобы осуществить эту задачу, он применил таланты, которыми обладал: искусство моряка и руководителя; он безжалостно уничтожал всех, кто стоял на его пути, и проявил холодный, жестокий, не знающий пощады религиозный фанатизм, свойственный его стране и его времени.

Изучение жизни Гамы заставляет, к сожалению, прийти к выводу, что в его характере было очень мало гуманных черт, если они вообще у него имелись. Мы абсолютно ничего не знаем о его семейной жизни. Из хроник видно, что он любил своего брата Паулу, но вместе со смертью этого брата на Азорских островах в психологическом портрете Гамы для нас исчезает последняя светлая черта, говорящая о каком-либо чувстве. Он внушал больше страха, чем любви, и это его свойство заслонило в глазах писавших о нем современников все остальные — если они были.

Жадность Гамы и его стремление к деньгам и почестям очевидны. Не что иное, как чрезмерная жадность к золоту и стремление к высоким должностям изгоняли, повидимому, в его век более тонкие и более благородные чувства. Во всех документах и рассказах о его отношениях с королем Мануэлом проглядывает черствость и эгоистическая заинтересованность. Мы можем добавить следующее: наше двадцатое столетие показало, что эти темные черты Гамы и темные стороны его века попрежнему существуют и у нас, они лишь чуть-чуть более скрыты — человеку нужно пройти еще очень и очень много, прежде чем он сможет назвать себя действительно цивилизованным¹.

¹ Автор иногда причины тех или иных поступков описываемых им героев пытается объяснить лишь характером последних, не понимая того, что и сами характеры героев, если они типичны для своего века, и их поступки имеют социально-исторические корни. — *Прим. ред.*

РОЛЬ ВАСКО ДА ГАМЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ОТКРЫТИЯ МОРСКОГО ПУТИ В ИНДИЮ

Ни один великий человек на свете не живет напрасно. История мира есть только биография великих людей.

Карлейль¹, «Герои и героическое в истории».

Васко да Гама, в отличие от Колумба, имел предшественников, и в результате их трудов проблема, стоявшая перед ним, была ясна. Решение ее основывалось на результатах плаваний Бартоломеу Диаша и тех, по стопам которых Диаш шел. Тем не менее подвиг Гамы как мореплавателя был не меньше подвига Колумба, хотя Магеллан превзошел того и другого. Для решения задачи, стоявшей перед Гамой, нужно было быть выдающимся моряком, обладать личной храбростью, мужеством и способностью увлекать за собой людей, быть человеком, который мог бы побороть любые неблагоприятные обстоятельства и не отступить ни на шаг.

Если говорить о Гаме как о моряке, то он больше всего заслужил славу, вероятно, благодаря своему мужественному решению отказаться от боязливой продвижения на юг вдоль африканского берега, как это неизменно делали его предшественники, и вместо этого смело плыть на запад-юго-запад, прямо в центр неразведанного Атлантического океана. Отвага Гамы проявилась в том, что он повел свои суда в эту часть Атлантического океана, когда она была еще не исследована и когда была еще очень несовершенна техника кораблевождения — ведь не существовало никаких средств, позволяющих определять долготу. Более того, имевшиеся карты африканского побережья были в высшей степени ненадежны.

Гама проплыл тысячи миль, не видя земли, посещая области, в которых ветры и течения были или совершенно неизвестны, или же являлись предметом одних гаданий. Это привело его почти к самой Южной Америке, которая позже была случайно (?) открыта Кабралом во время его плавания в Индию.

¹ Томас Карлейль — английский реакционный буржуазный писатель, публицист, философ-идеалист проповедывавший «культ героев». — *Прим. ред.*

Путь, по которому следовал таким образом Васко да Гама, совершая поиски и ошибаясь, до сих пор остается верным путем из Европы к мысу Доброй Надежды для парусников — и пока они бороздили южноатлантические воды, они держались именно этого направления. Гама три месяца не видел земли, и ему не могли помочь даже звезды и созвездия — они были неизвестны ему, — тогда как Колумбу помогали звезды северного полушария. Если мы примем во внимание тип и размеры его судов, долгие чередующиеся периоды шторма и штиля, его абсолютное незнакомство с тем, что его окружало, то выбор маршрута, по словам адмирала Балларда, бывшего директора оперативного штаба британского адмиралтейства, «вполне может притязать на то, чтобы быть самым замечательным подвигом чистого кораблевождения, который когда-либо был совершен».

Случайный читатель книги о Васко да Гаме, по всей вероятности, обратит внимание главным образом на страшные истории убийств и насилий, которые заполняют ее страницы. Однако это одно не обеспечило бы Васко да Гаме того места, которое он занимает в истории. Он был не только мореходом, он совершил и много других подвигов. Его власть над людьми, пусть она была жестокой и неумолимой, приводила к нужным ему результатам. Он всегда держался курса, который он намечал для себя, и никто из его подчиненных не осмеливался сворачивать с указанного ему пути, «ибо этого не желал главнокомандующий». При всей его жестокости и других пороках, Гама был воплощением завоевательного духа Португалии — этот дух позволил маленькому народу осуществить удивительные завоевания; с сожалением следует добавить, что тот же жестокий и фанатичный дух вызвал по отношению к человеку Запада в сердцах туземцев Африки и Азии ненависть, не утихшую до сегодняшнего дня¹.

Подобно Колумбу и Магеллану, Гама — один из героев того периода мировой истории, который имел место однажды и который не может никогда больше повториться, эпохи, отмеченной у западных народов внезапным расширением знаний о мире, достигнутом посредством смелых и небывало далеких морских путешествий. Эти открытия переместили центр тяжести европейской цивилизации с берегов Средиземного моря, где разыгрались величайшие события древности и средневековья, на берега Атлантики; и вследствие этого передвинулись на Запад центры торговли и политической деятельности. Один историк правильно назвал эту эпоху исследований «одной из наиболее важных и

¹ Слишком уж наввно рассматривать современное национально-освободительное движение в колониях как последствие ненависти народов колоний к европейцам, а жестокие действия Гамы — как «первый грех», породивший это великое движение. — *Прим. ред.*

решающих по своим последствиям эпох в истории человека на Земле»¹.

Васко да Гама принадлежит к числу величайших фигур этой эпохи, и, в отличие от большинства других, его удачей и счастьем было не только то, что он сам увидел результаты своего открытия и воспользовался ими, но и то, что он стал центральным персонажем великой португальской эпической поэмы Луиша ди Камоэнса «Лузиады». Непосредственные результаты плавания Гамы в то время намного превысили результаты экспедиций Колумба. Колумб открыл страну, для развития которой, прежде чем она окупилась с лихвой затраты, нужны были многие поколения. Гама же своим открытием привел Европу в соприкосновение с высокой цивилизацией, причем капиталовложения в короткие сроки приносили сказочные доходы.

Плавания Гамы не только революционизировали историю Европы, но также открыли новую эру в жизни Азии; в политической истории Индии впервые стало играть важную роль море.

Мы исследовали свидетельства современников Васко да Гамы и позднейших историков, писавших о нем. Если взвесить все его великие подвиги и темные стороны его характера и личных намерений, Гама все же окажется одной из великих фигур в истории. То был человек, «способный осуществить все, что было поручено ему как капитану, открывателю и вице-королю»². Он вошел не только в историю своей родины — маленькой Португалии, но и в историю Индии, более того, во всю мировую историю. Корреа, современник Васко да Гамы, сказал:

Господу было угодно дать этому человеку такой сильный дух, что, как свидетельствует его жизнь, он без всякого свойственного человеку страха прошел во время открытия им Индии через множество смертельных опасностей, и все это во имя любви к господу, ради могущества католической веры, ради великой чести, славы и возвышения Португалии.

¹ Артур Персивал Ньютон (издатель) в книге «Эпоха великих открытий», Лондон, 1932.

² Thomas Astley, Collection of Voyages.

ДОПОЛНЕНИЕ
ПОТОМКИ ВАСКО ДА ГАМЫ

Потомство от брака Васко да Гамы и донны Катарины ди Атайди состояло из семи человек. Старшим был дон Франсишку да Гама, второй граф Видигейры, адмирал Индийского моря, придворный короля Жуана III. Вторым был дон Иштеван да Гама, который сопровождал отца в его третьем плавании в Индию и служил губернатором Индии в 1540—1542 годах. Имена этих двух старших сыновей имеются в списке пажей короля Мануэла. Третий сын, дон Педру да Силва, много раз плавал в Индию. Четвертый сын, дон Паулу да Гама, был губернатором Малакки в 1538 году и умер в Индии. Пятый сын, дон Криштован да Гама, отправился в Индию, а оттуда в Эфиопию, где был убит. Шестой сын, дон Алвару ди Атайди, наследовал своему брату дону Криштовану в должности губернатора Малакки. Кроме того, у Гамы была дочь, донна Изабелла ди Атайди. Она вышла замуж за Инасиу ди Нуронью, но он так с ней плохо обращался, что она ушла от него в монастырь Святой Клары в Лиссабоне. Там она умерла, завещав свое наследство брату, дону Иштевану. Ее могила находится в часовне Богоматери Зачатия в монастыре, и на могильном камне высечена надпись:

Здесь лежит донна Изабелла ди Атайди, дочь графа-адмирала, открывшего Индию, удалившаяся вследствие своей набожности в этот монастырь. Она скончалась 17 марта 1568 года.

Никаких данных о семейной жизни Гамы не сохранилось.

Линия рода Гамы не прервана, многие из его потомков еще живы, и глава их все еще гордо носит титул графа Видигейры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Academia das Ciências de Lisboa, Nomes proprios de navios portugueses, fevereiro, 1931.
- Alaux Jean-Paul, Vasco da Gama, ou l'épopée des Portugais aux Indes, Paris, 1931.
- Albert-Montémont, Biblioteca universale dei viaggi, 8 vols, Venezia, 1834.
- Albuquerque Braz, de, Commentarios do grande A. Dalbuquerque, 4 vols, Lisboa, 1557.
- «Alguns documentos do Arquivo nacional da Torre do Tombo acerca das navegações e conquistas portuguezas», ed. J. Ramos Coelho, Lisboa, 1892.
- Ali, A. Yusuf, Mediaeval India: Social and economic conditions, Oxford, 1932.
- Almada André Alvares, d', Tratado breve dos rios de Guiné do Cabo Verde, ed. Diogo Köpke, Pôrto, 1841.
- Almeida Fortunato, de, Causas da decadência do império português, «O Instituto», vol. 72, Lisboa, 1925.
- Almeida Fortunato, de, História de Portugal, 5 vols, Coimbra, 1922—1927.
- Almeida Fortunato, de, Ultimas dias de Vasco da Gama, «O Instituto», vol. 72, Lisboa, 1925.
- Alvares, father Francisco, Narrative of the Portuguese embassy to Abyssinia during the years 1520—1527, transl. by lord Stanley of Alderley, London, Hakluyt soc., 1881.
- Alvares, a Portugall priest, The Voyage of, in Purchas: His Pilgrimes, vol. VI, VII, Glasgow, 1905.
- Ameal João, História de Portugal, ed. 2, Pôrto, 1942.
- Anonymous, Calcoen: Dutch narrative of the second voyage of Vasco da Gama to Calicut, printed at Antwerp ca 1505, with introduction and translation by Jean Philibert Berjeau, London, 1874.
- Anonymous, First voyage of Vasco da Gama (см. Velho Alvaro).
- Anonymous, («G. R.»), História de la colonización, 2 vols, Barcelona, 1933.
- Anonymous, Indice cronológico das navegações, viagens descobrimentos e conquistas dos portuguezes nos paizes ultramarinos desde o principio do seculo XV, Lisboa, 1841.
- Anonymous, Navegação as Indias Orientaes por Thomé Lopes (2-е плавание Гамы), «Collecção de noticias para a história e geografia das nações ultramarinas», vol. II, Lisboa, 1812.
- Anonymous, Navegações de Luiz de Cadamosto, «Collecção de noticias para a história e geografia das nações ultramarinas», vol. II, Lisboa, 1812.
- Anonymous, Navegação do capitão Pedro Alvares Cabral, «Collecção de noticias para a história e geografia das nações ultramarinas», vol. II, Lisboa, 1812.
- Anonymous, Paesi novamente ritrovati, Milano, 1508 (attribut. a Amerigo Vespucci).
- Anonymous, Sete unicos documentos de 1500 referentes à viagem de Pedro Alvares Cabral, Lisboa, 1940.
- Astley Thomas, New general collection of voyages, etc., 4 vols, London, 1745—1747.

- Аусвейт Леонард, Как открывали земной шар, перев. с англ., М., 1939.
- Аvezac M., d', Note... sur le degré d'habilité des Portugais, etc., Paris, 1846.
- Аxelsson Eric, South-East Africa, 1488—1530, London and New York, 1940.
- Аyalla Frederico Diniz, d', Goa antiga e moderna, Lisboa, 1888.
- Аzevedo J. Lucio, de, Epcas de Portugal economico, Lisboa, 1929.
- Аzevedo Pedro A., d', Os Escravos, «Arquivo histórico Portugues», 1, Lisboa, 1903, p. 289—307.
- Аzurara Gomes Eannes, de, Chronicle of the discovery and conquest of Guines, transl. Beazley and Prestage, 2 vols, London, 1896—1899 (см. также Zurara).
- Аzurara Gomes Eannes, de, Conquests and discoveries of Henry the Navigator, being the Chronicles of Azurara, ed. Virginia de Castro e Almeida, and transl. into English Bernard Miall, London, 1936.
- Вaio Antonio, et al., História da expansão portuguesa no mundo, 3 vols, Lisboa, 1937—1940.
- Вallard G. A., Rulers of the Indian ocean, Boston, 1928.
- Вarata Antônio Francisco, Vasco da Gama em Évora, Lisboa, 1898.
- Вarbosa Antônio, Instrumentos nauticos da epoca dos descobrimentos, «Revista Militar», Lisboa, 1925.
- Вarbosa Duarte, Book of Duarte Barbosa, transl. Mansel Longworth Dames, 2 vols, London, 1918—1921.
- Вarbosa Duarte, Description of the coasts of East Africa and Malabar in the beginning of the sixteenth century, transl. from the Spanish Henry E. J. Stanley, London, Hakluyt Soc., 1866.
- Вarbosa Duarte, Livro, «Collecção de noticias para a história e geografia das nações ultramarinas», vol. II, Lisboa, 1812.
- Вarlow Roger, Brief summe of geographie, ed. E. G. R. Taylor, London 1932.
- Вarros João, de, Diogo de Couto, Décadas da Asia, 24 vols, Lisboa, 1778—1788.
- Вarros João, de, Tweede scheeps-togt van don Vasco da Gamma, Leyden, 1706.
- Вarthold H. V., Découverte de l'Asie, Paris, 1947.
- Вeazley C. Raymond, Prince Henry the Navigator, New York and London, 1914.
- Вeazley C. Raymond, Prince Henry of Portugal and his political, commercial and colonizing work, «American Historical Review», XVII, New York, 1912.
- Вeazley C. Raymond, Prince Henry of Portugal and the African crusade of the fifteenth century, «American Historical Review», XVI, New York, 1910.
- Вейкер Дж., История географических открытий и исследований, перев. с англ., М., 1950.
- Вell Aubrey, Portuguese Portraits, Oxford, 1917.
- Вell Aubrey F. G., Gaspar Correa, Oxford, 1924.
- Вell Aubrey, Portuguese Portraits, Oxford, 1917.
- Вensau de Joaquim, Histoire de la science nautique portugaise résumé, Genève, 1917.
- Вensau de Joaquim, Introduction à l'édition fac-simile du Regimento do astrolábio e do quadrante, München, 1915.
- Вensau de Joaquim, Lacunes et surprises de l'histoire des découvertes maritimes, Coimbra, 1930.
- Вettencourt E. A., de, Descobrimientos, guerras e conquistas dos portugueses em terras do ultramar nos seculos XV e XVI, Lisboa, 1881—1882.
- Вlake John William, Europeans in West Africa, 1450—1560, 2 vols, London, 1942.
- Вotelho Simão, Tombo do estado, da India, «Subsidios», Academia Real Lisboa, 1868.
- Вoulting William, Four pilgrims, London (год издания не указан).

- Boville E. W., Caravans of the old Sahara, London, 1933.
- Boxer C. R., Portuguese roteiros, 1500—1700, «The Mariner's Mirror», vol. XX, No 2, April 1934, London, 1934.
- Braamcamp Freire A., Ementa da Casa da India, «Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa», Lisboa, 1907—1908.
- Braga Theophilo, Centenário da descoberta da America, Lisboa, 1892.
- Bragança, Pereira A. B., de, Arquivo Português Oriental (новое издание), vol. I, 1498—1599, Bastorá, India Portuguesa, 1936.
- Branco Manuel Bernades, El-rei D. Manuel, Lisboa, 1888.
- Brown Lloyd A., Story of maps, Boston, 1949.
- Buel James William, Heroes of unknown seas and savage lands, Philadelphia, 1891.
- Bulhão Pato R. A., de, Cartas de Albuquerque, Lisboa, 1884.
- Burton Harry E., Discovery of the Ancient World, Cambridge, 1932.
- Бэр, История всемирной торговли, перев. с нем., три части, М., 1876.
- Ca'Messer Leonardo, da, Relazione di Leonardo da Ca'Messer alla Serenissima Republica di Venezia sopra il commercio dei portoghesi nell' India dopo la scoperta del Capo di Buona Speranza (1497—1506), «Archivio Storico Italiano», Ser. I, Append., vol. II, Firenze, 1845.
- Cabral Pedro Alvares (см. Anonymous), Navegações do capitão Pedro Alvares Cabral; см. также Greenlee W. B.
- Ca da Mosto Luis, de, Voyages. См. также: Caddeo Rinaldo; Crone G. R.: Anonymous, Navegações de Cadamosto.
- Caddeo Rinaldo, Navigazioni atlantiche di Alvise Ca da Mosto, etc. Milano, 1929.
- Camoens Luis, de, Os Lusíadas, ed. Basto, Porto, 1945.
- Cantera Francisco, Abraham Zacut, Madrid, 1835.
- Cary M., Warmington E. H., Ancient explorers, London, 1929.
- Castanheira Fernão Lopes, de, História do descobrimento e conquista da India pelos portugueses, 4 vols (перепечатка с первого издания), Coimbra, 1924.
- Castanheira Fernão Lopes, de, História do descobrimento, etc. (тридцать одна глава из «потерянной» книги IX, изд. C. Wessels), Gravenhage, 1929.
- Castanhoso Miguel, de, Dos feitos de D. Christovam da Gama, ed. Francisco M. E. Pereira, Lisboa, 1898.
- Castro João, de, Roteiro de Lisboa a Goa, Lisboa, 1882.
- Chagas Manuel Pinheiro, Descobrimientos portugueses e os de Colombo, Lisboa, 1892.
- Chagas Manuel Pinheiro, Migalhas de história portugueza, ed. 2, Lisboa, 1925.
- Charton Edouard, Voyageurs, anciens et modernes (с переводом на французский отдельных мест из сочинений Velho), 4 vols, Paris, 1854—1855.
- Chatterton E. Keble, Ships and ways of other days, Philadelphia and London, 1913.
- Clifford Hugh, Further India, London, 1904.
- Coelho J. M. Latino, Vasco da Gama, 2 vols, Lisboa, 1882.
- Coelho J. Ramos, ed., Alguns documentos do Arquivo Nacional acerca das navegações e conquistas portuguezas, Lisboa, 1892.
- «Collecção de notícias para a história e geografia das nações ultramarinas», vol. II, Lisboa, 1812: ed 2., Lisboa, 1867.
- Comité Départemental du Calvados, «Quatrième centenaire de la découverte de la route maritime de l'Inde», Caen, 17 mai, 1898.
- Commissão Portugueza, «Centenário do descobrimento da America: Memórias (articulos: João Braz d' Oliveira, Os navios de Vasco da Gama; Prospero Peragallo, Carta de el rei D. Manuel ao rei Catholico, narrando-lhe as viagens portuguezas à India desde 1500 até 1505) Lisboa, 1892.

- Conti Nicolò, de, *Viaggi in Persia, India e Giava*, ed. Longhena, Milan, 1929.
- Cordeiro Luciano, *De como e quando foi feito conde Vasco da Gama*, Lisboa, 1892.
- Cordeiro Luciano, Diogo Cão, «B. S. G. L.», Ser. II, No 4, Lisboa, 1892.
- Cordeiro Luciano, *Questões histórico-colonais*, v. 7, 8, Lisboa, 1936.
- Cordeiro Luciano, *Restos de Vasco da Gama*, «B. S. G. L.», Lisboa, 1896.
- Correa Francisco Antônia, *Consequencias económicas dos descobrimentos*, Lisboa, 1937.
- Correa Gaspar (см. Stanley Henry E. Y.).
- Correa Gaspar, *Lendas da India*, vols 1—4, Lisboa, 1858—1864.
- Correa Gaspar, *Three voyages of Vasco da Gama, and his viceroyalty*, London, Hakluyt soc., 1869 (англ. перевод).
- Cortesão A. Z., *Subsidios para a história do descobrimento da Guiné e Cabo Verde*, Lisboa, 1931.
- Cortesão Annando, *de, Cartografia e cartógrafos dos seculos XV e XVI*, 2 vols, Lisboa, 1935.
- Cortesão Jaime, *Do sigillo nacional sobre os descobrimentos in Lusitania*, vol. I, Lisboa, 1924.
- Cortesão Jaime, *Expansion des Portugais dans l'histoire de la civilisation*, Anvers, 1930.
- Cortesão Jaime, *Expedição de Pedro Alvares Cabral e o descobrimento do Brazil*, Lisboa, 1922.
- Costa Fernandes, *Viagem da India*, Lisboa, 1896.
- Cottineau de Kloguen Denis L., *Historical sketch of Goa*, ed. 2, Bombay, 1922.
- Coupland R., *East Africa and its invaders*, Oxford, 1938.
- Couto Diogo, *de, Soldado prático*, Lisboa, 1937.
- Cox Edward Godfrey, *Reference guide to the literature of travel*, 2 vols, Seattle, 1935—1938.
- Crone G. R., *Voyages of Cadamosto, etc.*, London, 1937.
- Dames M., Longworth, *The Portuguese and Turks in the Indian ocean in the sixteenth century*, «Journal of the Royal Asiatic Society», 1921.
- Danvers Frederick Charles, *Portuguese in India*, 2 vols, London, 1894.
- Danvers Frederick Charles, *Report to the secretary of state for India in council on the Portuguese records relating to the East Indies, contained in the Arquivo da Torre do Tombo, etc.*, London, India Office, 1892.
- Daux A. A., *Portugal de Camões*, Paris, 1889.
- Day Francis, *Land of the Permauls, or Cochin, its past and present*, Madras, 1863.
- «Diarri e Diaristi Veneziani», *studii del prof. Rinaldo Fulin, Terzo congresso geografico, Venezia, 1881 (Estratto dall' Archivio Veneto, vol. XXII, Part I).*
- D'Orsey Rev. Alex J. D., *Portuguese discoveries, dependencies and missions in Asia and Africa*, London, 1893.
- Ducasse André, *Negriers, ou le trafic des esclaves*, Paris, 1948.
- Dujarday Mme H., *Résumé des voyages, découvertes et conquêtes des Portugais, etc.*, 2 vols, Paris, 1839.
- East Gordon, *Geography behind history*, London, 1938.
- Eça Vicente Almeida, d', *Normas económicas na colonização portuguesa até 1808*, Coimbra, 1921.
- Erdmann C., *Kreutzzuggedanke in Portugal*, «Historische Zeitschrift», vol. 141, Berlin, 1929.
- Falconbridge Alexander, *Account of the slave trade on the coast of Africa*, London, 1788.
- Faria e Sousa Manuel, *de, Asia Portuguesa (port. transl.)*, 6 vols, Porto, 1945.
- Faria e Sousa Manuel, *de, Asia Portuguesa*, 3 vols, Lisboa, 1666—1675.

- Ferrand Gabriel, Introduction à l'astronomie nautique arabe, Paris, 1928.
- Ferrand Gabriel, Pilote arabe de Vasco da Gama, «Annales de Géographie», Paris, 1922.
- Ferrand Gabriel, Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême Orient, du VIII au XVIII-e siècles, 2 vols, Paris, 1914.
- Ferreira Paes Simão, Famosas armadas portuguesas, Rio de Janeiro, 1937.
- Ficalho Conde (Francisco Manuel Carlos de Mello), Garcia da Orta e seu tempo, Lisboa, 1886.
- Ficalho Conde, Viagens de Pedro da Covilhan, Lisboa, 1898.
- Figueredo Fidelino, de, Geographical discoveries and conquests of the Portuguese, «Hispanic American Historical Review», vol. 6, Durham N. C., 1926.
- Фиске Джон, Открытие Америки с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания, в двух томах, М., 1892—1893.
- Fonseca José Nicolau, de, Historical and archaeological sketch of Goa, Bombay, 1878.
- Fonseca Quirino, da, Nomes e proprios de navios portugueses, «Boletim da Academia das Ciências de Lisboa», fevereiro, 1931.
- Fonseca Quirino, da, Representação artistica das armadas da Índia, Lisboa, 1933.
- Fontoura da Costa A., Marinharia dos descobrimentos, Lisboa, 1939.
- Fontoura da Costa A., Portas da Índia em 1484, Lisboa, 1935.
- Fontoura da Costa A., ed., Roteiros portugueses inéditos da carreira da Índia do seculo XVI, Lisboa, 1940.
- Fordyce W., Dingwall, In search of gold, London, 1924.
- Fosse Eustache de la, Voyage à la côte occidentale d'Afrique en Portugal et en Espagne, 1479—1480, «Revue hispanique», 4-ème année, Paris, 1897.
- Foster William, ed., Early travels in India, London, 1921.
- Galvano Antonio, Discoveries of the world, Portuguese text and translation, ed. by vice-admiral Bethune, London, Hakluyt soc., 1862.
- Galvão Antônio, Tratado dos descobrimentos, ed. 3, Lisboa, 1944.
- Gama Maria Telles, da, Comte-amiral D. Vasco da Gama. Sa vie et son oeuvre, Paris, 1902.
- Geddes M., History of the church of Malabar, 1694 (без указания места издания).
- Gibson Charles E., Story of the ship, New York, 1948.
- Giles H. A., Travels of Fa-Hsien, Cambridge, 1923.
- Gillespie James Edward, History of geographical discovery, 1400—1800, New York, 1933.
- Godinho Vitorino Magalhaes, Documentos sobre a expansão portuguesa, vol. I, II, Lisboa (год издания не указан).
- Godinho de Eredia, Malaca, l'Inde Méridionale, trad. Léon Janssen, Bruxelles, 1882.
- Goes Damião, de, Chronica d'el rei D. Manuel, 5 vols, in Biblioteca de clássicos portugueses, vols. LIX—LXIV.
- Goes Damião, de, Chronica do príncipe dom Joam segundo do nome, Lisboa, 1567.
- Goes Damião, de, Opúsculos históricos, перев. с латыни на португ. Dias de Carvalho, Porto, 1945.
- Grandidier Alfred, Histoire de la découverte de Madagascar par les Portugais, Paris, 1902.
- «Grands navigateurs et colons portugais du XV-e et du XVI-e siècles», ed. Virginia de Castro e Almeida, 6 vols (только 5 издано), Bruxelles et Paris (год издания не указан).
- Greenlee William Brooks, Voyage of Pedro Alvares Cabral to Brazil and India, London, 1938.
- Griaule Marcel, Grands explorateurs, Paris, 1946.

- Gubernatis Angelo, de, Memoria interno ai viaggiatori italiani nella India Orientale dal secolo XIII a tutto il XVI, Firenze, 1867.
- Gubernatis Angelo, de, Storia dei viaggiatori italiani nelle Indie Orientali, Livorno, 1875.
- Harlow Vincent T., ed., Voyages of great pioneers, Oxford, 1929.
- Harrise Henry, Document inédit concernant Vasco da Gama, Paris, 1889.
- Hennig Richard, Terrae incognitae, 4 vols, Leyden, 1936—1939.
- Heyd W., Histoire de commerce du Levant au moyen-âge (edition française), 2 vols, Leipzig, 1936.
- Hieronimo di Santo Stefano, Journey, в книге R. H. Major's «India...» «História da expansão portuguesa no mundo», ed. Baião, António, et al., Lisboa, 1939.
- Hümmerich Franz, Quellen und Untersuchungen zur ersten Indienfahrt des Vasco da Gama, München, 1897.
- Hümmerich Franz, Vasco da Gama und die Entdeckung des Seewegs nach Ostindien, München, 1898.
- Ibn Batuta, Travels in Asia and Africa, transl. and selected by H. A. R. Gibb, London, 1929.
- Ibn Batuta, Voyages, texte arabe, traduction par Defrémery et Sanguinetti, 4 vols, ed. 3, Paris, 1893.
- Inchbold A. C., Lisbon and Cintra, London, 1907.
- Jayne K. G., Vasco da Gama and his successors, 1460—1580, London, 1910.
- Johnston Harry H., History of the colonization of Africa by alien races, ed. 2, Cambridge, 1899.
- Johnston Harry H., Opening up of Africa, New York and London (год издания не указан).
- Jorge Ricardo, Obito de D. João II. Lisboa, 1922.
- «Journal of the first voyage of Vasco da Gama, 1497—1499», transl. E. G. Ravenstein, London, Hakluyt soc., 1808.
- Julien Ch.-André, Histoire de l'Afrique, Paris, 1946.
- Kammerer Albert, Découverte de la Chine par les Portugais au XVI-ème siècle et la cartographie des portulans, «T'oung Pao», приложение к т. XXXIX, Leyden, 1944.
- Kammerer Albert, Mer Rouge, l'Abyssinie et l'Arabie depuis l'antiquité, 2 vols, 5 parts, Cairo, 1929—1935.
- Камоэнс Луис, Лузиады, СПб, 1897.
- Карраде Воб., Арабские географы, перев. с франц. АН СССР, 1941.
- Kaysersling M., Christoph Columbus und der Anteil der Juden an die Spanischen und Portugiesischen Entdeckungen, Berlin, 1894.
- Keltie J. Scott, Howard O. J. R., History of geography, New York and London, 1913.
- Kimble George H. T., Geography in the middle ages, London, 1938.
- Крачковский И. Ю., Морская география в XV—XVI веках у арабов и турок, «Географический сборник», III, АН СССР, 1954.
- Кунин К., Васко да Гама, изд. 2, М., 1947.
- Lagôa Visconde, de, Grandes e humildes na epopeia portuguesa do Oriente, 2 vols, Lisboa, 1942.
- Lane Ferdinand, Mysterious sea, London and New York, 1947.
- Lannou C., de, Vanderlinden H., Expansion coloniale des peuples européens, le Portugal et l'Espagne, Bruxelles, 1907.
- Лебедев Н. К., Завоевание Земли, т. 1, М., 1947.
- Lelewel Joachim, Géographie du moyen âge, 5 vols, Bruxelles, 1857.
- Leo Africanus, Geographical historie of Africa, ed. by R. Brown, 3 vols, London, 1896.
- Lewis Rev. Thomas, Old kingdom of Congo, «Geographical Journal», XXXI.
- Ley Charles David, ed., Portuguese voyages, 1498—1663, London, 1947.
- Lisboa João, de, Livro de marinaria, ed. Brito Rebello, Lisboa, 1903.

- Liske Javier, Viajes de extranjeros por España y Portugal en los siglos XV, XVI, XVII, transl. by F. Rozanski, Madrid, 1879.
- Livermore H. V., History of Portugal, Cambridge, 1947.
- Lobo A. de S. S. Costa, ed., Memórias de um soldado da Índia compiladas de um manuscrito portuguez do Museo Britannico, Lisboa, 1877.
- Logan William, Malabar, Madras, 1906.
- Lopes Davis, Expansão da lingua portuguesa no Oriente nos séculos, XVI, XVII, XVIII, Barcelos, 1936.
- Lopes Fernão, Crónica de D. João I, ed. António Sergio, 2 vols, Lisboa (год издания не указан).
- Lopes Fernão, Chronica de el-rei D. Pedro I, «Biblioteca de clássicos portugueses», Lisboa, 1895.
- Lopes Thomé, Navegação as Indias Orientaes por Thomé Lopes (см. Anonymous).
- McClumont James Roxburg, Pedralvarez Cabral, London, 1914.
- Магидович И. П., Очерки по истории географических открытий, т. 1, М., 1949.
- Major R. H., India in the fifteenth century, London, 1857.
- Marden Philip S., Wayfarer in Portugal, London, 1927.
- Mariz Pedro, de, Diálogos de varia história dos reis de Portugal, etc., Lisboa, 1672.
- Martins J. P. Oliveira, Golden age of prince Henry the Navigator, transl. J. J. Abraham and William E. Reynolds, London, 1914.
- Martins J. P. Oliveira, História de Portugal, ed. 3, vol. 1, Lisboa, 1880.
- Martins J. P. Oliveira, Portugal nos mares, 2 vols, ed. 3, Lisboa, 1924.
- Mendonça Henrique Lopes, de, Vasco da Gama na história universal, Lisboa, 1925.
- Metropolitan Museum of Art, Age of exploration, New York, 1942.
- Mocquet Jean, Voyages en Afrique, Asie, Indes Orientales et Occidentales, Paris, août, 1830.
- Moraes Sarmiento José Estavão, D. Pedro e a sua época, Pôrto, 1924.
- Morais e Sousa L., de, Ciência nautica dos portugueses nos seculos XV, XVI, 2 vols, Lisboa, 1924.
- Morelet Arthur, Journal du voyage de Vasco da Gama en MCCCCXCVII. Lyon, 1844.
- Morison Samuel Eliot, Portuguese voyages to America in the fifteenth century, Cambridge, Mass., 1940.
- Mosto Andrea, da, Alvise da Mosto e la sua famiglia, in Archivio Veneto, Ve série, No 3—4, Venezia, 1927.
- Münzer Jerônimo, Viaje por España y Portugal en los años 1494 y 1495, transl. Julio Puyol, Madrid, 1924.
- Murias Manuel, História breve da colonização portuguesa, Lisboa, 1940.
- Nehru Jawaharlal, Discovery of India, New York, 1946.
- Newton Arthur Percival, ed., Great age of discovery, London, 1932.
- Newton Arthur Percival, ed., Travel and travellers of the middle ages, London, 1926.
- Никитин Афанасий, Хождение за три моря..., АН СССР, М., 1948.
- Nordenskiöld A. E., Facsimile atlas to the early history of cartography, Stockholm, 1889.
- Nordenskiöld A. E., Periplus, Stockholm, 1897.
- Nunez do Liam Duarte, Chronicas del rey João I e as dos reyes Dom Duarte e Dom Affonso V, 2 vols, Lisboa, 1780.
- Oaten Edward Farley, European travellers in India, London, 1909.
- Oliveira Martins J. P., Brazil e as colônias portuguesas, ed. 5, Lisboa, 1920.
- Oliveira J. B., d', Navios portugueses do tempo dos descobrimentos e conquistas, «Revista Portuguesa Colonia e Maritima», Lisboa, 1897—1898.

- Olschki Leonardo, Storia letteraria delle scoperte geographice, Firenze, 1937.
- Olsen Orlan, Conquête de la terre, 6 vols, Paris, 1933.
- Oman Sir Charles, Sixteenth century, New York, 1937.
- Orta Garcia, da, Colloquies on the simples and drugs of India, transl. Sir Clements Markham, London, 1913.
- Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М., Афанасий Никитин и его время, М., 1951.
- Osorio Jerome, History of the Portuguese during the reign of Emmanuel, transl. James Gibbs, 2 vols, London, 1742.
- Osório Jerônimo, Da vida e feitos de el-rei D. Manuel, port transl. Manuel do Nascimento, 2 vols, Lisboa, 1944.
- Pais Pero, História da Etiopia, 3 vols, Pôrto, 1945.
- Pannikar K. M., Malabar and the Portuguese, Bombay, 1929.
- Pedros o Sebastião José, Resumê histórico acerca da antiga India Portuguesa, Lisboa, 1884.
- Pedroso Z. Consiglieri, Catálogo bibliográfico das publicações relativas aos descobrimentos portugueses, Lisboa, 1912.
- Peregallo Prospero, Viaggio di Matteo da Bergamo in India sulla flotta di Vasco da Gama (1502—1503), «Bolletino della Società Geografica Italiana», ser. IV, boll. III, anno XXXVI, vol. XXXIX, Roma, 1902.
- Pereira A. B. De Bragança, Arquivo Português Oriental (новое издание), tomo I: História política, etc., vol. I, 1498—1599, Bastorá, India Portuguesa, 1936.
- Pereira Duarte Pacheco, Esmeraldo de situ orbis, transl. George H. T. Kimble, London, 1937.
- Pereira Gabriel, De Lisboa a Cochim em 1505, «B. S. G. L.», ser. 17, No 5, Lisboa, 1900.
- Pereira Gabriel, Diogo Gomes: Relações do descobrimento da Guiné versão do latim, «B. S. G. L.», ser. 17, No 5, Lisboa, 1900.
- Pereira da Silva, Luciano, A astronomia das Lusíadas, Coimbra, 1915.
- Pereira da Silva, Luciano, Roteiro da primeira viagem do Gama e a suposta conjuração, «O Instituto», vol. 72, Lisboa, 1925.
- Peres Damião, História de Portugal, 7 vols, Barcelos, 1928—1936.
- Peres Damião, História dos descobrimentos portugueses, Pôrto, 1943.
- Péringuey L., Inscriptions left by early european navigators on their way to the East, «Annals of the South African Museum», vol. XIII, Cape Town, 1913.
- Peschel Oscar, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877.
- Пешель Оскар, История эпохи открытий, перев. с нем., М., 1885.
- Пигафетта А., Путешествие Магеллана, перев. с итальян., М., 1950.
- Pina Ruy de, Chronica del rey Dom João II, ed. Correa da Serra, Lisboa, 1790.
- Pinho Leal Augusto, Portugal antigo e moderno, 12 vols, Lisboa, 1880.
- Pinkerton John, General collection of voyages and travels, etc., 17 vols, London, 1814.
- Pires Tomé, Suma Oriental, 2 vols, London, 1944.
- Pons R. Giorgi, de, Grandi navigatori italiani, Firenze, 1929.
- Poujade Jean, Route des Indes et ses navires, Paris, 1946.
- Pratt Sir John, Expansion of Europe into the Far East, London, 1947.
- Prestage Edgar, Chronicles of Fernão Lopes and Gomes Eannes de Zurara, Watford, 1928.
- Prestage Edgar, Portuguese pioneers, London, 1933.
- Rabbe Alphonse, História de Portugal (год и место издания не указаны).
- Ramusio Giovanni Battista, Delle navigationi e viaggi raccolta, 3 vols (1613 ed.), Venezia, 1554.
- Randall H. J., Creative centuries, London and New York, 1947.
- Ravenstein E. G., First voyage of Vasco da Gama (см. Velho Alvaro).

- Ravenstein E. G., Martin Behaim, His life and his globe, London, 1908.
- Ravenstein E. G., Voyages of Diogo Cão and Bartholomeu Dias, 1482—1488, «Geographical Journal», XVI, 625—655, London, 1900.
- Raynal Abbé, Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les Deux Indes, Paris, 1778.
- Reade H., Vasco da Gama, «Journal of the Royal Asiatic Society», p. 589, London, 1898.
- Reparaz Gonzalo de (Hijo), Epoca de los grandes descubrimientos españoles y portugueses, Barcelona and Buenos Aires, 1931.
- Resende Garcia, de, Chronica de el-rei N. João, II, 3 vols, «Biblioteca de clássicos portugueses», vols XXXII—XXXIV, Lisboa, 1902.
- Rey Charles F., Romance of the Portuguese in Abyssinia, London, 1929.
- Ribeiro João, História de Portugal, Rio de Janeiro, 1928.
- Ricardo Jorge, Obito de D. João II, Lisboa, 1922.
- Ridley Henry N., Spices, London, 1912.
- Robins F. W., Story of water supply, Oxford, 1946.
- «Rodrigues, Francisco, Book of» (см. Pires, vol. II).
- Rogers Stanley, Indian ocean, London, 1932.
- Rohr Christine, Neue Quellen zu den Entdeckungsfahrten der Portugiesen im Indischen Ozean, «Beiträge zur Historischen Geographie, Ethnographie und Kartographie, vornehmlich des Orients», Leipzig und Wien, 1929.
- Rohr Christine, Neue Quellen zur Zweiten Indiefahrt Vasco da Gamas, «Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde», Leipzig, 1939.
- Rose J. Holland, Man and the sea, Cambridge, 1935.
- Ross E. Denison, Portuguese in India and Arabia between 1507 and 1517, «Journal of the Royal Asiatic Society», London, 1921.
- Rostovtzeff M., Caravan Cities, Oxford, 1932.
- Roth Cecil, History of the marranos, Philadelphia, 1932.
- Ruge S., Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881.
- Saint-Martin Vivien, de, Histoire de la géographie et des decouvertes géographiques, Paris, 1875.
- Sanceau Elaine D., João de Castro, Pôrto (год издания не указан).
- Sanceau Elaine D., Henry the Navigator, London (год издания не указан).
- Sanceau Elaine D., Indies adventure, London and Glasgow, 1936.
- Sanceau Elaine D., Land of Prester John, New York, 1944.
- Sanceau Elaine D., Sonho da Índia (Alfonso de Albuquerque), Lisboa (год издания не указан).
- Sanuto Marino, Diario (1466—1535), Venezia, 1879—1902.
- Sasseti Filippo, Lettera à Francesco I de' Medici (см. Gubernatis Angelo, de: Storia...).
- Schefer M. Charles, Navigation de Vasque de Gamme, Paris, 1898.
- Serra Correa, da, Collecção de livros inéditos de história portuqueza, etc., 5 vols, Lisboa, 1790—1824.
- Sewell R., Forgotten empire, London, 1900.
- Silva A. A., Baldaque, da, Notícia sobre a não S. Gabriel, etc., Lisboa, 1892.
- Silva Luciano Pereira, da, Kamal, Tábuas da Índia, «Lusitania», vol. I, Lisboa, 1924.
- Silveria Francisco Rodriguez, Memória de un soldado da Índia, Lisboa, 1877.
- Sociedade de Geografia de Lisboa, «Boletim». (Многие статьи можно найти в «Бюллетене» по индексу помещенных за год статей.)
- Sousa Fr. Luis, de, Anais de D. João, 2 vols, Lisboa, 1938.
- Sousa Fr. Luis, de, Annaes de Elrei Dom João Terceireo, ed. A. Herculano, Lisboa, 1844.
- Spears John R., Master mariners, London (год издания не указан).

- Stanley Henry E. J., The three voyages of Vasco da Gama and his viceroyalty, from the Lendas da India of Gaspar Correa, London, 1869.
- Stefansson Vilhjalmur ed., Great adventures and explorations, New York, 1947.
- Stephens H., Morse, Albuquerque, Oxford, 1912.
- Stephens H., Portugal (the Story of the Nations Series), New York and London, 1891.
- Stevens William Oliver, Allen Westcott, History of sea power, New York, 1944.
- Stevenson Edward Luther, Genoese world map, 1457, New York, 1912.
- Stier H. G. G., Flämishes Tagebuch über Vasco da Gamas zweite Reise, Braunschweig, 1867.
- Stigand Capt. C. H., Land of Zinj, London, 1913.
- Strande Justus, Portugiesenzeit von Deutsch- und Englisch-Ostafrika, Berlin, 1899.
- Strong S. A., History of Kilwa, «Journal of the Royal African Society», London, 1895.
- Sulaymān, Voyage en Inde et en Chine, trad. Gabriel Ferrand, Paris, 1922.
- Supan Alexander, Territoriale Entwicklung der Europäischen Kolonien, Gotha, 1906.
- Sykes Sir Percy, History of exploration, New York, 1934.
- Synge M. B., Book of discovery, New York and London (год издания не указан).
- Tafur Pero, Travels and adventures, 1435—1439, London, 1926.
- Tannenbaum Frank, Slave and citizen, New York, 1947.
- Taylor E. G. R., Original writings and correspondence of the two Hakluyts, 2 vols, London, 1935.
- Teixeira de Aragão A. C., Vasco da Gama a Vidigueira, ed. 3, Lisboa, 1898.
- Teixeira de Aragão A. C., Vasco da Gama e a Villa da Vidigueira, Lisboa, 1871.
- Teixeira de Aragão A. C., Vasco da Gama e a Vidigueira, ed. 2, «B. S. G. L.», ser. 6a, Lisboa, 1886.
- Theal George McCall, History and ethnography of Africa south of the Zambezi, 2 vols, London, 1907.
- Theal George McCall, Beginning of South African history, London, 1902.
- Thomazi A., Histoire de la navigation, Paris, 1947.
- Tiele Pieter Anton, Oosten voor de komst der portugeezen, «De Gids», vols XVIII, XIX, Amsterdam, 1874.
- Tonneau Albert, Découverte de la route maritime des Indes, «B. S. G. L.», 1946.
- Towle George M., Voyages of Vasco da Gama, London (год издания не указан).
- Trapier Blanche, Voyageurs arabes au moyen âge, Paris, 1937.
- Ulloa Affonso, de, Historia dell' Indie Orientali, comp. dal Fernando Lopes di Castagneda, Venezia, 1578.
- Varthema Ludovico, di, Itinerario, ed. Giudici, ed. 2, Milano, 1929.
- Varthema Ludovico, di, Itinerary 1502—1508, ed. by Richard Carnac Temple, London, 1928.
- Varthema Ludovico di, Travels of Ludovico di Varthema, transl. John Winter Jones, ed. by George Percy Badger, London, 1863.
- Velho Alvaro, Diário da viagem de Vasco da Gama, ed. Damião Peres, 2 vols, Lisboa, 1945.
- Velho Alvaro, Journal du voyage de Vasco da Gama, trad. Arthur Morelet, Paris, 1864.

- Velho Alvaro, Journal of the first voyage of Vasco da Gama, transl. E. G. Ravenstein, London, 1898.
- Velho Alvaro, Roteiro da primeria viagem de Vasco da Gama, Lisboa, 1940.
- Velho Alvaro, Roteiro da Viagem de Vasco da Gama em MCCCCXCVII, ed. 2, ed. by A. Herculano and Castello da Paiva, Lisboa, 1861.
- Viana Mário Gonçalves, Vasco da Gama, Pôrto, 1937.
- Viterbo J. P. Sousa, Trabalhos nauticos dos portuguezes, 2 vols, Lisboa, 1898—1900.
- Welch Sidney R., Europe's discovery of South Africa, Cape Town and Johannesburg, 1935.
- Welch Sidney R., South Africa under king Manuel, 1485—1521, Cape Town and Johannesburg, 1946.
- Whiteway R. S., Rise of Portuguese power in India, 1497—1550, Westminster, 1899.
- Williamson James A., Europe overseas, London, 1925.
- Wyndham H. A., Atlantic and slavery, Oxford, 1935.
- Zimmermann Alfred, Europäischen Kolonien, vol. I, die Kolonialpolitik Portugals und Spaniens, Berlin, 1896.
- Zinadim (Zain al Din al Ma'bari), História dos portuguezes no Malabar, versão do arábico, Lisboa, 1898.
- Zurara Gomes Eanes de (см. также Azurara), Crónica dos feitos de Guiné (extratos), Lisboa, 1942.
- Zurla Ab. D. Placido, Di Marco Polo e degli altri viaggiatori veneziani, 2 vols, Venezia, 1818.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния 84, 108
 Авейру 137
 Австралия 22, 60
 Агульаш (Игольный) 166, 167
 Аден 92—96, 99, 101, 105, 279
 Аден, пик 93
 Аденский залив 94
 Аземмур 300
 Азия 36, 37, 45, 64, 81, 82, 86, 87, 91, 100, 105, 169, 174, 175, 195, 197, 204, 232, 234, 304, 305
 Восточная Азия 27
 Передняя Азия 37, 39, 99
 Северная Азия 27
 Центральная Азия 53
 Юго-Восточная Азия 18, 98, 173
 Южная Азия 21, 195
 Азорские острова 4, 8, 13, 15, 16, 42, 44, 114, 227, 302
 Алгарви 7, 39, 115, 121, 128, 130, 135, 137, 235
 Алгоа 6, 70, 71
 Александрия 51, 86—89, 96, 98, 118, 173, 204, 224
 Алентежу 113, 130, 269
 Алеппо 106, 204
 Алжир 80
 Алжирия 80
 Алжубаррота 8, 58
 Алкабир 117
 Алмансор 150
 Алькасовас 12, 13
 Америка 5, 59, 233
 Южная Америка 74, 303
 Англия 8, 38, 105, 130, 248
 Ангола 63
 Ангра 227
 Ангра-ду-Салту 69
 Ангра-душ-Волташ 69
 Ангра-душ-Ильошш 69
 Ангра-душ-Ильошш-ди-Санта Круз 69
 Ангра-Пекена 69
 Андалузия 79
 Андждидива 258
 Андждидивские острова 222, 223, 243, 253, 258
 Аннам 193
 Аннобон 9
 Антверпен 252
 Антильские острова 22, 122
 Апроби 66
 Аравийское море 40, 98, 221, 225
 Аравия 87, 91, 92, 94, 99, 100, 106, 172—176, 192, 203, 204, 233, 258, 271, 275, 279, 285
 Центральная Аравия 187
 Южная Аравия 99, 174
 Арагон 7, 15, 17, 113, 147
 Аргин 45, 52
 Аризона 128
 Арсила 300
 Атлантика 4, 8, 32, 37, 82, 118, 128, 242, 304
 Атлантический океан 4, 6, 8, 11, 13, 15—18, 30, 40, 59, 61, 128, 162, 165, 166, 168, 189, 233, 274, 303
 Атлас 51
 Афганистан 271
 Африка 4—6, 8, 9, 11—14, 17, 19—21, 33, 36—40, 43—45, 49—51, 53, 57, 59, 61—66, 73, 74, 76, 80, 82, 87, 101, 113, 116, 143, 147, 148, 151, 158, 160, 161, 165, 167—169, 171—173, 175, 182, 187, 188, 192, 193, 204, 214, 221, 223, 234, 235, 239, 242, 243, 248, 255, 257, 271, 281, 300, 304
 Британская Восточная Африка 174
 Восточная Африка 11, 36, 76, 82, 100, 172—175, 180, 187, 188, 247
 Западная Африка 3, 4, 6, 9, 11, 20, 32, 36, 52, 53, 57, 59, 62, 64, 116, 130, 175
 Северная Африка 30, 31, 52, 92, 174
 Северо-Восточная Африка 37
 Северо-Западная Африка 8, 40, 80, 300
 Экваториальная Африка 4, 140
 Юго-Западная Африка 63
 Южная Африка 4, 9, 11, 22, 70
 Аютия 95
 Баб-эль-Мандеб 93—95, 106, 285
 Багдад 102, 271

- Бадахос 18, 113
 Баиа-душ-Вакейруш 70
 Балтийское море 8
 Бангкок 95
 Банда 97, 98, 268
 Баррейру 293
 Барселона 85
 Басра 102, 106, 203, 204
 Баталья 58, 235, 236
 Бахарим (Бахрейн) 105, 279
 Бежа 102, 292
 Бейра-Алта 81, 102
 Бейра-Байша 79
 Бейра-Литорал 137
 Белен (Риштеллу) 226, 229, 236, 242, 248, 261, 271, 272, 285, 292, 293, 296
 Бенгалия 94, 95
 Бенгальский залив 40
 Бенгела 63
 Бенин 64
 Берберия 32, 80, 85, 90, 94
 Биджапур 99, 277
 Бирма 197
 Бисагуш 9, 57, 227
 Бланко (Бранку) 44, 52, 53
 Большой канал 51
 Бомбейская бухта 286
 Борба 113
 Борнео 97, 193
 Бохадор (Божадор, Божиадор, Боядор) 12, 13, 36, 40, 42—44, 50, 65, 112
 Бразилия (Бразил) 9, 11, 17, 31, 74, 126, 161, 242, 246, 247
 Британские острова 37
 Брюгге 98, 253

 Валенсия 84, 85
 Вали-ди-Зебру 122
 Везувий 85
 Великобритания 72
 Венеция 12, 23, 37, 51, 82, 83, 86, 98, 104, 113, 146, 151, 207, 233, 242, 253, 255
 Вера-Круш см. Бразилия
 Вест-Индия 169
 Виджаянагар 96
 Видигейра 155, 226, 267—269, 291—293
 Визеу 81
 Вила-ди-Фради 267, 268
 «Вила-ду-Инфанти» 39
 Вила-Франка-да-Шира 268
 Вольта 33
 Восточное море 83
 Восточно-Китайское море 40

 Гаага 24
 Гавань Островов 69
 Газипур 196
 Галисия 30
 Галиция 77
 Галия 43
 Гамбия 33, 50, 55, 56
 Ганг 196
 Гарлем 256
 Гаура 174
 Гвадалкивир 80
 Гвардафуй 285
 Гвинейский залив 9, 59, 61, 64, 73
 Гвинея 9, 11—14, 36, 49, 57—60, 62, 64, 66, 68—70, 73, 78, 103, 104, 131, 141, 160, 227, 235, 240
 Верхняя Гвинея 9, 21
 Нижняя Гвинея 20
 Французская Гвинея 9, 57
 Гenuя 37, 82, 86, 151
 Геркулесовы столбы 52
 Германия 63, 145, 147
 Гибралтарский пролив 3, 38—40, 52, 113, 232, 235, 243
 Гиддингс 26
 Гималаи 195
 Гоа 50, 70, 94, 99, 100, 103, 105, 142, 170, 199, 223, 258, 267, 276—278, 281, 285—288, 298
 Голландия 256
 Гранада 7, 15, 147
 Грейт-Берг-ривер см. Сантьягу
 Греция 28
 Гуджарат 187, 271

 Дабул (Дабхол) 285, 286
 Дагомея 62, 64
 Дамаск 106, 204
 Дахлак 94
 Делагоа 70
 Дели, гора, мыс 96, 191, 245, 258
 Дели, город 99
 Джебель-Муса см. Синай, гора
 Джезир-эль-Комр см. Мадагаскар
 Джидда 95, 106, 204
 Джоло 22
 Джульфар 187
 Диу 275
 Доброй Надежды мыс 4, 17, 59, 63, 65, 69, 72—74, 112, 116—118, 124, 140, 143, 160, 161, 165, 168, 175, 221, 226, 233, 242, 245, 264, 275, 282, 304
 Дуэро 79

 Европа 8, 19, 27, 32, 33, 37—39, 46, 64, 65, 81, 82, 87, 89, 95, 96, 103, 122, 135, 144, 145, 151, 152, 158, 161, 173.

- 175, 193, 195, 204, 209, 232, 233, 248,
249, 255, 270, 271, 299—301, 304, 305
Западная Европа 234, 294
Северная Европа 271
Южная Европа 68
Египет 8, 64, 79, 86—90, 92, 93, 95,
102, 117, 118, 174, 203, 285
- Заире см. Конго, река
Замбези 168
«Заморская Алгарви» 8, 40
Занзибар 87, 226
Зезери 102
Зейла 94, 101, 106
Зеленый мыс 15—17, 20, 49—51, 53,
56, 115, 160, 227, 241, 243, 255
Золотой Берег 20, 60—62, 64, 66, 73,
160, 255
Золотой Рог 86
«Золотой Херсонес» 61
Зондские острова 193
- Иелала 63
Иерусалим 79, 85, 152, 294
Илья-ду-Асоутаду 181
Инд 76
Индийский океан 6, 11, 17, 21, 37,
40, 71, 95, 103, 116, 144, 173, 184,
185, 187—189, 204, 251, 258, 278, 284
«Индийское море» 61
Индия
Западная Индия 169, 203
Восточная Индия 169, 295
Португальская Индия 21
Северная Индия 100
Южная Индия 189, 191, 194, 208
Индокитай 97, 98, 105, 203, 244, 301
Индонезия 97, 98, 192, 195, 203, 244,
268, 274, 279
Индостан 94, 96, 99, 191, 194
Ирак 203
Иран 76, 194, 203, 285
Испания 15, 18, 30, 39, 43, 50, 55—57,
59, 60, 79, 80, 84, 85, 113, 114, 123,
128, 147, 211, 230, 256, 270
Иstanbul 86
Италия 81, 84, 85, 98, 145, 151, 233,
253, 298
- Йемен 92
- Каир 88, 90, 92—96, 100—104, 106,
203, 204, 271
Калаг (Калаат) 99
Каликут 25, 26, 80, 96—99, 103—105,
114, 141, 142, 153, 187, 189—195,
197, 198, 200, 201, 203—207, 209, 210,
212—215, 218—224, 232, 240, 241,
243, 244, 247, 252, 253, 259, 261—
263, 265, 274, 276, 277
- Калифорния 128
Камбей, город 94, 96, 98, 258
Камбей, залив 275
Камбрэ 73
Камерун 57, 61
Канарские острова 8, 12, 13, 20, 36,
42, 44, 51, 52, 79, 160, 232, 255
Кандия 51
Каннанур 96, 103, 245, 255, 258,
261—263, 274, 275
Капуа 210
Кармель 294
Картахена 15
Кастилия 7, 8, 12—17, 44, 45, 51, 58,
61, 79—81, 113, 130, 147, 207
Катакифараш 236
Катиавар 275
Кафрария 257
Кашкаиш 227, 229
Кашмир 271
Кашмирская долина 195
Каштелу-Бранку 79
Кейптаун 275
Келимане, река 168, 171
Келимане, форт 168
Кенигсберг 147
Керман 76
Килва (Килоа) 243, 252, 256—258,
275
- Кипр 85
Китай 53, 87, 94, 173, 192, 194, 195, 271
Китовая бухта 63
Коаво 256
Ковильян 79, 81, 96, 102, 111, 240
Коимбра 30, 110, 152
Коморин 191
Конго (Заире), река 6, 20, 63, 69, 140
Конго (Маниконго), государство 21,
66, 140, 142, 167
Константинополь 86—88, 233
Корея 300
Северная Корея 22
Коромандельский берег 97
Кохинхина 193
Кочин 224, 244, 255, 262, 263, 274,
275, 277, 288, 289, 291, 297
Кошалин 77
Красное море 87, 88, 92—95, 98, 101,
105, 106, 108, 118, 188, 192, 204, 243,
275, 285
Крит 51
Кросс 63
Куилон 274
Кусейр 87

- Лагуш 39, 46, 49, 121
 Ла-Манш 8
 Ламегу 102—104
 Лансароте 12
 Левант 37, 38, 85, 86, 90, 111
 Лейрия 117
 Леньяме см. Мадейра
 Леон 30
 Либерия см. Перечный берег
 Лиссабон 7, 14, 39, 42, 53, 58, 60, 63, 66, 68, 71, 73, 77, 83, 84, 101, 102, 104, 105, 111—113, 117, 126, 130, 134, 136, 143, 144, 149—152, 154, 157, 158, 169, 185, 212, 221, 224, 227—230, 235, 236, 239, 245—249, 251, 253, 255, 257, 264, 265, 267, 268, 270—272, 274, 285, 287, 293, 296, 298, 301, 306
 Ломбардия 77
 Лузитания 255, 265
 Лукка 84
 Лумиара 72
 Луны остров см. Мадагаскар
 Магелланов пролив 18
 Магриб-аль-Акса 80
 Магриб-эль-Ансет 80
 Мадагаскар (остров Луны, Джезир-эль-Комр) 101, 104, 172, 243
 Мадейра 4, 9, 13, 44, 52
 Мадрас 198, 280
 Макао 126
 Малабар 94, 190, 191, 198, 202
 Малабарский берег 96, 98, 100, 191, 193, 198, 200, 202—205, 239, 244, 274, 282
 Малайя 98, 173, 192, 275
 Малакка 18, 61, 94, 97, 98, 105, 193, 204, 244, 265, 277, 306
 Малая Армения 87
 Мали 53
 Малибар 191
 Малинди 6, 185—189, 192, 206, 225, 226, 243, 258
 Мальорка 10, 36, 51, 59
 Мальта 85
 Марокко 8, 45, 60, 61, 80, 113, 130, 204
 Маскат 99, 105
 Массауа 110
 Медина 106, 258
 Медная река 168
 Мекка 92, 95, 97, 106, 188, 193, 213, 258, 259
 Мексика 19, 128
 Менам 95
 Мина (Сан-Жоржи-да-Мина, Эльмина) 14, 61, 66, 73, 136, 160, 255
 Могадшо (Магадошу) 225
 Мозамбик 6, 142, 143, 172, 175—179, 181, 183, 185, 214, 226, 243, 245, 253, 256, 257, 263, 285, 287
 Мозамбикский пролив 168, 171
 Молуккские острова («Пряные») 18, 19, 75, 97, 268, 271, 279
 Момбаса 6, 181—185, 214, 226
 Мономотапа 255
 Монтемор 301
 Монтемор-у-Нову 117, 149, 150, 157
 Моншики 128
 Моссел-Бей (Сан-Браш, Сент-Блез) 69, 165
 «Нан» 13, 20
 Натал 167
 Неаполь 85
 Неджд 187
 Нейпир Брум 60
 Непал 195
 Нигер 33
 Нигерия 33, 64
 Нидерланды 130, 248, 252
 Низа 266, 267
 Нил 64, 86, 87, 204
 Новая Гвинея 60
 Новая Мексика 128
 Нормандия 38
 Нубия 87
 «Область Южных рек» 9, 57
 Оксфорд 144
 Оловянный остров 128
 Оман 99, 105, 174, 279
 Оманский залив 187
 Оперто см. Порту
 Оран 33, 80
 Ормуз 87, 89, 94, 96, 99, 100, 102, 103, 105, 106, 204, 270, 275, 276, 278, 279
 Ост-Индия 23, 87, 169, 191, 252, 256
 Османская империя 233
 Падран, мыс см. Пунта-да-Падран
 Палестина 75, 203, 224, 294
 Палмаш (Пальм), мыс 57
 Памир 53
 Пандарани 209, 216, 218
 Пегу 97, 98
 «Перечный берег» 9, 57, 61
 Персидский залив 99, 105, 118, 275, 277, 279
 Персия 99, 105, 172—176, 192, 203, 235, 253, 270, 271, 275, 279

- Пессигейру 128
 Пиренейский полуостров 15, 68, 78, 84,
 113, 182
 Познань 224
 Польша 224
 Поморская Швейцария 77
 Поморье 77
 Понда 142
 Поннани 209
 Попелау (Поплов) 77, 151
 Порденоне 4
 Порту (Опорто, Портус-Кале) 7, 30,
 58, 130, 134, 137, 273
 Португалия 7, 8, 11—13, 15—17, 19,
 20, 28, 30—33, 36, 37, 39, 40, 44—
 46, 49, 50, 55, 57—64, 66, 68, 69, 71,
 73, 74, 76—78, 80—84, 89, 101—103,
 106, 108—111, 113, 114, 116—118,
 126, 128, 129, 133, 135, 137, 144, 146,
 147, 150, 152, 158, 160, 168, 171,
 180—182, 207, 210—212, 216, 218—
 221, 224—229, 231, 233—235, 239,
 240, 242, 243, 245, 253—256, 259,
 263—265, 267, 270—274, 276, 278,
 280, 281—283, 285, 288—292, 295,
 300, 301, 304, 305
 Порту-Дала 255
 Порту-да-Прая 160
 Порту-Санта 9
 Прая-ду-Норти 128
 Принсипи 9, 59, 73
 Пунта-да-Падран 63

 Рим 15, 16, 27, 88, 210, 230, 234
 Рио-де-Оро (Золотая река) 44, 160
 Рипузера 51
 Риу-Гравди 56
 Риу-ди-Инфанти (Большая Рыбная
 река) 71
 Риу-ду-Падран 63
 Риу-ду-Рижгати 73
 Риштеллу (Белен) 73, 154, 159, 229,
 236, 248, 292, 294, 297
 Родезия 53
 Родос 85, 86, 89
 Роза 229

 Сабу 185
 Сагриш 39
 Сал 160
 Саламанка 39, 147
 Сан-Браш см. Моссел-Бей
 Сан-Висенти 39, 51, 126, 128
 Сан-Висенти-ду-Габа 47
 Сан-Домингуш 128
 Сан-Жоржи, остров 179, 181, 226
 Сан-Жоржи-да-Мина см. Мина
 Сан-Рафаэл, Мель 226
 Санта-Круш см. Бразилия
 Санта-Мария 63, 222, 258
 Сантарен 81, 84
 Сантиагу (Берг-ривер) 160, 162, 227
 Сан-Томе 9
 Сарагоса 19
 Сахара, пустыня 33, 51, 53
 Западная Сахара 20
 Св. Елена, залив 162
 Св. Елена, остров 247
 Северное море 8
 Севилья 79, 207
 Седжуйя 271
 Сенегал 33, 49, 50, 57
 Сенегамбия 58
 Сент-Блез см. Моссел-Бей
 Сент-Катерин 20, 60, 63
 Серкал 128
 Серра-ла-Эштрела 102
 Сетубал 77, 115, 136, 137, 139
 Сеута 8, 33, 36, 38, 45
 Сиам 95, 98
 Сидней 60
 Силвиш 130, 235
 Синай (Джебел-Муса), гора 93
 Синай, полуостров 87, 106
 Синд 271
 Синиш 124, 126, 128—132, 135, 136,
 237, 238, 265—269
 Синтра (Серра-ди-Синтра) 154, 229
 Сирия 87, 105, 203
 Сицилия 43
 Сокотра 94, 100, 195
 Соломоновы острова 40
 Сомали 101, 243
 Софала 87, 100, 101, 103, 104, 175, 243,
 245, 255—257
 Сохар 99
 Средиземноморье 85, 86
 Средиземное море 8, 31, 36, 85, 130,
 233, 304
 Столовая бухта 275
 Столовая гора 72
 Суакин 93
 Судан 87
 Суматра 98, 274
 Суэц 92, 204, 232
 Суэцкий канал 232
 США 22, 47, 128, 147, 161
 Сьерра-Леоне 9, 51, 57, 59, 160

 Таиланд 203
 Танганьика 188, 256
 Танжер 36, 45, 56, 83, 115, 136
 Тежу (Тахо) 14, 42, 68, 73, 112, 114,
 123, 126, 150, 154—157, 161, 227,

- 229, 233, 245, 248, 251, 254, 264, 268,
271, 285, 293
Тенассерим 98
Тернате 75
Терра-да-Боа-Женти 167
Терсейра 227—229
Техас 25, 26
Тидор 19
Тимбукту 33, 51
Тимор 271
Тир 93
Тихий океан 18, 19, 40
Тлемсен 80, 92
Тор 79, 87, 92, 93, 101, 106
Трапезунд 204
Тумар 265
Тунгабадра 96
Тунис 78, 80, 203
Турция 174
- Утгар-Прадеш 196
- Фернандо-По 9
Феррара 299
Фес 80, 92, 151
Филиппины 19, 22, 185
Фландрия 38, 51, 61, 98, 253
Флоренция 151, 299
Фолс-Бей 165
Формоза 97
- Франция 77, 79, 85, 115, 130, 136,
137, 207, 226
- Хадрамаут 99, 105
Хорив 93
- Цейлон 53, 61, 87, 97, 192, 194, 197
- Чаул 286
Черное море 88
Черный материк 87, 174
«Чюнедар» 96
- Шамушка 301
- Эвора («Юлианская крепость», Эбо-
ра) 113, 115, 116, 131—135, 149,
238, 251, 267—269, 284, 301
Элатур 210
Элваш 18
Эльмина см. Мина
Эстремадура 113
Эфиопия 13, 72, 84, 94, 95, 101, 107,
108, 110, 151, 235, 306
Эш-Шихр 99
- Южно-Африканский Союз 116
Южно-Китайское море 40
Южный материк 61
- Ява 98
Япония 40, 91

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абд-эр-Раззак 196
 Августин («святой») 77
 Авиценна (Ибн-Сина) 203
 Авраам, рабби 102, 103, 105, 106
 Авраам Закуто 39, 82, 147
 Адорно, Иеронимо 98
 Азамбужа, Диогу д' 66, 160
 Азиведу, Алтону да Миранда д' 285
 Азураара (ди Зурара), Гомиш Ианиш 3, 5, 36, 44—48, 73
 Аيي, Пьер д' (Аллиак Петр) 73
 Аксельсон, Эрик 53
 Албиргария, Лопу Суариш ди 277, 279
 Албукерки, Аффонсу д' 22, 100, 140, 142, 275—279
 Албукерки, Браш ди 278
 Алвариш, Гонсалу 63, 85, 140, 164
 Алвариш, Фернанду 85
 Алвариш, Франсишку 80, 84, 88, 100, 103, 104, 106—111
 Александр (царь Эфиопии) 107, 108
 Александр VI Борджа (Родриго Борха), римский папа 15, 114, 230, 299
 Александр Македонский 45, 232, 254
 Александров, В. 96
 Аленкер, Перу д' 10, 11, 66, 68, 140, 162, 165
 Аллиак Петр см. Аيي
 Алмейда, Франсишку д' 22, 184, 274, 275, 280
 Алсакова, Перу ди 83
 Альфонс VI 30
 Амда Сион 107
 Амиан Марцеллин 53
 Араган см. Тейшейра ди Араган
 Аристотель 203
 Атайди, Алвару ди (сын Гамы) 238, 306
 Атайди, Алвару ди (тесть Гамы) 238
 Атайди, Изабелла ди (дочь Гамы) 238, 306
 Атайди, Катарина ди (жена Гамы) 238, 295, 306
 Аффайтато, Франческо 253
 Аффонсу (сын Жуана II, короля) 113, 114
 Аффонсу III 130
 Аффонсу V «Африканский» 8, 40, 60, 61, 76, 80, 130, 131, 138, 235, 300
 Аффонсу Мартин 142, 167
 Аффонсу Эрикиш 134
 Балдаия 44
 Баллард 304
 Балтазар 243
 Барбоза, Дуарти 185
 Барлоу, Роджер 50, 191, 192, 265
 Барруш, Жуан 45, 61, 68, 71, 78, 144, 146, 150, 156, 169, 256
 Баттел, Эндрыо 69
 Бежа, герцог см. Мануэл «Счастли-
 вый»
 Беньино, Матео ди 253
 Бернар, О. 52
 Берриуш 122
 Бертон, Ричард Френсис 188
 Бехайм, Мартин (Бохемус) 83, 146
 Боавняжен, Мартин Ианиш 60
 Борджа, Родриго см. Александр VI
 Борджа, Чезаре см. Валентино
 Брага, Алвару ди 141, 217
 Браганса, Жайми (герцог) 268, 271
 Браганса, Жуан 117
 Браганса, Фернан (герцог) 115, 133
 Бриту, Антониу 18
 Бриту, Руй Мендиш ди (Джованни Буонаграция) 253, 258
 Брюс, Джемс 93
 Бугенвиль 40
 Бургундский, герцог 79
 Бути, да 145
 Бэкон, Роджер 144, 145
 Валентино (Борджа, Чезаре), герцог 299
 Вартема, Лодовико 4
 Василий Великий 27
 Вера, Жуан ди 261
 Веспуччи, Америго 5
 Видигейра, граф (внук Гамы) 280
 Видигейра, граф Томаш (потомок Гамы) 293
 Визеу, Диогу (герцог) 115
 Визинью, Жузе (Мойзиш) 81, 83, 146, 147

- Визинью, Родригу 146
 Вилозу, Аффонсу 170
 Вилозу, Гашпар 53
 Вилозу, Фернан 163, 164
 Вильягаш, Ортиш ди 153
 Висенти, Жил 206, 272
- Галван, Антониу 75
 Галван, Жуан А. Л. 296
 Гален 203
 Гама, Айриш да (брат Гамы) 130, 238
 Гама, Алвару Анниш да (предок Гамы) 130
 Гама, Васко да 3—6, 11, 14, 22—26, 59, 63, 66, 69, 74, 75, 96, 101, 105, 106, 111, 123—126, 129—147, 149—168, 170—173, 175—192, 201, 203, 205—207, 209—243, 247, 248, 251, 252, 254—270, 273, 275, 280, 283—288, 290—306
 Гама, Гашпар да (Гашпар да Индиа) 224, 232, 245, 255
 Гама, Жуан да (дядя Гамы) 266
 Гама, Иштаван да (племянник Гамы) 251, 253, 254, 258, 259
 Гама, Иштеван да (отец Гамы) 130, 137, 138
 Гама, Иштеван да (сын Гамы) 238, 284, 306
 Гама, Криштован да (сын Гамы) 238, 306
 Гама, Мигел да (внук Гамы) 291
 Гама, Паула да (брат Гамы) 5, 130, 137, 139, 140, 150, 154, 163, 164, 170, 171, 179, 181, 183, 210, 216, 217, 223, 226, 227, 229, 302
 Гама, Паулу да (сын Гамы) 238, 284, 306
 Гама, Тереза да (сестра Гамы) 130, 238
 Гама, Франсишку да (внук Гамы) 296, 298
 Гама, Франсишку да (сын Гамы) 238, 290, 306
 Гаррис, Энни 26
 Гарруа, Ж. П. 175
 Гашпар да Индиа см. Гама, Гашпар да
 Генрих Бургундский (граф Португальский) 30
 Генрих IV Ланкастерский 33
 Генрих VIII Тюдор 27
 Генрих Мореплаватель 3, 5, 8, 9, 12, 33, 36—42, 44, 45, 47—49, 51, 56, 58—61, 76, 82, 97, 116, 118, 152, 154, 156, 157, 189, 212, 236, 239, 278
 Герасимов, Дмитрий 27
 Геркулес I д'Эсте 299
 Геродот 52, 243
 Герра-Жункейру 65
 Гоиш, Дамиан ди 14, 117, 142, 270
 Гольдберг, Н. 96
 Гомиш, Диогу 58
 Гомиш, Жуан 110
 Гомиш, Фернан 9, 60—62
 Гонсалвиш, Антан 44
 Гонт, Джон (герцог Ланкастерский) 33, 76, 256
 Грандини, Томмазо 110
 Грегу, Жуан 68
 Гринли, Уильям Брукс 242, 246
 Гюммерих, Франц 23, 161, 176
- Давид (Лебна Деигель) 109, 110
 Данте 144, 145
 Деваки Гаури (Мари, Мариамма) 211
 Джейн 276
 Диаш (Диаш ди Новаиш), Бартоломеу 3—6, 9—11, 14, 17, 59, 63—66, 69—75, 112, 116—119, 123, 124, 135, 140, 141, 143, 148, 160, 162, 165—167, 189, 232, 241, 242, 300, 303
 Диаш, Диниш 49, 65
 Диаш, Диогу 68, 74, 141, 217—220, 243
 Диаш, Жуан 65
 Диниш 17, 42, 152
 Дрейк, Френсис 72
 Дуарти (король) 36, 132
- Жакоме, мастер см. Крешкиш, Иегуда
 Жил, Жузе 292
 Жиралду 134
 Жоржи (сын Жуана II) 114
 Жуан I 33
 Жуан II 5, 10—15, 39, 62—64, 66, 68, 72, 74, 76—84, 96, 97, 99, 101—108, 111, 112—118, 133, 136, 137, 139, 144, 146, 147, 149, 153, 157, 189, 212, 235—237, 240, 266, 267, 271, 299
 Жуан III 18, 84, 231, 237, 266, 267, 269, 271, 282, 284, 286, 291, 306
 Жузе см. Визинью
- Закуто см. Авраам Закуто
 Зурара см. Азурара
- Иби-Баттута (Абу-Абдаллах-Мухаммед) 56

- Ибн Маджид (Ахмед ибн Маджид, Сихаб-дин Ахмед ибн Маджид бин Мухамед бин Амр бин Фадл бин Дувик бин Али ар Ракаиб ан Наджи) 187—189
- Ибн-Юнус 147
- Ибрагим 256
- Иезекииль («пророк») 93
- Изабелла (королева Кастилии) 13, 14, 79, 80, 113, 136
- Изабелла (дочь королей Фердинанда и Изабеллы) 113
- Индиа, Гашпар да см. Гама, Гашпар
- Инфанти, Жуан 68, 71, 117
- Иоани Перусалимский 85
- Иоани, священник (легендарный царь) 36, 64, 69, 76, 78, 79, 81—83, 92, 95, 103, 106—110, 152, 178
- Иордан (монах) 4
- Иосиф из Ламегу 102, 104—106
- Ишкола, Перу ди 63, 140, 141
- Кабот, Себастиан 149
- Кабрал, Педру Алвариш 11, 22, 60, 74, 140, 141, 143, 185, 221, 224, 226, 239—247, 255, 256, 259, 261, 274, 300, 303
- Кавальканти, Гвидо 144
- Кадамосто (Альвизе да Мосто, Альвизе да Ка'да Мосто) 3, 4, 9, 51—58
- Кадамосто, Антонио 51
- Казимир IV Ягеллончик (король Польский, великий князь Литовский) 224
- Каликст III (римский папа) 13
- Калсадила 83
- Ка Мессер, Лунардо да 224, 267
- Камознс, Луиш ди 28, 42, 76, 112, 140, 142, 154, 160, 222, 232, 236, 247, 286, 293, 294, 297, 298, 305
- Кан, Диогу 3, 6, 9, 13, 14, 21, 62, 63, 68, 74, 146, 148
- Кантино, Альберто 254
- Карл I (король Испании) 19, 267
- Карлейль, Томас 303
- Каштаньеда, Фернан Лопиш 24, 104, 106, 121, 137, 247, 257, 259, 261
- Каштру, Антониу Дамазу ди 292
- Каштру, Жуан ди 273
- Каштру, Рафаэл ди 293
- Клемент V (римский папа) 38, 152
- Клемент VII (римский папа) 27
- Ковильян, Педру ди 144
- Ковильян, Перу ди 4, 64, 76, 79—86, 88—90, 92—112, 114, 153, 242
- Коимбра, Жуан ди 24, 140, 180, 181
- Коимбрский герцог 237, 271
- Колумб, Христофор 6, 14, 15, 17, 18, 28, 39, 59, 65, 72, 73, 83, 114, 122, 123, 144, 147, 232, 233, 267, 297, 302—305
- Конди Фикалью см. Меллу
- Константин I (римский император) 86
- Конти, Никколо 4
- Кордейру, Лусиану 296, 297
- Корреа, Айриш 121
- Корреа, Гашпар ди 24, 79, 83, 107, 109, 110, 117, 123, 126, 138, 139, 142—144, 149, 177, 181, 207, 262, 285, 286, 288, 289, 297, 298, 305
- Корреа, Диогу Фернандиш 259
- Коррейа, Айриш 241, 244
- Кортес, Эрнан 297
- Кортириал, Гашпар 4
- Кортириал, Мигел 4
- Кошта, Жоржи да 210, 224, 230, 235, 265, 266
- Козэлю, Пиколау 140, 163, 164, 172, 177, 179, 180, 210, 216, 217, 223, 227—229, 235, 241
- Крачковский, И. Ю. 187
- Кретико, Джованни Маттео 245
- Крешкин Иегуда (мастер Жакомс) 39, 59
- Кришна 211
- Куат-бей 90
- Куласу, Фернан 72
- Кунья, Триштан да 274
- Лансароти 45, 47, 49, 50
- Латиши, Брунетто 144
- Лейтан 66
- Лемуш 136
- Ленкаштри, Жоржи ди 237
- Леоне, Николо Бианка 108
- Леонора (королева португальская) 114—116, 132
- Ли 27
- Лима, Родригу ди 84, 110, 111
- Липсхотен, Ян Хейген ван 191, 256
- Лоайса, Гарсиа 19
- Лопиш, Томе 253, 258, 260, 262
- Лоуренсу, Фернан 122
- Луиш (сын короля Мануэла) 150, 294
- Лука Марк 144
- Луш Суриану, Симан Жузэ да 297
- Людвик XI 79, 115
- Магеллан 72, 185, 264, 267, 268, 303, 304
- Магомет («пророк») 88, 180, 258, 260

- Макиавелли 115
 Макробий 43
 Малиньеро, Доменико 60
 Малочелло, Ланчелот 12
 Мальорким, Гашпар 285
 Мануэл «Счастливый» 5, 14, 21, 23, 25, 53, 81, 98, 105, 112, 114, 116—118, 122—124, 135—144, 148—151, 157, 158, 181, 189, 209, 210, 212, 214, 221, 224, 229—232, 235—337, 239, 240, 242, 247, 248, 253, 255, 256, 258, 265—271, 274, 275, 278, 279, 281, 282, 299, 301, 302, 306
 Мариньолли, Джованни 4
 Мария Вифлеемская («святая») 154
 Маркиони, Бартоломо 84, 85, 242
 Маркс, К. 248, 300
 Марло 191
 Мартин V (римский папа) 13, 156
 Мартинш, Алвару 68
 Мартинш, Афонсу 182
 Мартинш, Фернан 142, 176, 209, 214
 Махмуд Бальмахи II 99
 Машаду, Жуан 142, 143, 181
 Медичи (дом) 85, 248
 Медичи, Козимо 85, 88
 Меллу, Франсишку Мануэл Карлуш (Конди Фикальи) 96
 Менданья де Нейра 40
 Мендонса, Анна ди 266
 Мигел (король Португалии) 292
 Минезиш, Диогу да Силва ди 229
 Минезиш, Дуарти ди 279, 288
 Минезиш, Жоржи 60
 Моисей («пророк») 75
 Мокё, Жаң 169, 170
 Монсайди (Алонсо Перес) 207, 209, 219, 220—222, 232, 241
 Монтаройю, Фернандо ди 255
 Монтекорвино (Монте-Корвино), Джованни 4, 194
 Монтерегиус (Региомонтан), Джон 146
 Монтериу 79
 Монтерройю, Перу ди 79
 Мосто см. Кадамосто
 Мохаммед Анкони 256
 Муза, Николо 110
 Мухаммед II 86, 87
 Мюллер, Иоганн см. Региомонтан
 Мюнцер, Иероним 78
 Наваррете 98
 Наод Нау (царь Эфиопии) 108, 109
 Наполеон Бонапарт 92
 Насирэддин 148
 Неграш, Родригу ди Педраш 81, 83
 Некам, Александр 144
 Низа 226, 294
 Никитин, Афанасий 4, 96, 285, 286
 Николаев, П. 145
 Николай из Попелаяу 77, 78, 151
 Николай V (римский папа) 13, 40
 Нова, Жуан да 247
 Нуниш, Гонсалу 141
 Нуниш, Жуан 142, 143, 207, 209
 Нуронья, Гарсия ди 130
 Нуронья, Инасиу ди 306
 Ньютон, Артур Персивал 305
 Обюссон, Пьер д' 85
 Одорико из Порденоне 4
 Омар I 203
 Орта, Гарсия да 264, 281
 Ортиш, Диогу 81, 83, 147, 242
 Осипов, А. 96
 Павел Иовий 27
 Пайва, Афонсу ди 79, 81, 83—86, 88, 89, 95, 101—103, 242
 Паредиш, Бартоломеу ди 86
 Педру (король Португалии) 166
 Перес, Алонсо см. Монсайди
 Перчас (Сэмюэл) 109, 144
 Пешель, О. 146
 Пий II (римский папа) 73
 Пина, Симои ди 74
 Пирейра, Диогу 289
 Пирейра, Дуарти Пашеку 59, 72, 73, 116, 241, 269
 Пириш, Томе 94
 Поло, Марко 4, 81, 99, 158, 191, 253, 297
 Понсе де Леон (род) 79
 Порту Алегри (граф) 229, 242
 Птолемей 34, 35, 37
 Раббе, Альфонс 273
 Равенштейн, Эрист Джордж 69
 Рамузио, Джованни Баттиста 23, 83, 100, 109, 253
 Региомонтан (Иоганн Мюллер) 146—148
 Реклю, Э. 189
 Рибейру, Жузе Силвестри 292
 Ризенди, Гарсия ди 66, 104, 113, 115, 136, 137, 271
 Ризенди, Жуан ди 130
 Ричард II 33
 Родригеш, Дамиан 143
 Родриго Борха см. Александр VI Борджа
 Родригу («мештри») 147
 Руге, С. 146

- Сааведра, Альваро 19
 Са Жуан да 141, 211, 227, 228, 235
 Садли, Фредерик (Херефорд) 130
 Саладин (Салах-ад-дин) 152
 Сан-Рафаэл («святой») 171
 Сансо, И. 273, 275
 Сант-Анна, Жузе Пирейра ди 295
 Санта-Рита, А.Ж.В. 228
 Сантьягу, Жуан ди 63, 68
 Санто-Стефано, Иеронимо ди 98
 Санутр, Марино 253
 Сасетти, Филиппо 170, 205
 Серниджи, Джироламо 224
 Сиди Али бин Хусейн 188
 Сиест IV (римский папа) 13
 Силва, Айриш Гомиш да 74
 Силва, Мария да 130, 238
 Силва, Педру да (сын Гамы) 238, 306
 Синдбад Мореход 256
 Синтра, Перу ди 9, 57
 Соуза, Гонсалу да 66, 140
 Соуза, Изабелла да 113
 Соуза, Луиш да 269
 Слик, Джон 188
 Суариш см. Албиргария Лопу Суариш ди
 Судре, Висенти (дядя Гамы) 251, 257, 262, 263
 Судре, Изабелла 130

 Талов, М. 28
 Тейшейра ди Араган 155, 161, 266, 292—297
 Тереса (дочь короля Альфонса VI) 30
 Тит Ливий 301
 Товит 171
 Торн, Роберт 27
 Торрес, Луис 60
 Тосканелли, Паоло 13
 Тревизан, Анджело 60
 Триштан, Нунью 44, 45, 49, 50
 Туар, Саншу ди 245
 Тэн, Иполит 301

 Узодимаре, Антоньотто 56
 Узориу, Жироимиу 155, 212

 Уиллс, Ричард 125
 Уинсор, Джустин 147
 Улисс (Одиссей) 110, 112

 Фалконбридж, Александр 49
 Фария-и-Соуза 298
 Фа Сянь 53
 Фердинанд «Католик» (король Испании) 14, 15, 80, 113, 136
 Фернадиш, Антониу 257
 Феррарский (герцог) 254
 Фигейру, Жуан 144
 Филипп II (король Испании) 19
 Филиппа Ланкастерская 33
 Фиске, Джон 145
 Фитч, Ралф 105
 Фома («святой») 98, 144, 280
 Фонсека, Алвару да 295, 296
 Фонсека, Жуан да 257
 Франсишку (граф Видигейра) 226
 Фрейри, Жилберту 31, 273
 Фридрих III Габсбург 78
 Фукидид 150

 Хаклюйт, Ричард 27, 149, 196, 235, 242
 Херефорд см. Садли Фредерик
 Ходжи-Касим 259
 Хуана «Бельтранеха» 79

 Челлини, Бенвенуто 299
 Чираккала 261

 Шагаш, Жуан даш 295
 Шагаш, Мануэл Пиньейру 266
 Шампольон, Франсуа 92

 Эанниш, Жил 9, 44
 Энгельс, Ф. 248
 Энрике IV (король Испании) 79
 Эрики, принц см. Генрих Мореплаватель
 Эспиноса, Гонсало Гомес 18

 Юлий Цезарь 132
 Юстиниан 87

 Янц 60

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--------------------------------|----|
| Вступительная статья | 3 |
| Предисловие автора | 23 |
| Введение | 25 |

Пролог: Предтечи

| | |
|--|-----|
| <i>Глава первая.</i> Португалия | 29 |
| <i>Глава вторая.</i> Принц Генрих Мореплаватель | 33 |
| <i>Глава третья.</i> Первые походы в открытый океан | 42 |
| <i>Глава четвертая.</i> Бартоломеу Диаш и открытие мыса Доброй Надежды | 65 |
| <i>Глава пятая.</i> Миссия Перу ди Ковильяна | 76 |
| <i>Глава шестая.</i> Подготовка Армады | 113 |

Васко да Гама, главнокомандующий флотилией

| | |
|--|-----|
| <i>Глава седьмая.</i> Молодость Васко да Гамы | 127 |
| <i>Глава восьмая.</i> Команды кораблей | 140 |
| <i>Глава девятая.</i> Перед отплытием | 149 |
| <i>Глава десятая.</i> Отплытие флотилии | 154 |
| <i>Глава одиннадцатая.</i> Африка | 160 |
| <i>Глава двенадцатая.</i> Малабар и Каликут | 191 |
| <i>Глава тринадцатая.</i> Португальцы в Каликуте | 206 |
| <i>Глава четырнадцатая.</i> Обратный путь | 222 |
| <i>Глава пятнадцатая.</i> Возвращение Васко да Гамы | 229 |
| <i>Глава шестнадцатая.</i> Португалия, 1499—1502 годы | 235 |
| <i>Глава семнадцатая.</i> Плавание Педру Алвариша Кабрала | 239 |
| <i>Глава восемнадцатая.</i> Лиссабон в 1502 году | 247 |
| <i>Глава девятнадцатая.</i> Второе плавание Васко да Гамы | 252 |
| <i>Глава двадцатая.</i> Португалия, 1503—1524 годы | 265 |
| <i>Глава двадцать первая.</i> Индия, 1502—1524 годы | 273 |
| <i>Глава двадцать вторая.</i> Третье плавание Васко да Гамы. Васко да Гама — вице-король. Его смерть | 284 |

| | |
|--|-----|
| <i>Глава двадцать третья.</i> Место погребения Васко да Гамы | 291 |
| <i>Глава двадцать четвертая.</i> Васко да Гама как человек | 298 |
| <i>Глава двадцать пятая.</i> Роль Васко да Гамы и значение его открытия морского пути в Индию | 303 |
| <i>Дополнение.</i> Потомки Васко да Гамы | 306 |
| Библиография | 307 |
| Указатель географических названий | 318 |
| Указатель личных имен | 324 |

Г. Х а р т
МОРСКОЙ ПУТЬ
В ИНДИЮ

Редактор *М. К. ФЕДОРЕНКО*

Технический редактор
Е. С. Герасимова

Художник *Н. А. Муиц*

Корректоры *Н. А. Булгаков*
и *А. Ф. Алябьева*

Сдано в производство 15/VII 1954 г.
Подписано к печати 29/XI 1954 г.

А-07698. Бумага 60X92 1/16
10,7 бум. л., 21,5 печ. л., в т/ч. 3 вкл.
Уч.-издат. л. 22,8. Изд. № 11/2280.
Цена 15 р. 70 к. Зак. 4774.

Издательство иностранной
литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Типография «Коммунист», Таллин,
ул. Пикк, 2.

